

РкТ4(2)

15-74

ПРОФ. В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

РАСПРОСТРАНЕНИЕ
КУЛЬТУРЫ
НА ЗЕМЛЕ

ОСНОВЫ
ЭТНОГЕОГРАФИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1928

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шмфр./с P. T4(2). 57 1 нв. № ~4/1C''^f

Автор РБ. автор - Тан йз

Назва CL'C'ibju'JVJil'p ачание

Kyab w'Lu.p'Ots на земле.

Місце, рік видання . fi -fQ'JX

Кі-ть стор. 1/1/17 С; Табл., карт.

-\\- окр. лисв _____

-\\- ілюстрац _____

-\\- карт _____

-\\- схем _____

Том-----частина _____ вип _____

Конволют _____

Примі<а: /У, 0 2. ZCCx

11.07.85

2008

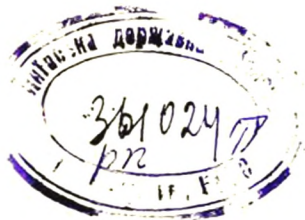
11.07 - 114376

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ЗЕМЛЕ

ОСНОВЫ ЭТНОГЕОГРАФИИ

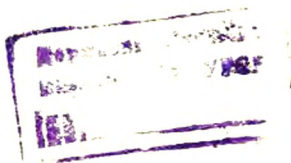
(десятью этногеографическими
картами)

Предисловие
С. И. КОВАЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

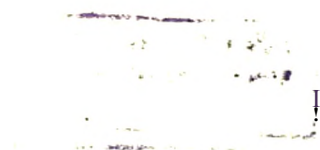
51 О С К 15 V 1 «28 ЛЕНИНГРАД

С, 40. Г/з it 2283? л.
Ленинградский Областлит N 50924.
193 л. Тираж 3X)С.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	ТГ.
Предисловие.....	5
От автора	27
Введение.....	29
Глава 1. Определение и классификация культуры.....	41
» 2. Методы изучения культуры.....	60
> 3. Ранние хозяйственные формы.....	72
> 4. Земледелие и скотоводство	79
- 5. Приручение животных и возделывание растений.....	90
! 6. Начало торговли	95
» 7. Географические предпосылки культуры.....	102
>> 8. Археологические, антропологические и историко-лингвистиче- ские источники этногеографии.....	111
- » 9. Этногеографические зоны.....	117
>> 10. Отдельные географические культуры	127
>> 11. Антропологические расы.....	144
» 12. Происхождение человеческого рода.....	163
■> 13. Переселение.....	186
■> 14. Язык I.....	200
» 15. Язык II.....	223
» 16. Культурные круги.....	244
» 17. От культкруга к мировому объединению	265
» 18. Мировое объединение	286
Библиография	304
Указатель.....	309

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга проф. В. Г. Богораза-Тана «Распространение культуры на земле» — очень яркая книга. Прежде всего, с методологической точки зрения интересна сама попытка построить историю культуры, как равнодействующую трех факторов: географического, антропологического и экономического. Такая попытка, по крайней мере, в сколько-нибудь последовательной и систематической форме, в литературе делается впервые. Затем, большую ценность представляют отдельные части книги. Таковы, напр., «Введение», главы: 3-я («Ранние хозяйственные формы»), 4-ая («Земледелие и скотоводство»), 6-ая («Начало торговли»), 9-ая («Этногеографические зоны»), 11-ая («Антропологические расы»). Очень живо написана глава 10-ая («Отдельные географические культуры»), хотя с ее методологическим подходом и нельзя согласиться. В этих главах много свежего материала, а там, где автор оперирует старыми фактами, он часто дает им новое и оригинальное истолкование. Вообще, в книге разбросано много интересных взглядов, и хотя далеко не все они являются бесспорными, однако, главная ценность их заключается в том, что они будят мысль и ставят новые проблемы.

Большой интерес представляют главы о языке (14-ая и 15-ая). Здесь дана сводка обширного материала, в некоторых своих частях вполне оригинального, — сводка, которая будет очень полезна для учащихся. Жаль только, что этот отдел носит чисто описательный и, главное, *статический* характер. С точки зрения этногеографии не менее важно было бы поставить проблему о *генетике* и *эволюции* языка. Что постановка такой проблемы и указание путей ее решения в данный момент вполне возможны, показывают блестящие достижения той самой яфетической теории, которую кратко излагает проф. Богораз (гл. 14, стр. 203 — 207). Нам кажется, что скептицизм автора в вопросе о происхождении языка («это показывает трудность оставить приемлемую, действительно научную теорию о природе языка», стр. 201) не оправдывается наличным состоянием науки и противоречит тому, о чем двумя страницами ниже говорит сам же проф. Богораз, излагая взгляды Нуаре и Марра.

Крупным достоинством книги проф. Богораза является ее язык: образный, выпуклый, живой, он представляет собой прекрасный образчик научно-художественной прозы. В этнографической литературе мало найдется описаний, равных по своей яркости изображению, напр., быта эскимосов или полинезийцев (гл. 10). В отдельных местах язык автора поднимается до истинного пафоса, и тогда его книга становится подлинной поэмой культуры, гимном человеческому труду, проникнутым бодрым оптимизмом и широким, свободным от предвзятых кастовых ученых, взглядом на вещи.

Однако, методологическая часть книги вызывает значительные возражения. Начнем с основного понятия «культуры», главнейшего объекта изучения этногеографии. В гл. 1, стр. 44, этому понятию дается следующее определение: «Культура—это есть *собрание* (курсив мой. С. К.) плодов коллективного труда, накопленный труд, человечества». Но это вовсе не единственное определение культуры, встречающееся в книге. «Человеческая культура,—говорит автор в другом месте,—является *силой* (курсив мой. С. К.), подобной различным другим существующим силам, физическим, химическим и геологическим» (стр. 27). Культура «излучается из общего центра», обладает «переменными токами», положительными и отрицательными, «притягательными и отталкивательными» (повсюду). Можно подумать даже, что культура уподобляется некоей материи: «Постепенно все пространство между двух культурных линий *заполняется культурой* (курсив мой. С. К.) и возникает широко-очерченное географическое культурное объединение» (гл. 16, стр. 251). Процесс распространения культуры имеет «геометрические формы»: существуют «культурные точки», культура распространяется по «линиям», по «концентрическим кругам» и по «эллипсам».

Наряду с признаками механическими и геометрическими автор наделяет культуру также свойствами чисто органическими. Культура, по его мнению, двуцентрична, причем эту двуцентричность можно понимать как *две полость*. Одна культурная ячейка играет роль мужского начала, другая — женского: «В самом начале своего развития,— говорит проф. Богораз,— они оплодотворяются разрывом своей этнической оболочки под насильственным внедрением другого этнического элемента и слияния этих двух культурных и этнических ячеек в одно общее целое. Этот процесс как бы аналогичен процессу органического оплодотворения» (гл. 16, стр. 248). Органический характер культур выражается в их «росте» и «агрессивности» (гл. 16, стр. 256), в том, что одни культуры имеют «творческий» характер, другие нет (гл. 10, стр. 130). Культуры иногда «замы-

каются в себя», окружают себя «защитною стеной». «Вино культуры бродит», «выливается наружу» (гл. 16, стр. 246 — 247).

Таким образом, для автора культура не есть только «собрание плодов коллективного труда», но некоторое системное, органическое целое, живущее самостоятельной жизнью и развивающееся по законам частью механическим или физико-химическим, частью — биологическим. Остановимся, прежде всего, на вопросе о границах применения термина «культура». Поскольку существует известная группа явлений, именно социальных явлений, которая противопоставляется «природе» в узком смысле, и нуждается для своего обозначения в некотором термине, таким термином без особого вреда может служить слово «культура». Но, употребляя его, нельзя ни на минуту забывать его *собирательного* характера. Культура, действительно, является «собранием плодов коллективного труда», — не больше и не меньше. Всякий раз, как мы хотим идти дальше в раскрытии положительного содержания этих «плодов коллективного труда», термин культура не только перестает нам служить, но оказывается прямо вредным. Действительно, объем понятия культуры в ее трех аспектах — материальном, социальном и духовном (терминология проф. Богораза, см. гл. 1) — целиком совпадает с объемом понятия «общественность» (беря это последнее в широком смысле): нет ни одного явления культуры, которое могло бы существовать вне общества, и, обратно, нет ни одного социального явления, которое не было бы, вместе с тем, и «культурным». Но в то время как термины «общество», «общественность» имеют вполне четкое содержание, понятие «культура» такой определенности не имеет. На протяжении многих веков человеческой мысли в него вкладывали самое различное содержание, в результате чего термин потерял всякую ясность, стал широким и аморфным.¹ Это открывает широкую возможность его идеалистического и метафизического истолкования (недавний пример такого истолкования мы имели, напр., у Шпенглера).,-

Особенно легко понятие культуры приводит к опасности *ипостазирования*, придания «культуре» признака некоего самостоятельного бытия, некоей «сущности». Этой опасности в полной мере подвергся и проф. Богораз. У него ипостазирование культуры идет настолько далеко, что она оказывается *противопоставленной обществу*: «Человек на земле должен не только при помощи культуры бороться с при-

¹ Ср., напр., значение его в таких выражениях, как «дворянская», «буржуазная», «пролетарская культура». Здесь смысл слова «культура» отчасти совпадает с самим содержанием той или другой общественной формации, отчасти подчеркивает специфический характер творчества различных классов.

родой; *он должен бороться и с самой культурой* (курсив мой. С. К.), вечно отвлекать ее от зла и направлять ее на благо» (гл. 12, стр. 178). Такая борьба вполне естественна с точки зрения проф. Богораз, поскольку для него культура есть нечто самодовлеющее и, к тому же, «в самом начале своем» связанное «с каким-то вырождением», запятнанное «первородным грехом» (там же). Вся эта метафизика в значительной мере является следствием основного допущения о бытии культуры, как самостоятельной силы.

Ипостазирование культуры приводит проф. Богораз еще к одной ошибке: к отрыву ее материального аспекта от социального и духовного. В то время как «материальная культура всегда рациональна» и «темпы ее развития . . . все же постоянно ощущимы» (стр. 46), социальная культура «кажется нам почти антирациональной» (стр. 52), а темпы (ее) развития . . . чрезвычайно медленны, итоги ее достижений ничтожны, и в этом она представляет *явную противоположность* (курсив мой. С. К.) культуре материальной» (стр. 52 — 53).

Здесь единый материально-социально-духовный процесс общественной эволюции совершенно искусственно разделен на два потока. При этом оказывается, что «социальная культура» и «социальный прогресс» понимаются и проф. Богоразом чрезвычайно узко, в форме, главным образом, *моральной культуры* и *морального прогресса* (стр. 53). С такой точки зрения «прогресс», действительно, невелик, так как до сих пор социальная эволюция протекала, главным образом, в формах *классового общества*, — обстоятельство, которое упускает из виду проф. Богораз. Если же термин «социальная культура» употреблять правильно, понимая под ним *степень развития производственных отношений*, то тогда противопоставление материальной и социальной культур лишается всякого фактического обоснования: между социальными отношениями первобытного и буржуазного общества разница не меньше, чем между каменными орудиями шельской эпохи и современными аппаратами.

Если говорить о системном, т. е. внутреннем, а не только внешнем единстве социальных явлений, то таким единством может быть только *общество*, но ни в коем случае не культура. Только конкретное общество, развившееся в определенном районе, связанное реальными, в первую голову хозяйственными, а затем и политическими и духовными связями, только одно оно есть действительная сила, только одно оно может возникать, развиваться, творить культурные ценности, гибнуть, завоевывать другие общества или, наоборот, быть завоеванным ими. Ибо только общество представляет реальную совокупность производственных отношений, реальную совокупность

идей и вещей, т. е. процессов-сил. «Культура» же такой реальной совокупности не представляет и в качестве лишь собирательного целого никакой творческой силой не обладает.

Что же касается таких употребительных выражений, как «средиземноморская», «европейская культура», то в них термин «культура» должен означать не что иное, как *тип общественного развития*.

В том или другом географическом районе, под влиянием его природных особенностей, с одной стороны, и всей совокупности исторических условий — с другой, в определенный момент развивается общественная жизнь либо в форме одного общества, либо в форме нескольких общественных организаций, которые, в конце концов, могут слиться в одну. Это развитие происходит в виде последовательной смены общественных формаций: родовой, феодальной, торгово-капиталистической и т. д. В другом районе в это же самое или в другое время развивается свое общество или свои общества, проделывающие в основном тот же самый путь развития, что и в первом районе, но с некоторыми местными особенностями, порожденными особыми условиями географической и исторической среды. Так возникает несколько основных типов общественного, т. е. хозяйственного, политического и духовного развития: средиземноморский, восточно-азиатский, западно-европейский и т. д. Вот эти-то типы развития мы и можем условно, для краткости обозначать словом «культура».

И как только мы станем понимать культуру как общественность в широком смысле, у нас исчезнут всякие искушения ее нпостазировать. Для нас станет совершенно ясным, что не может быть никакого противопоставления культуры — человеку, социальной и духовной культуры — культуре материальной, ибо все это — различные аспекты, различные стороны одного и того же явления — общественного процесса. И если люди, действительно, борются против культуры, то это борется не «человек» против «культуры» вообще, а один класс — против другого или одна общественность против другой.

Для нас станет также совершенно ясным, что *тип* общественного развития не может быть реальным, т. е. системным единством, — следовательно, не может, *как таковой*, воздействовать на другие типы развития. Могут быть, конечно, те или другие конкретные заимствования в областях технической или духовной, можно заимствовать учреждения, правовые и политические формы и т. д. Но, во-первых, заимствуются они лишь потому, что в том обществе, которое их заимствует, созрели условия, при которых такое заимствование стало возможным и нужным; а во-вторых, даже будучи заимствованы, новые институты всегда принимают специфически местную форму.

(Все сказанное, само собой разумеется, не исключает того факта, что **множественность** типов общественного развития, начиная с промышленно-капиталистической стадии, все больше превращается в **единство**, а **отдельные** общества все больше сливаются в **одно** общество.)

Ниже мы будем иметь возможность еще раз коснуться этой проблемы, а теперь перейдем к вопросу о том, насколько правильно понимание процесса общественной эволюции, как процесса биомеханического. Энгельс в отрывках своей неоконченной работы «Диалектика и естествознание» в совершенно ясной форме установил глубокое различие, существующее между группами явлений механических, химических, биологических и социальных: «Из этого же недоразумения,—говорит он,—вытекает яростное стремление свести все к механическому движению, чем смазывается специфический характер прочих форм движения. Этим не отрицается вовсе, что каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения, химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы, в каждом случае. Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу: но исчерпывается ли этим сущность движения?» («Архив К. Маркса и Фр. Энгельса», II, 1925 г., стр. 27—29.)

К этому же вопросу он возвращается в другом месте: «Итак, если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых ко **всем** телам, начиная с туманного пятна и кончая человеком, то нам остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии, — *vulgo* механическая теория теплоты. Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям, в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее зарождения до гибели, изменений, т. е. превращается в историю, **на каждой ступени которой господствуют другие законы** (курсив мой. С. К.), т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения» (там же, стр. 85).

Эти общие положения Энгельс иллюстрирует конкретным примером, взятым из области биологии, именно дарвиновским учением о борьбе за существование: «Животное, в лучшем случае, доходит до

собирация средств существования, человек же *производит* их, он добывает такие средства существования (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. *Это делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов охизни животных обществ на человеческое общество* (курсив мой. Е. К.)... Уже понимание истории, как ряда классовых битв, гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование» (там же, стр. 65).

Отсюда для нас вытекает методологическое следствие огромной важности: необходимо чрезвычайно осторожно относиться ко всяким попыткам трактовки социальных явлений по типу явлений механических или биологических, хотя бы эти попытки и носили характер только аналогии. Всякие аналогии в этой области чрезвычайно рискованны, ибо они совершенно незаметно могут увести исследователя на ложный путь. Социальные явления подчиняются своим собственным законам, а поэтому и общественные науки требуют своих собственных методов, собственных приемов исследования, далеко не всегда совпадающих с методами естествознания. «Человек», прежде всего, есть социальная категория, а не только зоологический вид. Можно, конечно, изучать его и с точки зрения чистого естествознания. Физиология и анатомия человека, антропология и пр. занимаются этим, как известно, не без успеха. Но это изучение ничего не может дать общественным наукам, кроме нескольких голых фактов (вроде, напр., того, что человеку нужно поглощать ежедневно такое-то количество жиров, белков и углеводов, что он нуждается в таком-то объеме воздуха, что люди по цвету кожи делятся на белых, желтых и черных и т. д.). Если общественные дисциплины и пользуются этими фактами, то они всегда истолковывают их в своих собственных целях и по собственным методам.

Посмотрим теперь, куда приводят проф. Богораза биологические сближения и аналогии. Для этого остановимся сначала на законе двуцентричности культур, о котором мы упоминали выше. Стремясь доказать, что возникновение и дальнейшее развитие культуры всегда связано с двумя центрами, один из которых является началом оплодотворяющим (мужским), а другой — оплодотворяемым (женским), он ссылается на большое количество исторических фактов. Здесь и Рим с его двумя общинами — латинской и сабинской, и Египет (Верхний и Нижний), и Киев времен Аскольда и Дира; здесь и «речные пары»: Тигр и Евфрат, Сыр-Дарья и Аму-Дарья, Гоанго и Янцекпанг, Инд и Ганг, Шельда и Рейн. Сена и Луара, Волга и Ока;

здесь и парные государства: Литва и Москва, Ассирия и Египет, Афины и Спарта, Македония и Персия, Рим и Парфия, Украина и Москва; здесь, наконец, целые парные культуры: египетская и месопотамская, мексиканская и перуанская, греческая и латинская, английская и американская (гл. 16 и 17). Однако все эти доказательства в тех случаях, когда они не базируются просто на исторических легендах (Аскольд и Дпр, латиняне и сабиняне), представляют произвольные сближения, произвольные выхватывания отдельных моментов из сложной сети взаимоотношений в угоду предвзятой теории.

Возьмем, напр., политические и культурные отношения в области Средиземноморья. На всем протяжении его истории эти отношения были настолько сложны и **многоцентричны**, что уложить их во что бы то ни стало в схему двуцентричности не представляется никакой возможности. Проф. Богоразу кажется очень убедительной двучленность Египта и Месопотамии (гл. 16, стр. 251 — 252; гл. 17, стр. 268). Но исторически было бы гораздо правильнее говорить не о двучленности, а о трехчленности: Крит-Египет-Вавилония, или даже четырехчленности: Крит-Египет-Хетты-Вавилония. Современная историческая наука давно отказалась от мысли об исключительном преобладании в древнейшей истории Востока только двух культурных центров: Нильского и Месопотамского. С каждым годом для нас становятся все более ясными мощные эгейские и хеттские влияния на всю историю восточного Средиземноморья. Точно так же обстоит дело с «двучленностью Афин и Спарты, вокруг соперничества которых долгое время вращалась политика Эллады» (гл. 17, стр. 268). В Греции международная обстановка в действительности была гораздо сложнее и далеко не ограничивалась борьбой этих двух государств. Помимо Афин и Спарты, большую роль играл, напр., Коринф, настолько большую, что даже Пелопоннесская война была вызвана не столько спартанско-афинским антагонизмом, сколько антагонизмом коринфско-афинским,¹ к которому надо присоединить еще влияние Персии, сделавшееся решающим во вторую половину войны. Таким образом, в момент наивысшего обострения противоречий в бассейне Эгейского моря в конце V века, эти противоречия выражались не в двучленной, а тоже в четырехчленной формуле: Афины-Коринф-Спарта-Персия. Я уже не говорю о таких общеизвестных фактах, как позднейшее участие Фив в международной поли-

¹ См. А. Т ю м е н е в, Очерки экономич. и социальной истории древней Греции, т. II, стр. 153 и сл.

тике Эллады, участие, чрезвычайно усложнившее и без того сложную картину политических отношений.

Вообще, этой двучленное™ либо совсем не существует, либо в тех случаях, когда мы встречаемся с примерами международных группировок и военных столкновений в форме группировок и столкновений **двух** враждебных коалиций, — мы имеем здесь очень простой факт технически наиболее целесообразной, а потому сознательной **концентрации сил**. Война 1914 — 1918 гг. была, как известно, борьбой держав Согласия (Антанты) с центрально-европейской коалицией. Однако было бы странно искать здесь какую-то двучленность. Сложный клубок империалистических противоречий, создавшийся в начале XX века, клубок, в котором переплелись антагонизмы англо-германские, франко-германские, англо-французские, русско-германские, русско-австрийские, англо-русские и т. д. и т. д., пытались разрубить войной. Эта война, конечно, не могла быть «войной всех против всех», но только дуэлью, как наиболее целесообразной формой борьбы. Стремительный империалистический рост Германии обусловил то, что, в первую голову, было необходимо обезвредить именно ее. Отсюда возник союз всех против Германии (Австрия, Болгария и Турция играли, как известно, роль лишь вторых скрипок). Но война не разрешила ни одного старого противоречия, создав десяток новых, среди которых антагонизм СССР и капиталистических государств является одним из основных (тоже «двучленность»!).

Может показаться, что подтверждением закона двучленности служит теория речных культур Каппа-Мечникова, развитая проф. Богоразом в теорию «парных рек» (гл. 16, стр. 250 и ел.). Однако, для обоснования этой теории у нас нет решительно никаких данных. Из того обстоятельства, что классовая (феодално-государственная) общественность возникла очень рано в плодородных долинах, вовсе не следует, что, во-первых, она возникала и может возникнуть **только** в речных долинах и что, во-вторых, эти реки должны быть непременно **парными**. А Критская островная культура, чрезвычайно высокая и по своей древности не уступающая египетской и вавилонской? А малоазиатские культуры? А культуры Центральной и Южной Америки? А Египетская культура, выросшая на берегах одной реки?

Коснемся еще одного примера безоговорочного переноса биологических понятий на область общественных явлений. Дело идет о так называемых «мутациях». Для проф. Богоразы нет разницы между мутацией и революцией (гл. 2, стр. 67 и ел.), тогда как на самом деле их необходимо различать. Революция есть всегда явление социально-политическое. Она представляет собой смену классов-

вых общественных формаций, — следовательно, может иметь место только в истории общества, и притом *классового* общества. Что же касается мутации, то это — понятие более широкое, обнимающее всякий переход количества в качество, всякий «скачок», независимо от того, совершается ли он в мире органическом или неорганическом, в природе или в обществе. Всякая революция есть мутация, но не всякая мутация есть революция. С этой точки зрения в истории материальной культуры, напр., могут быть мутации, но не может быть революций (стр. 68).

В силу этого смешения понятий проф. Богораз обозначает одним и тем же термином «мутации» самые разнообразные исторические явления. Так, наир., он сближает три мутационных «продвижения культуры с юга на север»: в эпоху Цезаря, Карла Великого и Петра (гл. 16, стр. 263 и сл.). И хотя им указывается, что «российская мутация была обширнее и глубине мутации германской», однако, сходство между ними идет все-таки настолько далеко, что даже «фигура Петра . . . физически напоминает германского Карла и притом ближе, чем думают». Помимо того, что проф. Богораз чрезвычайно преувеличивает значение германской и русской «мутаций», самое сближение их исторически и социологически неправильно. «Карл Великий, — говорит он, — . . . связал вместе все члены германской империи. . . и наполнил германскую империю культурным содержанием. Римское право и латинский язык проникли в Германию и одновременно возникла немецкая литература. Крупно-хозяйственные «виллы», поместья Карла Великого, стали зародышем позднейших городов, и для этих городов Карл привел с юга первые кадры искусных мастеров. . . и первые группы торговцев». При Петре «Россия одновременно создала армию, охранку и сенат и московских попов завязала синодским узлом, построила флот и заводы, организовала вывоз хлеба и прочего сырья, устроила литературу, интеллигенцию, политическую ссылку». Здесь полуварварская, чрезвычайно примитивная, плохо сколоченная и быстро развалившаяся «империя» Каролингов ставится на одну ступень с довольно развитым торгово-капиталистическим государством Петра (который, кстати сказать, был только завершителем революции, начавшейся задолго до него). Сходство заключается только в том, что и тут и там мы имеем «продвижение культуры» на север. Но это сходство чисто внешнее. «Продвижение» в обоих случаях носило совершенно иной характер и было порождено совершенно иными причинами. Скорее можно сближать «мутацию» Цезаря с «мутацией» Петра, ибо и тут и там мы имеем дело с экспансией торгового капитала, прочно

захватывавшего новые территории, тогда как в эпоху Карла происходило лишь временное ранне-феодалное объединение Западной Европы.

Вызывает сомнения и та схема «концентрического», ячеякового, полу-механического, полу-органического распространения культуры, которую рисует проф. Богораз. Процесс далеко не всегда протекает именно таким образом и обычно бывает гораздо сложнее. Это хорошо можно проследить на том же самом примере, который приводит автор в качестве типичного, — на примере римских завоеваний (гл. 16, стр. 245 и сл.). Эти последние далеко не всегда были распространителями культур. Такими они стали только начиная с I века до хр. эры. До этого же времени римские завоевания только объединяли политически бассейн Средиземного моря. Это политическое объединение, с одной стороны, само было продуктом уже существующего экономического и культурного единства Средиземья, а с другой, конечно, усиливало его. Только тогда, когда завоевания Рима, начиная с I века, вышли за рамки собственно Средиземья, можно говорить о распространении «греко-римской культуры до крайних пределов географического круга, в то время известного».

Вообще положение, выставленное проф. Богоразом, что «обычным процессом распространения культуры, особенно на ранней стадии ее мутационного развития и роста, является завоевание» (стр. 245), — нуждается в существенных оговорках. Значительная часть политических завоеваний аналогична римским завоеваниям, т. е. расширение культуры не столько является следствием завоевания, сколько, наоборот, завоевание является политическим продуктом происходящего экономического объединения данной территории. С этой точки зрения египетские и персидские завоевания, на которые указывает проф. Богораз, как на отличные от римских, ничем от них по существу не отличались. Никаких особых разрушений культурных ценностей они с собой не принесли и выполняли ту же функцию политического объединения обширного района, экономически и культурно уже в значительной мере объединенного, т. е. являлись **заключительной** стадией процесса, а не начальной.

Итак, мы видим, что широкое применение био-механических понятий, законов и аналогий часто приводит проф. Богораз к ошибочному истолкованию исторических фактов. Обратимся теперь к другому, методологически очень важному (особенно для «этно-географа»), вопросу: к вопросу о роли в истории «географического фактора». На этот счет марксизм имеет совершенно определенную точку зрения, которая особенно ясно формулирована Плехановым:

«Итак, свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил; развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений . . . Учение о влиянии географической среды на историческое развитие человечества часто сводилось к признанию *непосредственного* влияния «климата» на общественного человека: предполагалось, что одна «раса» становилась под влиянием «климата» свободолюбивой; другая — склонной терпеливо подчиняться власти более или менее деспотического монарха; третья — суеверной и потому зависимой от духовенства и т. п. Такой взгляд преобладал еще у Бокля. По Марксу географическая среда влияет на человека *через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды*» («Основные вопросы марксизма». СПб, 1908 г., стр. 39, 46 — 47).

В книге проф. Богораза есть ряд мест, которые могут возбудить большие сомнения относительно того, не склонен ли и он признать «непосредственное влияние «климата» на общественного человека». Такими местами особенно богата глава 10 («Отдельные географические культуры»). Вот, напр., характеристика физических и психических особенностей горцев: «Эти горные народы отличаются своеобразными свойствами. Физически — это люди статные, сильные, с хорошо развитыми легкими, сухим, мускулистым телом, выносливые к суровости горного климата, к бурям, холодам, к вечным опасностям от блуждания по узким тропам над обрывистыми пропастями... Горные народы отличаются неукротимую храбростью, любовью к независимости... В области материальной, социальной и духовной культуры горные народы являются чрезвычайно консервативными и упорно сохраняют весьма первобытные древние стадии или их явные остатки и следы» (стр. 128).

Все эти «свойства» горных народов нельзя выводить целиком и непосредственно из характера окружающего их географического ландшафта, как это склонен делать автор. Консерватизм, храбрость, любовь к независимости и проч. качества горцев объясняются, главным образом, примитивным уровнем социальных отношений — естественным продуктом экономической отсталости некоторых стран. Но эта последняя, в свою очередь, объясняется столько же географической изолированностью и замкнутостью горных ландшафтов, сколько общим влиянием исторических условий и окружающей их социальной среды. Швейцария и Кавказ одинаково являются гор

нымп странами; тем не менее уровень их экономического и социально-политического развития чрезвычайно различен.

А вот другой отрывок из той же гл. 10: «Тропикам и жаркому экватору принадлежит морская культура, тоже совершенная, но во многом диаметрально-противоположная полярной морской культуре. . . В отличие от эскимосов ее *предварительным условием и базой являемся личная телесная близость с водой* (курсив мой. С. К.)... Культура тропических морей развивает у населения смелую склонность к путешествиям... Пышная природа, обилие цветов, краски тропического моря, мягкий климат, постоянное купание и игры на песке и в волнах придают населению большое очарование» (стр. 134—136).

Говоря в гл. 12 о происхождении человека, проф. Богораз переоценивает непосредственное влияние географического фактора: «С открытым горизонтом лесостепи. . . связано, быть может, также изменение душевных настроений, замена лесной меланхолии счастливым и легким веселием. . . Вместе с открытым горизонтом, под такими же открытыми небесами, в созерцании заката и восхода, вероятно, родились поэзия, искусство. . .» (стр. 170).

Из всех этих отрывков действительно получается впечатление, что проф. Богораз выводит свойства того или другого народа, той или другой «расы» непосредственно из свойств окружающей географической среды. Из этого впечатление получается оттого, что он нигде вполне ясно не оговаривает, *при каких социальных условиях природа ■влияет именно в том, а не в другом направлении*. Ни один марксист не станет отрицать, что горный воздух или купание в море физически укрепляют человека. Но для того, чтобы человек мог дышать свежим горным воздухом или проводить полжизни в воде и на песчаном побережье, залитом солнцем, должна быть налицо совокупность известных общественных условий. Горная природа Швейцарии совершенно иначе «влияет» на ремесленника-кустара или рабочего, весь день прикованного к своему станку, чем на зажиточного крестьянина. Рабочие голландских, японских и американских плантаций, конечно, лишены изрядной доли того «очарования», которым отличаются остатки свободного населения Тихоокеанских островов, живущие в условиях до-капиталистической общественности.¹

Такой же методологической неясностью страдает точка зрения автора в этом вопросе и тогда, когда он, оставив область примитив-

¹ По существу, точка зрения, приводимая здесь проф. Богоразом, мало чем отличается от взглядов Бокля, развитых им в знаменитой книге «История цивилизации в Англии». См. особенно гл. II: «Влияние законов природы на устройство общества и характер отдельных лиц».

ных культур, переходит к анализу более сложных, чисто-исторических образований. И здесь одностороннее подчеркивание географического момента дает все основания упрекнуть автора в том, что называется «географическим фатализмом». Особенно интересно в этом отношении одно место книги. Автор говорит о начале «океанического периода» мировой истории: «На исходе средних веков географическое положение сделало на время мореходами открытого моря испанцев и португальцев, ибо они обитали на самом краю средиземья и вместе в океане. . . Тем не менее, несмотря на свои морские завоевания, на плавания Васко да Гама и Колумба, Кабраля, Альбукерка, Магеллана и многих других, испанцы с португальцами все-таки не стали настоящими мореходами. Со всеми своими заморскими колониями в Африке и Америке, в Индии и на островах, они все же остались при прежней сухопутно!) и даже захолустной культуре» (гл. 10, стр. 139 — 140).

Почему же испанцы и португальцы «не стали настоящими мореходами», а англичане ими стали? У проф. Богораза мы не найдем ответа на этот вопрос, ибо с его односторонне-географической точки зрения вопрос абсолютно не разрешим. Почему, действительно, именно испанцы и португальцы сделались пионерами колониальной политики, а не голландцы и англичане, хотя «географическое положение» этих последних ничуть не уступало первым? ¹ Почему Испания не удержала в своих руках мировой гегемонии, хотя ее «географическое положение» нисколько не изменилось в XVII в.? В действительности не только географическое положение вызвало великие открытия испанцев и португальцев XV—XVI вв. Оно, конечно, тоже сыграло свою роль, но не одно оно. *На ряду с ним необходимо принять во внимание всю совокупность внешних европейских отношений и внутреннего состояния Испании и Португалии конца XV в.* Тогда для нас станет ясным, что колониальная экспансия Пиренейского полуострова была порождена следующими причинами: 1) стремлением европейского (преимущественно нидерландско-итало-германского) торгового капитала установить прямые связи с дальневосточными рынками; 2) наличием в Испании и Португалии флота, военной организации и морских навыков, созданных, главным образом, на почве долгой борьбы, а отчасти и торговли

¹ Ираида, проф. Богораз указывает, что «помимо географического положения в данном случае влияли причины социальные и экономические». Но на деле эти причины оказываются чисто-политическими: объединение Испании и прекращение войн с маврами. Для выяснения сложной проблемы испано-португальской колониальной экспансии их совершенно недостаточно.

<• маврами; 3) только-что происшедшим в Испании переворотом, создавшим там единую абсолютную монархию; 4) большим количеством в Испании всякого беспокойного люда, главным образом, мелкого рыцарства, созданного процессом разложения феодализма и ставшего «безработным» после окончания в конце XV в. борьбы с маврами (эти авантюристы были прекрасным материалом для ранней фазы колониальной политики).

Как видим, собственно «географическое положение» играло здесь довольно скромную роль. Все великие открытия этой эпохи были сделаны европейским капиталом.

Но он избрал своим орудием сравнительно отсталые экономически Испанию и Португалию, ибо их внутреннее состояние и географическое положение были таковы, что сделать *первый шаг* для испанцев и португальцев было легче, чем для других народов Европы. Но когда этот шаг был сделан, когда колонии были захвачены и ограблены, когда нужно было переходить к их систематической эксплуатации, — для этого Испания и Португалия были, конечно, мало приспособлены. Колониальная политика только разорила их и низвела на ранг второстепенных держав, а их заморские владения перешли в руки других европейских народов, внутренние более сильных -- Голландии и Англии.

Точно так же необъяснимы для проф. Богораза такие, напр., факты, как слабое развитие культуры в районе Американского Средиземного моря (Караибского) ¹ или перенесение ее из теплых и умеренно-теплых областей земного шара в «туманную и студную область 55° — 60° северной широты».

Ошибочность, точнее односторонность географической точки зрения состоит в том, что она изолирует «общественного человека» от всей совокупности окружающих его условий и подчиняет его действию только одной группы факторов, именно факторов природных. Несомненно, что история человечества развивается не в отвлеченном пространстве, а в тех или иных районах земного шара, которые своими природными свойствами влияют на общее направление отдельных отрезков этой истории. Но, во-первых, это влияние осуществляется не непосредственно, а через посредство особой промежуточной и

¹ «Что море и большие реки,—говорит Кунов,—еще не порождают сами по себе судоходство и торговлю, достаточно доказывается примером Америки и Новой Голландии. Даже судоходство древне-американских культурных народов Центральной Америки и Перу в эпоху открытий еще не вышло из самого скромного, зачаточного состояния». (Сборник «Роль орудия к развитию человека», 1925 г., стр. 178)

среды, именно производительных сил;¹ а во-вторых, это влияние только самое *общее*: каждый данный момент истории любого народа определяется вовсе не его «географическим положением», но всей совокупностью условий внутренней и внешней *социальной* среды, т. е. иначе говоря, всей предыдущей историей как самого народа, так и его соседей.

На ряду с географическим моментом, «не менее важен, — говорит проф. Богораз, — и второй принцип распределения человечества по его основным частям, связанный с различной группировкой человеческих рас. Все человечество по цвету кожи и некоторым другим приводящим признакам можно разделить на три главных расы . . .» ит. д. (стр. 14's гл. 11). Насколько этот антропологический принцип, по мнению проф. Богораз, важен для этногеографии, показывает другой вариант только-что приведенного определения: «Рядом с распределением промышленности и торговли не менее важен и второй принцип распределения современного человечества, связанный с различной группировкой человеческих рас» (стр. 286, гл. 18). Здесь антропологический принцип непосредственно поставлен на одну доску с принципом экономическим. Правда, проф. Богораз сейчас же разъясняет, что для этногеографа раса не совсем то, чем она является для антрополога: «Во избежание недоразумений нужно указать, что дело идет не только об антропологических расах, различающихся физическими признаками, цветом кожи, волос и глаз, формой черепа и т. п. С этногеографической точки зрения раса представляет явление более сложное и не вполне совпадает с определенными физическими признаками. В определение расы, кроме физического типа, входит тип языка, тип культуры, наконец, взаимное культурное притяжение и отталкивание. Так, белая раса, помимо своих антропологических подразделений, распадается на два культурные мира, которые, хотя и родственны антропологически, проявляют огромное взаимное отталкивание. Западно-европейский христианский мир противопоставлен мусульманскому Востоку почти с расовой противоположностью. Индия тоже составляет особый

¹ Критикуя Фр. Ратцеля, Куной говорит: «С марксистской точки зрения, такая оценка так называемых природных влияний не является ошибочной, а только односторонней, поскольку она вырывает один фактор экономического процесса из его связи с двумя другими . . . Ошибка Ратцеля заключается в том, что так называемый географический фактор (он этого не видит) вовсе не «влияет» сам по себе, но лишь постольку, поскольку он становится одним из слагаемых в хозяйственном процессе, т. е. поскольку он связан с рабочей силой и техникой» (там же, стр. 177).

огромный культ-круг, сплетенный этнографически из различных антропологических элементов, темнокожего и светлого, но в общем объединенный взаимным притяжением и отталкиванием от Западной Европы» (там же).

Но если дело обстоит именно так, если решающим является момент «культурного притяжения и отталкивания», то позволительно поставить вопрос: какую же, собственно, роль играет здесь «расовый» признак? Если «белая раса» распадается на два враждебно-противопоставленных друг другу «культурных мира», то причем же здесь «раса» в смысле цвета кожи? Причем здесь, наконец, язык, если сам же проф. Богораз несколькими строками ниже заявляет: «Финно-угорскую группу народов по типу языка причисляют к урало-алтайской группе языков и на этом основании отчисляют ее от белой расы и причисляют к желтой, *несмотря на нею несообразность такого перечисления*» (курсив мой. С. К.)?

Здесь ряд противоречий, которые получились, главным образом, потому, что автор и здесь не разграничивает достаточно ясно две точки зрения, точки зрения двух различных дисциплин, имеющих дело с различными объектами и работающих различными методами: антропологии в узком смысле слова («антропологической зоологии» ио терминологии Н. Я. Марра) и социологии или истории, т. е. дисциплин биологической и общественной. Первая имеет дело с чисто «зоологическим» моментом и, конечно, ни «цвет кожи», ни «форма черепа» и пр. не имеют никакого отношения ни к языку, ни к племенным (т. е. социальным группировкам), ни к «культуре» вообще.¹ Вторая — оперирует с «общественным человеком», и для нее являются решающими моменты хозяйственный, классовый (политический) и т. и. Вот почему настоящий социолог (т. е. социолог-марксист) никогда не сказал бы, что «западно-европейский христианский мир противопоставлен мусульманскому Востоку почти с *расовой* (курсив мой. С. К.) противоположностью». Расовых противоположностей вообще не существует. Самое большее, о чем здесь можно говорить, это о противоположностях племенных, а точнее, о противоположностях классово-государственных. Если, в отдельных случаях, мы действительно можем установить некоторые следы «расовых» симпатий и антипатий, то всегда в таких случаях за ними лежит долгий

¹ См. Н. Я. М а р р, Происхождение американского человека и яфетическое языкознание, «Восточный Сборник», I, Л., 1926 г., стр. 177—178. (*м. также его статьи: «Основные достижения яфетической теории» и «О происхождении языка», в сборник. 'Г'по этапам различия яфетической теории», М.-Л.

период экономической или политической борьбы конкретных социальных группировок, входящих как основные группировки в состав этих «рас». Таковы, наир., «расовые» антагонизмы между «черными» и «белыми» в Америке, «белыми» и «желтыми» на Тихом океане и в Китае и т. д.

Это превалирование социального момента признает, впрочем, и сам проф. Богораз, когда он во главу угла ставит «культурные притяжения и отталкивания». Но эта точка зрения у него не выдержана, ибо все время «зоологический» принцип борется с социальным, откуда и вытекают все противоречия.

К тому же здесь снова на сцену является старый вопрос: насколько верны все эти «притяжения» и «отталкивания»? Какие такие «культурные» свойства «отталкивают», напр., «западно-европейский христианский мир» от «мусульманского Востока»? В этом отталкивании нет ничего самодовлеющего, ничего специфически «культурного», нет ничего, что бы не выросло исторически в процессе борьбы европейских и азиатских классово-государственных группировок. Арабы и греки, сарацины и крестоносцы, мавры и испанцы, турки и византийцы, португальцы и арабы, англичане и индусы, французы и берберы, англичане и турки — вот по каким противоположностям развивались исторически эти якобы «культурные» антагонизмы! Борьба восточных и западных феодалов, купцов и промышленников, борьба за передне-азиатские и средиземноморские пути, за сырьевые рынки Дальнего Востока, за плодородные долины Андалузии — вот, где исторически лежал и еще до сих пор лежит центр тяжести. «Культурные»-же антагонизмы вырастали уже потом, как «надстройки», значение которых сохраняло и сохраняет свою силу постольку, поскольку существовал и еще существует «базис». Само «мусульманство» исторически было не чем иным, как выражением этих социально-экономических, внешних и внутренних противоречий в районе Средиземноморья.

Точно так же трактовка проблемы будущих отношений между европейско-американской и африкано-азиатской группами народов с точки зрения «борьбы рас» («белые» и «цветные») является односторонней, а поэтому неверной (гл. 18, стр. 299 и сл.). Здесь совершенно не учтены, напр., реальнейшие возможности единого фронта европейско-американского и колониального пролетариата, одновременно и против иностранной и против *собственной* буржуазии (несмотря на то, что несколько выше автор допускает такую возможность, говоря о двух «лицах великих мировых столкновений, этническом и социальном») (стр. 299). А ведь это — возможности

завтрашнего дня, когда всякие внешние «расовые объединения» разлетятся вдребезги под напором внутренних, чисто-классовых противоречий." В отношениях, наир., между СССР и Востоком (Ближним и Дальним) расовые и культурные антагонизмы уже не играют почти никакой роли. — в особенности, если дело идет об основной массе крестьянского и рабочего населения восточных стран.

Впрочем, иногда проф. Богораз довольно близко подходит к правильному пониманию расовых взаимоотношений. Заявив, напр., что «в Соединенных штатах Северной Америки. . . белые социально отталкивают негров с непримиримой решительностью», он дальше указывает: «Негры и мулаты в Соединенных штатах принадлежат почти всецело к низшим классам. . . Таким образом, социальные и классовые различия подчеркивают и усиливают различия расовые» (гл. 18, стр. 288). Это было бы совсем хорошо, если бы, все-таки, «расовое отталкивание» не стояло на первом плане! В другом месте этой же главы (стр. 289) проф. Богораз еще ближе к истине, говоря, что «в современном человечестве взаимное отталкивание и борьба происходят по различным направлениям: 1) борьба классов; 2) борьба государств; 3) борьба различных национальностей... и, наконец, 4) борьба различных рас...». К сожалению, это место стоит особняком и мало вяжется со всеми остальными высказываниями автора.

Итак, все неясности и противоречия, которые встречаются в книге проф. Богораза, вытекают логически из основной методологической предпосылки, на которую мы указали в самом начале: из недостаточно-ясного отграничения общественных дисциплин от всех остальных. Является вопрос, не кроется ли это ошибочное допущение в самом существе той науки, *этногеографии*, которую пытается создать проф. Богораз? Нет ли в ней внутренних противоречий? Не стремится ли она соединить элементы, по существу несоединимые?

Посмотрим, как сам проф. Богораз определяет задачи и объем новой науки. «Термин этногеография. . . подчеркивает дальнейшее развитие рода «человек», разделение его на расы, народы, племена и включает всю совокупность культуры, созданной человеком на земле, во всем ее *историческом* и географическом разнообразии» (гл. 1, стр. 42). «Этногеография, занимаясь взаимоотношением человеческих масс на земле, значительную часть своего внимания должна отдавать многочисленным культурным народам. Пути первобытной культуры этногеография рассматривает только в историческом аспекте. . . Однако, и в истории и в современности этногео-

графил выделяет самые основные источники культуры, с одной стороны, ширину и богатство природы. . . с другой стороны, человеческую технику в самом широком смысле слова. . . **Распределение продуктов и богатств между различными классами** в пределах данной национальной и государственной организации и их географическое распределение между различными народами и странами, древнюю торговлю и древние торговые пути в их постепенном изменении и усложнении **вплоть до настоящего времени** (курсивы всюду мои. С. К.). Далее этногеография с особым вниманием изучает расселение народов по земле. . . взаимное проникновение народов, их борьбу и мирное смешение. . . Этногеография старается наметить важнейшие культурные комплексы, основные культ-круги. . . намечая на земле сложную сеть из взаимодействующих сплетений* начиная с древнейших времен» (гл. 1, стр. 58 — 59).

Здесь содержится чрезвычайно широкая программа, включающая в себя антропологию, этнографию, до-историю и историю в собственном смысле слова. И в этой широте, конечно. — главный источник слабости новой науки.

Когда проф. Богораз оперирует чисто-антропологическими явлениями и категориями, у него получается отчетливая и ясная картина, свободная от всяких противоречий; когда он имеет дело с примитивными общественными образованиями, тут вполне уместна его географическая точка зрения: **но когда он переходит к высшим социальным формациям, т. е. касается области истории, — тяжелый антропологический и «этногеографический» груз, висящий на ногах его исследовательского метода, с роковой, но логической неизбежностью тянет его вниз, в область зоологии и биологии, приводит его в столкновение с социологическими законами и историческими фактами.**

Переходя к историческому анализу, проф. Богораз продолжает оперировать все тем же биологическими понятиями, которые хорошо служили ему в нижнем этаже его здания, но совершенно перестают служить в верхних. И вместе с тем, он не желает брать у историков и социологов **их** методов, которые одни могли бы здесь оказать ему помощь. Так, напр., мы почти не видим, чтобы при анализе исторических явлений проф. Богораз воспользовался методом **классового** анализа. Даже империализм свободен у него от классового признака.¹

¹ Адепты этногеографии полагают, что это смешение различных точек зрения и составляет главные достоинства новой науки: «Этногеография пользуется одновременно методами общественными и естественными и это позволяет

Любопытно, что проф. Богораз сам чувствует методологическую шаткость своего этногеографического подхода к истории культуры. Рядом с тем определением этногеографии, которое мы приводили выше, у него есть другое, гораздо более узкое и на наш взгляд гораздо более правильное. «Таким образом, — говорит он на стр. 42, — этногеография есть этнография, взятая в ее географическом распространении, или, напротив того, это есть география с новым этнографическим наполнением». Здесь задачи новой науки гораздо скромнее, сводясь приблизительно, к задачам «антропogeографии» Фр. Ратцеля. Но напрасно проф. Богораз думает, что его последнее определение «примыкает к определению Э. Реклю»: «История есть география во времени, а география есть история в пространстве» (стр. 42). Это совершенно разные определения. Э. Реклю желает строить и действительно, худо ли хорошо ли, но построил *всемирную историю* на географическом базисе. Что же касается узкого определения проф. Богораза, то в нем дело идет лишь об *этнографии* на географическом базисе. Фактически в своей книге проф. Богораз в гораздо большей степени антрополог и этнограф, чем историк, т. е. фактически он понимает этногеографию скорее в духе узкого, чем широкого определения.

Идея той науки, которую проф. Богораз называет этногеографией (в широком определении) и которую он пытается создать, чрезвычайно своевременна. Проф. Богораз совершенно прав, говоря: «Именно в настоящее время, когда все взаимоотношения земного человечества явно приобретают международный характер, когда мировая политика, экономика, искусство, быт состоят из сплетения воздействий и вкладов многочисленных народов и племен . . . Когда выдвигаются вперед народы совершенно неизвестные . . ., — для того, чтобы разобраться в этом запутанном и сложном клубке названий и пестрых указаний,—необходима путеводная нить этногеографии» (стр. 42). Но такую науку я бы не назвал этногеографией. Этногеография всегда останется тем, что она есть и чем она *фактически* остается у проф. Богораза: этнографией и широких географических рамках. Для наших целей нужна другая наука: *правильно построенная всемирная история* типа, приблизительно, «Истории человечества» Гельмольта или «Человека и земли» Реклю, но с учетом всех новей-

ей охватить более широкий круг вопросов, относящихся к человеческому обществу и дать этим вопросам более правильное освещение». (З. Черняков, «Происхождение человечества в этногеографическом освещении», «Звезда», № 1 (7), 1925 г., стр. 209). Мы видели, какое «правильное освещение» получается, если допустить смешение различных методов!

шп.х достижений исторической методологии и огромного количества новых лингвистических, археологических и исторических фактов.

Размах современной экономики и политики далеко перерос те узкие европейские рамки, которые когда-то ставила себе история, и в которых она, к сожалению, в значительной мере остается и по-сейчас. Весь мир вовлечен теперь в мощный и бурный поток, в котором все больше и больше стираются прежние рамки рас и континентов. Европа теряет свое старое привилегированное положение. Рядом с ней, в качестве претендента на мировое господство, выступает Америка. Старые культурные народы Азии успешно борются за право национального существования. Пробуждается необъятная Африка. Проблемой теоретической науки, как и вопросом практической политики является сейчас построение единой и связной картины исторического развития всего человечества. Это будет именно **всемирная история**, построенная на широкой «отногеографической» базе,¹ по с привлечением **всех** факторов исторического процесса: развития производительных сил, классовой борьбы, борьбы за мировые торговые пути и мировые рынки, влияния социальной и исторической среды и т. д. Естественно, что такая история явится, вместе с тем, и социологией, поскольку своей целью она не будет ставить выяснение конкретно-изолированного факта, как такового, но лишь установление **типов общественного развития**. Такой истории у нас пока еще нет. Но она должна быть, и она будет. Не как результат индивидуального творчества, конечно, но как коллективная работа многих и многих групп исследователей.

С. Ковалев.

¹ Т. е. с учетом всего этнического и географического своеобразия в тех случаях, когда это своеобразие действительно является важным.

О Т А Н Т О I * А

Предлагаемая книга составляет изложение университетского курса, читанного в 1926 -- 1927 гг.

Стараясь установить общие основы распространения культуры на земле, автор исходил из того, что это распространение совершается на поверхности шара (земного) и происходит по различным путям -- т. е. по линиям. Таким образом этот процесс имеет геометрические формы и приходится устанавливать культурные зоны, культ-круги и культ-эллипсы, пояса нарастания культуры и линии ее распространения.

Далее, так как человеческая культура является силой, подобной различным другим существующим силам, физическим, химическим и геологическим, то было естественно ввести элемент динамический, говорить об излучении культуры из общего центра, о переменных токах культуры, положительных и отрицательных, об их взаимном притяжении и отталкивании, наконец, о медленном и постепенном или о прыжковом, мутационном, развитии культуры.

Новое углубление анализа приводит нас к биологическим и географическим элементам культуры, которая рождается из взаимодействия человеческой техники и психики, его физических и духовных возможностей и способностей и из естественных условий окружения данной страны и области.

Отсюда мы приходим к методическому рассмотрению форм и явлений культуры, к выделению элементов материальной и технической культуры, экономической культуры, социальной и духовной культуры.

При установлении методов исследования автор особо подчеркивает диалектический метод, который выявляется отчетливо в различных областях, как этнографии, так и этногеографии.

Автору пришлось разрабатывать научную область, сравнительно мало систематизированную, и он рассматривает свой труд, как первый опыт, как ряд этюдов различной углубленности и обработки.

Карты составлены З. Е. Черняковым; им же составлен список книг, рекомендуемых для чтения студентам.

В 15 К Д Ы Н П К

Наука о развитии и росте человеческой культуры на земле, в сущности говоря, находится еще в подготовительном периоде. Некоторые части ее еще не вышли из младенчества. Отдельные дисциплины не согласованы и часто противоречивы. Так, доисторическая археология не сходится с антропологией, а антропология не сходится с лингвистикой, как будет более подробно указано ниже. Социология утопает в схоластике и усиленно занимается терминологией, установкой названий и разграничений, что вообще представляет для науки интерес второстепенный и последующий.

В общем наука о развитии культуры находится еще в состоянии алхимии или астрологии, при котором немногие научные истины уходят в пучину предрассудков и научных суеверий.

В данном случае предрассудки вызываются прежде всего воздействием человеческих страстей и интересов, точнее говоря, страстей и интересов классовых. Ибо давно уже было сказано, что если бы Пифагорова теорема о суммах квадратов или даже положение о том, что «дважды два четыре» в чем-нибудь задевали установленные интересы, то нашлись бы могущественные классы и партии, которые бы страстно и злобно доказывали, что «дважды два пять». Отвергала же католическая церковь вращение земли, а протестантское ханжество в Америке осмеливается ныне, уже в послевоенную эпоху, наказывать великого Дарвина. Под влиянием страстей и интересов сомнительная теорема выдается за аксиому, недоказанное за доказанное, возникают один за другим научные каноны, имеющие в сущности библийский характер откровения, декрета свыше.

Бесстрастные статистические цифры и таблицы и целые ученые труды съеживаются и расширяются под действием человеческих интересов и страстей.

Взять, например, исчисления немцев и поляков в Познани в 1914 г. и в 1924 г. Цифры и взаимные пропорции разнятся до неприличия. Более старые данные эпохи германского владычества снижают численность поляков, более новые снижают численность немцев.

В Македонии, бывшей яблоком раздора между сербами, болгарами и греками, уже около полувека постоянно всплывают самые неожиданные и разноречивые исчисления.

Так по данным австрийского картографа Пейкера, одинаково враждебного болгарам и сербам, но благосклонного к мусульманам, в Македонии было в 1914 г.

Мусульман:

•гурок.....	500 000
албанцем	615 000
славян	140 000
Итого.....	1 255 000

Православных:

славян	1 215 000
греков	240 000

Но данным болгарина Дранкова:

Мусульман	840 000
Греков	190 000
Сербов	—
Болгар	1 172 000

Итак, мусульмане и православные греки значительно растаяли, а сербы исчезли, — все славяне зачислены в болгары.

Далее, по официальным данным, после войны 1912 — 1913 гг. в восточной половине Македонии, захваченной сербами, было:

Сербов	560 528
Мусульман	363 698
Греков	3 740
Болгар	—

Все славяне перечислены из болгар в сербы.

Другие суеверия науки о культуре происходят просто от незнания, от любительского, дилетантского подхода к изучению, от массы непроверенных фактов, откуда каждый выбирает наиболее подходящие, спокойно отбрасывая остальные.

Описательная часть науки о развитии культуры кишит неверностями. В особенности этногеография, описание народов земли, переполнена неверными фактами, и некоторые из этих миражей до того укрепились, что их чрезвычайно трудно опровергнуть. Собираемыми этих фактов были до сих пор случайные люди, особенно в странах отдаленных и малодоступных, среди первобытных племен, запуганных и загнанных культурными завоевателями. Описателям этих племен были офицеры из карательных экспедиций, полицейские

ЧИНОВНИК]!, торговцы, миссионеры, проезжие туристы, охотники, искатели сильных ощущений и всяческие авантюристы. В нашей собственной литературе о сибирских первобытных племенах Майдель и Гондатти, описавшие чукоч и коряков, были оба исправниками. Митрополит Иннокентий описывал алеутов. Многие туркестанские географы были офицерами разных родов оружия. Возникла, напр., особая русская школа полевой этнографии, которая процветает и поныне и знание туземных языков не считает для себя обязательным. Она пытается работать при помощи так называемых переводчиков, искажающих обыкновенно оба языка и русский и туземный, и вместо знания дает полужнание, все тот же дилетантский подход.

Настоящие ученые экспедиции в области этнографии и этногеографии стали устраиваться лишь в последние полвека. Они возрастают довольно быстро в числе и интенсивности, но метод изучения все еще остается кустарным. Все-таки в Англии и в Америке, стало быть, по преимуществу в областях английской культуры, можно указать на ряд превосходных работ, основанных на многолетнем изучении данной области при полном усвоении туземного языка и глубоком проникновении в психологию и общественность изучаемой культуры, которую предшествующие описатели просто отвергали в своем европейском высокомерии, как ненужную и даже несуществующую.

Этнографические предрассудки в особенности изобилуют в сводных компилятивных сочинениях, даже в новейших. Приведу несколько примеров.

За отсутствием сочинений, относящихся собственно к этногеографии, они заимствованы из различных курсов, относящихся к экономической географии, политической географии, человеческой географии и пр.

Так в «Всеобщей экономической географии» К. Запиера, изданной в переводе с немецкого в 1926 г., высказаны следующие суждения относительно русского крестьянина.

«Жизнь среди лесов развила в нем, по Геттинеру, рассудительность, глубокомыслие, грустную мечтательность и молчаливость».

«Греческая церковь развила в нем, по Немецкоу, нравственность и человеколюбие и помешала развитию многих диких инстинктов».

«Двухсотлетнее татарское иго породило в народе склонность к пассивным мечтам».

Следует целая страница такой же легкомысленной и старомодной чуши. Особенно хороши эти ссылки на немецкие авторитеты: «по

Геттнеру». «по Нет целью». Возможно, что через несколько лет кто-нибудь будет их переписывать снова со ссылкой: «по Запперу».

Далее следует суждение о восточных народах:

«Мусульманская религия не благоприятствует хозяйственной жизни, а продолжительные посты действуют расслабляющим образом».

«Запрет вина и свинины совершенно уничтожает целые отрасли сельскохозяйственной деятельности, что придает этой культурной области особый оттенок, впрочем не влияющий существенно на общую картину».

«К мелкой торговле восточные народы проявляют хорошие способности и занимаются ею с успехом даже в заграничных странах, где они часто превращаются в крупных купцов» (в Америке).

Суждение о неграх: «Негр любит игру и шум, беспечен, весел и не желает трудиться. Большой эгоизм, склонность к жестокости и, наконец, большая доля активного добродушия на ряду с необузданной дикостью . . .».

Огромная книга (742 стр.) Otto Maull. «Politische Geographie», издания 1925 г., написана в виде научного самоутешения для немцев после проигранной войны. Автор постоянно полемизирует с версальским договором, с «несчастливым учреждением славянских государств» и пр.

Суждение его о России удивительно похоже на Заппера:

«Религиозный фанатизм в этой форме, это — чисто русская черта, типичная также и для прежней истории России, но в основе своей это все тот же нигилизм, инстинктивное выступление полу-Азии против культурной Европы, по прекрасному анализу Фогеля».

Все это, разумеется, говорится по адресу большевизма, который «представляет смертельную опасность для западной Европы».

Как-то странно читать в огромном трактате такие фельетонные, затасканные, старые фразы.

Далее, одна из общепринятых легенд специального этногеографического содержания рассказывает о том, что будто бы есть где-то такой первобытный народ или народы, чей язык имеет только 300 слов, так что они разговаривают на половину жестами и в потемках не могут понимать друг друга.

Эта легенда в различных вариантах упорно повторяется из десятилетия в десятилетие в более или менее причудливой форме.

Наиболее поразительно утверждение Клемма, что 12 летний индийский мальчик знает только пять-шесть слов: **Вода, Дрова, Огонь, Змея, Мышь** . . . — Ни одного слова, относящегося к пище, ни

одного глагола. Клемм автор довольно древний. Но и у современного Мюллер-Лиера мы встречаем то же утверждение, выраженное при-
том не менее категорически.

«Зародыши языка уже наблюдаются у животных. Количество звуков у кур и голубей доходит до 12, у собак до 15, у рогатого скота до 22, между тем как простейший словарь человеческой речи насчитывает 300 слов. Язык обезьян состоит из 20 звуков, но оттенки выражения умножаются жестами и обезьяны могут без конца болтать, спорить и играть между собой».¹

Поразительны эти точные статистические данные о звуках животного мира. Разговорчивее всех почему-то выходят коровы, а всех молчаливее собаки. На деле, если уже говорить о речи животных, то собачья речь всего выразительнее и разнообразнее.

Проф. П. Кушнер в своей обстоятельной книге нашел для этой легенды экономическое выражение:

«. . . Если сравнить количество слов в обычном разговоре европейца (5 000 — 6 000) с запасом слов бушмена (300 — 400), то разница в количестве этих слов и причина такой разницы будут понятны: европеец — член общества с наиболее развитыми формами хозяйства; бушмен — член наиболее примитивного общества, не вышедшего из рамок присваивающего хозяйства . . .».²

Триста слов и разговор жестами. Разговор жестами, действительно, во многих географических областях достигает значительного развития. При разнообразии местных языков, язык жестов является языком международным, понятным для всех. С другой стороны, это язык довольно разнообразный. И число этих сложных жестов, действительно, доходит до 300.

Впрочем, о языке жестов будет сказано ниже.

Что касается человеческого членораздельного языка, то многие первобытные народы имеют сотни суффиксов, чрезвычайно сложный и подвижной аппарат лингвистических форм и обширный словарь в несколько десятков тысяч слов.

Язык огнеземельцев (Она), о котором Дарвин говорит, что он едва похож на человеческую речь, на деле имеет более 30 000 записанных слов. Не менее обширен чукотский язык; в моих записях содержится 12 000 слов, но богатства языка далеко не исчерпаны.

Будет поучительно привести из Дарвина точную цитату.

¹ Ф. Мюллер-Лиер, Фазы культуры. Перевод с немецкого. Харьков, 1924, стр. 24.

² П. Кушнер (Кнышев), Очерк развития общественных форм, изд. Коммун. Ун-та им. Я. Свердлова, М., 1924 г., стр. 54.

«Язык этого народа, сколько мы можем судить, едва ли заслуживает названия членораздельного. Капитан Кук сравнивал его со звуком при полоскании горла, но, конечно, ни один европеец не производит при полоскании своего горла столько сиплых, гортанных и шипящих звуков». ¹

Как видно и самые великие ученые не свободны от предрассудков, особенно в области незнакомых им фактов и соотношений.

Более молодые лингвисты стали, наконец, разбираться в качестве этих легенд.

Так американский лингвист Эдвард Сапир называет легенду о дефектных языках обывательским мифом.

По его словам самый убогий южно-африканский бушмен говорит языком богатым формами и образами, ничуть не худшим, чем язык утонченного француза. ² Это тот самый бушмен, о котором с таким презрением отзывается проф. П. Кушнер.

Миклуха-Маклай со свойственной ему добросовестностью вскрывает (отчасти против воли) истинную причину этого сокращения первобытных языков:

«Я знал из папуасского языка всего приблизительно 350 слов и такого знания было почти достаточно. На основании моего опыта я сужу, что у папуасов имеется в употреблении, быть может, вдвое больше слов, чем стало известно мне или самое большее втрое, что составляет приблизительно около 1 000 слов». ³

Итак, источник этих «трехсот слов» найден. Это мера знания самого исследователя, даже такого любознательного путешественника, как Миклуха-Маклай. Что же касается торговцев или миссионеров, то они вместо настоящего языка часто усваивают только торговый жаргон. ⁴

Между тем последующие исследователи папуасов и малайцев обнаружили у них культуру разнообразную и сложную, не только в материальном, но также и в социальном и в духовном отношении, что, разумеется, сопровождается и соответственным развитием языка. Можно сослаться, напр., на прекрасную работу Бронислава Малиновского «Аргонавты Тихоокеанского Запада», посвященную своеобраз-

¹ Ч. Дарвин, *Сочр. соч.*, СПб, 1908, т. I, «Путешествие вокруг света на корабле Бигль», стр. 127.

² Edward Sapir, *Language*, New-York, 1921, p. 22.

³ Н. Н. Миклуха-Маклай, «Путешествия», т. I, М. 1923, стр. 388.

⁴ Так русские торговцы разговаривают с чукчами на особом жаргоне, который сильно отличается от настоящего чукотского языка и сплошь состоит из уродливых искажений.

ным между племенным сношениям меланезийских племен в области восточных прибрежий Новой Гвинеи.¹ В работе Малиновского эта сложность выявлена подробно и убедительно.

Если говорить по существу об объеме первобытного языка, разумеется, из ныне существующих, можно указать следующее. Словарь любого из таких языков включает следующие элементы: 1) подробный перечень частей человеческого тела и глаголов, связанных с его отправлениями; 2) перечень степеней родства, свойства и брачно-любовных терминов и соответственных глаголов; 3) обширную номенклатуру животных, являющихся предметом охоты, и перечень глаголов, относящихся к охоте; 4) такую же номенклатуру растений и перечень глаголов, относящихся к их собиранию; 5) такой же перечень имен и глаголов, относящихся к технике орудий; 6) перечень терминов, глаголов и имен, относящихся к оружию; 7) перечень имен с глаголами, относящихся к украшениям; 8) перечень географических имен окружающей области.

Все это части словаря чрезвычайно обширные, так как первобытный собиратель нищи знает окружающий его лес, как свой собственный сад, ни одного дерева не оставляет без определения, птицы без названия, ручья или холма без имени.

Даже лекарственные свойства растений известны ему в точности. Бразильский тропический лес является также и для нас, европейцев, живым аптечным складом, а лесные индейцы поставщиками и учителями. Они нам передали хину, копайский бальзам, сассапарель, но по свидетельству позднейших путешественников им известны и другие лекарственные растения, которые они остерегаются указывать, проникнутые духом недоверия к приходящим извне завоевателям-авантюристам.

Общий объем вышеуказанных словарных перечней достаточно велик. По он осложняется еще стремлением первобытного ума к расчленению, к точности, к конкретизации слов. Мало того, в главе об языке будет указано, что первобытные языки в некоторых отношениях совершеннее культурных языков.

Легенда о дефектных языках является лишь отражением того презрения, которое белые авантюристы питают к первобытным народам. Первобытные народы под натиском так называемой цивилизации наполовину исчезли. Цивилизация несет им прежде всего алкоголь и спилпс, всевозможную промышленную заваль, торговый обман, непосильные налоги, обезземеление и рабство. Можно было

¹ B. Malinowski, *Argonauts of the Western Pacific*, London, 1922.

бы привести ряд поразительных фактов, относящихся даже к географическим экспедициям. Так в самом начале XX века географическая экспедиция Ивареты, снаряженная боливийским правительством, прошла по истокам реки Пилькомайо. Иварета, наскучив попрошайничеством туземцев, которые следовали за его лодкой вплавь, прося и требуя подачек, стал бросать в воду пироксилиновые шашки и глушил попрошайек, как рыбу. Впоследствии в лесах партия Ивареты сбилась с дороги и индейцы вместо того, чтобы помочь, отомстили за работу на реке и перебили всех. Боливийское правительство снарядило карательную экспедицию. Но дело в том, что Иварета забрался слишком далеко. Убийцы его принадлежали к племени Тоба. Боливийские солдаты не решились спуститься до области Тоба и отомстили за гибель экспедиции ближайшему племени Пилага. Они сожгли ряд деревень, население перебили поголовно, разграбили сады и плантации. Между тем Пилага являются заклятыми врагами Тоба и находятся с ними в постоянной войне. Комментарии к этому рассказу излишни.

Еще пример: — Бразильское правительство, желая насадить цивилизацию в лесу, забирает в плен последние остатки первобытных племен и сажает их в aldeas, оседлые деревни, где они подвергаются обработке католических миссионеров, плантаторов и полицейских. Раньше на aldeas происходили отвратительные сцены и действия. Теперь правительство старается быть мягким, снабжает индейцев припасами, устраняет миссионеров, пытается устраивать школы и т. п. Тем не менее русский путешественник Манизер из русско-бразильской экспедиции 1914—1916 гг., описывает по личным наблюдениям частые самоубийства молодых мужчин племени Каингангов в такой aldea. Мужчина, заскучав, погружается в молчание, потом ложится в хижине, лицом к стене. Женщины не беспокоят его, но по ночам вся деревня негромко воет, заранее оплакивая его. Манизер говорит, что его собственный сон нарушался этим вытьем и он кутался в одеяло с головой, чтобы не слышать его.

Легенда о низком полуживотном уровне первобытных племен служит идеологическим оправданием их истребления. Точно также как вышеприведенное суждение о неграх служит оправданием рабства и угнетения негров, а суждение о жителях востока оправданием европейско-американского империализма.

Надо указать, что и русское отношение к «инородцам», к туземным племенам, выработанное историей и бытом, нимало не отличается от вышеописанных фактов. Даже названия племен в устах белых принимают уменьшительную или уничижительную форму. Такие

оскорбительные полуимена одинаково свойственны английскому и русскому языку.

По-русски «япошки», по-английски japs. По-русски «ходя», по-английски chinee (буквально, «киташка»).

Северные американцы называют мексиканцев и бразильцев «dago» — искажение от имени «Diego», и также считают их народами второго сорта с примесью какой-то негодной цветной крови, немногим получше индейцев и негров.

О таких же народах, живущих во внутренней черте европейской (и американской) высокой культуры нечего и говорить. Северный американец янки индейца никогда не назовет человеком, «man», а просто козлом, «buck». Негра назовет «чернышем», — «black», «nigger».

Для еврея на разных европейских языках есть особые бранные названия: по-английски sheeny, по-французски youpin. Русское «жид» заимствовано с польского, где впрочем оно не имеет бранного значения.¹

Также по-русски: «татарва», «жидова», «имеретва», «армяшкп», «грекосы», «пендосы» (тоже для греков). На северо-востоке Сибири о туземцах всегда говорят уменьшительно: «чукчишки», «тунгусншкп» даже «якутпшки», несмотря на национальную силу якутов.

Чукоч, тунгусов, коряков, русские в просторечии просто называют «зверьми».

Более отсталые племена были для русских соседей предметом эксплуатации или просто готовой добычей.

В половине 60-х годов И. И. Железнов, этот уральский самородок-исследователь, писал о киргизах: «Я п днем, и ночью, и на яву, и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимое, но и лишнее. Киргиз же для меня — создание совершенно постороннее .. .»² А между тем Железнов был человек передовой, даже опальный и будучи временно сослан казачьим начальством в глухой район, загрустил и кончил самоубийством.

Только Октябрьская революция сделала возможным другое отношение к туземным племенам. Советская власть поставила на очередь и осуществила автономию и самоопределение решительно всех туземных племен, крупных, исчисляемых миллионами, и мелких, исчисляемых десятками тысяч. Вместе с тем выдвинут вопрос о при-

¹ Однако, и евреи в свою очередь в долгу не остаются и называют русских: F o n j e g a n e f, «Афонька вор», F o n j e s t i n k, «Афонька вонючий», F o n j e s c h i k e r, «Афонька пьяница».

² И. И. Железнов, Полное собрание сочинений, т. I, СПб, 1910. Предисловие.

общении этих племен к обще-советской и обще-мировой культуре. Но эта новая задача должна быть исполнена так, чтоб собственная культура данного племени выдвигалась вперед и развивалась. Новая советская культура будет вырастать из этой органической почвы. Рассматривая туземную культуру, мы видим между прочим, что даже самые отсталые народности имеют свои собственные культурные ценности, прекрасно приспособленные к окружающей среде, и устранение вечного гнета тотчас же открывает возможность для местной культуры оживать и расти, увеличиваться в объеме и стремиться к процветанию.

Другой не менее распространенный предрассудок относится к теории, будто бы страны умеренного климата являются наиболее пригодными для высшего типа культуры.

Монтескье формулировал ее с чисто французским красноречием: «В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда подавленность тела человека переходит и на душу. Он равнодушен ко всему, не любопытен, не способен ни к какому благородному деянию, ни к какому великодушию. Все его склонности приобретают пассивный характер; лень становится счастьем; там предпочитают выносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы управлять самим собою».¹

Теория эта, при всем красноречии ее защитников, является только созданием весьма элементарного шовинизма средне-европейских и северно-европейских ученых.

Ее выдвинули впервые еще эллино-римские географы. Они говорили, что страны у экватора не пригодны для культуры из-за крайнего зноя, а области к северу от Альп из-за крайнего холода. Наиболее счастливой и пригодной для культуры по их мнению была область Средиземноморья. Они называли ее, вместе с безводной Апулией² (*Apulia sitibonda*), раскаленной испанской равниной, знойной Сицилией и нищенски-скудной Грецией, — областью счастливо-умеренного климата. Но эта умеренность климата в их представлении совсем не походила на умеренность климата в представлении северных европейцев. Умеренный климат Лондона, Гамбурга, Ленинграда, конечно, ничуть не похож на умеренный климат Мадрида, Неаполя, Афин.

¹ Монтескье, О Духе Законов, СПб, 1900, стр. 298.

² В Апулии в иное особенно знойное лето питьевая вода бывала дороже вина.

Арабские историки вслед за эллино-римскими тоже говорят о семи климатах мира, в порядке с юга на север, и подчеркивают превосходство четвертого умеренного климата. В этом климате они помещают Сирию, Вавилонию с Багдадом и среднюю часть Ирана. Они доказывают, что эта средняя часть населенного мира, свободная от чрезмерного зноя и чрезмерного холода, заключает в себе лучшие климатические условия для умственной деятельности человека.¹

С таким же точно правом Риттер объясняет культурное первенство Европы естественным превосходством географических особенностей этой части света.

Правда некоторые другие писатели, как Герберт Спенсер, старались опровергнуть это голословное и неосновательное утверждение.

«Факты не подтверждают той общераспространенной идеи, — говорит Спенсер, — что большой жар мешает прогрессу. Все самые ранние цивилизации, о которых до нас дошли какие-либо сведения, принадлежат к областям, которые если и не были тропическими, то почти равнялись тропическим по высоте температуры. Индия и Южный Китай в их теперешнем состоянии показывают нам пример значительного общественного развития вблизи тропиков. Кроме того, значительные архитектурные остатки Явы и Камбоджи свидетельствуют о других тропических цивилизациях на востоке. Что же касается до Запада, то достаточно только назвать по имени вымершие общества Центральной Америки, Мексики и Перу, чтобы для каждого стало ясно, что в Иовом Свете были достигнуты очень значительные успехи в самых жарких областях».*

Впрочем и этот высоकोмерный предрассудок не исчез и теперь. Так, в «Экономической географии» Рейнгарда, изданной Госпланом СССР в 1927 году в переводе с немецкого находим опять нижеследующие положения:

«Жаркий влажный климат тропиков лишает человека той энергии, которая необходима для напряженной промышленной деятельности. Умеренный климат, напротив того, особенно благоприятен для развития промышленности».

И дальше доподлинный перл:

«В настоящее время еще трудно судить о том, в состоянии ли желтые и черные расы подняться до культурных высот белой расы».³

¹ В. В. Бартольд, Мусульманский мир, Пб. 192*2, стр. 55.

² Герберт Спенсер, Основания Социологии, СПб, 1898, стр. 11.

³ Рудольф Рейнгард, Экономическая география современного мира. Перевод с немецкого под ред. проф. Л. Д. Сеницкого. Изд. «Плановое хозяйство». Госплан СССР, М., 1927, стр. 126, 128.

Редакция стыдливо снабдила этот перл нижеследующим тощим примечанием:

«Достижения негров и японцев не оправдывают скептицизма автора (*Прим. ред.*)».

Можно было бы, хоть для разнообразия, припомнить еще и пол-миллиарда китайцев, которые именно теперь упорно стараются igni et ferro опровергнуть «скептицизм автора».

Еще существуют 300 миллионов индусов, 30 миллионов яванцев, Бирма, Снам, Египет, Мексика с её древней и новой культурой, создаваемой также и теперь всё той же американской расой. Но для правильного анализа этих фактов нужно, разумеется, быть этно-географом.

Этот вопрос будет подвергнут в дальнейшем более подробному рассмотрению.

Таковы предрассудки и ложные суждения науки о росте культуры.

Однако, с другой стороны, необходимо отметить, что именно теперь, к началу второй четверти XX века, уже было произведено огромное, даже беспрецедентное накопление всяческих фактов этнографических и этногеографических. Необходимо свести эти описания вместе и тщательно проверить данные, отбросив в сторону все случайное и недостоверное. Этнографические дисциплины, которые долго прозябали, если взять сравнение из истории зоологии, так сказать, в предлиппеевском периоде, нуждаются в длительной работе, подобной работе Линнея, в полной научной систематизации и координации. Такую систематическую проверку и координацию может исполнить только этногеография.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ.

Этногеография, как видно из самого ее названия, есть наука, совмещающая в себе элементы этнографии и географии. Она составляет широкое подножие для этнографии и стоит непосредственно над географией в собственном смысле.

В свою очередь, этнография почти таким же путем составляет смычку наук естественных и наук общественных и представляет широкое подножие для всех гуманитарных дисциплин, в частности, для социологии.

Термин этногеография представляет видоизменение другого термина, предложенного Ф. Ратцелем, — антропогеография.¹ Этот второй термин употребляется сравнительно часто, и некоторые географы считают, возможным даже говорить об антропо-сфере, человеческой оболочке земного шара наряду с био-сферой, атмо-сферой, гидро-сферой и лито-сферой.

«Говоря физикогеографически, поверхность земли состоит из твердой коры или литосферы, из массы воды, образующей моря и океаны и составляющей гидросферу, и из той газовой оболочки, которую мы называем атмосферой. Каждая из них в отдельности подлежит ведению отдельных наук, но не географии собственно. Дело географа состоит в том, чтобы взять факты у метеорологов, физиков, геологов и т. д. и с этими фактами в руках рассмотреть взаимодействие земли, воды и воздуха так, как отдельные науки сделать этого не могут».² А. Зупан говорит о биосфере (растительная и животная оболочка земли) и в частности выделяет антропосферу (географическое распространение человека).³

Отсюда видно, что термин антропогеография имеет преимущественно естественно-научный характер. Человеческий род, человек

¹ Fr. Ratzel, *Anthropogeographie*, Stuttgart, 192), I, ss. 5, 57.

² М. Нюблгин, *Современная География*, пер. с английского, Одесса. 1923, стр. 11, 12.

³ А. Зупан, *Основы Физической Географии*. Петроград, 1915.

рассматривается, как часть физической оболочки, облегающей земной шар. Термин этногеография идет далее. Он подчеркивает дальнейшее развитие рода «человек», разделение его на расы, народы, племена и включает всю совокупность культуры, созданной человеком на земле, во всем ее историческом и географическом разнообразии.

Термин антропогеография относится к роду «человек», термин этногеография относится к человечеству.

Я, однако, не придаю особого значения точному определению терминологии. В науках сравнительно новых, только теперь приобретающих свое научное лицо, гораздо важнее определить наполнение, сущность, материю, чем термин, границы и формы. С этой точки зрения, довольно бесполезными являются долгие споры о том, какая разница между этнологией и этнографией, где границы социологии и истории социальной культуры, какая разница между культурой и цивилизацией и прочее и прочее.

Таким образом, этногеография есть этнография, взятая в ее географическом распространении, или напротив того, это есть география с новым этнографическим наполнением. Это определение примыкает к определению Элизы Реклю: «История есть география во времени, а география есть история в пространстве». ¹

Именно в настоящее время, когда все взаимоотношения земного человечества явно приобретают международный характер, когда мировая политика, экономика, искусство, быт, состоят из сплетения воздействий и вкладов многочисленных народов и племен на севере и юге, на востоке и на западе, когда выдвигаются вперед народы совершенно неизвестные, которые до сих пор в течение тысячелетий оставались в исторической тени, самое имя которых еще не звучало на страницах летописей, а теперь неожиданно передается по телеграфу и сразу попадает на столбцы тысяч газет, напечатанных десятками шрифтов на сотнях земных языков, — для того, чтобы разобраться в этом запутанном и сложном клубке названий и пестрых указаний, для того, чтобы ориентироваться в этом лабиринте, — необходима путеводная нить этногеографии.

При самом поверхностном чтении газет, даже для малограмотных людей невольно являются, например, такие вопросы: что такое, собственно, ирландский народ, на каком языке он говорит и почему на этом сравнительно небольшом острове есть две республики, которые враждуют друг с другом?

¹ Э. Реклю, Человек и земля, переводе французского, СПб, 1908. Эпиграф на титульной странице.

Что такое албанцы, и почему они имеют отдельное государство, и почему так единодушно нападают на них и Чехо-Словакия и Италия, а прежде нападала Турция? — Что такое русский Азербейджан и в каких отношениях находится он с персидским Азербейджаном?

И, наконец, важнее всего, какие именно племена населяют Союз ССР? Что такое великая, малая, белая, черная, червонная Русь, карпатские русские горцы, и те угро-русские горцы, которые перешли под власть Чехо-Словакии и ныне проявляют большое тяготение к советскому строю СССР?

И эти племена туземцев СССР: киргизы и башкиры, и татары и туркмены, и чуваша и мордва, и черемисы и зыряне, самоеды, остяки, тунгусы, юкагиры, чукчи, сойоты, телеуты, ойраты, буряты, якуты, хакасы, карагасьт, и сотни иных, — каковы их происхождение и современная численность, каково их взаимное значение и в каком отношении находятся они к русской народности и к российской революции?

На эти вопросы может дать ответ единственно лишь этногеография.

Но прежде всего надо сказать несколько слов собственно об этнографии.

Этнография в широком смысле слова, есть наука о возникновении и развитии человеческой культуры. Человек создает культуру в течение многих тысячелетий, воздействуя на окружающую природу для лучшего удовлетворения своих потребностей и целей. Началом культуры, вероятно, является употребление огня. С тех пор человечество непрерывно создает культуру, и культура является истинной атмосферой, облекающей человечество. Самый воздух, которым мы дышим, температура пространства, окружающего наше тело, видоизменились под влиянием культуры.

С точки зрения социологической, культура является взаимодействием двух основных элементов: первый, — это сам человек, человеческая техника и ее материальные возможности, члены человеческого тела, которые служат ему основными орудиями, и его психические свойства, психическая одаренность, которая дает ему возможность влиять на окружающую природу и при помощи членов своего тела извлекать из нее необходимые продукты и создавать более сложные и мощные орудия работы.

Второй основной элемент культуры, это — внешняя природа, арена для действия, запас необходимой материи, вещества, из которого сила человека создает построение культуры.

Процесс производства культуры есть человеческий труд и культура, это есть собрание плодов коллективного труда, накопленный труд человечества.

«Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти».¹

Тем не менее, для этнографа основные предпосылки культуры не менее важны, чем ее постоянный процесс и многотысячелетняя постройка.

Это обнаруживается постоянно во время общественных или естественных катастроф. Можно разрушить наводнением или землетрясением, войной или революцией, наличное здание человеческой культуры, обратить его в кучу обломков, но раз уцелела природа, и естественные условия остались, как были, и с другой стороны, уцелело напряжение человеческих способностей, техники, человеческого духа, — здание культуры можно восстановить в короткое время, как будто чудом.

Япония, наир., оправилась сравнительно легко после неслыханных бедствий землетрясения. Россия восстанавливает ныне свою городскую культуру, все свое промышленное производство, которое после разрухи осталось в виде развалин и ржавого железа.

Напротив того, в латинской Европе после нашествия варваров, в днепровской Руси после нашествия татар, культура не только разрушилась, но также и понизилась. Ибо население разбегалось, поредело, остатки его одичали и психический уровень культуры принизился.

«Представим себе, что город какого-нибудь цивилизованного государства, напр., Германии, был бы совершенно уничтожен каким-либо явлением природы и его жителям удалось бы спастись; несомненно, мы увидели бы, что вскоре на этом же месте или вблизи выросли бы дома, явились бы различные произведения культуры и, наконец,

¹ Карл Маркс, Капитал, т. 1, М. 1920. стр. 153, 4.

снова возник бы город, подобный исчезнувшему, может быть, еще более красивый и удобный. Представим себе, с другой стороны, что город со всем содержимым остался, но вымерло население, и на его месте водворились орды австралийских негров; нет сомнения, что дома тогда разрушились бы, орудия и машины, которыми никто не умел бы пользоваться, заржавели бы и испортились; короче, — с людьми погибает и культура, которая от них исходит, и только в печальных руинах и темных сагах сохраняются о ней слабые воспоминания».¹

Таким образом, хотя человеческая культура возникает всецело на материальной базе под взаимодействием факторов материальных и в частности экономических, однако, этнографический подход к анализу культуры разнится от подхода политико-экономического.

В системе наук, посвященных человеку, этногеографический анализ должен предшествовать анализу экономическому, также точно как в системе наук естественных анализ химический предшествует биологическому.

Культура человечества является по существу единой. Но изучение ее можно производить по различным методам и с различных точек зрения.

Прежде всего выделяется культура материальная, сумма материальных ценностей, приспособлений и продуктов, обеспечивающих человечеству возможность материального существования. Таковы: пища, жилище, одежда; различные промыслы и, во главе их, земледелие и скотоводство; разнообразные орудия, начиная от каменного топора и кончая электромотором.

Материальная культура, это самая важная и наглядная область этнографии, и в то же время эта область менее сложная и более удобная для сравнительного изучения.

В достижениях материальной культуры легче отличить индивидуальное творчество, начиная от безвестного доисторического изобретателя и кончая современными Эдисоном и Рентгеном. Материальная культура является в значительной мере арифметической суммой этих индивидуальных достижений и, таким образом, можно говорить об общей сокровищнице мировой материальной культуры и об индивидуальных вкладах отдельных выдающихся людей. Конечно, влияние общественной среды на материальную культуру имеет огромное значение. Тем не менее по существу вся материальная культура является накопленной суммой отдельных усилий, великих и малых, гениальных и рядовых, личных, массовых и коллективных." Без-

¹ Г. А. Шурц, История первобытной культуры, СПб. 1920, стр. 4.

лестная масса человечества работает на пользу материальной культуры также индивидуально, как и выдающиеся гении, и складывает ее здание кирпичик на кирпичику.

В связи с этим материальная культура всегда рациональна. Она представляет алгебраическую формулу, уравнение со многими неизвестными, постепенно определяемыми человечеством. Темп ее развития, хотя в общем довольно медленный, все же постоянно ощущим, и путь ее проходит беспрепятственно. Человечество, гордясь своими культурными достижениями, всегда подразумевает культуру материальную. Оно говорит об аэропланах, об автомобилях, о дредноутах, подводных лодках, ситценабивных станках, алкогольных дистилляторах, электрических моторах, дальнобойных пушках. Сумма этих осуществленных изобретений составляют гордость человеческой культуры.

Из этого перечисления видно, между прочим, что культура во все время своего развития создает не только полезные, но также и вредные приспособления, губительные для человечества.

С социологической точки зрения, материальная культура является цементом, сплачивающим вместе земные народы и расы, даже ненавидящие друг друга.

Материальная культура составляет общее достояние всего человечества. Народы легко заимствуют и даже похищают ее друг у друга, и только в этой области возможны взаимные уроки и плодотворные примеры.

Развитие материальной культуры, — это огромная ланкастерская школа взаимного обучения земного человечества.

Похищают не только материальные предметы, но также изобретения, идеи; заимствуют не только у друзей, но также у врагов. Римляне во второй Карфагенской войне построили флот по образцу карфагенской триеры, прибитой ветром к берегам Италии. Германцы в современной мировой войне бросали с аэропланов стальные стрелки с надписью: «Изобретено французами, а применено германцами». Военный шпионаж между прочим стремится узнать технические тайны неприятеля и применить их против него.

Напротив того, в области духовной культуры, тем более в области культуры социальной, отсутствуют указанные выше взаимные уроки. Можно принять как правило, что так называемые «уроки истории» вообще не существуют, по крайней мере вплоть до последнего времени. Исторические группы и отдельные личности нимало не руководствуются примерами прошлого, записанными в истории, и часто воспроизводят судьбу исторических крушений на своем собственном

примере и погружаются в гибель также стихийно и слепо, как неразумные животные.

Из множества примеров приведу хотя бы судьбу трех параллельных династий: английские Стюарты, французские Бурбоны и русские Романовы. Падение последнего Романова даже в подробностях подобно падению последнего Бурбона, а между тем еще при Александре III придворные сферы похвалялись: «Мы знаем историю французской революции и мы не повторим ошибок, указанных там».

Подразумевалось: не повторим слабостей французского двора и будем беспощадны, неумолимо строги. Мы знаем, к чему, в конце концов, привела эта беспощадная строгость в развитии русской революции, — только к углублению и усилению революционного взрыва, который получил не только социологический, но как бы геологический характер.

Таково было представление русских придворных сфер о так называемых уроках истории.

Немецкие социал-демократы в настоящее время во многом повторяют эволюцию немецких национал-либералов и движутся от радикализма к реакции, ничуть не задумываясь об уроках истории.

Духовная культура объемлет явления и ценности более сложного порядка. Они, разумеется, тоже имеют материальную базу и даже материальную форму (в виде химических процессов в наших нервных клетках). Но их развитие и рост доступны нашему восприятию лишь в форме психических и духовных переживаний.

К духовной культуре относятся язык, литература, искусство, религия, философия. Наука техническая и в особенности прикладная представляет смежную область культуры духовной и культуры материальной.

Процессы развития духовной культуры по своей сложности и, я бы сказал, по физической незримости, до сих пор лишь отчасти поддаются научному исследованию. Исследование этих процессов имеет преимущественно внутренний характер. Т. е. мы координируем и сравниваем наши собственные внутренние наблюдения с описанием таких же наблюдений, сообщенных другими людьми. Однако, совокупность наблюдений и фактов, относящихся к духовной культуре, убеждает нас в том, что эта область культуры также подчиняется естественным законам и что ее внутренние процессы вполне соотносительны процессам материально-вещественным. Тем не менее процессы развития духовной культуры представляют много неожиданного, неисследованного и до сих пор необъясненного. Возьмем, напр., происхождение музыки и характер волнений, вызываемых

ею в человеческой психике. Музыка связана с ритмом, с двучленной симметрией человеческого тела и с гармонией движений. Но это объяснение имеет не научный, а эмпирический характер. Начало воздействия музыки на психику относится еще к зоологическому миру. Музыка таким образом древнее языка и влияние ее на человека одновременно и глубже и смутнее впечатления от слова, от живой человеческой речи. Но в чем суть этого влияния, мы определить не можем.

Такие же трудности представляет и язык, который возникает в человечестве подсознательно и коллективно, и замыкается почти механически в четкие формы, столь же определенные, как формы цветка или раковины, как продукт определенной химической реакции. **Ударил кулаком.** От глагола **ударить**—изъявительное наклонение, прошедшее время, единственное число, третье лицо мужского рода. От существительного **кулак** — творительный падеж единственного числа, мужского рода. Обе формы возникают непроизвольно в нашей подсознательной психике с полной определенностью и даже неизбежностью. Мы не знаем, почему надо сказать **ударил**, и почему **кулаком**. Но иначе не скажем. Грамотность, образование не имеют здесь никакого значения. Крестьянин говорит не менее правильно, чем профессор, даже порою более отчетливо и ярко. Ошибки в родном языке не сделает никто, не употребит женского рода вместо мужского, не скажет, напр., **кулакою** вместо **кулаком** и не скажет, наоборот, **руном** вместо **рукою**.

Очевидно, в подсознательной психике таится грамматическое знание, — конечно, не в виде формул, как в книжке, но в виде их безошибочного применения.

Столь же сложна и запутана совокупность явлений и переживаний, относящихся к религии.

Религия, возникая из чувства страха пред страданием и смертью, из желания найти для мироздания объяснение понятное и даже наглядное, строит рядом с миром существующим мир воображаемый, или, точнее сказать, мир отображаемый от реального мира и эта фантастическая постройка получает дальнейшее развитие, борется с наукой и даже со здравым смыслом, провозглашает устами Августина: «Я верю, потому что нелепо» и уступает свои позиции медленно и неохотно, ценою ожесточенной и кровопролитной борьбы.

Мы подразумеваем и предчувствуем общий закон развития явлений и ценностей духовной культуры, но до сих пор мы не имеем к нему определенного подхода. Только отдельные проблески частичных пониманий указывают нам на тот путь, куда он стремится.

Напр., сравнивая формы красоты, как бы объективно существующей, мы соединяем краски зори и светового спектра, краски цветов и актиний, морских анемонов и других беспозвоночных, насекомых и брачного оперения птиц. Далее, рассматривая разводы перламутра на раковинах, сочетание чешуй на крылышках бабочек, разводы павлиньих перьев, узорные формы снежинок, переливы и узоры рефракции света, мы находим во всем этом разнообразии общее начало, хотя и не поддающееся ясному определению. С другой стороны, сравнивая представления различных человеческих рас, при том же стоящих на различных ступенях культуры, о красоте форм и красок, мы находим под уродливыми формами негритянских идолов, китайских и индийских чудовищ, перуанских и мексиканских стилизаций, нечто основное, отвечающее нашему собственному ощущению красоты и пластичности.

Также в музыке первобытных народов сквозь всю оглушающую какофонию, при иной основной гамме, отличной от нашей, напр., пятитонной, вместо нашей семитонной, мы находим элементы, подобные волнующим нас сочетаниям звуков.

Индивидуальный элемент имеет в области духовной культуры гораздо меньшее значение. Язык, напр., почти всецело является продуктом коллективного творчества. Даже для новых выражений и слов трудно указать индивидуальных изобретателей. Кто именно первый заменил прежнюю форму: *виноват* новой: *извиняюсь*? Для слов литературного происхождения можно порою установить индивидуальный источник. Так, Достоевский заявил притязание на авторство слова: *стусеваться*. Но различные слова уличного, массового, делового употребления, парижский *арго*, американский *slang*, непрерывно рождаются, не имея определенного отца. Далее, в фонетике, даже футуристы с их «заумными» звуками, не имеющими никакого определенного значения, все же повинуются каким-то общим фонетическим законам определенного характера.

В религии, в искусстве влияние вождей, вероучителей, талантов всегда преувеличивалось историками и последователями новых учений. Канонизированные основатели мировых религий являются по большей части мифическими образами, коллективной легендой, возникшей в сознании верующих. Таков, напр., образ Христа, с вечным вопросом: был ли Христос? Во всех этих областях влияние массы на вождей и самое творчество массы, коллективный психоз и экстаз играют выдающуюся роль.

Социальная культура обнимает развитие всевозможных общественных организаций и союзов человечества. Человек по существу

животное общественное; вне общества и организации отдельный человек совершенно невозможен, он не существует.

Таким образом социальная культура включает коллективное бытие и действие различных человеческих групп, — возрастных, половых, племенных, классовых и других. Явления социальной культуры имеют по преимуществу объективный характер, и их можно изучать путем прямого наблюдения. Экономическая жизнь является отраслью материальной культуры, рассматриваемой в социальном разрезе, и таким образом естественно является основанием и базой общественной культуры вообще.

С другой стороны, явления социальной жизни отличаются крайней сложностью. Общество сравнивают с организмом.¹ Это сравнение поверхностно и даже вульгарно. Если улицы города похожи на артерии, а рынок на питательный центр, то для нервов найти аналогию гораздо труднее. Аналогии вообще не помогают изучению, а скорее затемняют его.

Следует предположить, что жизнь социальная составляет проявление той же пластичности, которая действует и в организме и в органической жизни. Социальная жизнь также *органична*, как жизнь органическая, и стремится к самоорганизации под действием сходных начал. С этой точки зрения общество, город, государство можно сравнить с формами органической жизни. Человеческая особь является простейшим элементом социальной жизни и может быть названа первичной общественной клеткой.

Процесс социальной культуры до сих пор мало поддается изучению, даже эмпирическому. Ее развитие и рост происходит очень медленно, вероятно, вследствие крайней сложности процессов. Она имеет до сих пор преимущественно количественный, а не качественный характер. Большие государства Европы отличаются от мелких ячеек первобытной эпохи по преимуществу лишь огромными размерами и внутренним разделением частей, более или менее однородных. Можно поэтому сказать, что развитие социальной культуры находится еще в самом начале и представляет, так сказать, младенческие или амёбные формы. Это становится особенно ясно при изучении явлений общественной психологии. Паника, общественная форма страха, вскипающий гнев коллектива, внезапный порыв массового преклонения или ненависти равняют общественную психику каждого современного коллектива с психологией палеолитического дикаря или даже просто зверя. Общественное мнение отличается

¹ Герберт Спенсер, Основания социологии, т. I, СПб., 1898, стр. 278.

импульсивностью и нелогичностью малого ребенка и как будто не может стать иным на данной ступени развития.

Густав Лебон в своей замечательной книге «Психология масс» указывает по этому поводу: «Становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он был, быть может, культурным человеком. В толпе это варвар, т. е. существо инстинктивное. «Число» обнаруживает склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственному первобытному человеку.

«Масса чрезвычайно легко поддается внушению. Она легковерна, лишена критики. Невероятное для нее не существует. Она мыслит картинками, которые вызывают одна другую в том же порядке, как у свободно фантазирующего человека. Чувства массы всегда очень просты и чрезмерны. Она не знает ни сомнений, ни колебаний. Она переходит немедленно к самым крайним действиям. Подозрения превращаются у нее тотчас же в непоколебимую уверенность, зародыш антипатии в дикую ненависть».¹

Одним словом масса и толпа первобытнее индивида. Сравнительно с личностью масса палеолитична. Это объясняет, напр., такое общественное явление: — собрание, группа профессоров, ученых, вообще интеллигентов, проявляя интерес помимо своей специальности, напр., к политике, к религии и пр., ничуть не возвышается над толпой. Такое образованное собрание подчиняется всем предубеждениям, капризам и страстям своего века, класса и корпорации. Мало того, часто даже в своей собственной специальности такой коллектив, ученая группа, проявляет слепую вражду к настоящему творчеству, движению вперед. Наиболее яркий пример: французская Академия — «бессмертные 40» — выбирали и до сих пор выбирают, как правило, лишь второстепенных литераторов, оставляя гениальных писателей за чертою своего узкого круга.

Далее, отдельный человек, мудрец, философ, может остаться беспристрастным сторонником истины и справедливости, лишь оставаясь «в стороне от общественной схватки», как Ромен Роллан во время недавней войны, но его беспристрастие становится безжизненным. Вступая на путь политического или социального действия, он тотчас же подчиняется действию общественных влияний и страстей и только тогда становится частью социальной машины, дей-

¹ Густав Лебон, Психология народов и масс, перевод с французского. СПб., 1896, стр. 170.

ственным социальным фактором, худым или хорошим. Профессора - историки или философы были очень часто плохими министрами, — напр., Гизо, Миллюков.

Все это объясняется ничтожностью личного элемента социальной культуры и ее всеобщим низким социологическим уровнем.

Социальная культура является почти исключительно плодом коллективного творчества. Влияние отдельных людей, вождей, законодателей, в общем, совершенно ничтожно, хотя с настойчивым вниманием подчеркивается историками. Даже социальный новатор, революционер-диктатор, является новатором только в одной части социальных действий. В другой части, несравненно большей, он является сыном своей эпохи, подвластным всем ее влияниям и даже предрассудкам. Мало того, в различных областях социального новаторства, напр., в выработке новых вероучений, отдельный человек, даже мощной гениальной силы, для того, чтобы творить новое, должен как будто бы фактически сбросить с себя бремя социального влияния, отказаться от общения с людьми и удалиться в пустыню. Только там, в полном одиночестве, он может иметь некую духовную свободу и проявить индивидуальное творчество. Этим, невидимому, объясняется то, что легенда заставляет важнейших вероучителей: Будду, Моисея, Христа, Магомета удалиться в пустыню.

Первоначальное зерно новаторского творчества отдельного гения рождается, может быть, в одиночестве, но тотчас же при дальнейшем развитии обрастает социальной ячейкой. Таковы в легенде Христос и двенадцать апостолов; Будда и его ученики; и в действительной истории Магомет и первые верующие; утопические социалисты.

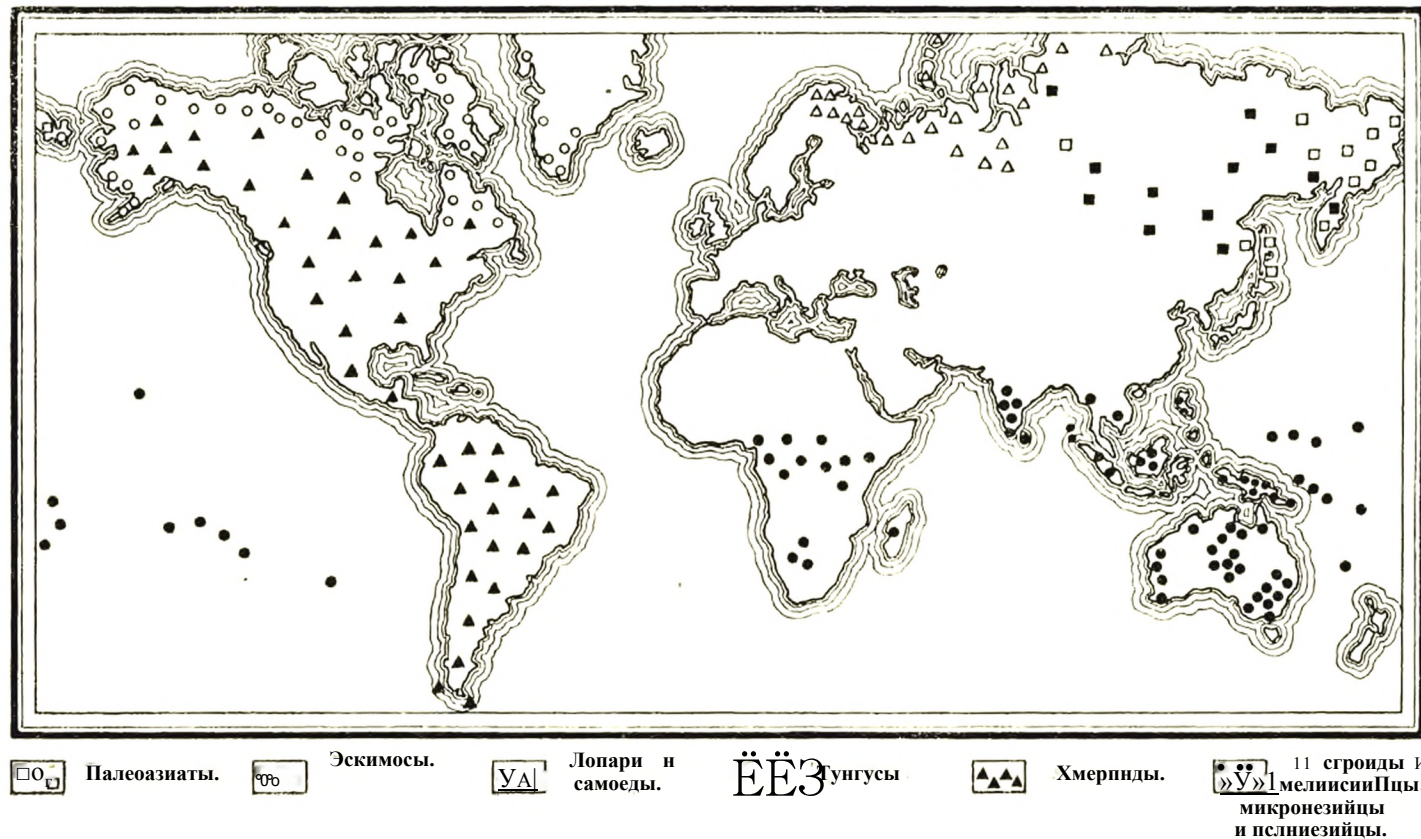
И далее, как только этот новатор обрастает группой сторонников, создавая основную ячейку, он, вместе с тем, создает новую общественную среду, и в ней начинают действовать те же общественные законы и во главе их огромный закон социальной инерции.

Есть, правда, и другой закон социальной мутации, порыва, прыжка, революции, но и этот закон имеет действие массовое, а не индивидуальное (см. ниже).

Итак, социальная культура по существу коллективна.

Далее, она кажется нам почти антирациональной; она преисполнена несуразностями, находится как бы в вечном противоречии с элементарным здравым смыслом, и даже человек гениального разума, в своих социальных поступках, чаще всего подчиняется этому антирациональному устремлению. Темп развития социальной куль-

Р с. 1. КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИИ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ ЗЕМЛИ.

туры чрезвычайно медлен, итоги ее достижения ничтожны, и в этом она представляет явную противоположность культуре материальной. Что можно назвать достижениями социального прогресса за все тысячелетия общественной жизни человечества?—Уничтожение пыток, худших форм рабства, отмену и отвычку от людоедства, так называемое смягчение нравов, — но все эти жестокости, включая людоедство, существуют и теперь. Международная торговля белыми рабынями — *traite de blancs* — нисколько не уступает и даже превосходит античное рабство, такой же характер имеет торговля китайскими кули—наемными рабами, в европейских колониях, недавние жестокости бразильских искателей резины (*seringueiros*^ по отношению к индейцам и пр.

Наконец, современные войны по своей хладнокровной жестокости превосходят самые древние эпохи.

Медленность темпа развития культуры социальной относится к более быстрому темпу развития культуры материальной приблизительно так же, как медленность движения неподвижных звезд относится к быстрому движению планет. Возможно, что для полного развития социальной материи и для проявления заложенных в ней законов и возможностей необходимы эпохи геологические и даже астрономические, выходящие из всяких пределов одной и той же планетной единицы и даже планетной системы.

Этнография занимается по преимуществу первобытной культурой. Довольно трудно провести определенную грань между культурой первобытной и культурой более высокой. В общем в эпоху первобытной культуры человек находится еще чрезвычайно близко к природе, всецело зависит от окружающих естественных условий и воздействует на них при помощи орудий, несложных и найденных тут же иод руками. Более высокая культура характеризуется разрывом этой непосредственной связи человека с окружающей природой. Взаимоотношения человека с природой приобрели более сложный характер, и орудия воздействия человека на природу вмещают в себе элементы, привезенные издалека и подвергнутые многократной обработке. Так, напр., в отношении пищи первобытное племя охотится на дичь в окрестных лесах, ловит рыбу в реках, даже сеет хлеб или сажает корнеплоды на прилегающем поле. Если добычи становится мало, рыбная ловля скудеет, поле дает неурожай, тогда племя голодает, даже вымирает с голоду или переходит на другое место. На стадии высокой культуры, Лондон, Ленинград питаются хлебом, выросшим за тысячи верст в отдаленных областях, и от ближайших естественных условий совсем не зависят. Человек первобыт-

ной культуры рубит топором и бьет молотом, сделанным из камня, подобранного тут же на реке. Высокая культура создала режущий станок и паровой молот, сработанные на заводе из уральского железа при помощи донбасского угля.

Том не менее культура первобытная, постепенно усложняясь, совершенно незаметно переходит на более высокую стадию. Можно принять, что более высокая культура начинается с появлением письменности и первых определенных письменных документов. Письменность вначале сопутствует более высокой культуре, как ее отличительный признак и продукт. При дальнейшем развитии письменные документы связывают вместе все части культуры и придают им особенную вязкость и упругость почти неразрушимую. Возрождение наук и искусств XIV—XV веков нашей эпохи включало между прочим разыскивание отрывков латинских и греческих книг, пролежавших под спудом десятков веков, и снова воскреснувших к жизни.

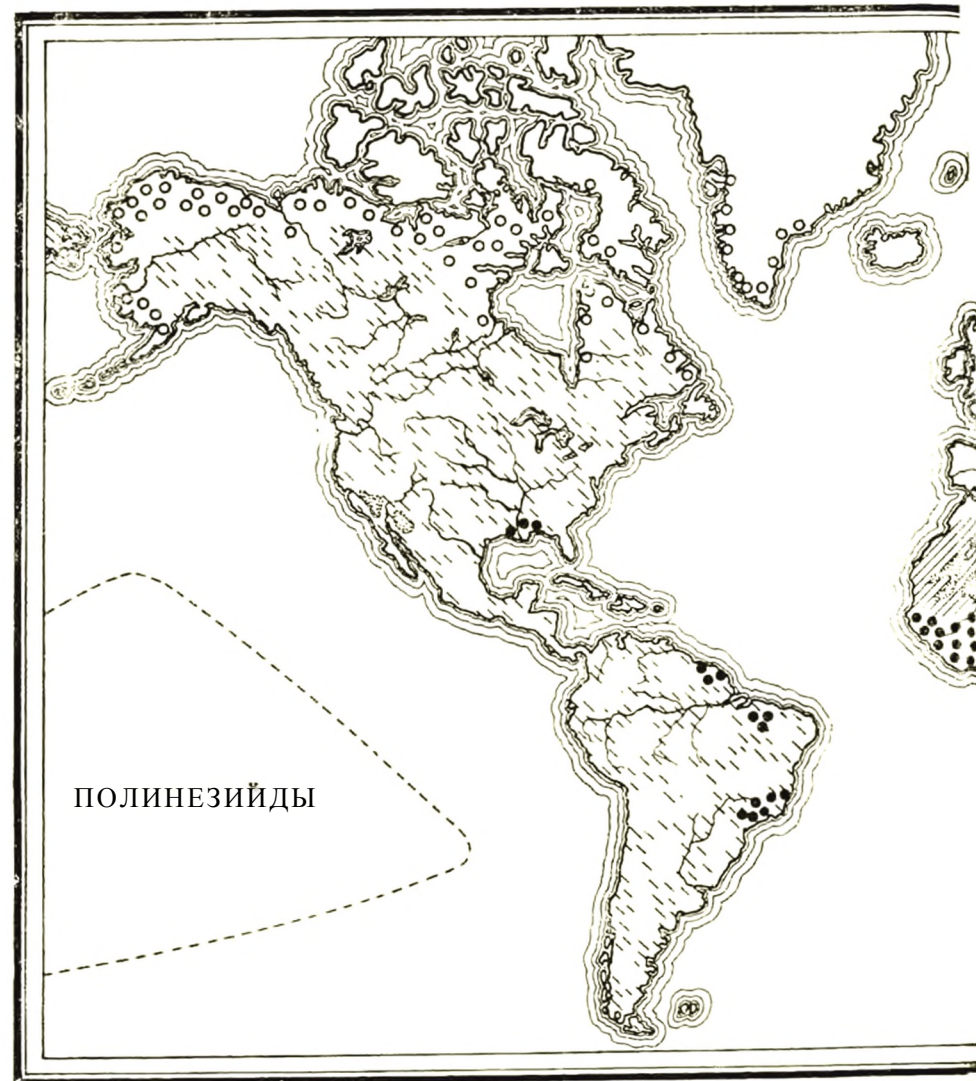
Однако, с точки зрения этнографии, первобытная культура гораздо важнее культуры более высокой. Человеческая культура есть создание многих десятков тысячелетий, и только последние 30 столетий можно отнести к так называемой эпохе высокой культуры.

Мировая дорога культуры представляется нам как лестница из многих ступеней, восходящая вверх из темноты, из неизвестной бездны. Мы стоим наверху и медленно и трудно вырубам над собою новые ступени — продолжение пути ... И время от времени мы обозреваем ближайший участок, лежащий за нами и под нами. Этот ближайший участок и есть область так называемой высокой культуры. Но ниже его простирается огромная дорога из несчетных ступеней.

Еще важнее то обстоятельство, что вся современная культура насыщена и наполнена культурой первобытной. Первобытная культура в сущности представляет широкое основание, на котором утверждено до сих пор здание человеческой жизни. Земледелие и скотоводство, дающие нам пищу, до сих пор производятся методами, возникшими и разработанными в доисторическое время безыменным трудом поколений. Тоже можно сказать о главнейших ремеслах: кожевенном, горшечном, столярном и плотничном, даже о кузнечном и слесарном, дающих обработку металлам.

Мало того, широкие народные массы, составляющие поныне $\frac{9}{10}$ населения культурных стран, близки по существу к людям более первобытных эпох, от которых, в отличие от правящих классов, они унасле-

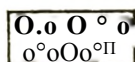
Рис. 2. ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

Палеоазиаты

Белая раса (распространена повсюду).

Эскимосы.

Финно-угрские и
самоедские народы.

Америнды.

Турецкая группа.

ДРТЛ ЗЕМНЫХ^РЛС II ГРУПП.

Хамиты.

Желтая раса: 1) китайцы, монголы; 2) маньчжуры, тунгусы и др.

Черная раса.

Японцы.

Малайцы.

Точками помечены пустыни.

довали трудовую преемственность, стихийную жизнеспособность, несложные и сильные страсти.

Таким образом, этнография изучает культуру народов первобытных, начиная от каменного века. С особенным вниманием она останавливается на ныне живущих племенах, рассеянных в Австралии и в Африке, и в Северной Сибири, и представляющих собою живое воплощение культуры древнейшего века, каменных орудий, свайных построек, варки в деревянных сосудах раскаленными камнями и пр. В более культурных странах этнография изучает с особенным вниманием пережитки первобытности, уцелевшие главным образом среди широких народных масс, особенно в деревне. Сюда относятся последние остатки каменных орудий, постройка шалашей и временных хижин, кочевой быт пастухов, колдовство, заклинания, любовные чары и вредные «порчи», старинные свадебные обряды, деревенские праздники и пр.¹

Однако этногеография в этом отношении не может следовать за этнографией.

Последние живые остатки первобытных племен разбросаны по земле малыми пятнами, крапинками и точками, они не составляют в общем даже 0.1 %, всего земного человечества; если нанести их на контурную карту земли, огромные пространства останутся совсем не заполненными (см. рис. 1).

Земной шар занят сплошными населенными более многочисленными и связанными вместе организованными народами. Картография не может выделить в их среде классы и части более первобытные и менее первобытные (см. рис. 2).

Также и этногеография, занимаясь взаимоотношением человеческих масс на земле, значительную часть своего внимания должна отдавать многочисленным культурным народам. Пути первобытной культуры этногеография рассматривает только в историческом аспекте. Живые племена первобытных людей представляют для этногеографа живую историю земного человечества.

Однако и в истории и в современности этногеография выделяет самые основные источники культуры, с одной стороны, ширину и богатство природы, естественные условия, климат, флору и фауну, богатство ископаемыми, топливо, уголь, удобство сообщения и пр., и с другой стороны, человеческую технику в самом широком смысле. Таковы древние ремесленные навыки и их дальнейшее развитие, основные промыслы питания, рыболовство, охота, земледелие и

¹ Эд. Тэйлор, Первобытная культура. СПб. 1896, т. 1, стр. 63 и след.

скотоводство, распределение продуктов и богатств между различными классами в пределах данной национальной и государственной организации и их географическое распределение между различными народами и странами, древнюю торговлю и древние торговые пути в их постепенном изменении и усложнении вплоть до настоящего времени.

Далее, этногеография с особым вниманием изучает расселение народов по земле, постепенное и неуклонное заселение новых континентов и незанятых еще территорий, взаимное проникновение народов, их борьбу и мирное смешение. Получив от этнографии основную канву первобытного искусства и верований, более или менее общую для земного человечества, этногеография изучает их постепенное усложнение и растекание по широким земным областям, отмечает области и центры их дальнейшего развития и роста, различные реальные формы, в какие выливаются эти различия к земным областям и взаимное влияние всех этих широких и сложных образований. Этногеография старается следить мировые пути фольклорного сюжета, древнего сказания, легенды, религиозного обряда и обычая. В совокупности всех этих элементов культуры, этногеография стирается наметить важнейшие культурные комплексы, основные культурные группы, расчерчивая и определяя области их воздействий и влияний и намечая на земле сложную сеть их взаимодействующих сплетений, начиная с древнейших времен.

Таким образом, этногеография начинает работу свою с первобытности, но в общем занимается по преимуществу массовыми взаимоотношениями главнейших человеческих групп. В этом отношении в практике этнографии и смежных наук еще не выработалось никакой определенной традиции. Элизе Реклю в своем многолетнем труде «Земля и Люди» занимается по преимуществу современным человечеством. Ратцель и Бушан в своем «Народоведении» все время колеблются между племенами первобытными, малочисленными, но этнографически важными,—и более культурными и сильными расами, много занимаются востоком, экзотическими государствами Африки, Китая, Японии, а Европу и Северную Америку отодвигают на задний план. Таким образом «Народоведение» Ратцеля и Бушана, в сущности, есть описательная этнография первобытных и варварских народов.

Однако для этногеографа самые культурные страны: Англия, Германия, Соединенные Штаты, представляют важнейший предмет изучения и в этом отношении ее метод гораздо ближе методу Элизе Реклю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ.

Первобытная культура начинается с палеолита. Палеолит (древне-каменный период) характеризуется употреблением простейших орудий, сделанных из камня без тщательной обработки, в частности без полирования камней. Неолит (ново-каменный период) характеризуется употреблением каменных орудий более совершенного типа, с полированной поверхностью, со втулкой для рукояти и так далее. Палеолитический период отличался большей продолжительностью и мог бы исчисляться, вероятно, десятками тысячелетий. Неолит, вероятно, исчисляется несколькими тысячелетиями.

Оба термина происхождения археологического и связаны с раскопками. Между прочим, палеолит, в свою очередь, разделяется на несколько эпох, сменяющих друг друга в порядке постепенного улучшения орудий. 13 раскопках эти эпохи располагаются одна над другой, как слои, восходящие снизу вверх от самого грубого палеолита к неолиту, а от неолита к бронзовому и железному веку.

Палеолиту предшествовал, быть может, «эолит», ранний каменный век, относящийся еще к третичному периоду и отделенный от нас сотнями тысяч лет. Однако существование эолита многими исследователями подвергается сомнению. То, что один признает грубейшими человеческими орудиями, другие склонны считать осколками камней, расколотых взаимным трением в речных приливах и отливах. Действительно, простейшие орудия трудно отличить вообще от каменных осколков.

Напротив того, позднейшие стадии палеолита отличаются весьма совершенным изобразительным искусством, гравюрами и рисунками на стенах пещер и на каменных и костяных пластинках, резными фигурками из кости и прочее. С переходом к неолиту это искусство теряет реальный характер, стилизуется и извращается.

Среди современных первобытных племен едва ли есть такие, которые могли бы быть причислены к палеолиту. Таковы были, быть может, тасманийцы, истребленные в половине XIX века английскими переселенцами.

Ботокуды, огнеземельцы, австралийцы, — напротив того перешли к неолиту, хотя, быть может, не процессом собственного развития, а заимствованием у соседей.

Далее, у современных первобытных народов, кроме орудий из камня, имеются во множестве также орудия из кости и рога и твердого дерева, или из комбинаций всех этих материалов.

Мало того, некоторые местности, например, речные долины, далекие от гор и морских берегов, часто чрезвычайно бедны каменными породами. Здесь развивается сплошная деревянная культура; орудия и оружие изготавливаются из твердого дерева. Кстати, в тропических странах есть много древесных пород с тяжелой и твердой древесиной, даже тонущей в воде, подобно камню. Таковы: железное дерево (по-английски *hickory*), черное дерево и пр.

Только топоры для рубки деревьев должны были быть непременно каменные. Такие топоры в случае отсутствия камня перекупались у соседей, часто переходя из рук в руки и от племени к племени на значительные расстояния. Между прочим, деревянной культурой, при отсутствии каменных пород, отличается прибрежная область огромной реки Амазонки.

Нет никакого сомнения, что и в самые древние эпохи, кроме каменных орудий, было и множество орудий из дерева. Вероятно, первым орудием прямоходящего обезьяно-человека был не камень, а палка. Но дело в том, что в земле деревянные орудия сгнили, а каменные уцелели. Орудия из кости и рога сохранились в земле, но в меньшем количестве.

С другой стороны, камень является материалом более пригодным для орудий, чем дерево и кость. Некоторые наиболее твердые каменные породы, как кремнь, диорит и нефрит и, в особенности, обсидиан (вулканическое стекло), годятся для выделки лезвий, по качеству близких к металлу. Мексиканцы до Колумба брились осколками обсидиана. Кость наиболее пригодна для колющих мелких орудий — шило, игла. Даже из некоторых древесных пород, напр., из осколков бамбука, можно приготовить острые и режущие стрелы и ножи. Вообще орудия из камня, дерева и кости более действительны, чем может казаться при поверхностном взгляде. Испанцы, завоеватели Америки, высказывали удивление по поводу туземного оружия: луков, стрел, копий, выстроганных и выпрямленных такими несовершенными инструментами из камня и кости. «Не иначе, что им (туземцам) помогает дьявол на борьбу с христианскою верою», — писали испанские монахи летописцы.

Между прочим, совершенство этой работы зависело также от необыкновенной остроты взгляда и точности движения руки, свойственных первобытному человеку.

Зрение первобытного человека как бы сплошной кинематограф. Отсюда эта точность восприятий, отраженная в чудесных рисунках. Рука первобытного человека—это живая машина. Современный чукотский или огнеземельский кожевник-скорняк узким железным

ножом плохого качества выкраивает из большой тюленьей шкуры круглый бесконечный ремень шириною меньше чем с полдюйма, и ни разу не собьется и не перережет ремня. Раньше он делал эту операцию каменным ножом.

Мало того, введение железных орудий, купленных у европейцев, с одной стороны, конечно, облегчило работу, но, с другой стороны, ухудшило ее качество. Современный ботокуд или чукча надеется больше на нож и резец из железа. Соответственно этому напряженность его внимания и отчетливость движений ослабели и понизились.

Современная выделка оружия и украшений у ботокудов и меланезийцев при помощи железных инструментов небрежнее и ниже старинной выделки, производившейся камнем и костью.

Возвращаясь к вопросу терминологии, было бы, может быть, правильное вместо «каменного века», «каменной культуры», говорить: век *до-металлической* культуры.

Культура человечества, взятая как целое, может быть изучаема двояким образом. Во-первых, ее можно изучать социологически, путем обобщения, путем извлечения из отдельных культурных кругов и национальных единиц общих основ организации и творчества, свойственных всему человечеству. Таков, напр., в развитии первичной экономики, переход от стадии всеядной, «собираательной» — с собиранием пищи в лесах и полях, на приморских отмелях и в мелких лагунах, — к стадии охотничьей, а потом одновременно, путем ; з-ветвления, — к земледелию и скотоводству.

Взятая, как целое, человеческая культура вообще чрезвычайно однотипна, до такой степени, что постоянно возбуждается вопрос о том, происходит ли она из одного географического источника или развилась в различных областях независимо, по сходным процессам. В первом случае мы говорим о моногенности (единое зарождение) культуры, во втором случае о полигенности (многообразное зарождение) или о гетерогенности (разнообразное зарождение) культуры.

Спор этот вообще не решен. В общем принято допускать моногенность культуры, ее происхождение от одного географического источника в том случае, если между географическими областями ее развития нет неодолимых географических препятствий, широких морей, океанов, высоких и трудно доступных горных хребтов, широких песчаных пустынь и т. д. Гималаи или Альпы, Сахара, океан являются естественной разделительной линией различных культур.

Напротив того, арктическая зона, составляющая в целом сплошную полосу суши, не разделенную никакими естественными преградами, является для нас меетобиталлом единой арктической культуры. Нет основания предполагать, наир., что лопарское, самоедское и тунгусское оленеводство возникли независимо друг от друга. Области их распространения сходятся, границы их чересполосны. Кто желает обосновать их независимое происхождение, должен приискать ряд положительных и веских доказательств. Естественная презумпция связана с моногенностью; *onus probandi* (приискание доказательств) лежит на приверженцах гетерогенности.

Тем не менее, различные комплексы и отдельные явления культуры в весьма удаленных друг от друга областях проявляют удивительное сходство. Это относится одинаково к проявлениям культуры материальной, духовной и социальной. Древнейшая форма материальной культуры—палеолит, особенно в первых стадиях, до такой степени однотипна, что если взять древне-каменные орудия восточно-сибирских стоянок и смешать их с такими же орудиями из французских палеолитических стоянок, то их не различат ученые, пожалуй, не различили бы даже те палеолитические люди, которые их употребляли.

Из этого общего корня культура развивается дальше, постепенно усложняясь и принимая всеболее разнообразные оттенки и вариации. Но общее сходство постоянно проявляется самым неожиданным образом.

Возьмем несколько примеров:

1. Выделка бронзы Старого Света и начало бронзовой культуры Нового Света, в Мексике и Перу, проявляют удивительные сходства. Сплав меди, олова и цинка, пропорция отдельных металлов варьируют в тех же пределах, даже формы орудий, резцов, топоров и мотыг весьма сходны, часто тождественны. Между тем, в Старом Свете бронзовый век имеет огромную историю, в Новом Свете в иредколумбийскую эпоху бронзовый век только начинал развиваться. Нужно ли считать, что бронзовая культура Америки возникла независимо или, напротив, в конечном свете, она возводится к восточно-азиатскому источнику? Есть аргументы в пользу того и другого допущения.

2. Второй пример возьмем из области духовной культуры, в частности, из области фольклора — известный сказочный эпизод тройного сказочного бегства. Он состоит в том, что человеческая пара, обыкновенно М и Ж, брат и сестра, муж и жена, двое маленьких детей, убегают от чудовища, от дикого зверя, от страшного духа

и т. п. Защищаясь от погони, один из убегающих, обыкновенно женщина, бросает последовательно три предмета, напр., гребень, камушек и огниво. Гребень превращается в дремучую чашу, камушек в каменную стену, а огниво в огненную реку. Чудовище последовательно прогрызает чашу, проедает сквозь камень, по в третий раз тонет и сгорает в огненной реке.

Этот мифический эпизод является совершенно кругосветным и даже всесветным. Он встречается в обрядах и гаданиях, в легендах и сказаниях различных народов, в Европе и в Америке, в Японии и в Африке, и на самых отдаленных островах Меланезии и Полинезии, в глухих ущельях недоступных хребтов Гималаев и Памира.

Судя по содержанию, его надо считать частью какого-то древнего мифа. О древности его, между прочим, свидетельствует защита огнем. Является вопрос, возник ли этот миф из общего источника и потом распространился по земле или, напротив того, он возник независимо в различных областях.

3. Третий пример возьмем из области социальной культуры, в частности, из анализа религиозных организаций. Формы организации буддийской и католической церкви удивительно сходны. Мы встречаем в обоих случаях монастыри и монахов, tonsuru — гуменце, пробритое на темени, и четки, безбрачие монахов, встречаем настоятелей, епископов и во главе их — первосвященника (папа, далай-лама).

Сходство настолько велико, что первые католические миссионеры считали буддийскую церковь насмешливой карикатурой на католическую церковь, созданной дьяволом. Возводятся ли обе эти организации к одному общему источнику, или они возникли независимо одна от другой?

Христианство и буддизм у самых корней проявляют огромное сходство, быть может, родство. До-христианские ессены Палестины родственны браминам. Легенды о Будде и легенды о Христе во многом параллельны. Достаточно ли этого родства, чтобы объяснить последующее сходство церковных форм в обоих случаях?

Кроме изучения социологического, культура человечества может быть изучаема также и географически. При этом она изучается последовательно по отдельным материкам, по географическим и климатическим зонам, по лингвистическим группам и антропологическим подразделениям, от расы к расе, от народа к народу, от государства к государству.

Культуру человечества возможно изучать также по культурным кругам, далеким друг от друга или смежным, и чересполосным,

и каждый культурный круг может быть изучаем в своем последовательном развитии, начиная от первой элементарной ячейки, обрастающей концентрическими, все расширяющимися слоями.

Вот такое изучение человеческой культуры в ее географическом распространении и есть этногеография.

Таким образом нам придется пройти практически и последовательно по всему земному шару и изучить его наполнение людскими племенами, народами и созданной ими культурой. Мы будем заниматься в сущности той же географией, но будем говорить не о реках и озерах, а о народах, племенах, культурных центрах и культурных ценностях.

Помимо этого методологического подхода, можно говорить также об изучении человеческой культуры в аспекте длительности ее развития. В этом отношении можно сопоставить два плана изучения: исторический и этнографический. В историческом плане мы рассматриваем схему изменений и различий, имевших место в исторический период жизни человечества, примерно от возникновения письменности до наших дней. По закону перспективы, в процессе накопления подробностей, историческое изучение углубляется по мере приближения к нашей эпохе и постепенно принимает характер чрезвычайно разветвленный, вначале восходя от столетия к столетию, потом по десятилетиям, по отдельным годам и даже по месяцам. В общем, исторический период захватывает сравнительно небольшую часть развития культуры и совершенно не вмещает ее основных и глубоких изменений. Однако, по мере движения истории вперед, темп нарастания событий как будто ускоряется, и процессы изменений при меньшей длительности становятся более глубокими. Так, «железный век» длился ряд тысячелетий, «век пара» длится только столетие, «век электричества» — немного десятилетий. Возможно, впрочем, что это сокращение сроков только видимое и объясняется больше всего влиянием перспективы: ближайшие к нам изменения и сроки мы естественно видим более расчлененными и как бы более глубокими. Возможно, что при дальнейшем отодвигании в прошлое, напр., век пара и век электричества, век локомотивов и век двигателей внутреннего сгорания, — естественно сольются в общее крупное целое.

Этнографический план изучения культуры обнимает эпохи несравненно более обширные. В сущности сюда относится все развитие и рост человеческой культуры от начала ее возникновения и до начала письменной истории, — в общем весь так называемый «до-исторический» период. Этот период исчисляется многими тысячелетиями, даже десятками, сотнями тысяч лет. Он обнимает все основные про-

цессы нарастания культуры, развитие технических навыков в их переходе от палеолита к неолиту и далее к бронзовому веку, до раннего железного века; также основные промыслы: охоту, рыболовство, земледелие и скотоводство, все основные стадии заселения земли человечеством, развитие культцентров и культкругов, языковых групп, человеческих рас в порядке их расчленения и последующего смешения; развитие общественных форм от мелких и простых до более крупных и сложных соединений, и многое другое. Эти основные процессы развития культуры, конечно, продолжают и ныне и будут продолжаться вечно. Также развиваются и будут развиваться материальная культура, язык, общественные формы, верования и знания.

В процессе изучения современности или недавнего прошлого нужно строго отличать метод этнографический от метода исторического и не смешивать их различных уровней. Такое смешение ведет к глубоким методологическим ошибкам и к совершенно неправильным выводам.

Приведу несколько примеров.

Оленеводство, как отрасль скотоводства, связанная, быть может, еще с мадленской эпохой позднего палеолита, где северный олень является преимущественной охотничьей добычей, имеет, вероятно, древнее происхождение и длительное развитие. Всякая попытка объяснить оленеводство последующим заимствованием у более южных скотоводческих племен является, таким образом, методологически неправильной и ведет к неразрешимым противоречиям.

Точно также в современном христианстве нужно отличать элементы, исторически возникшие в последние два тысячелетия, от других, более ранних, связанных с древним язычеством и с еще более древним шаманизмом и анимизмом. Напр., в христианском представлении о злых духах, дьявол-сатана и все его адское воинство, низверженное с неба в геенну огненную, относятся к историческому аспекту. Самое имя дьявола — греческое: «αἰὼν»; — «набрасыватель (клеветы)». Между тем черти, живущие на земле, в болотах, в озерах, в мельничных омутах, или старый чорт, вызванный пушкинским Балдой из морской глубины, — относятся к более раннему и более глубокому анимистическому представлению.

В дальнейшем анализе мы будем иметь случай применить это различие методов исторического и этнографического.

К вопросу о темпе развития культуры можно подойти также и с другой стороны. Можно поставить вопрос: как развивается культура в общем и целом, и указать два основных способа развития

культуры. Первый, постепенный (эволюционный), путем медленного нарастания мелких подробностей, связывающихся вместе в одно непрерывное движение. Это нарастание подобно восхождению вверх по весьма отлогой плоскости, по широкой спирали. Второй способ, это способ революционный, или, как принято говорить в биологии, мутационный, — это путь перемен внезапных и крупных, нарастающих где-то внизу в глубине физиологических сплетений организма, в подсознательной психике личности, под наружным покровом социальной постройки. Можно говорить о медленном нарастании такой перемены, а потом об ее внезапном и бурном проявлении. Мутационный способ развития совершается прыжками и взрывами. В отличие от способа эволюционного, мутационный способ развития подобен восхождению вверх по ступеням неровным и крупным. Мутационный способ развития проявляется в биологии, в развитии видов животных и растительных. Что касается его проявления в развитии рода «человек», — это будет рассмотрено подробнее в главе XII.

Здесь будет уместно лишь привести несколько примеров, но преимуществу социологических. Всем известны революции политические и социальные. Они совершаются в виде весьма определенных мутаций, — большей частью, с внешним разрывом общественной ткани, с рассечением частей, с ранами и кровопролитиями. Даже революции более мирные, без наружного кровавого разрыва, тоже имеют характер мутаций. Петровская реформа была, разумеется, мутацией. Также и освобождение крестьян, созревшее в глубине экономической необходимости, все же совершилось внезапно и мутационно. Такой же характер мутаций имеют войны, завоевания, переселения народов. Так, походы Александра Македонского в бурном порыве создали завоеванием Востока внезапный переход от эллинской культуры к культуре эллинистической. Такой же бурной мутацией было переселение народов в Западной Европе, нашествие монголов на Россию. Такой же мутацией было открытие Америки и последовавшее затем ее завоевание западно-европейскими народами.

В области духовной культуры можно отметить ее мутационное развитие на стыке с культурой социальной. Так, напр., появление новых религий, независимо от выросших легенд и мифов, в основном существе имеет несомненно характер мутаций. Возникновение и победа христианства и также ислама имели характер мутации. Такой же мутацией было лютеранство, кальвинизм и другие виды протестантизма.

Прыжковое, взрывное развитие, связанное с мутацией, ничуть не исключает предварительной стадии ее подготовки в накоплении

новых условий п. — после взрыва мутации, — последующей стадии ее распространения и усвоения, этап за этапом и подробность за подробностью.

Мутация, революция является в сущности только процессом проявления наросших изменений. Самое же нарастание этих изменений производится в порядке постепенности путем эволюционным.

Однако и мутация и эволюция являются необходимыми стадиями общего процесса развития. Можно составить следующую схему развития:

■ *то.} то ц а и — ми/ та ц и я — даль ней тая — то. но ц ин.*

Эта трехчленная схема подобна такой же трехчленной схеме диалектического метода.

Надо отметить, что в области культуры материальной гораздо труднее указать мутационные виды развития. Это связано, невидимому, с тем, что материальная культура развивается гораздо быстрее и невозбраннее, чем другие области культуры. И наклонная плоскость ее восхождения вверх поднимается углом значительно более крупным. Таким образом, для применения скачков и взрывов как бы не остается места. Конечно, в развитии техники и экономики имеются мутационные прыжки и взрывы, но сфера их влияния более ограничена, чем в других отраслях культуры. Так, напр., в начале XIX века в английском текстильном производстве чесальная машина произвела мутацию, прямой переворот. Как известно, эта техническая мутация сопровождалась даже рассечением общественной ткани, кровопролитием и бунтом.

Развитие современной военной техники также является ценно непрерывных скачков мутационного характера, но с размахом более или менее ограниченным. Авиация, подводные лодки, удушливые газы, — все эти орудия новейшей войны выросли скачками и взрывами.

В общем указанное выше различие темпа развития между культурой материальной, с одной стороны, и культурой социальной и духовной, с другой, — осложняется таким противоречием: материальная культура, развиваясь сравнительно быстро, движется вперед плавным и постепенным подъемом эволюции. Развитие культуры духовной и, в особенности, социальной, по существу, чрезвычайно медленное, подобное движению неподвижных звезд, все же совершается в порядке мутаций, прыжками и взрывами. Эти внезапные подъемы, которые нам в исторической перспективе кажутся огром-

ныли, в конце концов, опадают и в итоге поднимают социальную постройку на весьма незначительную долю миллиметра. Так, извержения вулканов весьма незначительно влияют на утолщение общего массива земной коры.

В связи с мутационным способом развития человеческой культуры, надо указать еще так называемый *закон конвергентности*. Он состоит в том, что новое социальное явление, каждая новая стадия социального развития возникает и развивается одновременно с различных сторон, по путям параллельным и раздельным. Эти совпадающие моменты и признаки однородного развития возникают и проявляются неожиданно и многогранно. Можно указать в развитии явлений исторических и социологических целый ряд таких конвергентных, многогранных совпадений. Так, напр., открытие Америки испанцами (Колумбом) совпало по времени, почти год в год, с открытием Индии португальцами (Васко-да-Гамой). То было два конвергентных пути кругосветных путешествий: западный и восточный. Подобно этому, целый ряд одновременных географических открытий имеет конвергентный характер, вплоть до открытия южного полюса в 1911 — 1912 гг. одновременно Амундсеном и Скоттом. Конвергентный характер имело создание первых аэропланов, — монопланы и бипланы братьев Райт, Латама, Блерио, одновременное открытие фотографии Дагерром и Нипесом, постройка первых аэростатов одновременно братьями Монгольфье и Шарлем. В области явлений другого порядка, конвергентно развилось учение эволюции видов у Дарвина и у Уоллеса. — так же основы дифференциального и интегрального исчисления независимо — у Лейбница и Ньютона, формулировка законов исторического развития одновременно у Маркса и Энгельса.

Другой вариант конвергентности состоит в том, что крупная историческая или социологическая перемена (мутация), созревавшая, проявляется симптомами, относящимися к различным областям, но совпадающими во времени. Так, напр., назревание последней мировой войны обнаруживалось различными признаками, лихорадочным ростом вооружений, технической дуэлью между пушкой и броней, обострением противоречий международных и между классовых, а с другой стороны, жутким настроением в литературе и в искусстве, разнузданностью нравов, особенно в общественных верхах, эпидемией самоубийства и пр. и пр.

Многочисленность и разнообразие таких нарастающих симптомов может вести наблюдателя-историка или социолога к предвидению перемены. Уэллс, напр., предвидел мировую войну и в ряде романов

1908 — 1912 гг. предсказал многие детали ее осуществления. Эмиль Верхарн. « своей пьесе «Зори», поэтической интуицией предвидел не только мировую войну, но также и последующую мировую революцию. В общем художественная литература часто как бы предвещает, к своим иоуфантастических построениях и схемах, грядущее развитие технических открытий и мировых перемен.

Выше была указана трехчленная схема развития культуры — «эволюция — мутация — расширенная эволюция», имеющая довольно явно выраженный диалектический характер.

В связи с этим надо указать п дальнейшее проявление диалектического метода в развитии и в изучении явлений социологических, этнографических и этногеографических.

Диалектический метод изучения представляется обыкновенно как «отражение действительного развития, которое совершается в мире природы п человеческого общества и подчиняется диалектическим формам». ¹

В развитии диалектического метода за первым моментом, положительным и утверждающим (тезис), следует второй — отрицательно-диалектический момент (антитезис), и тогда уже понятие примиряется с своим противоположным в новом более содержательном понятии, которое относительно двух первых представляет третий, более широкий, положительно-разумный и собственно умозрительный момент (синтезис).

В области этнографических явлений диалектический метод проявляется весьма ярко, но по преимуществу в виде антиномии, т. е. явление развивается одновременно в виде тезы и антитезы. Гораздо труднее найти и определить последующий синтез.

Примеры антиномии можно указать в области материальной культуры. Напр., так называемый собирательный способ питания первобытных человеческих племен разделяется на две разновидности: лесную-сухопутную и приморскую. Для первой разновидности характерны ботокуды, для второй — огнеземельцы. Отсюда создается в дальнейшем развитии два вида хозяйства: сухопутное-земледельческое-скотоводческое и морское-рыболовное. Обе хозяйственные формы часто существуют бок-о-бок в одном и том же племени раздельно п вместе — слитно, создавая антиномию. Так, у всех арктических п субарктических племен старого света, начиная от лопарей и кончая чукчами, существует два хозяйственных быта: оленеводство и рыболовство (или морская охота), i чукоч в каждой

¹ Маркс п Энгельс, Письма. М. 1923, стр. 295.

территориальной группе и даже во многих отдельных семьях бывают и оленеводы и морские охотники. Последние между прочим ездят на собаках, которые являются непримиримыми врагами оленей. Таким образом, оленная часть племени кочует поодаль, верст за сорок или пятьдесят от приморской, и по смее приблизиться к ней. Тем не менее обе части тесно связаны и находятся в постоянном общении.

Земледелие и скотоводство, в своем историческом и географическом развитии, также составляют антиномию. Скотоводство рогатого скота развивается в степях и создает кочевую культуру—номадизм. Земледелие развивается в приречных областях и создает оседлый быт. Обе хозяйственные формы меняются культурными достижениями и влияют друг на друга.

Ранняя форма земледелия, так называемая мотыжная обработка, производится ручным способом.

Разведение рогатого скота, позаимствованное из степей от кочевников племенами оседлого быта и перенесенное таким образом в приречные местности, в конце концов, дает возможность создать новую форму земледелия, более экстенсивную, но захватывающую обширные пространства. Это — плужная форма земледелия с участием рогатого скота (или лошадей).

Таким образом плужная форма земледелия является подлинным синтезом первобытного мотыжного способа обработки с разведением скота, заимствованным у номадов.

Еще более яркие формы антиномии, в виде тезы, сопряженной с антитезой, — являются в области духовной культуры, в частности, в области религии. Белобог и Чернобог; Бог и Сатана; Ангелы и Демоны; Рай и Ад; Белая и Черная Магия, — вот общеизвестные и чрезвычайно распространенные формы такой антиномии религиозного дуализма.

В борьбе религий после каждого религиозного переворота, старые боги неизменно становятся демонами и вступают с новыми богами в антиномическое сочетание. Вельзевул — Beelzebub — бог-муха — древнее сирийское божество, стал для евреев демоном. Латинская Венера стала для христиан, начиная с VI века, дьяволицей и т.д.

"Другой пример, — «божба» сочетает употребление имени божьего с проклятием и богохульством. Итальянская брань: «Sporca Madonna», «Putana Madonna», — нехорошими словами ругает богородицу. Точно такой же характер имеет и наша национальная божба: «в веру, кровь, крест, печенку, селезенку и т. д. <<У французов другой вариант: «Sapristi!» в сущности Sang Christi! — «кровь Христова» или «Cr^dieu» — «Sacre dieu», «святой боже» и самое слово «Sacre»—

свитой, — стали ругательными и неприличными словами. У англичан третий вариант. Слово «damn» — проклинать, замещено словом «bless» благословить. Слово «blood» — «кровь», в ругательских комбинациях стало неприличным словом и замещено по созвучию другими более нейтральным словом — «bloom» — «цвет». Но и это последнее слово тоже стало неприличным.

В области обрядов и жертвоприношений можно указать на два варианта изготовления жертвенных трофеев из головы убитого врага. По одному варианту трофеем служат мягкие части головы: мясо, кожа и волосы, высушенные на солнце или в дыму, или в горячем песке. Таковы скальпы северных индейцев, сушеные головы южноамериканских индейцев Хиваро и т. д. По другому варианту мягкие части соскабливаются и трофеем служит голый и высушенный череп. Именно такой трофеей печенегу изготовили из головы Святослава, превратив ее в чашу для вина.

Отношение к покойникам тоже имеет явственный антиномический характер. Они одновременно являются худшими врагами человека, мучителями и убийцами, и также покровителями, дающими васситу и удачу.

В области этногеографических явлений ниже будет указано двухцентровое развитие культурных кругов (эллипсов) и два метода взаимных проникновений культуры, которые как бы подобны двум видам электричества, положительному и отрицательному. Положительным электричеством является ассимиляция, отрицательным — война.

Проявление антиномии в этнографических и этногеографических явлениях, очевидно, является частью более общей антиномии (полярности), проявляющейся в различных отделах и сферах бытия.

Физические, химические и биологические антиномии обыкновенно разрешаются синтезом, и в нем получают свое диалектическое завершение. Можно предполагать, что антиномии этнографические, этногеографические и социологические в конечном счете тоже приводят к синтезу. Только крайняя сложность этнографических и социологических явлений и недостаточная точность наших приемов исследования делают этот завершающий синтез часто трудно нахожимым и как бы затемненным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РАННИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФОРМЫ.

Экономическое развитие человеческой культуры прошло через следующие стадии, более или менее однообразные у огромного большинства народов.

Первая стадия, соответствующая палеолиту, это так называемая собирательная стадия. На этой стадии человек, не думая о завтрашнем дне, живет непосредственным сбором добычи «из руки в рот». Он не делает никаких запасов и при малейшей заминке в естественном обилии продуктов, тотчас же начинает голодать. Так ботокуды в Бразилии голодают среди пышной тропической природы и кое-как пробиваются от одного плодосбора до другого, с промежутками в неделю или две.

Надо считать, что стадия собирательного хозяйства соответствует именно палеолиту. Правда, современные собиратели почти все перешли к более совершенной выделке камин, т. е. к неолиту и даже к железу, купленному у европейцев, но следует думать, что и этот неолит тоже заимствован ими у соседей. Ибо люди, которые живут без запасов и без организованного хозяйства, вероятно, еще неспособны собственными усилиями вне изменения формы хозяйства создать улучшенную технику. Таким образом, улучшенная техника, заимствованная у соседей, не ведет эти народы к улучшению хозяйственной формы.

На стадии собирательного хозяйства находятся в Америке ботокуды, огнеземельцы, сирноно, в Африке бушмены и акка, в Азии цейлонские ведды, андаманцы, малаккские альфуры, все вообще австралийцы, вымершие тасманийцы и некоторые другие.

Собирательная стадия имеет два варианта: сухопутный и морской. Сухопутные собиратели являются плохими охотниками. Для охоты они слишком пассивны, неумелы и плохо организованы. Им недоступны коллективные охоты на крупных травоядных. Только бушмены знают отчасти такие охоты. Но в той каменистой пустыне, где они обитают, крупной дичи вообще мало. Сухопутные собиратели бьют птицу, собирают яйца, убивают ящериц, змей, мелких грызунов, обезьян, собирают личинки, червей, при случае саранчу. Их основное питание состоит из растительных продуктов, плодов и орехов, корней, дико растущих злаков и проч. В общем диета, похожая на обезьянью.

Однако и здесь уже замечается естественное разделение труда, соответственно полу. Женщина занимается сбором растительных продуктов. Начатки охоты, поскольку она существует, принадлежат мужчинам. Выделка оружия и все усовершенствования в этой области тоже относятся к мужскому труду и инициативе. Копье и палица, бумеранг, метательная дощечка, праща—все эти виды оружия вплоть до лука и стрел изготавливаются и употребляются исклю-

■шительно мужчинами. Женщина употребляет такое оружие лишь в виде ■ исключения. Х разных племен даже простое ■ прикосновение женщины к луку и стрелам лишает их силы и приносит несчастье. Специальное женское орудие и вместе оружие есть лопатка для копания из твердого пальмового дерева. Такими лопатками женщины при случае жестоко дерутся.

На этой стадии развития женщина является прежде всего матерью детей, забота о которых лежит всецело на ее плечах, даже в буквальном смысле, ибо молодая мать в вечных скитаниях носит грудного младенца на бедре или на спине, также как самка обезьяны, и почти никогда не спускает его на землю.

Далее, как указано, женщина является собирательницей растительных продуктов, из которых и мужчина получает свою долю. Она приносит из лесу тяжелые вороха орехов и плодов. Между прочим сладкие плоды алыаробо в южной Америке, дающие туземцам пищу и вино, собираются женщинами.

Далее женщина является хранительницей огня и, стало быть, блюстительницей домашнего очага и семьи, поскольку они существуют. Завоевание огня, сколько можно судить по легендам, принадлежит мужчине. Женщина носит дрова решительно у всех первобытных племен, большей частью на собственной спине, на севере зимою возит дрова на салазках. Так у чукоч собирание дров является делом женщин. Они выдирают по тундрейным ложбинкам жесткие зеленые кустики, собирают деревянистые корни и стаскивают их в кучу. Дело это на тундре довольно нелегкое. Быть может, поэтому, сватовство у чукоч начинается тем, что кандидат в женихи собирает на тундре и в лесу беремья топлива и приносит его к дому суженой. И потом во все время сватовства, которое длится очень долго и в довольно стеснительных условиях, доставка дров в дом тестя лежит исключительно на женихе. Мы видим таким образом начало перехода заготовки топлива от женщины к мужчине. В дальнейшей эволюции, напр., в быту оседлых земледельческих племен, в той же северной полосе, по несколько южнее, в области хвойного леса, заготовка топлива переходит к мужчине. В русском крестьянстве в лес с топором за дровами ездит, как правило, мужик, а баба — скорее как исключение. Все лесные работы, дровяные, бревенные, а также кустарные промыслы, связанные с деревом, принадлежат мужчинам.

Итак, женщина на собирательной стадии является хранительницей огня. Она загребаёт горячие угли под золу для того, чтобы они сохранились до утра и не пришлось бы прибегать к довольно

неприятному, а главное не всегда удачному процессу вытирания огня из деревянного прибора.

Также и доньяне крестьянка загребаёт загнутой в печи для того, чтобы на утро не пришлось разводить огня снова.

Женщина является даже ответственной за сохранение огня. Римские весталки, хранившие священный огонь римской общины, не давая ему угаснуть, перуанские девы огня являются позднейшей стилизацией этой древней необходимости во что бы то ни стало охранить огонь от угасания.

Весталка, по небрежности давшая угаснуть огню, наказывалась смертью. Очевидно, в древнее время это было действительным несчастьем для целого племени.

Наконец, на собирательной стадии женщина является вьючным животным и служит для переноски всякого рода тяжестей.

Большая часть племен на этой стадии развития не имеет определенного жилища и скитается с места на место, устраивая для ночлега простейший навес или ширму, дающую защиту от ветра. Другие сплетают шалаш, тесный и похожий на логовище. При постоянных перемещениях женщины несут на себе весь немудреный скарб, припасы (если они есть), а также и маленьких детей. Даже маленькие девочки несут свою часть. Мужчины идут впереди или сзади этой вьючной процессии с оружием наготове. Каждую минуту может выскочить враг, хищник, двуногий или четвероногий и нужно защищаться, или же покажется охотничья добыча и нужно нападать. Таким образом у мужчин руки должны быть свободны и движения не связаны.

Женщина, как вьючное животное, проявляет большую выносливость. Она переносит тяжести на плече, или на голове, или на спине, при помощи особой лямки, перекинутой через лоб или перетянутой через грудь. Постепенно создаются особые корзины, кузова и мешки для более удобного распределения тяжести. Однако на последующих стадиях культуры, с одной стороны, для переноски тяжестей применяется скот, а с другой стороны, ношение тяжестей частью переходит к мужчинам. В городских условиях востока и запада носильщиком и грузчиком является, конечно, мужчина. В южной Африке, там, где муха це-це делает невозможным разведение рогатого скота и лошадей, носильщиками груза и в сущности настоящим вьючным скотом являются уже мужчины.

Мы видим и в других отраслях производства и труда то же переменное соотношение полов, как и в указанных случаях.

Женщина была зачинательницей многих ремесел, связанных с домашним бытом и вообще с огнем.

Так женщина была первой портнихой, поварихой, прядельщицей, ткачихой, горшечницей и раскрасчицей посуды и т. д.

Первые глиняные сосуды выделялись и раскрашивались женщинами. Но в дальнейшем, в особенности с применением гончарного круга, гончарное ремесло перешло от женщины к мужчине. Горшечница уступила гончару. Даже в поваренном и швейном деле, в конце концов, мужчина достиг наивысших успехов. Об этом свидетельствуют газетные объявления: «белая кухарка за повара» и дамские костюмы из парижских мастерских, сочиняемые мужчанами-закройщиками.

Все это, разумеется, еще не свидетельствует о низших способностях женщин, а только об ее угнетенном и зависимом положении. Рождение и воспитание детей и домашнее хозяйство легли на женщину таким тяжелым грузом, что развитие культуры постепенно сняло с нее и сбросило все добавочные тягости. И только в формах новой городской жизни, где бремя вскармливания детей и домашнее хозяйство заметно становятся легче, женщина опять выдвигается вперед, как соперница и сотрудница мужчины.

Сухопутная стадия собирательного хозяйства постепенно развивается и принимает специальные формы. Так в Калифорнии есть племя, существующее сбором желудей. Урожай желудей чрезвычайно обилен и в сущности это настоящее плодовое хозяйство из дикого необработанного сада. Индейцы собирают большие запасы желудей и прокармливаются ими круглый год. Они готовят из желудей муку и делают печенье. Они живут в постоянных домах с утварью и разным имуществом.

На восточной стороне Соединенных штатов есть другие собирательные хозяйства, относящиеся к дикому рису (*zizania aquatica*). Это болотный злак, с настоящим рисом ничего общего не имеющий, но ряд индейских племен питается им и собирает зерно целыми тоннами. В XVII и XVIII вв. индейцы в голодные годы ели этот злак и спасали их от голода.

Морские собиратели питаются раковинами, морскими ежами, всяческими морскими беспозвоночными, собирают мелкую рыбу и всякое морское добро по отливу, отчасти ловят рыбу у берега. Меньше способны они организовать настоящее рыболовство. Лодки их настолько плохи, что они не отваживаются выезжать из закрытых бухт и вообще отдаляться от берега.

Морская собирательная стадия отличается большей консерва-

тивностью. Как и всякое приморское питание, собирательная стадия здесь доставляет животные продукты, рыбу, ракушки и лишь небольшое количество морской капусты-водорослей и то не везде.

Так и в настоящее время южно-итальянские лаццарони не хуже огнеземельцев соблазняют раковины, морских ежей и вообще всякие *frutti di mare* (морские продукты) и этим питаются.

В дальнейшем из приморского собирательного хозяйства вырастает постепенно рыболовство, сначала прибрежное, а потом и морское, глубинное. Эта стадия хозяйства соответствует сухопутной охоте. Дальше этого приморское хозяйство не пошло. И в сущности рыбацкие флотилии, уходящие в море на ловлю сельдей и трески, со своими неводами из серого шелка сырца, длиною в километр, со снастями-переметами из крючьев, растянутыми на большие расстояния, все это только охотничьи группы, охотничья снасть и принадлежности. Береговые народы Западной Европы, голландцы, шотландцы, норвежцы, живут рыболовством и при ледоходе сельди, при неуровне трески, страдают от этого так же, как страдали их отдаленные предки.

В рыбном хозяйстве только возникшее в разных местах рыболовство соответствует сухопутному скотоводству и животноводству. Но искусственное разведение рыбы до сих пор имеет довольно незначительные размеры.

Сухопутная собирательная стадия водном из вариантов постепенно переходит в настоящую охоту. Эта охота производится в лесостепи и относится к крупным травоядным. Она производится коллективными усилиями рода или племени и требует, таким образом, более окрепшей общественной организации. Охота производится облавами, загонами, часто с возведениями изгородей на многие десятки километров. Мясо добывается в большом количестве, и является необходимость приготовить его для хранения впрок. Мясо, обыкновенно, сушится на солнце, вялится, а также коптится или размалывается с салом и превращается в мясной порошок,—пеммикан и т. д.

Таким образом стадия крупной охоты требует более сложных общественных форм и приводит человека к созданию запасов пищи, к заботе о завтрашнем дне.

На стадии настоящего охотничьего хозяйства находились, напр., многие индейские племена Соединенных штатов, которые существовали охотой на бизонов, следуя за стадами в их постоянных передвижениях. Юкагиры и чуванцы, обитавшие на северных притоках реки Колымы, жили массовой охотой на диких кочующих оленей и потом, когда чукотские стада разрослись на тундре и оттеснили дикого оленя, юкагиры и чуванцы вымерли с голоду.

К стадии крупной охоты, вероятно, еще к ее первоначальному развитию, относится приручение собаки, самого древнего домашнего животного. Впрочем собака, вероятно, не была приручена, а пристала к человеку сама, привлекаемая соблазнами общей коллективной охоты. Дикie собаки, волки, шакалы, умеют устраивать облавы не хуже человека. Мало того, нередко даже собаки перехватывают добычу человека и становятся таким образом его сотрудниками насильно. Также п шакалы, в поисках отбросов и плохо лежащих кусков, приходят прямо к человеку на двор, рискуя нарваться на выстрел.

Отношения собаки с человеком до сих пор сохранили следы былого равноправия. Собака является в роли помощника и друга, а не домашнего скота.

Охотничья помощь, поноска, травля добычи, начиная от мелкой птицы и кончая медведем и лосем, вот наиболее древнее значение собаки. Охотничья собака тунгусского охотника или индейца из северо-американских лесов худенькая, подвижная, полудикая, это наиболее древний тип одомашненной собаки.

Независимые группы собак, вроде константинопольских уличных собак, воспроизводят в пределах позднейшей культуры дремную независимость вольных собачьих стай, сотрудничавших с человеком коллективно. Уличные собаки входят в городскую культуру, но они не являются домашними рабами человека. Так же точно голуби, воробьи, аисты, лебеди занимают положение приживальщиков культуры, не сделавшись домашними. Л крысы с мышами являются мелкими хищниками, паразитами культуры.

Другой вариант дальнейшего развития собирательной формы хозяйства относится к растительным продуктам и ведет к земледелию. Главную роль в этом отношении играет опять-таки женщина. Как было указано выше, женщина является собирательницей растительных продуктов. Даже на крайнем севере женщина ходит по тундре, собирая ягоды и съедобные корни.

Любопытная чукотская сказка начинается так: «Жил одинокий мужчина на тундре, убивал тюленей и оленей, жила одинокая женщина, собирала съедобные корни...». Следует встречай брак и соседнее хозяйство, двойное: мясное и растительное.

От собирания корней женщина перешла, вероятно, почти незаметно, к их возделыванию. Исследователи рассказывают, что даже у австралийцев женщины нередко зарывают в болото куски съедобных корней, ибо они заметили, что от таких первобытных пересадок корни улучшаются и урожай становится обильнее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

4КЭ.1КДЕЛШ-: п скотоводство.

Первичное земледелие и было таким разведением съедобных корней с превращением их из тощих палок в мясистые корнеплоды.

Древнейший корнеплод Европы, репа, южно-американская маниока, перуанский картофель, полинезийский ямс и проч., все это древнейшие культурные растения. Далее следуют злаки, сначала те, которые можно заваривать в воде, получая кашу (просо, гаолян, гречиха и проч.), а после, наконец, и те, которые можно перемалывать в муку. Впрочем, колосья тех и других злаков первоначально также жарили на огне.

Орудием земледельческих работ служит деревянная палка или заостренная, или, напротив того, веслообразная, похожая на узкую лопатку для копания корней. Далее является наконечник роговой, костяной или каменный и получается мотыка или заступ. Орудия эти тождественны с теми, которые употреблялись на ранней собирательной стадии при выкапывании корней. Мотыка чукотской или эскимосской женщины для выкапывания корней осоки могла бы служить настоящим земледельческим орудием.

Раннее земледелие отличается крайней пестротой и беспорядочностью распаханых кусочков и клочков. Особенно в тропическом лесу разделять приходится кусочки между неподвижными стволами огромных деревьев вперемежку с кустами и проч. С первого взгляда трудно даже различить возделанный участок от обыкновенной лужайки, от старой порубки и проч. Однако и такие участки дают плодосборы, более обильные, чем охота и рыбная ловля. П. в конце концов, семьи и роды в своем новом земледелии становятся более грузными и громоздкими. У каждой семьи получается по нескольку участков.

Это земледелие на разбросанных клочках еще сохраняет какой-то кочевой, даже бродячий характер. Индейская семья (в Южной Америке) свободно передвигается по лесу, часто на значительные расстояния, и на каждой остановке находит поблизости какой-нибудь участок, на котором, несмотря на занушенность, все-таки что-нибудь растет, скорее всего маниока. В других случаях, напротив, разбросанность этих участков ведет к постоянным передвижениям от одного к другому, чтоб пользоваться сборами и по возможности улучшать и возобновлять посадки.

Урожай потребляется на месте. Излишки складываются в тайники, большей частью подземные, реже устроенные в крупных дре-

весных дуплах, или в деревянных амбарчиках, укрепленных на деревьях или на деревянных столбах в защиту от четвероногих хищников.

Такие же тайники и амбарчики на столбах для хранения запасов свойственны и другим формам хозяйства, напр., северным охотникам или рыболовам. Здесь хранятся запасы рыбы и мяса, вяленого или мороженого.

Отсюда между прочим происходит и лесная избушка на четырех столбах, лесной тип свайной постройки, которая некогда была жилищем лесных земледельцев на севере.

«Избушка на курьих ножках» из русской сказки, является таким древнейшим жилищем какого-то лесного племени, повидному, чуждого славянам.

В дальнейшем семья привыкает странствовать от тайника к тайнику, оставаясь на месте вплоть до потребления запаса. Короткие переходы перемежаются долгими остановками, наступает полuosедлость, а потом я полная оседлость у центрального участка п амбара.

Таким образом человеческая оседлость возникает в связи с большим запасом*пищи, который неудобно перетаскивать с места на место. Также и в рыболовном быту возникает постоянная оседлость у рыбных озер или у больших рек, куда рыба ежегодно входит с моря огромными тучами для метания икры.

В зоологическом мире различные грызуны прячут на зиму запасы корней и зерен и живут постоянно вблизи этого места. Их жилище есть прежде всего кладовая, это спальня, устроенная при амбаре.

В дальнейшем развитии этого раннего земледелия улучшается обработка земли, применяется коллективная работа. Жшцны п дети, мужчины, старики, выходят все вместе на участок, соединенными усилиями размельчают землю, как пух, проводят борозды, делают грядки, протыкают ямки и сажают туда куски корнеплодов, зерна бобов, зернышки хлеба и проч. Вся работа происходит в ручную, огородным способом.

Все же и при такой коллективной обработке женщина является главной полевой работницей. С течением времени это ручное земледелие улучшается больше, орудия приобретают каменные наконечники, проходят через неолит и бронзу и вступают в железный период. Современная могила, огородная лопата, заступ, это последние изменения все тех же первобытных орудий для копания. Земледелие становится единственным источником жизни. Работа в обыч-

ном порядке развитии переходит от женщины к мужчине. Наступает длительная эпоха огородно-мотыжного ручного земледелия, которое в некоторых и притом высоко культурных странах преобладает до сих пор. Таково земледелие японское, южно-китайское, малайское, отчасти индийское; также мексиканское и перуанское в допсанскую эпоху.

Во всех этих странах обработка земли производилась, а отчасти производится и теперь, в ручную, без всякого участия скота.

Сюда же относятся и паши собственные культуры, огородные и садовые. Возделывание зерновых хлебов в странах Европы и ближнего востока приняло другую форму, по возделыванию овощей, плодов, виноградников, производится в ручную, притом с необыкновенной тщательностью, несравненно более высокой, чем пашенное зерновое земледелие. Виноградник и фруктовый сад по интенсивности культуры гораздо выше пашни.

Первобытное ручное земледелие зарождается в лесах, в хорошо орошенных местностях и в дальнейшем развивается в широких приречных долинах. Леса вырубаются и заменяются посадками. Вообще рост земледелия есть рубление лесов и замена их искусственными полевыми культурами.

В тропических странах при расширении обработанных пространств является необходимость в устройстве системы орошений. Каждая новая канава есть расширение культуры и победа над пустыней.

Это справедливо для Нила, для Тигра с Евфратом, для турецкой, китайской и индийской пары рек. искони обросших культурой. Везде орошение создает человеческую жизнь.

С ранним земледелием, созданным женщиной, связано и мелкое животноводство. Первобытный охотник, постоянно воюя со всевозможными породами зверей, постоянно и почти инстинктивно захватывает детенышей живьем.

Звериные хищники кошачьей и волчьей породы также инстинктивно истребляют детенышей, которые являются для них лучшим лакомым блюдом. Но человек, очевидно, лишенный такой острой жажды крови, часто прикармливает и воспитывает захваченных детенышей. Этим утешаются девчонки и мальчишки. Даже современные городские ребятишки возятся с кроликами, с щенятами, с кошками.

Молодые женщины вскармливают более крупные породы, вплоть до медвежат, нередко собственную грудью.

Карл Лумгольдц в своей книге «Неизвестная Мексика» описывает, как индианка вскармливает сразу двух питомцев, мальчишку и мед-

вежоика. 11 стоит ей присесть, как подбегает тот или другой и принимается совсем бесцеремонно теребить ее за грудь.

Между прочим, известный крестьянский рассказ о том, что русские помещики в старину заставляли крепостных женщин вскармливать собственной грудью породистых щенят, повидному, является отголоском древней легенды, связанной с началом животноводства. Это не исключает того, что в X VIII неке, в расцвете крепостного рабства, российские помещики, действительно, осуществляли эту старинную зоотехническую легенду и делали ее живой и творимой.

Обратная легенда о человеческих младенцах, вскормленных сукой, наир., о собаке, вскормившей персидского Кира, о римской волчице, вскормившей Ромула и Рема, является, очевидно, заменпой и парной к вышеуказанной русской легенде.

Фоп-ден-Штейнен, описывая поселки индейцев Бакаирп на бразильском плоскогории Шингу, говорит, что каждый поселок выглядит как птичник и зверинец. На кровлях сидят попугаи с подрезанными крыльями, по улицам бегают грызуны, мелкие и крупные, даже пройдет ручной тапир и проползет аллигатор. Жители ничем не пользуются от своих пленных сожителей. И если они выщипывают у попугая несколько цветных перьев для собственного убора, то взамен они подвизывают ему под крылья цветные кисточки.

Таким образом, все это животноводство возникает для забавы в порядке естественного содружества человека с животными. С другой стороны, развитие такого животноводства предполагает, как условие, оседлость и притом довольно прочную. При бродячем образе жизни, при отсутствии скота, кто бы стал перетаскивать с места на место еще и прирученных животных. Пока женщина сама остается в положении выючной скотины, ей недоступно приручение других животных.

К мелкому животноводству относится домашняя птица, утки и гуси, куры, индейки, голуби, дальше кролики, у перуанцев морские свинки (собауа).

Приручение кошки примыкает сюда же. Этого изящного зверя приручили, быть может, для забавы. Ловля мышей, должно быть, явилась уже потом в виде побочной выгоды. На критских и египетских фресках кошка является для человека охотничьим животным и служит для охоты за птицами. Впрочем гораздо вероятнее, что приручение кошки развилось в порядке тотемизма.

Первобытный человек не делает особенной разницы между людьми и зверьми. Для него звери такие же люди, а люди такие же

звери. Занимаясь постоянно охотой, они привыкли свое внимание сосредотачивать на зверях, причем выделяется какая-нибудь порода, привлекающая наибольшее внимание. В конце концов, эта порода рассматривается, как родственная данному племени (тотем). Предок племени имел форму быка, сокола, крокодила, и все современные соколы, крокодилы это братья людей. В дальнейшем, в племени выделяются роды и каждый род имеет свой собственный тотем. Тотемная порода животных становится священной и неприкосновенной и ее приручение возникает естественно в порядке ее спокойного сожительства бок-о-бок с человеком.

В частности кошка была приручена в северо-восточной Африке, по всей вероятности в Египте, где было развито тотемное почитание зверей и были округа, почитавшие быка, барана, мышь, кошку.

Богиня Башт изображалась с кошачьей головой. После смерти кошек бальзамировали, и в гробницах найдено множество маленьких кошачьих мумий, закутанных в пелены.

В дальнейшем мелкое животноводство начинает приносить хозяйственную пользу. Домашняя птица, напр., дает яйца, перо, мясо. По п до настоящего времени животноводство сохраняет свои основные черты.

Во-первых, оно до сих пор находится в руках у женщин. Так птицы, яйца, даже овцы это повсеместно женская доля и женское хозяйство. Этим хозяйка распоряжается независимо от мужа. Далее в мелком животноводстве многие породы до сих пор имеют характер почти исключительно орнаментальный. Певчие птицы разных пород, вплоть до канареек, разводимых в неволе, отчасти голуб и, мелкие куры корольки, японские длиннохвостые петухи, все это разводится для забавы, для целей эстетических и орнаментальных.

Таково развитие ручной формы земледелия и мелкого животноводства, связанных с женской работой и изобретательностью.

Крупное животноводство вырастает другим путем из охоты на крупных травоядных. Оно развивается в степи, в травянистой пустыне. В отличие от раннего земледелия оно связано с непрерывными передвижениями и относится всецело к мужской работе. Животные, загнанные в изгородь при посредстве облавы, были убиваемы не сразу. Старых быков и коров сохраняли хотя бы для того, чтобы иметь подольше свежее мясо, но особенно сохраняли маленьких. И таким образом перешли постепенно от копченого и вяленого запаса пищи к запасу живому. Так из охоты загонем развилось первое приручение крупного скота, которое в этнографии так и называется: «огораживание» (hedging по-английски). Насколько можно судить

пи стенным картинам, у египтян в раннюю эпоху существовало именно такое огораживание, причем в обширных их загонах, простиравшихся на многие десятки километров, содержались не только коровы и овцы, но также антилопы с длиннейшими рогами, ныне опять одичавшие.

Сибирские крестьяне на Алтае и Саянах в последние полвека стали развивать новое животноводство, разведение марала или изюбря, дающего драгоценные молодые рога (панты), продаваемые в Китае на лекарство. Маралов ловят живьем и содержат в обширных изгородах-пастбищах, только прикармливают сеном.

Также и диких слонов в Индии, на Цейлоне и в Индокитае ловят, загоняя в огромные и прочные изгороди. Потом их постепенно смиряют и приручают и дальше приучают к работе. Прирученные слоны в неволе не плодятся. Таким образом все слоны, употребляемые англичанами и индусами для езды, для перевозки пушек, для корчевания пней и т. п. взяты на охоте живыми при помощи загона.

Приручение крупных травоядных возникает таким образом в степях, даже в пустынях, и от крупной охоты оно приводит нас к скотоводству. Когда огораживание не служит препятствием к размножению породы в неволе, первую стадию одомашнения можно считать преодоленной. Ограда становится излишней как для поимки новых животных, так и для сбережения старых. Охотник, отныне пастух, выходит из ограды со своим будущим стадом и начинает свободно ходить вместе с ним по степи, от пастбища к пастбищу. Стада разрастаясь рожают скотоводческий быт, так называемый номадизм.

Степное скотоводство, номадизм, есть особая форма культуры, параллельная ручному земледелию и мелкому животноводству приречных долин. Оно развивается независимо от них, по собственным законам. Оно связано с постоянными передвижениями, так как, используя траву на данном участке, нужно отправляться дальше. Мало того, крупный скот дает и средства передвижения. Развивается езда верховая и выючная, санная и тележная. Скифы и германцы кочевали в телегах. Скифы обитали в войлочных кибитках, поставленных на грубые телеги со сплошными колесами, как в нынешних кавказских арбах. В телегах ехали женщины и дети, мужчины передвигались верхом на лошадях.

Скотоводство, по мере умножения человеческих родов и возрастания стад, становится все более подвижным и даже нервным, в отличие от земледелия, которое становится все более оседлым, неподвижным. Скотоводческие племена, возрастая в численности и достигнув известной черты, выходят окончательно из равновесия,

спекаются вместе, как живой и подвижный комок, и обрушиваются на своих земледельческих соседей, как огромная лавина. Они ведут истребительные войны и разрушают культуру древнейших городов и оседлых государств земли. С другой стороны, скотоводство создает особую культуру, весьма своеобразную, особые ремесла, напр., кожевенные. масляно-молочное, перегонку утешительницы водки из забродившего молока. Такое производство впервые возникло у кочевников и только потом перешло к земледельцам, заменив молоко мукой с прибавкою солода.

Далее при подвижности своей скотоводы естественно становятся странствующими торговцами, возчиками кладей, дорожными посредниками. устроителями сношений между народами совершенно раздельными и не знающими друг друга. Это одинаково справедливо для северной тундры, среднеазиатской пустыни, Аравии. Сахары. На тундре чукотские *kauralil*, что означает «обратные», это чукчи приморского происхождения, которые завели себе упряжных оленей и постоянно странствуют между Тихим Океаном и Колымой с торговой целью, даже служат торговыми посредниками между американскими китоловами и русскими на Колыме. Бедуины в сирийской пустыне и туареги в Сахаре водят торговые караваны между оседлыми народами, живущими на границах пустынь. Правда, с развитием оседлой культуры торговцами становятся люди оседлого, даже большей частью городского происхождения, которые у кочевников занимают скот и лошадей, берут проводников и пастухов. Именно так китайские торговцы в монгольской степи перевозят чай при содействии монголов.

В библейской легенде измаильтяне, купцы магнаметке, которые шли из Галаада в Египет и чьи верблюды несли стираксу, бальзам палладан, были, очевидно, скотоводческого происхождения. Им-то сыновья Якова, тоже еврейские кочевники, продали своего брата Иосифа таким образом он попал в Египет. Такие странствующие торговые караваны между прочим постоянно торгуют рабами, и при случае и сами их увозят силой, вообще являются не только торговцами, но также хищниками. Мы увидим далее, что такие же хищные свойства проявляют и морские торговцы, одновременно купцы и пираты.

В конце концов, караванная торговля есть явление промежуточного происхождения, результат срастания форм скотоводческих, земледельческих и собственно-торговых.

Скотоводство, т. е. развитие крупного скота и возникающая из него культура, с самого начала связано с мужским трудом, муж-

екою энергией а мужским настроением. Оттого в скотоводстве сохраняются долго охотничьи навыки. Часто охота, смыкаясь со скотоводством как бы окрыляется, так как охотник из пешего становится конным или оленным. Тунгусский всадник на верховом олене представляет, быть может, наиболее совершенный тип охотника, существующий в мире. Также и в Северной Америке апач или комаич на полубъезженном мустанге в XVII и XIX веках являлся наиболее удачливым охотником за бизонами. Правда, потом и бизоны исчезли и самим охотникам приходится, поскольку они тоже не истреблены, переходить к земледелию.

При более массовом развитии скотоводства, охота приобретает характер забавы, развлечения, спорта. Именно такова верховая охота в степи с соколами, с собаками, даже с гепардами кошачьей породы. Эти охоты так глубоко внедрились в человеческую психику, что от кочевников перешли к земледельцам и удержались даже у самых культурных народов современности, правда, лишь у правящих классов. Русский помещик с его крепостными егерями и сворами гончих, английский спортсмен из сельского дворянства с парфорсной травлей лисиц являются позднейшими представителями этой стилизованной страсти к верховой охоте и должны считаться в современной культуре отчасти пережитком, а отчасти, быть может, формами социального вырождения.

Английская парфорсная охота на оленей и коз, а в некоторых местностях и на лисиц, является ярким примером такой стилизации. Животные сохраняются в парках и выпускаются на место охоты лишь за несколько часов до начала ее. Главным содержанием охоты является скачка с препятствиями, причем и самые препятствия устраиваются искусственные. По окончании травли животных стараются отбить от собак живыми, для того, чтобы сберечь их для другой охоты. Но возбужденные собаки, загнав лисицу или зайца, часто мгновенно разрывают их на мелкие части. За неимением живой дичи, нередко устраиваются искусственные парфорсные охоты. Напр., охота по бумажному следу. Она производится без собак и состоит в скачке вслед за разбрасываемыми бумажными лоскутьями. Лисицу изображает передовой охотник с лисьим хвостом, привязанным к руке.

Другая стилизованная охота культурных классов — стрельба по домашним голубям, нарочно для того разводимым, имеет еще более уродливые формы, жестокие и вместе бессмысленные.

Самое отношение человека к лошади сохраняет мужской характер и по мере развития культуры этот мужской оттенок усиливается

и подчеркивается. Так французское *chevalier*, итальянское *cavaliere*, испанское *caballero*, старо-английское *cavalier*, — в сущности «конник» от обще романского *caballus*, «лошадь», означает и рыцаря и дамского любезника. Верховая езда осталась не меньше охоты спортивной забавой мужчин из правящего класса и до сих пор связана в народном представлении культурных масс с каким-то благородством, превосходством.

Скотоводство, как и мотыжное земледелие, склонны к массовому нарастанию. Они создают возможность быстрого увеличения населения и обеспечивающей его материальной продукции.

Мотыжно-огородное земледелие создает мелкую, даже раздробленную крестьянскую форму производства, часто объединенную общегосударственной крепкой политической формой, связанной, напр., с распределением воды при орошении или, как в Перу, основанной на экономическом моменте государственного распределения и потребления продукта.

Скотоводство создает большие, крупные богатства, многочисленные стада, связанные вместе коллективной охраной и родовым владением. При росте стад является острый вопрос, сперва об распределении пастбищ, потом об их недостатке. Таким образом возрастание скотоводства ведет к дальнейшему расслоению или даже к войне.

Скотоводческие племена, сохраняя психологию убоя животных и вечную подвижность своих стад, вообще воинственны. Они гораздо многочисленнее охотников и таким образом каждое военное столкновение, окончившееся чьей-нибудь победой и соединением стад, выводит их из равновесия и заставляет катиться вперед по степи, вытаптывая всякую траву. Таким образом рост скотоводческого населения вместе со стадами скота, роковым образом ведет к собиранию боевого густака, способного прокатиться далеко по степи, выйти за ее пределы и обрушиться на соседние народы. История скотоводческих народов изобилует такими примерами, начиная от вторжения еврейских кочевников из пустыни в Ханаан и кончая бесчисленными полчищами и волнами турецких и монгольских народов, которые катились одна за другой из Азиатской степи через восточную Европу. Самые известные из этих движений — нашествие монголов на Россию и нашествие турок на Византийскую империю. В начале XIX века кафры скотоводы в южной Африке, соединяясь под властью своих местных князей, создавали такие же лавины, которые несколько раз накатывались на буров и были остановлены только англичанами в 80-х годах прошлого века, после поражения последнего зулусского короля Сетевайо.

В хозяйственном развитии своем скотоводство имеет две стадии, первую более первобытную, мясную и шкурную, когда стадо служит только для убоя, мясо для еды, а шкуры для одежды и шатра. На такой стадии находится, напр., чукотско-коряцкое оленеводство, ибо чукчи с коряками оленьих самок не доят и шерсти не собирают.

Следующая стадия — молочно-шерстяная, когда основой скотоводства служит молочное хозяйство, и население питается молочными продуктами, маслом, сыром, кислым молоком, сывороткой, приготовляет кумыс и, наконец, вываривает крепкий напиток, арак. На приготовление одежды и шатровых покрывал идет шерсть, из которой сбивается войлок и ткется сукно.

Эта стадия развития при полном расцвете делает убой животных ненужным и даже противным интересу и настроению скотовода. Можно указать в Индии и Среднеазиатских степях ряд скотоводческих племен, которые стали мирными пастырями молочного скота и также мало думают об убое, как и о войне.

Так воинственные монголы, из бича и грозы государств, стали пассивными и мирными пастухами коров и овец. Историки объясняют их умиротворение влиянием буддизма, но, невидимому, здесь имеет не меньшее значение и развитие молочного хозяйства за счет мясного.

Есть впрочем другая теория, которая выводит приручение домашнего скота, как и вообще приручение животных, из тотемического принципа уважения к звериному предку и именно этим уважением объясняет отвращение многих скотоводов к убоя скота. Тотемное начало, как было указано выше, несомненно играет роль не только в приручении животных, но также и в развитии скотоводства. В Египте Апис—бык и Аммон — овен являлись тотемами кланов. Но едва ли возможно такой широкий хозяйственный процесс объяснить исключительно тотемным влиянием.

Итак, скотоводство и земледелие (вместе с мелким животноводством) развивались самостоятельно и параллельно, притом в различных географических зонах, скотоводство в степях и пустынях, сравнительно сухих, земледелие в лесистых местностях, приречных, хорошо орошенных, часто полных влажной сырости. Впрочем земледелие, осушая болота, проводя каналы и превращая густые леса в открытые пашни, приводит к оздоровлению климата.

Далее начинается взаимодействие и взаимное проникновение обеих хозяйственных форм. В этом отношении скотоводство играет более активную роль, как хозяйство более подвижное и естественно передвигающееся из степей к границам лесов.

Крупные травоядные породы, пригодные для приручения, обитали и в лесах, хотя и не в таком множестве, как в степях. Таким образом, пример скотоводов не остается без подражания. Первые ручные животные проникают от скотоводов к речным жителям в порядке прямого обмена. Потом начинается процесс собственного развития лесной одомашненной породы, как будет описано ниже. В конце концов, речные жители приобретают и разводят одну за другой все породы домашних животных, хотя сравнительно в небольших количествах. Это не те большие стада полудиких степных животных, какие существуют у кочевников. Это домашние животные в собственном смысле. Их нужно держать при доме, создать для них загон, защиту от диких зверей, которые в лесу страшнее, чем в степи.

Приречное лесное скотоводство постепенно вырастает в земледелие и начинает оплодотворять и изменять его. Земледелец охотнее и легче всего усваивает молочное хозяйство¹ и тканье шерсти в дополнение к более раннему тканью растительного волокна, напр., хлопка, также перевозочные средства, езду верховую и вычную и колесную на первобытных телегах. Это имеет тем большее значение в лесах при трудностях дорог и всяких сообщений.

Верховая езда есть изобретение степное. Относительно телеги-колесницы решить труднее. Древние формы телег встречаются у кочевников и также у их оседлых соседей. Скифы кочевали в телегах с кибитками, а еврейские кочевники ходили пешком или ездили на верблюдах и лошадей совсем не знали. Яков, типичный еврейский скотовод, ходил постоянно пешком, а жен и детей возил на верблюдах.

Совершенно естественно от езды на лошадях и быках земледельцы перешли к применению тягловых животных для обработки земли. Таким образом наступила последняя стадия натурального хозяйства, сложная земледельческо-скотоводческая, эпоха пахотного земледелия.

Первая соха представляла просто укрупненную мотыку или даже кривую корягу с обрубком корня в виде естественного племеха. Но соха или плуг скоро отделились от мотыки и стали самостоятельными. Вероятно, развитие этой новой формы земледелия шло сравнительно быстро, быть может, в порядке мутации. Результаты этой мутации были неисчислимы. Правда, обработка потеряла в интенсивности, но выиграла в экстенсивности. Земледелие получило возможность вместо прежних клочков обрабатывать обширные

¹ Впрочем, в различных местах земледельцы мотыжного типа, не имея разведения скота и перейдя к пахотному земледелию, странным образом не усвоили молочного хозяйства. Самый известный пример представляют китайцы, которые не едят молока, несмотря на многовековое общение с монголами.

участки. Земледельческая территория выросла и по своему пространству и значению стала приближаться к территориям скотоводческим, конечно, с поселками несравненно более густыми.

Таким образом эта соединенная земледельческо-скотоводческая форма хозяйства дала решительный перевес оседлому населению над кочевым. При укрупнении земледельческих территорий она же повела к созданию настоящих государств, сперва небольших, а потом и значительных. Скотоводческие соединения никогда не были прочными. Они приводили скотоводов к нападению на государства земледельческие и к неперемennomу слиянию с покоренными земледельцами и переходу от скотоводства к земледелию. Евреи в Ханаане стали земледельцами, также и кочевники гиксы в Египте, венгры в Паннонии, узбеки в Туркестане, турки в Малой Азии, татары в Крыму и на Волге. На скотоводческой стадии ни одно племя завоевателей удержаться не могло.

В конце концов, большие земледельческие государства включили и свой состав и настоящие степные и пустынные территории с тем же типичным для них скотоводством. Китай включил степную кочевую Монголию и Маньчжурию. Россия включила Башкирию и Киргизскую степь.

Даже в недрах новейших государств рядом с городским капитализмом и сельским земледелием существует и растет скотоводческая форма хозяйства.

Украинский чабан с кривым посохом, герлыгой, постоянно бродящий за овечьими отарами,¹ такая же типичная фигура, как и оседлый хлебороб. В Соединенных штатах рядом с городскими заводами, обширными полями пшеничных королей-капиталистов, бесчисленными участками фермеров крестьян, существуют в степях миллионные стада и при них население ковбоев, по всем своим привычкам и потребностям по существу скотоводческое.

Мало того в каждой крестьянской деревне у нас, а отчасти в Западной Европе, наемный пастух по всему его складу и быту это фигура скотоводческая, рядом с нанимающими его земледельцами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРИРУЧЕНИЕ ЖИВОТНЫХ И ВОЗДЕЛЫВАНИЕ РАСТЕНИЙ.

Следует сказать несколько слов о методе приручения домашних животных.

Приручение крупного рогатого скота, лошадей и овец и, быть может, верблюдов, произошло, вероятно, в азиатской степи, турке-

¹ Отара—овечье стадо до 10 000 голов.

станской или монгольской, путем охотничьих загонов и описанного раньше огораживания. Отсюда бык и овца, в конце концов, распространились на восток и на запад. И они составляют зоотехническое основание древнейших культур, ближневосточной, вавилонской и дальневосточной, китайской.

Приручение осла произошло, быть может, западнее, в сирийско-арабской пустыне. Приручение козы имело место в бедных нагорьях, покрытых кустарником при скудном травянистом покрове. Неприхотливая коза и в древности была скотом беднейшегономада и ныне является в оседлом быту «коровой бедняка».

Приручение свиней относится к мокрым лесам у спуска с хребтов и с нагорьев. Приручение буйвола принадлежит болотистым устьям тропических рек. Приручение северного оленя — нагорным тундрам Саянского хребта, откуда оленеводство распространилось медленно на север.

Самый метод, механика распространения домашних животных, имеет много своеобразного.

Первые ручные животные переходили от племени к племени на стыках границ, национальных и хозяйственных, путем прямого обмена или похищения, в результате взаимных набегов и даже завоеваний. Так могла образоваться первая ячейка, основное ядро будущего стада. Дальше начинается новая стадия, приток обновляющей крови уже на местах, от диких животных соответственной породы.

Самцы диких животных чрезвычайно охотно приходят в домашнее стадо для оплодотворения самок, проводят в стаде все время течки, иногда оставаясь и дольше или, наоборот, уходят, уводя с собой самок домашнего происхождения. До сих пор жеребец тарпан (дикая «лошадь Пржевальского») уводит кобыл из киргизских табунов; дикий олень лишь самец приходит в чукотские, тунгусские, коряцкие оленины стада, и является в стаде самым привилегированным, изблбленным владыкой гарема.

В сущности трудно определить, чем именно домашнее стадо привлекает дикого быка. Невидимому, под влиянием человеческого ухода время течки и время рождения телят у домашних стад наступает несколько раньше, чем у диких. Таким образом, первые дикие самцы с ранней половой пробужденностью, самые крепкие и самые ярые, не находят на воле соответствующих самок и приходят в домашние стада.

С другой стороны, приручение, культура, влияет на половые отправления животных пород, создавая стремление к гомосексуальности.

Невидимому, диких быков заражает это странное и нам не вполне понятное стремление к гибридизации, рожденное культурой.

Как бы то ни было, совершенно несомненно, что каждая порода домашних животных, начавшись от маленькой привозной группы, обогатилась на месте кровью местной породы. Кровь привозная совершенно растворилась в местной. Таким образом, в конце концов, каждая порода домашних животных местного происхождения. Так, напр., в Евразии были две породы диких лошадей. Одна лесная, косматая и толстая с коротким туловищем и огромной головой. Животные этой породы изображены на рисунках французского палеолита. Дикие лошади лесной породы водились в Европе вплоть до VII — XVI веков, как видно из летописей. Вторая лошадиная порода — степная лошадь с тонкими ногами и короткой красивой головой, тоже водилась в русской степи до XVI века. Владимир Мономах говорит об охоте на этих лошадей в своем «Поучении» детям. На скифских вазах изображены иолу укрощенные лошади этой степной скифской породы. Лошадь Пржевальского является последним остатком этих диких лошадей в восточной степи.

Приручение лошадей началось в степи и относится именно к степной породе. Но потом коневодство стало распространяться на юг и па запад в леса, сперва при помощи случайных покупок. У нас есть, напр., древняя картина, изображающая привоз на остров Крит лошади на судне, повидимому, из Египта. Постепенно обогащаясь притоком местной крови в лесистых областях Евразии, возникли и местные породы лесной лошади. Таковы английские и шотландские пони, толстые тяжеловозы — французские першероны и русские битюги, а также и маленькие дикие косматые лошади, на которых ездили древние германцы, славяне, литовцы.

В IX веке в Дании норвежский викинг Роллон, или Ролла, впоследствии завоевавший Нормандию, не мог найти лошади по собственному росту. Его длинные ноги доставали чуть не до земли и ему приходилось расхаживать пешком, отчего его называли Gang-Rolla — «пеший Ролла». Эти мелкие датские лошади тоже были лесной породы.

В русском полесье на Волыни эта лесная порода мелких копыков сохранилась до сих пор в полной неприкосновенности. Французский путешественник! песо, посетивший Волынь в восьмидесятых годах XIX века, писал, что в волынских лесах водится упряжное

животное неизвестной породы, ростом побольше собаки. Жители зовут его: «кпняка».¹

Арабская лошадь проникла в Аравию из средне-азиатской степи через Персию уже в историческое время. Древние арабы не знали лошадей, а ездили на верблюдах. Еврейские кочевники пришли в Ханаан, не зная лошадей, а только ослов и рогатый скот, о чем засвидетельствовано в заповедях. Девятая заповедь гласит: «не пожелай ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его». Лошадь в этом перечне отсутствует. Конные боевые колесницы филистимлян нагоняли на евреев ужас. С другой стороны, многие народы ближневосточной культуры, ассирийцы с вавилонянами, эллины, сирийцы, египтяне, заимствовали у восточных степных народов именно колесницу с упряжными лошадьми, верховую же лошадь узнали потом. Герои Гомера не знают верховой езды, а выезжают на бой в колеснице.

Также и различные породы рогатого скота в лесных и степных местностях в большинстве возводятся к местным диким породам.

В связи с этим ставится вопрос об одомашненных пород. Это одичание происходит до сих пор с большой легкостью. Все три Америки — Северная, Центральная и Южная — можно сказать, переполнились потомством одичавших пород, вывезенных из Европы, крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз и проч. В XVII и XVIII веках эти одичавшие стада были лучшим предметом охоты для индейских племен Америки. В XVIII веке начался огромный процесс приручения этих стад, несметно размножившихся на воле. До сих пор еще в западной Бразилии и Боливии удачливые скотоводы умудряются ловить, укрощать и таврить вольный скот пустыни. Также и так называемые «мустанги», дикие лошади южных штатов Северной Америки, давали материал для приручения индейцам и белым охотникам.

Процесс одомашнения и распространения полезных растений имеет иное течение. Число животных пород, одомашненных человеком, сравнительно невелико и исчисляется десятками. Собака, корова, буйвол, yak, зебу, коза, северный олень, лошадь, осел, верблюд одногорбый, верблюд двугорбый, свинья, кошка, кролик, морская свинка, лама, альпака, охотничий гепард, охотничий хорек, отчасти слон; из птиц: куры, гуси, утки, павлины, фазаны,

¹ Цитировано по памяти. Я должен, однако, сознаться, что, просмотрев сочинение Victor Tissot: «La Russie et les Russes (indiscrétions de voyage)», Paris, 1886, я не мог найти указанной цитаты и нашел только общее утверждение, что лошади в малороссийских городах (и то у еврейских извозчиков) не похожи на лошадей isrp. 511.

цесарки, голуби, индейки, канарейки, наконец, в последнее время страусы. Почти все эти породы имеют чрезвычайно широкое мировое распространение. Каждая особь этой породы имеет свою индивидуальность и особую цену. Лошадь, корова, для крестьянского хозяйства основа благосостояния.

Напротив, число одомашненных растений исчисляется многими сотнями. Некоторые полезные растения имеют мировое распространение, таковы пшеница, картофель, рпс, маис, табак. Другие, напротив, имеют лишь местное распространение внутри данной географической зоны: таковы финиковая пальма, хлебное дерево, маслина.

Ценность полезных растений имеет массовый характер. Отдельное зернышко, волоконец льна, даже корешок моркови весьма незначительны. Только их чрезвычайная масса создает из них ценности.

Соответственно этому распространение домашних растений отличается от распространения животных. Местные полевые травы не имеют отношения к культуре. Их нельзя допускать на поле. Их надо, напротив, вытаскивать, безжалостно уничтожать, тем более, что в борьбе за существование сорные травы сильнее и крепче культурных растений и легко заглушают их. Таким образом не может быть и речи об обновлении посева местными влияниями. Предоставленные сами себе, культурные растения не могут существовать. Стадо без человеческого ухода дичает и обращается в дикую породу. Поле, без человеческого ухода, гложет и зарастает бурьяном.

Улучшение породы растений происходит от внутренних культурных действий. Оно производится подбором семян, их освежением, смешением различных сортов, подбором одного выдающегося сорта.

Конечно, и в разведении животных такие внутренние селекционные действия имеют место, но там существуют и другие, более первобытные, самодействующие факторы.

В сфере культурных растений только крупные плодовые деревья имеют известное сходство с домашними животными. Каждое плодовое дерево представляет известную цепную индивидуальность. Отдельная финиковая пальма в оазисах Сахары ценится не менее коровы. С другой стороны, плодовые деревья допускают освежение крови посредством прививки дичков, взятых из леса. Наконец, плодовой сад, одичав без ухода человека, может существовать, борясь за жизнь. Правда, продукция его портится, яблоки, груши, становятся мелкими, кислыми. Впрочем, на Черноморском побережья черкесские сады, оставленные без призора, после переселения хозяев в Турцию в 1864 и 1876 гг., до сих пор дают хорошие плоды, собирав-

мые русскими из позднейших переселенцев для продажи и вывоза. И особенно же эти брошенные плодовые рассадники годятся для выбора дичков и перевозки в новые культурные сады.

Из этого краткого анализа можно видеть, что хотя земледелие и скотоводство возникли одновременно и параллельно, но земледелие по самому существу своему гораздо более подчинилось культурному процессу, чем скотоводство. Ибо земледелие имеет дело с беззащитными и слабыми былинками, сильными лишь в массе, а скотоводство смиряет отдельные и подвижные зоологические особи и не может смирить до конца.

Главная культурная порода, крупный рогатый скот, служит до сих пор не только для молока и мяса, но также и для кровавого зрелища, боя быков.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НАЧАЛО ТОРГОВЛИ.

Подробный анализ развития материальной и технической культуры не входит в план моего рассмотрения. Было указано выше, что техника орудий и оружия поднимается от палеолита к неолиту, далее к медному и бронзовому веку и, наконец, к железу. Конец неолита и начало бронзового века часто совпадает с расцветом мотыжного земледелия. Дальнейшее развитие бронзы и появление железа совместны пахотному земледелию.

Потом отмечается укрупнение маленьких ячеек и превращение их в государства и прежде всего возникновение городищ, городов, как центров племенных и географических, накопление богатства, улучшение построек, расслоение классов, начало науки и, наконец, письменность.

Однако, прежде чем коснуться всех этих новых явлений, надо отметить еще одну основную экономическую силу, весьма древнюю, но вместе с тем действенную и непрерывно растущую до самого последнего времени. Эта сила — торговля.

Торговля, обмен, в начале имеет междуплеменной характер. Внутри племени торговля не имеет места (за отсутствием товаров внутреннего обращения). Пища есть достояние всех, жилище тоже племенное, или, напротив того, каждая семья prepares себе свой собственный приют и нет речи об уступке этого приюта другому лицу. Также и утварь каждый готовит себе сам. Когда заговоришь, напр., с коряком или чукчей о необходимом предмете домашнего обихода и предлагаешь купить его, он иногда посмотрит с удивлением и отве-

тпт: hunnih-mitkin — «соответствующее мне», т. е. моим потребностям. — 11 тогда ни за что не отдаст.

Больше всего ценятся оружие и украшения. На это первобытный человек, в особенности мужчина, затрачивает бесконечно много времени и старания. Но продать этого нельзя. Во-первых, это слишком дорого, «прильнувшее к сердцу», — как говорят чукчи; во-вторых, придать это грешно, табу. Вместе с оружием можно продать удачу в охоте. Вместе с украшениями—здоровье и самую жизнь.

Оружие и украшения даже после смерти владельца погребаются вместе с ним. Таким образом они являются предметом своего рода загробной собственности.

Однако, при всеи скудности первобытных производств и ремесел, в междуплеменном обиходе рано намечаются предметы возможного обмена, а, стало быть, и торга. Таковы каменные топоры и ножи или просто куски материала для их изготовления. Хороший кремень или диорит для топоров встречается не часто. Есть обширные местности внутренних приречных долин, занесенных песком или глиной и совершенно не знающих камня. Таким образом каменные орудия и куски твердого камня издавна служат предметом обмена и переходят при обмене через несколько племен, часто за много сотен верст от своего месторождения.

На северо-востоке Сибири железные орудия оттеснили и вытеснили каменные, оттого и прекратилась торговля каменными топорами. Зато уцелело собирание, выламывание и обтачивание каменных брусков для точения, которые продаются и уходят далеко. Раньше бруски употреблялись для оттирания каменных лезвий, теперь идут на обтачивание железа и стали.

Далее следуют краски для раскрашивания тела, яд для отравленных стрел, там где такой употребляется, каменные чаши, наконец, глиняная посуда. Гончарное искусство существует спорадически у отдельных племен. Поэтому глиняная посуда, раскрашенная и обожженная, становится первым настоящим товаром, иногда переходящим еще дальше кремневых топоров.

Важное значение имеет материал для украшений, нефрит, янтарь п, наконец, драгоценные металлы в порошке, в зернах в кусках и в готовых изделиях. Балтийский янтарь попадал по торговой дороге к Средиземному морю, вероятно, задолго до бронзы. Блестящие и ценные металлы переходят от пародов технически развитых к технически отсталым. В Полинезии и Новой Гвинее предметом торгового обмена являются особо приготовленные ожерелья и браслеты из округло-оттертого перламутра различных раковин.

На севере Евразии предметом всеобщего обмена являются шкуры домашнего оленя и готовая меховая одежда. Из Азии они переходят в Америку и ценятся несравненно выше одежд, приготовленных из шкур дикого оленя вперемежку со шкурами мелких животных и даже водяных птиц, как это в обычае у американских охотничьих племен.

Тундренные чукчи покупают у лесных ламутов и юкагиров связки березовых брусков и жердей, подготовленных для выделки саней и т. д.

Приморские чукчи с эскимосами взамен за оленью одежду дают жесткие тюленьи шкуры для подошвы, тюленину для летней одежды, свитки ремней моржовых и лахтачьих (*Phoca barbata*). Этот крупный тюлень у русских поморов на западе называется морской заяц, а у русских колымчан и анадырцев на востоке — «лахтак»). Они дают китовую ворвань и тюленье сало в обмен за оленье мясо, языки, пудинги оленеводческой стряпни.

Рыболовы выменивают у оленеводов вяленую рыбу на сушеное мясо и мороженную рыбную строганину на мороженное мясо, рыбий жир на оленье сало и т. д.

В области Берингова моря предметом туземного обмена служат связки брусьев и жердей для остова байдары и целые подобранные остовы, гнутые ведра из широкого луба канадской сосны, летняя обувь из тюленины, непромокаемые балахоны из тюленьих, моржовых и медвежьих кпшек, особо выделанных, водонепроницаемых и прозрачных.

С развитием ремесленной техники предметом обмена делаются новые изделия. Оружие из железа и стали, кинжалы, мечи, украшения из золота и серебра, серьги, браслеты, ожерелья, ткани лучшей выделки, отделанные шитьем, различная посуда, кованая из металла, оловянные кубки и драгоценнейшие серебряные вазы, например, находимые в скифских курганах южно-русских степей. Наконец, с развитием скотоводства в обмен поступает скот и раньше всего двуногий человеческий скот, рабы, военнопленные, просто проданные господами или схваченные чужеплеменниками.

С самого начала торговля была стимулом к ремесленному производству не только для себя, но также и для продажи. Конечно, и наоборот, ценности, вырабатываемые или добываемые племенем, рождали торговлю. Но торговля укрепляла производство, превращая случайное в обычное, частное в общее.

То же начало производства можно наблюдать и теперь у весьма первобытных народов, имеющих некоторые ремесленные или художественные навыки.

Так эскимосы и чукчи на берегах Берингова моря искусны в выделке обуви из шкуры тюленя и проявляют большое художественное чутье в резьбе по белой кости, моржовой или мамонтовой, а с начала XIX века они стали превращать эти навыки в ремесленное производство. Приток золотоискателей на Американском берегу создал для обуви огромный ненаполняемый рынок. Посредниками были американские китоловы, которые охотно собирают и выменивают у туземцев такие сапоги. Они же скупают резные игрушки, фигурки, цепочки и пр. и перепродают их в домашние коллекции американских богачей в качестве редкостен (Curió).

К концу неолита торговля имела довольно широкое распространение. Она велась по привычным торговым путям, большей частью по течению рек, соединенных волоками, позволявшими переходить из одной речной системы в другую. Таковы именно знаменитые древнерусские пути из варяг в греки и из варяг на восток с такими волоками, как Переволока, Волок Дамский, Волочек (Смоленский), Вышний Волочек (Тверской) и множество других (см. рис. 8, на стр. 260). В средней Европе древний янтарный путь вел с Балтийского моря вверх по Одру и потом на Мораву и Дунай. Волок был у города Прерава, т. е. прорыва. «Прорыв» — это другой вариант того соединяющего «волока».

Такие старинные торговые тропы-пути тянутся через среднюю Азию, через Сахару в Африке. На севере вдоль тундры от Оби к Енисею, от Енисея к Хатанге, к Анабаре и Лене, оттуда к Яне, Индигирке и Колыме. В приморских областях есть такие же старинные морские пути, напр., путь с Британских островов на берег Галлии, дорога через Берингов пролив из Азии в Америку, путь расселения полинезийских народов в Океании и многие другие.

Механика торгового обмена вначале производится без всякого определенного мерила. Первобытный человек ценит в вещи только потребительную стоимость, а о меновой не имеет понятия. Также и потребительная стоимость часто определяется капризом или внезапным вдохновением. В порыве такого вдохновения за полюболюбшую вещь первобытный человек с радостью, с восторгом заплатит в три дорога. Самый обмен производится в виде торжества, пиришества при большом стечении соседей. Он состоит из обмена взаимных подарков, производимого в обрядовой форме, напр., в виде особого торгового или обменного танца. Торговые ярмарки, брачные игрища между сел, большие пиры для соседей, соплеменников и даже для гостей иноплеменников, все это соединяется вместе. До настоящего

времени ярмарка является местом народного увеселения и привлекает множество гостей.

В начальной стадии отмечается даже так называемая немая заочная торговля, где два разноплеменных народа, не доверяя друг другу и постоянно опасаясь нападения, производят обмен в темную. Продавец выкладывает свой товар на видном месте и сам уходит. Потом приходит покупатель, прикидывает оценку и кладет товарный эквивалент собственной продукции. После того продавец приходит опять и если он доволен предложенным, то забирает его и уносит. Л его собственный товар достается покупателю. Если же он недоволен предложенной ценой, он забирает свое, и сделка расстраивается.

Предания о такой торговле многочисленны и разнообразны, но местами она существует и теперь, по крайней мере существовала до сравнительно недавнего времени.

В дальнейшем, чтоб увеличить взаимное доверие, торговля объявляется священной и требующей мира. Она производится на племенной меже или в междуплеменной полосе, и обнажать оружие во время торга считается тяжким проступком, нечестным, табу.

По мере расширения торговли почти произвольно возникает одна общая единица оценки и обмена, которая является эмбрионом денег. Деньгами бывают разнообразные предметы. Напр., у малайцев каменные топоры с затейливой орнаментацией, слишком громоздкие для настоящего употребления, являются деньгами или по крайней мере счетными вехами богатства. Эта валюта тяжелого веса мало удобна для перевозки. Также деньгами бывают раковины и украшения из перламутра по их всеобщности для разных племен.

Далее следует живой скот. Латинское *rescupia*, «деньги», происходит, очевидно, от *resus* — «скот».

Также и в русской поговорке, «весь скот и живот», выражается то же представление о скоте, как главном предмете богатства. В древней Руси деньгами являлись дорогие меха-*куны*. Потом из серебра чеканились монеты с такой объявленной меновой ценностью: «Гривна — кун».

В течение долгих периодов времени торговля в сущности не давала барыша. Она состояла из простого обмена и кончалась потреблением. Даже если предмет торговли переходил из рук в руки, от племени к племени, он в сущности не становился товаром. Он нес с собой ценность, не меновую, а потребительную и, достигнув назначения, тоже шел в потребление, в дело.

Не было момента накопления, момента излишних полезностей, момента богатства. Первобытная экономика и социология наполо-

вину инстинктивно борются с принципом богатства. С одной стороны, общая жизнь на миру, общее потребление, то, что выражается в скажтом термине: «натуральный коммунизм», а с другой стороны, неумение предвидеть, слабая забота о завтрашнем дне, мешают накоплению.

Человек довольно поздно научился делать запасы и спасать себя, по крайней мере, от сезонного голода. Дальше этого простейшего запаса птгн было трудно.

Мало того, общественное мнение взирало с неодобрением на каждое накопление богатств. Для вождя, влиятельного воина, если у него скоплялись излишние продукты, считалось делом чести собрать соседей и устроить пир навесь мир. Ярче всего это выразилось в североамериканском обычае *potlach*, где вожди родов копят всевозможные припасы, одежду, еду, в течение года или двух, а потом созывают гостей, устраивают пиршество и все скармливают и раздают до конца.

Они остаются после праздника бедными, но влияние их растет. Явные следы этого неодобрения богатых накоплений встречаем повсюду. Скупость вообще считается грехом унижительным и неприличным, щедрость, напротив, является главнейшей добродетелью, особенно для людей родовитых. Недаром у англичан слово лорд сокращено из *hlaford* и означает «раздатчик хлеба».

Все же торговля из века в век растет и приводит к накоплению ценностей в руках и тайниках у проворных и сильных воинов, старейшин племени. Вопреки распространенному мнению от торговли в начале богатели не странствующие торговцы. Торговля, как ремесло, имела слишком неверный характер и сплошь и рядом приводила к разорению.

Результаты торговли стали набухать на другом конце лестницы, в руках уважаемых и сильных старшин. Это накопление, действительно первоначальное ибо — иервоначальнее его не было ничего — привело к первому общественному расслоению.

Первоначальное накопление происходило в руках старшин с такой неизменной и неизбежной правильностью, что вся проявляемая ими щедрость была недостаточна, чтобы уничтожить все накопление. Мы встречаем в дальнейшем во владении старшин укрепленные дворы п амбары со всяким добром, стада скота, челядинцев-рабов, погребас припасами, домашними и привозными. В этом отношении любопытны перечни царских богатств у Гомера или занесенные в русскую летопись перечни домовых богатств и запасов ранних российских князей. Эти запасы, в значительной степени, созданы и собраны торговлей.

Торговля как специальность, как ремесло, как призвание, возникла значительно позже. И то это была специальность сложная и сборная. Торговец одновременно был странствующий воин, пират, искатель приключений, часто ушедший из собственного племени или даже изгнанный, вольный человек, подобравший вольных товарищей, такой человек, которому в старом укладе жизни было тесно или вовсе не было места.

Эти странствующие искатели богатства становятся в дальнейшем носителями бродила материальной и экономической культуры. Такая торгово-военная вольная группа противоположна племени. Она определяется у русских славян термином «гость», что означает одновременно «торговец», а на латинском языке уже прямо *hostis* — «враг». В английско-саксонском языке *host*, напротив, «хозяин». Противоположность интересов торгового гостя и хозяина выступает особенно четко. В руках таких торговых шаек, в особенности у их удачливого предводителя, торговые богатства накаплились даже быстрее, чем в общинах у старейшин. Здесь возникает представление о торговом накоплении, об обороте, о купле-продаже и о перепродаже.

Одним из важнейших товаров постоянно являются рабы — яшвой человеческий товар. В Африке с незапамятных времен и до конца XIX века прибрежные купцы, арабские а также и негритянские, снаряжали целые походы во внутреннюю часть страны специально за человеческим товаром. Рабы покупались у богатых владельцев, царьков и землевладельцев. Но чаще всего деревни брались приступом и лучшая часть населения уводилась, как добыча, вместе с его собственным скотом. От этих ужасных экспедиций пустыли и разорялись целые околотки и даже области.

Таким образом, древняя торговая охота за человеческим скотом для его перепродажи дожила до современности и не исчезла даже и теперь.

Торговля, как экономическая сила, настолько обособляется, что начинает соперничать и бороться с нормальными общественными силами. Бродячая торговая дружина присоединяется к племени в каком-нибудь более удобном пункте, потом покоряет себе племенную ячейку, создает междуплеменной сплав и основывает новые центры. Именно так варяги Аскольд и Дир заняли и завоевали Киев и стали владеть им. Также и Олег, с дружиной, явился к Киеву под видом купцов (гостей) и в свою очередь занял Киев, умертвивши Аскольда и Дира. Таково же было основание торговых колоний финикийских, эллинских, арабских.

Дальнейшее развитие торговли принадлежит исторической эпохе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГКО ГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КУЛЬТУРЫ.

При общем взгляде на поверхность земного шара мы видим, что из пяти континентов три — Европа, Азия и Африка—связаны вместе и составляют так называемый Старый свет. Отдельно лежит Новый свет — Америка, некогда, впрочем, связанная на севере с Азией при помощи так называемого Берингового моста, ныне разорванного надвое Беринговым проливом. Еще в начале четвертичной эпохи Чукотский полуостров, вероятно, сливался с западным выступом Аляски и Берингова пролива еще не существовало. Даже и теперь при взгляде на географическую карту бросается в глаза сходство очертаний и взаимная симметрия этих двух крайних выступов Америки и Азии. И Берингов пролив представляется позднее возникшим разрывом.

С другой стороны, возможно предполагать, что Америка некогда, в весьма отдаленную эпоху, с восточной стороны прилежала по всей длине к Европе и Африке и составляла вместе с ними одно материковое целое. Атлантический океан представляется лишь трещиной земной коры, широко раздвинутой водами моря. Если посмотреть на глобус и мысленно придвинуть Америку к Старому свету, то берег Канады и Северных соединенных штатов приляжет к северо-западной Европе, западный выступ Африки войдет в Караибское море и Бразилия вдвинется ниже, в Гвинейский залив.¹ С этой точки зрения, Атлантический океан является только промежуточным морем между Европой и Америкой, «большой лужей», как называют его северо-американцы. И в конце концов, в доиследоклумбийскую эпоху Европа и Америка связались между собою теснейшим образом именно в этнографическом отношении. Северная Америка является этнографическим продолжением северной и средней англо-германской Европы, Центральная и Южная Америка являются продолжением южной Европы, латинской, итало-испанской.

Наконец, и Австралия также цепями островов соединена с Старым светом.

Однако надо принять во внимание также и то, что в третичную эпоху расположение материков и океанов отличалось от современного. Геологи предполагают существование материков в эпоху эоцена: в Тихом океане — Пацифиды (Океании), в Атлантическом —

¹ А. Вегенер, Возникновение материков и океанов, перев. с немецкого, Л. — М., 1924, стр. 12-13, 53.

Атлантиды (Северной и Южной), а в Индийском — в эпоху мела и юры — Гондваны (Лемурии),¹ ныне исчезнувших и оставивших после себя лишь несколько цепей скалистых островов и архипелагов (см. рис. 3). Эти потонувшие материки располагались преимущественно по линии экватора. Трудно определить, в каком отношении находится идея об экваториальном разрастании суши с гипотезой ее меридиального расщепления, указанной выше. Очевидно, они несколько противоречивы. Вегенер даже подчеркивает, что окончательное разделение материков широкими океанскими впадинами произошло лишь в четвертичный период.

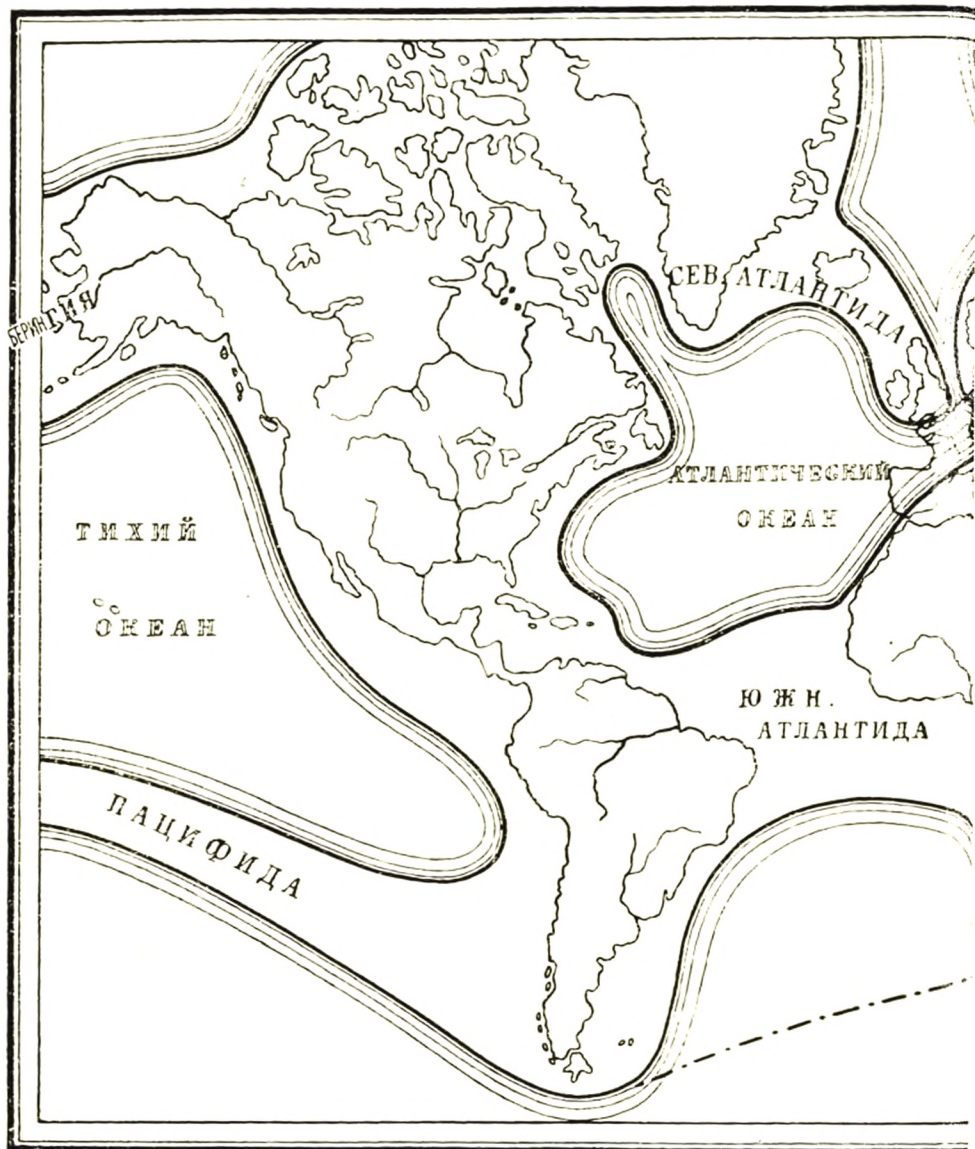
Во всяком случае, линии материков, расположенных по экватору, должны были иметь существенное влияние на раннее развитие человеческого рода. Образование человеческой расы из одной известной и определенной группы приматов, вероятно, относится еще к половине третичного периода. Таким образом, первое разделение человеческих групп и их расселение по поверхности земли происходило, повидимому, по линии этих исчезнувших материков. Современное распространение чернокожей расы, как мы увидим ниже, явно указывает на ее экваториальное расселение с востока на запад. Точно также, в экваториальном направлении, только в обратную сторону, с запада на восток, шло распространение расы прамалайской и полинезийской, может быть, даже до Южной Америки. В населении американского материка, среди элементов, пришедших из Азии по Берингову мосту, и других элементов, пришедших с запада, как указано выше, по линии экваториальной, можно отличить антропологические признаки, напоминающие белую расу, и быть может, свидетельствующие о переселении из Европы по линии другого экваториального материка.

Колыбелью человечества являются, конечно, области жаркого климата, вероятнее всего, экваториальные. Современные приматы: горилла, шимпанзе, гиббон, оранг-утан, разделенные друг от друга многими градусами долготы, помещаются, однако, в одних и тех же градусах широты в довольно узкой полосе, примыкающей к экватору.

Правда, в предыдущие геологические эпохи, наир., в каменноугольную, области жаркого климата простирались далеко на север, вплоть до Шпицбергена и Гренландии. Но в то время человеческая раса еще не существовала. В межледниковые эпохи четвертичного периода области средней Европы имели климат гораздо более теплый и влажный, чем ныне. И там первобытный человек обитал бок-

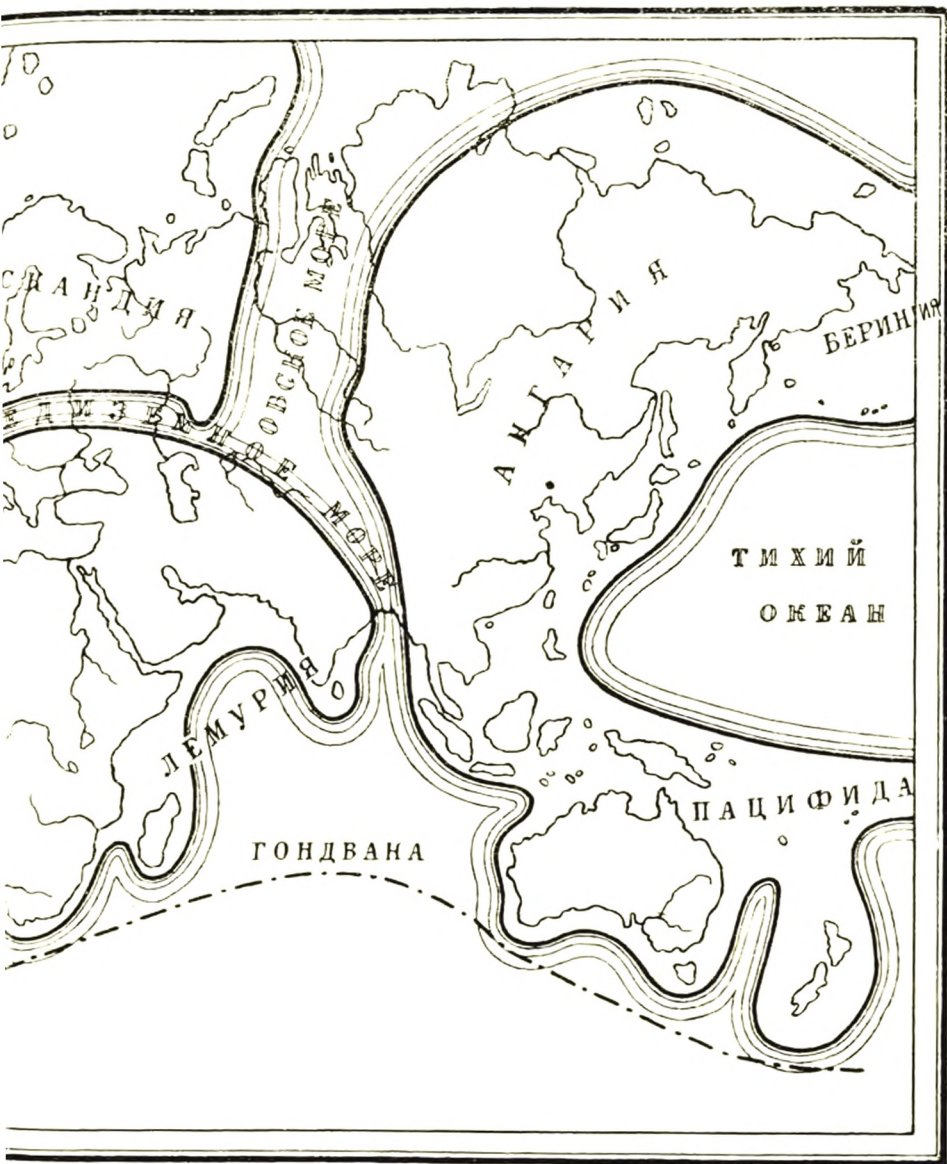
¹ Tatk. u. A. I. d. t. H. findbi. d. d. der Paleogeographie. Band 1, Leipzig, 1910. S. SW.

Рис. 3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СУШИ И МОРЕЯ *h1*

По Арльдгу. Осбор/
Лемурия и Гондвана относятся

АЛЕ ТРЕТИЧНОГО ПЕРИОДА ^нижний эоцен;.

арпинскому и др.)
рхнему мелу и средней юре.

о-бок со слоном, носорогом, гиппопотамом, гиеною и львом. Но эти ограниченные области теплого климата, который к тому же сменился в дальнейшем ледниковым охлаждением, едва ли могли бы считаться колыбелью человечества. Однако, с областями центральной и западной Европы, в особенности с районами, прилегающими к Пирпнеям, с севера и с юга, связаны первые определенные остатки первобытной культуры человечества, добытые археологическими раскопками. Мы имеем здесь все последовательные стадии развития культуры от раннего палеолита, может быть, даже еще от более раннего эолита, вплоть до неолита и до бронзового и железного века. Мы имеем определенные указания, что климат этих областей несколько раз менялся, переходя в течение весьма многих тысячелетий через последовательные фазы потеплений и оледенений (с.м. рис. 4).

Причины этих оледенений нам до сих пор совершенно неизвестны. Что касается влияния их на развитие человеческой культуры, они привели палеолитического человека к созданию особой культуры, похожей на современную полярную и, в частности, на эскимосскую культуру. В ледниковый период палеолитический человек обитал у закраин ледника, быть может, на полосе низкой тундры, простиравшейся между северным ледником и южными хребтами, или по берегу холодного моря, окаймлявшего сушу на западе или юго-западе. Эта культура, подобная полярной, вероятно, успела отвердеть и замкнуться в известные формы. Между прочим, как видно из остатков гарпунов, ей была свойственна охота на тюленей, производимая по льду или в открытом море из кожаного челнока. Неуклюжие формы кожаных челноков были в употреблении в Ирландии вплоть до конца средних веков.

Последнее потепление климата и отодвигание ледников к северу, которое повлекло за собою отступление всей холодно-морской и тундренной фауны, как-то: тюленьих и оленьих стад, — быть может, увлекло за собою также и палеолитических охотников за этими стадами. Этим объясняется постепенное продвижение на север человеческих племен вдогонку за отступающими условиями обильной охоты. Современные арктические племена являются потомками этих древних переселенцев. В долгом движении на север эти охотничьи племена как бы приобрели упорный инстинкт продвижения и какой-то географический размах. Заселение Гренландии эскимосами XII — XV вв. нашей эры является крайним этапом этого великого движения, а северные отрасли других эскимосов, угодивших в крайние области севера (Smith Sound) до 80° северной широты, являются последним скачком и этапом того же огромного движения.

Рис. 1. Распределение суши и моря к началу четвертичного периода в плейстоцене.
(По Лрльдту, Ланнарану и др.)
Штрихи ином показано наибольшее распространение ледников.

Это движение направлялось в общем с юго-запада на северо-восток. В Европе пути его не ясны. Однако, в последнее время все явственнее выделяется сходство некоторых стадий культур французского палеолита и культуры эскимосской. В частности, на XXI конгрессе американистов, имевшей место в Гетеборге, в Швеции, летом 1924 г., французский ученый Поль Риве демонстрировал кусок обработанной кости, найденной в Истурнтце в пещере Enlèves в Пиринеях и поразительно напоминающей известную полярным этнографам эскимосскую игрушку, род бильбоке. Никакое другое племя не имеет такой игры.¹ Антропологи указывают также на эскимосские монголоидные черты некоторых черепов французского палеолита. Таков, напр., череп, найденный в Шанселаде (Chancelade).²

В Азину, где в областях, прилегающих к Саянскому и Становому хребтам, существовала такая же древняя палеолитическая культура, палеолитические охотники двигались на северо-восток вдоль линии древнесибирского (Ангарского) материка (см. рис. 3). Линия эта ведет с юго-запада к северо-востоку вдоль нынешнего русла Енисея на озеро Ессей и реку Хатангу. К западу от этой линии ныне простирается необозримая тундра через Обь и Печору до Белого моря. Тундра эта вместе с прилегающей с юга лесной равниной была до конца третичного периода покрыта морем, а потом ледником. Указанная линия поныне является весьма важной чертой разделения северо-сибирской флоры и фауны. Таким образом, расселение древних племен в северной Азии шло с юго-запада к северо-востоку. Эскимосы, как указано выше, являются его крайним передовым отрядом. Далее следуют группы сибирских палеоазиатов и северных уралоалтайцев.

Низменные области северо-западной Сибири и северно-европейской части СССР были, повидимому, заселены позднее, после того как вслед за высыханием моря на низменной равнине выросла и развилась тундренно-лесная флора и фауна, необходимая для возникновения человеческой культуры.

Однако, все заселение обширной Евразии вплоть до южных хребтов (Тянь-Шань, Гималаи, Гиндукуш, Парапамиз, Тавр, Кавказ) непосредственно связано с условиями высыхания более южной области того же самого евразийского моря, заполнявшего

¹ Congrès International des Americanistes, Comptes Rendus de la XXI session. Deuxième Partie, Göteborg, 1925, p. 263.

² Череп в Chancelade при своей монголоидности является также длинно-головым, подобно эскимосским черепам.

обширную Туркестанскую впадину. Эта впадина стала обсыхать, повидимому, раньше северной равнины, и в течение нескольких тысячелетий она превратилась постепенно в безводную степь, между тем, как северная равнина до сих пор отличается обилием рек и озер, сплетающихся на крайнем севере в сплошную сеть непрерывных водных жил, а также п обилием водяных осадков в течение года. Самарская засуха и ленинградская слякоть являются наиболее резкими современными проявлениями этих климатических различий. Туркестанская впадина в период своего высыхания, вероятно, переживала состояние хорошо орошенной равнины, обильной лугами и пастбищами. Возможно, что эта обширная область была ареною развития и роста значительной части народов Евразия, ныне составляющих белую и желтую расу. Сравнительное изучение индо-европейских языков, доисторические и полуисторические предания индо-европейских народов указывают на две волны племенного и культурного движения индо-европейской расы — с востока на запад (славяне, германцы, кельты и др.) и с севера на юг (иранцы, индусы). Место схождения этих двух линий проходит через западную часть Туркестанской впадины.

С другой стороны, довольно вероятно, что значительная часть желтой расы в том числе полукочевые племена Монголии и Маньчжурии и также племенные элементы, вошедшие потом в состав китайского народа, имели своим исходным пунктом восточную половину Туркестанской впадины и двинулись отсюда на восток в древнюю эпоху, приблизительно совпадавшую с началом движения индоевропейских племен на запад.

Возможно, что основы евразийской культуры, земледелия, скотоводства и техники возникли ранее такого расхождения где-нибудь в южной части Туркестанской впадины, быть может, по южному берегу внутреннего моря, существовавшего там некогда и остатками которого являются Аральское озеро-море и другие более мелкие озера (см. рис. 4). Тут возникла первоначальная ячейка евразийской культуры, влияние которой распространилось одновременно на запад и на восток. Это могло бы объяснить единство обеих культур, ближневосточной и дальневосточной, общим основанием которых является в скотоводстве приручение быка и овцы (и свиньи), а в земледелии — возделывание пшеницы.

Центральная часть Туркестанской впадины была, повидимому, занята третьей расой — турецкой, которая в антропологическом отношении занимает промежуточное место между индоевропейской белой и монгольской желтой расой.

Турецкая раса, очевидно, могла двинуться из пределов высыхающей Туркестанской пустыни только после своих западных и восточных соседей. И действительно турецкие волны прокатились на запад в Европу, после индоевропейской расы, уже в историческое время. Такие же турецкие волны катились и на восток, вступая в столкновение с народами расы монгольской, как об этом свидетельствуют китайские летописи.

С другой стороны, турецкая раса осталась и до сих пор в обладании Туркестанской впадины, где обитают различные турецкие племена, для которых туркестанская степь, очевидно, является прародиной.

Возможно, наконец, что также и для финской расы исходным пунктом явилась северная часть той же Туркестанской впадины, в то время покрытая лесом. Отсюда финские народы продвинулись на север, следуя за лесом, отступавшим вместе с влажностью. Финские народы приобрели таким образом характер северных племен, неразлучных спутников леса. Продвижение финнов на север в западной части евразийской равнины совершенно-подобно более древнему продвижению палеолитических охотников за северным оленем, которые подвигались на север, следуя за отступавшими ледниками и свойственными им флорой и фауной.

Финские племена вместе с турецкими племенами и с частью племен монгольской расы, живущими в географической полосе к востоку от Туркестанской впадины, объединяются, как известно, по общему характеру своих языков в одну* лингвистическую группу так называемых урало-алтайских языков. Вышеприведенный географический анализ объясняет этногеографические корни этого лингвистического родства.

Другой составной элемент, входящий в образование многочисленных дальневосточных отраслей желтой расы, как-то индокитайских и южнокитайских (а также и японских) народов, быть может, происходит с юга из жарких областей, примыкающих к индонезийским экваториальным областям. В частности, китайский народ является, таким образом, происходящим из двух племенных источников: восточного и южного. Огромный Китай представляется, как двурогая матка, давшая двойное рождение китайского народа. Впрочем, взаимные отношения обеих частей монгольской расы еще недоступны анализу. И это раздвоение составляет одно из характерных противоречий, еще не разрешенных современной этногеографией, о которых я буду⁷ говорить ниже.

Можно отметить, однако, что индонезийские области еще в настоящее время наполнены пестрым смешением весьма первобытных

племен, уцелевших в недоступных горно-лесных областях больших островов и полуостровов Индонезии. Эти племена принадлежат к трем расам: негроидной, монгольской и малайской.

Невидимому, эта Индонезийская область является узлом каких-то весьма первобытных и древних людских расселений.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЭТНОГЕОГРАФИИ.

Географические предпосылки, определяющие географические зоны человеческого расселения, не являются единственным объектом этногеографического изучения.

Кроме данных собственно географических, имеются еще три рода научных данных, весьма важных для этнографии и этногеографии. Таковы: 1) данные археологические; 2) данные антропологические и 3) данные историко-лингвистические.

Археологические данные являются результатом раскопок, произведенных в различных странах (преимущественно в Западной Европе). Они относятся к различным эпохам человеческой культуры, начиная от эпохи железа и уходя в древность, в глубину земли, вплоть до эпохи древнейшего палеолита и даже до образования первых человекоподобных племен из расы приматов.

Антропологические данные относятся к физическим свойствам различных человеческих народов, объединенных в общие группы и расы по родственным признакам. Эти физические признаки человеческих рас являются, конечно, их основным издревле унаследованным свойством, так же точно, как физические признаки рас и пород зоологических.

Лингвистические данные относятся к характерным признакам и родству языков. Язык является важнейшим орудием человеческой культуры, влиявшим на ее создание и в свою очередь изменявшимся под ее воздействием. С анализом лингвистических данных тесно связан также и анализ словесных созданий человечества в области литературы, полусторических и исторических преданий вплоть до начатков письменности в виде различных документов, записанных на скалах, на памятниках, на глиняных плитках и, наконец, на коже и бумаге. Эти исторические письменные данные, хотя и принадлежат сравнительно с предыдущими категориями к более поздней эпохе, однако, чрезвычайно драгоценны точностью и вразумительностью своих указаний.

К сожалению, эти три рода этнографических и этногеографических данных до сих пор были предметом обособленного изучения археологии, антропологии и лингвистики (вместе с историей). И не было сделано сколько-нибудь связной попытки объединить их вместе в одно стройное целое.

Между тем, можно указать на ряд чрезвычайно важных противоречий между этими различными данными. Я приведу здесь лишь несколько примеров.

1. Археологические данные свидетельствуют, что в западной Европе, в частности, во Франции и Испании к северу и югу от Пиринейского хребта обитали человеческие племена в течение долгого времени, переживая изменение климата, флоры и фауны. Человек обитал здесь вначале одновременно с пещерным львом, носорогом и бегемотом, охотился за разными породами бизонов, антилоп и диких коз, потом, по мере наступления ледников, стал охотиться за мамонтом и северным оленем, далее, при новом потеплении климата, вместо северного оленя стал охотиться в степях за дикой лошастью, а в лесах за благородным оленем. Культура этих племен относится к последовательным стадиям палеолита, медленно сменявшим друг друга. Сохранились многочисленные произведения палеолитического искусства, исполненные с большим совершенством и относящиеся к вышеупомянутым породам животных, напр., изображения мамонта на пластинках мамонтовой кости, изображения северных оленей на пластинках оленьего рога. Множество изображений сохранилось также на стенах пещер.

Остатки человеческих костей вместе с статуэтками и рисунками, изображающими людей, дают представление о человеческих расах той отдаленной эпохи. Мы находим черепа очень первобытного строения, близкого к обезьянам. Далее, мы имеем признаки негроидной расы маленького, почти карликового роста и насколько можно судить по дошедшим статуэткам, — с рунообразными волосами на головах и с так называемой стеатопигией, т. е. развитием жировых отложений в области таза и бедер (на женских фигурках). Длинные бороды некоторых рисунков напоминают о кавказской расе, некоторые черепа, как указано выше, имеют монголоидные признаки. Предметы культуры: гарпуны, метательные дощечки, также характер искусства, живо напоминают эскимосов и палеоазиатов. Таким образом, следует заключить на основании этих раскопок, что в западной Европе в очень древние эпохи обитали племена первобытные, обезьяно-подобного вида, другие племена малорослые негроидные, подобные бушменам, третьи длиннородые, подобные кавказ-

оной расе, далее — племена монголоидные и, наконец, еще другие, подобные палеоазиатам.

При этом разнообразии человеческих племен этой эпохи, культура их, напротив, отличается своим однообразием¹*!! даже единством. Особенно первые, ранние стадии палеолита совершенно однотипны не только в западной Европе, но решительно повсюду. В средней и восточной Европе и в других частях света также были производимы раскопки, хотя и не столь многочисленные. Палеолитические орудия, найденные там, совершенно подобны найденным в западной Европе. Человеческие кости и черепа из этих находок тоже примыкают к вышеуказанным первобытным типам.

Таким образом, западная Европа является как будто бы прародиной или во всяком случае местом очень долгого обитания различных человеческих рас, которые ныне здесь больше не встречаются, и остатки которых существуют в других чрезвычайно отдаленных местностях. Малорослые бушмены с признаками стеатопгии обитают, напр., на южной оконечности Африки; эскимосы — в Гренландии. Вопрос об исчезновении первобытных рас, населявших Европу, является загадочным. Человеческие расы вообще трудно исчезают. Даже при завоевании другими племенами, лучше вооруженными и обладающими более высокой культурой, побежденные народы сливаются с победителями, образуя низшие классы и часто, в конце концов, совершенно растворяют победителей в своей национальной среде. Даже в Северной Америке и в области Антильских островов племена американских индейцев, безжалостно истребленные испанскими и английскими переселенцами, все же не исчезли совершенно. По новейшим изысканиям, их антропологические признаки, навыки материальной культуры, остатки фольклора и пр. сохранились до сих пор в населении метисов и креолов, в особенности, в наиболее глухих округах. В Центральной и Южной Америке по тихоокеанскому склону население, говорящее на испанских диалектах, является в сущности все тем же индейским населением, — с примесью кавказской крови, — преимущественно на социальных верхах.

Современные французы, это латинизированные галлы; англичане — это смесь саксонцев и кельтов, покрытая сверху налетом французско-норманской культуры и пр. и пр.

В частности, в области Пиренеев, где наиболее многочисленны остатки палеолитической эпохи, мы встречаем племя басков, обитающее здесь очень давно и отличное по языку от всех окружающих языков индо-европейской группы. Баски являются последним остатком обширного иберийского народа. Было бы естественно сблизить

¹»спростраи. 1.у.льтуры на земле.

это полуисчезнувшее племя с палеолитическими расами дренних эпох. Однако, затруднение в том, что современные баски антропологически принадлежат к белой расе и ничем не отличаются от своих соседей.

Это первое противоречие естественно приводит нас к антропологическому анализу народов белой расы, населяющих Европу.

2. Б трех основных вариантах (темноволосые, русоволосые, светловолосые) народы белой расы сплошной массой заселяют современную Европу. Светловолосые племена, северные германцы, британцы, северные славяне, скандинавы, литовцы, латвийцы, эсты, финляндцы живут многолюдным венком вокруг Немецкого и Балтийского морей (Северное Средиземное море). Эти холодные области с их скудной природой являются как бы прародиной всей светловолосой расы. Ни в какой другой стране на всем земном шаре не встречается племен с преобладанием светловолосых блондинов и русоволосых шатенов над черноволосыми брюнетами. Только в некоторых долинах Кавказа и Памира встречаются темноволосые племена с примесью блондинов и шатенов более заметной, чем в нижних долинах тех же областей. Однако, блондины и шатены нигде не имеют преобладания и уступают в численности брюнетам.

Так, по указанию Деипкера, «у осетин встречаются белокурые волосы (10%) и светлые глаза (29%), сравнительно чаще, чем у других кавказцев, кроме имеретинцев, лезгинов, дидойцев и чеченцев. Брюнеты с темными глазами и волосами составляют, однако, 51—53% всего числа осетин, а потому процент блондинов у них еще недостаточен для причисления этих племен к светлокожим народностям, как делают это все этнографы от Л. Марцеллина и до нашего времени. Ростом осетины выше среднего (1,68 метра) и короткоголовые (головной указатель на живых 82,6)».¹

Данные, относящиеся к Гималаям и Памиру, говорят о решительном преобладании темноволосых над светловолосыми. Так о Кафирах в горах Кафиристана Робертсон говорит, что даже по цвету кожи они одинаково отстоят от белых и от черных рас. Впрочем у племени ирзуицев, одного из самых древних, в раннем возрасте среди детей часто бывают светлые глаза и русые волосы.²

Напротив, по указанию Лушана, Тахтаджи, живущие в Тахта-Коруме, в соседних горах, совершенно одиноко и замкнуто, все без исключения являются очень смуглыми, черноглазыми. «Я никогда

¹ Деникер, Человеческие расы, перевод с французского. СПб. 1902, стр. 435.

² Дж. С. Робертсон, Кафиры Гиндукуша, перевод с английского, Ташкент, 1906, стр. 38.

не замечал, даже у самых маленьких детей, светлых волос»,—пишет исследователь. — У мужчин чрезвычайно сильно выражена чернота волос. Головной указатель 82 — 91, в среднем тоже, стало быть, короткоголовый тпп». ¹

Гималайские п памирские горцы, очевидно, представляют меньше примеси светловолосого тина, чем горцы кавказские.

Таким образом, светловолосая раса ныне всецело принадлежит северо-аитлантнческим странам Европы. Однако, едва ли эти скудные страны являются прародиной светловолосой расы. Происхождение ее, очевидно, должно относиться к каким-то другим областям. Но мы не имеем никакого представления об этой отдаленной от нас географической возможности.

Другая антропологическая разновидность белой расы (темноволосые брюнеты) имеет гораздо более широкую область распространения в средиземноморских странах Европы и северной Африки сквозь ближнюю Азию до северной Индии. Русоволосый тип распространен в промежуточной полосе центральной Европы, и далее к северо-востоку, в европейской России и западной Сибири.

Однако, вопрос осложняется тем, что все три антропологические разновидности белой расы: блондины, шатены, брюнеты, вместе с четвертой разновидностью — эрптрейцы (рыжие) никогда не являются в племенной обособленности. Каждый народ, даже каждый осколок любого народа белой расы, включает в себе все четыре разновидности, смешанные между собою в различных пропорциях. Таким образом, разновидности белой расы внутренне связаны между собою.

Мы постараемся ниже сделать анализ этого антропологического расщепления, пока же укажем лишь на то, что современные народы белой расы, заселяющие ныне Европу, трудно ввести в соотношение с палеолитическими племенами, когда-то населявшими те же самые области.

Однако, в современных европейских народах попадаютсь особи с воскресающими признаками карликовых (темнокожих) племен палеолитического периода.

3. Лингвистические данные указывают на близкое родство языков, существующих в современной Европе и объединяемых вместе в индо-европейскую группу.

Языки этой группы, как указано выше, простираются на восток до Туркестанской впадины и дальше отходят на юг через Персию

¹ Ф. Л ушан. Народы, расы и языки, перевод с немецкого. Л., 1925, стр. 100.

в Индию. Древние исторические данные свидетельствуют о движении индо-европейских народов в указанном направлении с востока на запад и с севера на юг.

Это движение развивалось медленными неглубокими волнами, неся с собою собственную культуру и заливая на западе и на юге туземные племена. Европейские народы, вероятно, являются смешением каких-то туземных народов с индо-европейскими пришельцами с востока. Но мы совершенно не в состоянии отделить элементы пришлые от элементов туземных. В частности, как указано выше, мы не имеем никакого подхода к вопросу о том, являются ли светловолосые пришлым или туземным племенем.

В области монгольской расы мы тоже встречаем ряд подобных противоречий.

Монгольские и турецкие весьма многочисленные народы имеют вообще говоря два основных человеческих типа: монголоидный и туркопдный. Эти антропологические типы будут характеризованы ниже. Здесь мы должны указать, что каждый монгольский или турецкий народ имеет в себе эти оба человеческие типа. Они существуют рядом, не смешиваясь и выявляясь снова и снова в последующих поколениях, причем монгольский тип часто преобладает у женщин, а турецкий у мужчин. Женщина, быть может, является более консервативной хранительницей древнего антропологического типа. Напр., у белой расы в идеале женской красоты подчеркнуты золотые волосы, не только у русоволосых, но даже и у темноволосых племен. Греческая Афродита и спартанская Елена имели золотые волосы. На челе итальянской красоты стояли, как известно, блондинки. В Италии выделялись красотой венецианские блондинки, известные нам по картинам Тициана.

Великорусская народная песня воспеваает у парня русые кудри.

Кому мои кудри,
Кому мои русы,
Достанутся расчесать.

Украинская песня восхваляет у мужчины черный ус.

Ой, лихо, но Петрусь,
Биле личко, черный вусь.

Но у женщин даже украинская песня восхваляет золотые волосы.

... Там татары идутъ,
Волыночку ведутъ
У волыночки коса
С золотого волоса.

Дальше описывается, как золотая коса волыночки осветила темный лес и битую дорогу.

Между прочим, идеал красоты, существующий у различных рас, имеет важное значение для определения их антропологических различий. Каждая раса и каждый народ склонны наиболее типичные черты своей наружности и телосложения в благоприятных условиях расцвета юности и силы возводить в идеал красоты. Таким образом, белокурые племена белой расы считают наивысшей красотой изменчивый румянец белого лица — «кровь с молоком». Чукчи и другие племена с большим обилием пигмента на коже возводят в идеал красоты лицо красное, как кровь, пылающее как огонь, и ничего не говорят о молоке. Напротив того, в титул короля кафров входило такое определение: «ты, который череп».

Также в отношении волос белокурые народы восхваляют волосы мужские и женские, «как чесанный лен», волосы выющиеся, «как кольца, как змейки», обильные, как шелковый каскад.

Негритянские песни даже в Северной Америке, несмотря на воздействие белых влияний, восхваляют волосы, свернутые в тугие и мелкие спирали, похожие на виноградники.

У этого молодца

Волоса, как виноградины . . .

Об идеале красоты см. ниже, в главе XI.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗОНЫ.

Мы должны начать свой анализ с распределения народов земли по географическим зонам и поясам, от широты к широте, от климата к климату. Ибо географическая зона и связанные с нею условия климата и состояния растительности являются той основной предпосылкой, широкой географической базой, на которой возникла и развилась культура данного народа и расы, во всех ее отраслях и разветвлениях, материальных, социальных и духовных. С точки зрения географических широт земной шар представляется, как известно, двухсторонним: в центре своем он опоясан экватором, на север и на юг отходят соответственные зоны широты. Однако, в виду неравномерного распределения суши в северном и южном полушарии, соответственные зоны северной и южной широты различны по естественным условиям. Большая часть суши сосредоточена в северном полушарии и только здесь могут быть намечены широкие полосы, зоны с большим населением и разнообразной культурой. В южном полушарии зоны представлены отрезками суши, разделен-

ными пространством океана. Они суживаются по направлению к югу и сходят на нет. Приполярная зона представляется сплошным водным пространством. Антарктический материк, соответствующий Арктическому океану совершенно необитаем и потому не входит в поле зрения этнографии.

В северном полушарии, напротив, именно приполярная зона является полосой суши почти сплошной и опоясывающей земной шар. Умеренная зона тоже должна считаться вполне определенной и выраженной явственно, хотя и с перерывом двух океанов.

Далее к югу географические зоны шпроты прерываются горными хребтами и плоскогорьями, которые, к распределению климата соответственно широте, прибавляют другое начало — распределение климата, соответственно высоте над уровнем океана. Так напр., под самым экватором, на горных узлах Кения и Килиманджаро, в Африке, или на Андах, в Перу, в Америке, мы встречаем все разнообразие земных климатов, начиная от вечного снега вершин и кончая тропическим зноем и влажностью глубоких долин.

Климат различных географических зон земли определяется сочетанием двух элементов, порождающих жизнь — тепла и влажности. Северные широты изобилуют болотами, озерами, а в зимнее время покрыты снегами и льдами, т. е. твердыми осадками влаги, тающими лишь в летнее время. Таким образом, они вообще не имеют недостатка влажности, скорее наоборот. Скудость и отсутствие жизни там определяются отсутствием тепла и развитие жизни прямо пропорционально количеству тепла. В более южных широтах, южнее к экватору, при щедром изобилии тепла, в степях, в пустынях, замечается отсутствие Влажности, и развитие жизни здесь прямо пропорционально количеству влаги. Напротив того, в других областях этих южных шпрот обилие влаги, сочетаясь с обилием тепла, создает буйную пышность жизни, растительной и животной, сухопутной и водной. И с этим буйным развитием жизни человеческая культура до сих пор не может совладать. Таковы, напр., условия климата на средней Амазонке в южной Америке.

Между прочим, распределение географических зон с этиогеографической точки зрения должно по необходимости отличаться от распределения таких же зон (ландшафтных областей), принятого в общем страноведении. Возьмем, напр., известную схему ландшафтных областей, данную Кеппеном и разработанную Л. С. Бергом.¹

¹ Л. С. Берг, Пояса Земли, статья в Энциклопедическом словаре, изд. бр. Гранат, т. 33, стр. 201 и след.

А. СУША:

- 1) зона тундр.
- 2) » лесов умеренного климата.
- 3) » лесостепей.
- 4) » степей умеренного климата.
- 5) » полупустынь.
- 6) » пустынь умеренного климата.
- 7) »> средиземноморских лесов.
- 8) » субтропических степей.
- 9) » тропических пустынь.
- 10) » тропических степей.
- 11) » саванн (тропическая лесостепь).
- 12) » тропических лесов.

Б. ОКЕАН:

- 1) побережье.
- 2) глубины.
- 3) открытое море (голова).

Для целей этногеографии это разделение не может считаться удовлетворительным. Так зоне тундр должна предшествовать зона полярного побережья, заселенного охотниками на морского зверя, которые явно тяготеют к открытому морю. Поселки свои на береговых мысах они постоянно устраивают с наружной стороны, там где ветер и морской прибой наиболее жестоки. Это важно для удобства охоты на тюленей, моржей и китов.

Вторая зона — лесов умеренного климата с этногеографической точки зрения должна быть разделена на две отдельных полосы: зону субарктических лесов, населенную охотничьими племенами и зону холодно-умеренного климата, населенную лесными земледельцами.

Впрочем этногеография должна объединить зону лесов хвойных и лиственных, также лесостепей и ближайших степей в одну обширную зону умеренного климата, с густым населением и высокой культурой.

Далее этногеография имеет тенденцию соединить вместе пустыни умеренно-теплого и тропического климата, так как условия жизни племен, кочующих в этих областях, более или менее одинаковы. Также точно этногеография соединяет области тропических и субтропических широт. С другой стороны, для этногеографа важно выделение экваториальных областей, наполненных влагой и буйной растительной жизнью, как указано выше. Наконец, для этногеографа зоны южного полушария должны быть указаны особо (ср. выше). Напр., южная оконечность Америки представляет особую

экогеографическую зону, не имеющую себе подобной на земле. Условия жизни первобытных племен, обитающих там, представляют своеобразное смешение навыков теплого климата с необходимостями, созданными местной суровой природой.

Жители Огненной земли летом и зимою ходят почти совершенно нагие. В июле (середина зимы) снег падает большими хлопьями и тает на их голом теле. Они спасаются от стужи постоянным разведением костров, жмутся к огню вплотную, вплоть до постоянных ожогов. Еще Магеллан, проезжая мимо, увидел эти постоянные огни и дал острову имя «Огненная земля».

Зоны, указанные Бергом для океана, по своей слишком общей форме не имеют никакого этно географического значения.

Этногеографическое значение водных пространств приблизительно следующее:

Большие реки имеют значение на первоначальной стадии развития человеческого рода, как возможные границы племен или племенных групп, которым трудно переправляться через такую реку. Такое значение имеет в настоящем Амазонка. В дальнейшем, напротив, река становится прекрасным путем сообщения и привлекает к себе человеческие племена, как удобнее место для устройства поселений. Для дальнейших народных и государственных организаций реки рано становятся центральной струной. Многие из современных народностей до сих пор сохранили такое прилегание к основной реке. Поляки, напр., являются искони и ныне жителями привислянского края. Напротив того, только немногие реки представляют границу народностей и государств, как, наир., Дунай.

Прибрежные лагуны и отмели у моря являются местом питания для человеческих племен также на первоначальных стадиях развития. Собиратели приморской пищи, — раковин, моллюсков, мелкой рыбы, вырабатывают быт, отличный от собирателей пищи сухопутной. Такими морскими собирателями являлись в раннем палеолите обитатели «кьеккен-моддингов», кухонных куч, на датском побережье. В настоящее время типичными морскими собирателями являются огнеземельцы.

Рыбная ловля рано развивается на озерах и реках, особенно на речных устьях, а на море несколько позднее из за его бурности.

В эпоху⁷ неолита на озерах и лагунах возникает рыболовный быт, связанный со свайными постройками, дающими безопасность от враждебных нападений. Свайные поселки рыболовов некогда существовали на швейцарских озерах и до сих пор существуют в Индонезии у малайских племен.

Приморское и морское рыболовство развивается позднее, однако, вероятно, уже в неолите и особенно в бронзовом и железном периодах. Голландцы и норвежцы до сих пор в значительной степени остались морскими рыболовными народами.

По устьям больших сибирских и американских рек Арктического и Тихоокеанского склона туземные племена на стадии раннего неолита (до пришествия европейцев) осели речными рыболовами. Это рыболовство связано с периодическими появлениями огромных рыбьих стай, входящих из океана в реки для метания икры.

На той же стадии культуры стала развиваться охота на морского зверя, которая вместе с морским рыболовством, придает некоторым племенам особые морские устремления и качества и превращает их из рыболовов в мореходов.

Большое значение имеют внутренние моря, особенно моря разветвленного средиземного типа. Они являются сперва удобными торговыми путями, потом путями расселения и колонизации. Такое значение имели и имеют средиземное море южной Европы и средиземное море северной Европы (Балтийское с Немецким), Японское внутреннее море. Желтое море между Китаем и Японией, и вообще вся часть Тихого океана между Австралией и Азией и дальше к востоку, в областях меланезийских и полинезийских Архипелагов.

Напротив того, Американское средиземное море (Карибское), не успело приобрести такого значения, так как народы, обитавшие там, еще не успели развить мореходства, даже не имеют настоящих морских лодок. Карибы только начинали свои завоевания Антильских островов пред самым появлением испанцев. И до настоящего времени жители Антильских островов и ближайших побережий не сумели создать настоящего приморского быта. В Испанских креолах, в мулатах и метисах Антильских островов, чувствуется все то же наследство индейской культуры, пассивной и первобытно-земледельческой.

В общем в человечестве развилось на разных широтах несколько типов приморской культуры, отличных друг от друга. Таковы: эскимосский тип в Арктическом океане, скандинавско-германско-кельтический на Атлантическом побережье Европы, южно-европейский средиземноморский, Японский и Малайский в западной части Тихого океана и примыкающий к нему полинезийский.

Океаны приобретают для человечества более серьезное значение только в новейшую эпоху. Они становятся все более и более путями культурных сношений и огромных расселений, сперва по отдельным

морским бассейнам, потом по отдельным океанам, а потом и вообще для всего водного пространства земли.

Эпоха XX в. с этногеографической точки зрения должна быть названа эпохой всеокеанской.

Все это будет рассмотрено впоследствии.

Из сказанного видно, что географическая зона для этногеографа есть в основе своей лишь географическая ойкумена-местообиталище племен, населяющих ее.

После этих беглых замечаний можно указать распределение географических и климатических зон на поверхности земли.

На северном полушарии начиная от севера к югу:

Полярная зона. Полярной зоной можно считать пространство земель Старого и Нового света, расположенное к северу от полярного круга, вплоть до берегов Северного полярного моря, разумеется, со включением всех островов в Евразии и Америке. Эта зона отличается большим однообразием климата и растительного и животного мира. Почти вся она покрыта тундрами, которые местами у моря прерываются группами обнаженных и диких утесов. Повсюду те же мхи и лишайи, жесткие травы, преимущественно из рода осоки, карликовые кусты; из животного мира северный олень, песец, пеструшка, полярный заяц, полярная сова, куропатки и проч. В морях различные породы сига и лососей, тюлени и моржи, дельфины и киты.

К этой же зоне нужно отнести и лесотундру, северную полосу хвойного леса, так называемый на севере «Край лесов», ибо в эту полосу леса жители тундры уходят на зимние месяцы, спасаясь от невыносимых зимних выюгов и холодов. С тундры в лес уходят дикие олени и, стало быть, и преследующие их охотники. Также и оленеводы на зиму отгоняют свои стада в полосу леса. Весною, напротив, олени и люди возвращаются на тундру, спасаясь от насекомых, оводов, комаров и мошки, свойственных глухому, безветренному лесу.

Для человеческих племен, населяющих полярную зону, можно было бы воскресить прежнее название гиперборейцев.

Довольно вероятно, что большая часть этих племен имеет общее происхождение. Созданная ими культура имеет четыре варианта. На юге у самого края лесов-сухопутные охотники, по устьям больших рек — речные рыболовы; на тундре до самого моря, в Евразии — оленеводы, в Америке — весьма скудные племена ту и дренных звероловов и рыболовов; по берегу морскому и также по морским

островам—охотники за морским зверем (ср. выше). Впрочем, все четыре варианта полярной культуры имеют многие общие черты.

К югу от полярной зоны, приблизительно до 50° северной широты расположена *умеренная зона*. Эта зона является областью наиболее высокой культуры на земле. Она занята цепью пяти главнейших культурных государств земли, каковы: Германия, Франция, Англия, Соединенные штаты, СССР.

Сюда же, разумеется, относятся и меньшие государства западной и средней Европы умеренного климата: Голландия и Бельгия, Швейцария, Дания, также Норвегия и Швеция, северными частями заходящие в полярную зону.

Пять главнейших государств выделены особо, так как они определяют линейное протяжение зоны.

Сюда же можно с некоторой натяжкой причислить и Японию, хотя она в общем расположена южнее.

На севере умеренная зона занята хвойными лесами, дающими место охоте, а южнее лесному земледелию, местами довольно первобытному, а местами достигшему относительного совершенства. Далее следует лес лиственный, лесостепь и, наконец, степь. В общем земледелие всей этой зоны характеризуется посевами ржи и пшеницы, посадками различных овощей, разведением рогатого скота, мелкого и крупного, свиней, лошадей. В лесной области леса расчищены и заменены сплошными пашнями. Сгустки населения в больших городах и промышленных округах создали сложное техническое производство. Торговля значительна и разнообразна, и распространяется отсюда по всем широтам земли. Отрезки океанов, расположенных в тех же широтах, являются местом торговых путей тех же культурных государств, культурных народов и таким образом входят в ближайшую сферу их влияний.

Далее к югу этногеографические зоны могут быть указаны лишь частично с большими перерывами. Таковы: в области умеренно-теплого климата, примерно от 50 до 40° северной широты — *Средиземноморская зона*, с мягкой, бесснежной зимой, южными фруктами, виноградом, маслиной, с прекрасными морскими путями сообщения, — древнее отечество культуры, по крайней мере, в Европе. В Азии приблизительно такими же климатическими условиями обладает Малая Азия, Кавказ и Закавказье, Персия, Южный Туркестан, северные долины Гималаев, хотя и лежащие южнее средиземноморской Европы, Северный Китай, Корея, Средняя и Южная Япония. В Америке часть средних и южных штатов, от Пенсильвании на востоке до Калифорнии на западе. В южном полушарии этой зоне

соответствует: в Африке Капская земля, в Южной Америке часть Аргентины и Чили, в Австралии юго-восточный берег, а также, так называемая Риверина (ср. Средиземноморская Ривьера во Франции и Италии).¹

Все вышеуказанные области благоприятствуют развитию садоводства и виноделия, хотя одни из них относятся к странам приморским, а другие к более континентальным. Любопытно отметить, что психический тип населения, заселяющего эти области, во многом одинаков. Так, напр., в Аргентине и Бразилии от смешения латинских эмигрантов из различных областей южной Европы с примесью индейской и негритянской крови на наших глазах вырастает новое поколение нео-бразильцев и нео-аргентинцев, которое явственно отличается по характеру культуры и быта, напр., от северных американцев. В новой Аргентине и Бразилии складывается быт, совершенно подобный быту средиземноморского населения Европы и даже, быть может, более древнему быту античного Рима и Эллады. В создании этого быта участвуют мягкость умеренно-теплого (а также субтропического) климата, обилие южных плодов, отсутствие необходимости в отоплении жилищ, в зимней одежде и проч.

В Евразии на широте 55°—45° между Доном и Волгой, Волгой и Уралом и далее к востоку до северного Туркестана может быть отмечена первая область полубезводных пустынь. Географические и климатические свойства области пустынь настолько характерны, что их можно объединить вместе, не обращая внимания на различие широт. Сюда относятся, кроме указанного выше пространства, пустыня Гоби в центральной Азии, Сахара в Африке, внутренние пустыни Аравии и Сирии, пространства внутренней Австралии, пустыня Калахари в южной Африке и другие более мелкие пространства на различных континентах. Напр., в Северной Америке, к востоку от Скалистых гор пустыня Ута у Соленого озера и дальше к юго-западу пустыни Могавская и Гила, в особенности их части, изобилующие калийными солями и называемые Алкали; в Южной Америке, в Чили, пустыня Атакама, Патагонская степь и так далее.

Зона пустынь отличается скудостью влаги, местами доходящей до полного безводия, в других местах, напротив того, включающей ежегодный дождливый период, более или менее короткий. В безводных частях растительность является чрезвычайно скудной. В менее безводных частях пустыня в известное время года покрывается

¹ «Ривьера» означает мореной берег; «Риверина» — маленькая Ривьера. Риперина, впрочем, расположена не у моря, а по системе главнейших рек Австралии, Муррея с его притоком Дарлингтом.

пышным травяным покровом. Таким образом пустыня незаметно сливается со степью. Пространство пустынь пригодно для разведения скота, они являются издавна местообиталищем пастушеских пародов, кочевников, номадов.

Умеренно-теплая зона незаметно переходит в *субтропическую* и дальше в *тропическую* (от 40° сев. шир. до северного тропика и несколько южнее). Эта зона, в особенности южная ее половина, в общем, имеет два времени года: — знойное — сухое (лето) и влажное — обильное дождями (зима). Дождливое время обусловлено тягою пассатов и муссонов и наступает периодически правильно. Летняя засуха неблагоприятна развитию жизни и в этом соответствует северной зиме, дождливая и теплая зима соответствует по плодородию северному лету. Таким образом в климате этой зоны более северный холод замещен южной засухой. Эта обширная зона тоже более или менее сплошная, с некоторыми перерывами, является древним отечеством культуры на земле и первым поприщем ее раннего развития. И в разных областях этой зоны культура преемственно сохраняется вплоть до настоящего времени.

В хозяйственном отношении тропическая зона характеризуется: культурой риса, хлопка и сахарного тростника, различными видами пальм, финиковой, кокосовой, дающими фрукты и масло, бананами, тропическими плодами, которые от плодов умеренно-теплой полосы отличаются тем, что вырастают в лесах без всякого ухода. Рядом с культурными пространствами имеются влажные болота, рождающие лихорадку и другие заразные болезни. Вместе с развитием разнообразнейшего скотоводства еще существует обилие диких животных, местами конкурирующих с домашним скотом человека в борьбе за пастбище и водопой. Очевидно, природа, несмотря на древность человеческой культуры, все еще не стала окончательно подвластной человеку.

Южные тропическая и субтропическая зоны, в общем, соответствуют северным, но, согласно указанному выше, территории их теснее и значение их меньше.

Экваториальная зона отличается климатом до крайности влажным и знойным, подобным пережитку исчезнувших древних эпох, напр., каменноугольной. В мокрых и черных лесах, в озерах и болотах, здесь обитают последние породы древних животных, архаических и явно вымирающих, от гиппопотама и крокодила до orang-утанга и гориллы. Напротив, человеческое население до крайности редко и скудно. В экваториальной полосе можно отметить область средней Амазонки в Америке, область озер Альберт и Виктория,

озеро Танганайка, озеро Чад в Африке; там же бассейны рек Нигера, Замбези, Конго: в Индонезии побережья больших островов от Суматры до Новой Гвинеи. Все эти области должны считаться последними резервными пространствами земли. Современная культура еще недостаточно сильна и организована, чтобы справиться с буйной и мощной природой, осушить и спустить чрезмерно обильные воды, вывести вредных насекомых и заразные болезни, разделить густые леса и заменить их планомерными культурами.

В общем не лишне указать, что поверхность экваториальной, двух субтропических и двух-умеренно-теплых зон, примерно вплоть до 40° — 45° широты северной и южной, составляют более чем три пятых всей поверхности суши и, таким образом, значительно превосходит сумму поверхности умеренно-холодной и полярной зон, со всеми расположенными там пустынями и тундрами. Таким образом, земля в сущности все еще не вышла из стадии теплого климата. Тем более удивительно перенесение высшей культуры на север, устойчиво и быстро, в туманную и скудную область 55° — 60° северной широты.

Анализ этого перенесения будет сделан ниже.

Южнее субтропической зоны южного полушария следуют, все более суживаясь по пространству, зона умеренно-теплая и зона умеренно-холодная.

Расположенные на южных клиновидных частях Южно-американского, Африканского и Австралийского материков, эти зоны, в общем, имеют характер степной и сравнительно мало разнообразны. Впрочем, некоторые отрывки этих зон южного полушария, напр., Капское побережье в южной Африке и Рнверина в Австралии, как указано выше, напоминают умеренно-теплую зону¹ северного полушария. Огненная земля с прилежащими архипелагами составляет, как указано выше, совершенно особую и своеобразную зону. Она отличается обилием ветров, часто переходящих в настоящие морские штормы: густая и жесткая растительность в постоянной борьбе с бурями смыкается в непроницаемый покров, вечно зеленый даже и в зимнее время. Вся природа этой зоны имеет странный характер тропической природы, попавшей в суровые условия и приспособившейся к ним после значительных потерь и сжиманий. Также и человеческие племена, обитающие здесь, являются, очевидно, переселенцами с тропиков.¹ сохранившими в суровой обстановке перво-

¹ В последние годы португальский ученый Мендец Корреа и французский ученый Поль Риве выдвинули гипотезу, что жители Огненной земли и отчасти Патагонии (племена группы Чои) являются переселенцами из Австралии.

бытную беспечность, отсутствие одежды и жилища. Мало приспособившиеся к этим суровым условиям, они с величайшим напряжением могут поддерживать самое скудное и неустойчивое существование. Арктический обитатель, эскимос или самоед, в своем тройном ианцyre из плотно прилаженного меха, и обнаженный Алакалуф с Огненной земли, подставляющий холодному дождю обнаженную спину, представляют два крайних выражения приспособленности и неприспособленности первобытных человеческих племен к суровой обстановке и климату.

В южном полушарии, взятом как целое, надо отметить соответствие зимнего сезона нашему летнему сезону и наоборот. В конце XIX и в начале XX вв. это перекрестное взаимоотношение времен года получило довольно заметное влияние на судьбы заокеанских отхожих промыслов, оседающих, в конце концов, в виде переселений.

Из Италии, Испании, а также из восточно-европейских областей: из Польши, Литвы, Белоруссии в начале XX в. до самой войны тысячи крестьян, управившись с полевыми работами собственного климата, уезжали на зимние заработки в Аргентину и Бразилию, как раз к сезону тамошней жатвы.

Это любопытное явление быстро росло и принимало массовый характер. В крестьянских слоях довольно отсталых областей возникала как будто бы новая порода людей, не знающих вовсе зимы и в течение многих годов переезжавших с севера на юг и с юга на север, в трудовой погоне за убегающим и набегающим летом.

Фантастические мечтания социологов и романистов о том, что в грядущем счастливые верхи человечества будут иметь возможности на огромных дирижаблях перелетать ежегодно через экватор, превращая для себя двустороннюю землю в вечно подвижный сенаторий, заменились в действительности более прозаической формой трудовых переселений. Земледельческие пчелы оказались проворнее цветистых мотыльков. Мировая война оборвала это естественное переливание трудового человечества из Европы в Аргентину и обратно, но можно полагать, что через несколько лет оно восстановится снова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ОТДЕЛЬНЫМ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ.

Помимо этого распределения человеческих народов и созданной ими культуры по географическим зонам можно выделить более частные группы народов и созданных ими культур соответственно характеру местности. Так, в высокогорных областях, на различных

континентах, можно указать на горные народы, живущие в долинах более или менее замкнутых и восходящих снизу вверх.

Эти горные народы отличаются своеобразными свойствами. Физически, — это люди статные, сильные, с хорошо развитыми легкими, сухим мускулистым телом, выносливые к суровости горного климата, к бурям, холодам, к вечным опасностям от блуждания по узким тропам над обрывистыми пропастями. Они являются часто образцом красоты мужской и женской. Так, именно, кавказские горцы дали свое наименование целой кавказской расе, ибо они якобы являются лучшими представителями благородного белого типа (Блюменбах). Также точно и карпатские горцы, польские горали и русинские гуцулы, албанцы с гор Пинда, считаются лучшими физическими представителями соответственных народов.

Горные народы отличаются неукротимую храбростью, любовью к независимости, умением ориентироваться среди опасностей и житейской инициативой. Однако, они никогда не являлись завоевателями. Для этого они слишком разобщены и привязаны к своим уединенным разрозненным долинам. Завоевателями среди горцев являются только порою жители нижних долин и предгорий, близких к равнинам.

В области материальной и социальной и духовной культуры, горные народы являются чрезвычайно консервативными и упорно «охраняют» весьма первобытные древние стадии или их явные остатки и следы. В расовом и национальном отношении в горных областях сохраняются народы, оттесненные из нижних долин и равнин более поздними пришельцами, стало быть, — более ранние пришельцы и аборигены данных областей. При обширных движениях и переселениях народов, которые нередко переливались через горные страны: Альпы, Кавказ, Гималаи, — в горных долинах и ущельях оставались клочки и отдельные части проходивших народов, отставшие от массы или задержавшиеся в горах по каким-либо частным причинам. Таким образом, каждая горная область составляет конгломерат различных племенных отрывков, более или менее древних, и таких не первобытных остаточных культур, часто перемешанных в пестром беспорядке. Однако, в течение многих столетий и тысячелетий, эти обрывки племен, проникая в горные долины, одни за другими, составляли своеобразные национальные смеси, отличные от смешений, возникших на окружающих равнинах. В мелких горных племенах, эти последовательные народные слои часто выявляются чрезвычайно отчетливо. Так, напр., в кантоне Граубюнден, в Швейцарии, есть группы жителей, говорящих на романских наречиях, — так называемые *романши*, или *ладины*. А дальше, к юго-востоку — *фриульцы*. Эти

отрывки романизованного населения являются потомками *ретийцев*, которые, в свою очередь, были древним населением Швейцарии еще до пришествия кельтов. Кельты (гельветы) оказались недостаточно сильны, чтобы ассимилировать население Граубюнденских долин. Но римская культура, пришедшая в швейцарские горы с юга, около второго века до нашей эры, сумела романизовать одинаково гельветов и ретийцев. В эпоху переселения народов, аллеманская волна, залившая Швейцарию с севера, германизовала гельветов, но не могла докатиться до южных Граубюнденских долин и германизовать ретийцев. Таким образом, для ретийцев, романский (латинский) язык, более древний, чем современный аллеманский язык северных долин Граубюндена, оказался только патиной,¹ сохранившей еще более древний народный элемент и культуру ретийцев.

Таким же точно сложным и древним образованием, быть может, должны считаться и пиринейские *баски*. Если считать, что баски являются частью более обширного иберийского народа, который некогда занимал Пирпненский полуостров и южную Францию, и если причислить иберийцев к древнейшей средиземной отрасли белой расы: хамитской или яфетической, то мы могли бы построить гипотезу, что, несмотря на всю свою древность и уединенное положение, баскский язык является патиной, покрывающей еще более древнюю национальную стихию пиринейского населения. Нижним слоем баскского племени, быть может, являются потомки пиринейских обитателей различных эпох палеолита: ориньякской, солютрейской, мадленской, азньльской, — которые оставили здесь такие обильные следы и потом как бы исчезли. Народы вообще не исчезают. Они только накатываются друг на друга, как мелкие волны или как топкие и вязкие слои, и медленно сливаются и смешиваются в новое образование.

Такие своеобразные смешения встречаются также на Кавказе. В Дагестане до сих пор сохраняются явные следы влияния арабской культуры. В Сванетии устные богослужебные формулы являются смешением сванских и древне-грузинских лингвистических элементов с примесью не менее древних греческих слов, не говоря уже о первичной яфетической основе. Это — пример смешения культурных элементов, который, быть может, возник вне прямого племенного смешения. В восточных Гималаях племя гуркасов является своеобразным сочетанием племенных элементов белой и желтой расы.

¹ Патина — особый темноватый налет на древних каменных, костяных и глиняных изделиях.

Распростран. i.-улытуры на земле.

Племенные элементы горных племен вообще мало исследованы. Их предстоит расслоить в дальнейшем более подробным изучением.

В области материальной культуры: скотоводства, земледелия, торговли. — горные области являются часто ареной своеобразных передвижений, создающих племенную и хозяйственную чересполосность. В нижних долинах развивается земледелие и скотоводство. Пастбища высоких плоскогорий. — альпы, яйлы, планнны. — являются чрезвычайно удобными для скотоводства, преимущественно в летнее время. Таким образом, обитатели нижних долин отгоняют свои стада на горные пастбища. Так поступают до сих пор тирольцы и швейцарцы, карпатские горцы, русинские и польские. В этих областях деревенская молодежь или особые группы специалистов пастухов уходят на лето в горы со стадами овец и коров. Осенью люди и стада спускаются вниз, принося с собой молочные продукты (масло, сыр). На Малом Кавказе это передвижение имеет характер между племенной. Курды, обитающие в нижних долинах, отгоняют стада свои на горные пастбища мимо армянских селений, расположенных в среднем поясе. Такой же чересполосный характер имеют торговые сношения. Сванские князья в Нижней Сванетии запирали немногие проходы, ведущие в верхнюю республиканскую Сванетию и, таким образом, прерывая торговлю, принуждали свободные сванетские общины к платежу дани. В азербайджанской области горные проходы часто были заняты с одного выхода татарским поселением, а с другого — армянским. В первой и второй революции, во время гражданской войны, татары и армяне поочередно отнимали друг у друга торговую дорогу и таким образом принуждали противника к покорности.

В общем можно сказать, что горные области имеют население своеобразного склада и своеобразной культуры.

Однако, эти горные культуры не имеют особого творческого значения для роста культуры на земле. Можно привести только один пример творческого влияния высокогорной культуры. В южной Америке, около экватора, зачинателями культуры явились племена, жившие на высоком плоскогорье Пуна. Здесь — родина домашнего картофеля, приручения ламы, которая до сих пор осталась животным непригодным для жизни в долинах.

Тем не менее, в дальнейшем, культура, возникшая на плоскогорье вокруг озера Титикака, отчасти скатилась к востоку в более низменные области, а отчасти спустилась к западу в глубокие долины роскошного тропического климата, вплоть до самого морского берега.

Более широкое значение имеет культура приморская, возникающая в местностях, экономически и географически связанных с морскими побережьями, островными архипелагами и широкими открытыми морями.

В ранней собирательной стадии хозяйственной культуры морские собиратели с самого начала являются особой разновидностью. От собирания раковин и мелкой рыбы по отмелям они переходят к рыбной ловле сперва вдоль берегов, а потом и в открытом море. Возникает особая приморская культура, связанная вначале с рыболовством. Даже в настоящее время среди самых культурных народов есть многочисленные поселения рыбаков. Норвегия, Шотландия, Голландия существуют почти на половину ловлей сельди. Французские бретонцы, обитающие на побережьях, существуют ловлей трески как отхожим промыслом в Нью-Фаундленде и у берегов Исландии. В северной Америке прибрежные жители Новой Шотландии и штатов Новой Англии тоже уходят на ловлю трески к Нью-Фаундленду. В северной России таким же рыбачьим населением являются мурманские и архангельские поморы, на юге — крымские греки, астраханцы, азовцы и проч.

Из рыболовства вырастает и развивается особая морская культура. Она связана прежде всего с судоходством, с ездой по морям, ближним и дальним. Морские торговые пути не менее древни, чем сухопутные. Правда, внутренние жители боятся моря и даже купаются в море неохотно. Но население, выросшее у воды, смело выезжает в море, даже в открытой лодочке. Морская езда тесно связана с торговлей. Море соблазняет и манит, не дает покоя.

И, вероятно, уже в неолите начались далекие морские плавания с целью отыскания новых стран и выгодных мест для торговли

Так, в Одиссее Нестор обращается с вопросом к Телемаку и его спутникам:

Странники,

.....
Кто вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?

Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,

Взад и вперед по морям, как добычники вольные лчася.

Жизнью играя своей и беды приключая народам?

(Одисс., 111, 71 — 74.)

Древняя торговля на суше и на море была связана с авантюризмом, с пиратством, с грабежом (см. выше, в главе о Торговле, стр. 101).

Чукотская сказка начинается так: «Был человек, захотел посетить неведомые земли. Сделал себе кожаную лодку. Гребет,

а сверху птицы летят, он не может их догнать. «О, — говорит, — тяжелая лодка». Изломал, сделал другую. Гребет, а птицы летят. Равняется с ними, но этого мало. Сделал третью лодку. Стал грести, взвилась вверх и полетела наравне с птицами. Тогда подобрал себе товарищей и поехали в неведомые страны».

Дальше морская торговля развивается с особенной стремительностью и совершенно затмевает сухопутную. В настоящее время, несмотря на мощное развитие железных дорог, морские пути и морские торговые сношения все же преобладают. Мало того, весь современный период истории может быть назван всеокеантическим или всемирным, что, в сущности, одно и то же.

Морские культуры представляют несколько вариантов, соответственно различию климатов.

1. В северной зоне, в полярном океане и отчасти в Беринговом море, на побережьях северо-восточной Азии и арктической Америки, возникла культура, основанная на охоте на морского зверя. Типичными создателями и носителями ее являются эскимосы.

Вся жизнь эскимоса связана с морем. Летом и зимою, своим костяным гарпуном из-под льда или из открытой воды, из самой глубины морской, он должен вылавливать себе пищу, одежду, отопление и освещение. Все это совмещается для эскимоса в тюлене. Приспособления, созданные эскимосами для этого звериного промысла, многочисленны и разнообразны. Хотя эскимосы металлов не знали и получили их лишь от европейцев, их каменная и костяная техника отличается точностью и разнообразием, которые по духу родственны скорее европейской ремесленной технике, чем обычному каменному веку. Некоторые из эскимосских изобретений и приспособлений, напр., метательный гарпун, заимствованы всеми соседними племенами и даже китоловами Европы и Америки. Суровый характер северного моря, жестокие бури, морозы, ледяные горы, ничто не устрашает эскимоса. В утлом челноке-каяке, обтянутом тюленьей кожей по деревянному остову, с двуручным веслом в руках, эскимос выезжает на охоту в такую погоду, когда и пароходы стремятся спрятаться в безопасную бухту. Челнок его, как кожаный пузырь, всплывает вверх. Он держится на поверхности воды, как вечный спасательный круг.

Эскимосские поселки ставятся у самой воды, под высокими утесами, которые врзались в море. Здесь течение такое быстрое, что море не замерзает почти до полу-зимы. И это для охотника удобно. В других местах эскимос пробивает для ловли своей нетяжелой пешней слой льда в четыре аршина толщины.

Эскимосы — постоянные странники и приморские кочевники. В своих больших открытых кожаных лодках, так называемых «женских», — ибо мужчина предпочитает ехать в челноке, — эскимос со всею семьей пускается в дальние плавания, переселяется иногда за сотни верст на новые места. Именно благодаря своим постоянным переселениям эскимосы заняли такую огромную территорию на севере Америки. Эскимосские охотники в кожаных лодках смело пускаются в открытый океан и отъезжают от берега на день и на два дня расстояния. В запасах они не особенно нуждаются, кроме небольшого количества воды. Убитый по дороге тюлень потребляется сырым. В случае нужды ледяные кристаллы, подобранные на каком-нибудь обломке морской льдины, могут представлять средство для утоления жажды. Верхние осколки выветрившегося морского льда бывают сравнительно не солон.

Также и зимою эскимосы бесстрашно уходят по ледяным полям до самого внешнего края, так как тюлени любят держаться поближе к открытой воде. И если ветер дунет от берега, нередко отрывается часть ледяного поля и уносится в открытое море. Не проходит зимы, чтобы кто-нибудь не погиб. Другие спасаются при трудностях совершенно баснословных. Но если спасутся, то на будущую зиму снова выходят на лед на поисках промысла. Ибо без промысла на море жить невозможно и нечем.

На открытой воде охотничье умение эскимосов совершенно исключительное. Европейские китоловы охотно нанимают эскимосов на свои суда в гарпунщики и даже в матросы. Ибо в убойе и свеживании добычи европейские моряки не могут сравниться с туземцами. Из эскимосов выходили прекрасные матросы даже для пароходов, — так прекрасно приспособляются они ко всякой морской работе. И уже не говоря о Гренландии, куда цивилизация проникла довольно давно, в эскимосских поселках на Аляске попадают люди, побывавшие в Сан-Франциско и на Сандвичевых островах, даже зимовавшие на самом экваторе. Я встречал таких же бывалых путешественников в азиатских поселках 30 лет тому назад, напр., в большом поселке Унгазнк на мысу Чаплина.

Мало того, в последнее время эскимосы стали заводить собственные китоловные шкуны, покупая их у американцев и европейцев за дорогую цену. Уплата производится мехами и китовым усом и иногда собирается и копится в течении десятилетия. Но купив такую шкуну, эскимосы в состоянии владеть ею, пожалуй, не хуже европейцев. На моей памяти в 1893 году семья эскимоса Куvara в вышеупомянутом Унгазпке купила у американцев небольшой

клипер. Но в то же лето русские военные суда конфисковали этот клипер, как морскую контрабанду, и увели его в Владивосток. Там клипер был продан с публичного торга в качестве приза и вырученная сумма поделена между счастливыми поимщиками.

Надо прибавить, что при всем своем знании моря и любви к водной стихии, эскимосы чуждаются воды, как таковой. Они никогда не купаются и плавать не умеют. Температура воды и воздуха к купанию отнюдь не располагают. Случайно опрокинувшись в воду в своем неизменном меховом наряде, они вылезают на лед, как мешки, и тогда раздеваются, выкручивают воду из меха, выжимают последнюю влагу тыльной стороной большого поясного ножа и одеваются снова, как при чем не бывало. Сырая одежда сохнет на их теле.

2. Тропикам и жаркому экватору принадлежит морская культура, тоже совершенная, но во многом диаметрально противоположная полярной морской культуре. Бесчисленные архипелаги Полинезии и Меланезии, побережья больших островов Индонезии, похожих на материи, создают культуру тропического моря. Малайцы и полинезийцы, японцы и меланезийцы, отчасти китайцы и приморские жители Индии, являются носителями этой морской культуры.

В отличие от эскимосов ее предварительным условием и базой является личная телесная близость с водой. Тропический моряк иолжизни проводит в купании. Он плавает как рыба, во всяком случае искуснее и неутомимее, чем любое сухопутное животное. Европейские путешественники в южных морях могут видеть, как при каждой остановке с берега выплывают навстречу голые мальчишки и, плавая вокруг парохода, ожидают подачки. Если любопытствующий пассажир бросит в воду монету, они бросаются за ней вперегонку, вертлявые как рыбы, и кто-нибудь ловит ее просто ртом.

Такие пловцы не имеют причины бояться моря. Случайно опрокинувшись вместе с лодкой, они легко и свободно выплывают на берег. Лодки этих полунагих пловцов построены иначе, чем эскимосские. Полинезийцы скатываются с берега по возвратной волне прибоя, стоя на доске, что является в сущности чудом эквилибристики. Потеряв равновесие и свалившись в воду, человек рискует быть убитым или искалеченным той же доской. В случае нужды островному жителю служит челноком просто бревно, на которое садятся верхом и гребут обрезанными ветками дерева. Это так называемый *катамаран*, полу-плот, полу-челнок. В другом варианте к простейшему долбленному челноку приделываются с боку или с обоих боков наружные бревна, вроде широко поставленных полозьев. Полученное сооружение плохо поворачивается

послам, но зато сию не опрокидывается даже в большие бури. Ехать приходится на парусе, что при обилии ветров не представляет затруднения.

С другой стороны, те же малайцы и полинезийцы строят длинные¹ гребные чепцы на 20 и 30 человек, которые являются быстрыми и подвижными гребными судами, лучшими, чем были эллино-римские трпэры и позднейшие галеры. Малайские «прау* являются лучшими туземными судами всей Индонезии. Малайские и китайские пираты на этих прау осмеливаются нападать даже на небольшие пароходы.

Культура тропических морей развивает у населения смелую склонность к путешествиям. Так, заселение полинезийских архипелагов, согласно преданиям, произошло в последние века от одной островной системы к другой, нередко на расстоянии нескольких сотен миль. Плавание предпринимали целые флотилии, которые решались отыскивать себе новое отечество на каких-то отдаленных и неведомых землях, известных по смутным легендам.

В других случаях первыми переселенцами на новые острова были просто рыбаки, подхваченные ветром и течением и унесенные вдаль. Эти отдаленные и неведомые странствия свойственны не только людям, но и растениям. Так, в Индийском океане на Сейшельских островах растет пальмовое дерево, сейшельская *ladoiceu*, которое приносит орехи, обыкновенно двойные, в полпуда весом и полтора фута длины. Дерево *ladoiceu* чрезвычайно твердое, и орехи сохраняются месяцами в воде совершенно неповрежденными. Морские течения уносят эти орехи на восток вплоть до берегов Индии, даже до Явы в Малайском архипелаге. Эти морские дары считаются в таких отдаленных странах приносящими счастье. Они по праву принадлежат князьям, сохраняются из рода в род и ценятся чрезвычайно дорого. На одни такой орех не так давно можно было купить большое имение и даже целое село. Жители называют их морскими кокосами и верят, будто они растут на дне морском и оттуда всплывают наверх.

Морская культура теплых стран имеет два варианта. На бережьях материков или больших островов приморская культура получает значительное развитие. Население от рыболовства переходит к торговле, сперва береговой, а потом и настоящей морской. Развивается промышленность. Вырастает активная и сильная государственность. Лучшим примером такой морской культуры является Япония, которая во многих отношениях не уступает даже Англии. Японцы представляют, вероятно, смешение двух расовых стихий, малайской и монгольской. Но и чистые малайцы представляют расу мореходов. На всех европейских пароходах, которые ходят

в Индийском океане, экипаж состоит почти сплошь из так называемых ласкаров — малайских и отчасти индийских матросов.

На группах небольших островов, разбросанных в необъятном океане по экватору и тропикам, приморская культура останавливается в развитии, застывает на ранней стадии. За отсутствием металлов техника не выходит из раннего неолита. За отсутствием крупных животных пород не может развиваться не только скотоводство, но даже и настоящая охота. Дикие свиньи и козы имеются на островах, но и то не везде. На большом двойном острове Новой Зеландии некогда водилась исполинская птица моа, но и та была истреблена еще до появления европейцев, и единственным объектом сухопутной охоты оставался человек. Таким образом невозеландские маори были жестокими канибалами.

Помимо этого, главную животную пищу доставляет море; это — рыбы различных пород, черепахи. Главное занятие жителей есть рыболовство. Лучшая забава — рукопашная схватка с акулою. Нападение акулы страшнее нападения тигра, тем более, что даже нанлучший пловец чувствует себя в воде немного связанным. Но полинезийский пловец дерзко хватается акулу за передний плавник и поражает ее ножом в сердце.

Растительный мир таких островов необычайно богат и пышен. И кроме собирания естественных продуктов тропического леса, жители занимаются мотыжным земледелием довольно развитого типа. Нужно отметить еще заброшенность и уединенность, связанную с такими островами. Жители остаются даже и ныне оторванными от всего мира. Сношения ведутся только между ближайшими островами одного и того же архипелага. Плавание на другие группы является и трудным и бесцельным. Раньше на такие острова никто не приезжал, ни друзья, ни враги. Теперь через промежутки, исчисляемые неделями и месяцами, приходит почтовый пароход.

Пышная природа, обилие цветов, краски тропического моря, мягкий климат, постоянное купанье и игры на песке и в волнах придают населению большое очарование. Полинезийцы, рослые и сильные, при желании легко усваивают европейскую культуру. К ним относится этногеографическое приеловие, сочиненное европейскими мореплавателями: «Полинезиец наполовину бог, наполовину ребенок». Относительно меланезийцев с темною кожей, темпераментных, злопамятных и более независимых, европейцы сложили присловие менее лестное: «Меланезиец — иолу-демон, полу-зверь». Конечно, меланезиец при всей своей жестокости не демон и не зверь. Но он оказывает гораздо больше сопротивления натиску белых авантюристов.

Так же и на дальнем востоке европейские цивилизаторы до начала китайской революции снисходили к китайцам, но жестоко ненавидели японцев, неуступчивых и вероломных конкурентов. Они сложили об японцах (по-английски) такое же злое притворное: «В Японии плоды без вкуса, цветы без запаха и женщины без добродетели».

Оценка эта довольно правильная. Но европейские авантюристы, в большинстве крещенные сифилисом и все-таки ищущие в Японии женской добродетели, конечно, смешны.

В общем приморская культура Океании, заброшенная в пустынях океана, вместо активности вырабатывает пассивность. Полинезийцы, напр., при всей своей одаренности, физической и духовной, бессильны перед европейским торгашеством и хитростью, перед бесцеремонностью миссионера, перед болезнями, спиртом и всеми благами и пороками культуры. Перед лицом культуры они просто вымирают и очищают место не столько европейцам, сколько японским кули, китайским переселенцам. На Сандвичевых островах, захваченных Соединенными штатами, значительную часть населения составляют ненавистные американцам японцы. Впрочем, в последнее время на Тонга и Таити вымирание полинезийцев, наконец, остановилось.

Меланезийцы в качестве негроидных ¹ не отступают перед натиском белой культуры, во всяком случае не вымирают. На новых европейских плантациях, разводящих по преимуществу кокосовый орех, тысячами работают черные кули, меланезийцы и папуасы, полу-рабы, завлеченные силой и обманом в заведомо невыгодную сделку. Но, в конце концов, они забирают свой заработок и уходят обратно живые.

3. Третий вариант морской культуры принадлежит умеренной климатической зоне, по преимуществу Западной Европы. Он развился сперва в Средиземном море в бесконечных каботажных плаваниях без компаса, на весьма несовершенных судах, потом как будто перебросился на север, в другое средиземное море, связанное, как и южное, с Атлантическим океаном. Здесь, на севере, он широко развернулся и захватил целые страны. В античную эпоху главной мореходной нацией южного средиземья были эллины. В новейшую эпоху мореплавателями по преимуществу являются, конечно, англичане.

Эволюция приморской культуры и здесь происходила по плану уже изображенному. Сперва рыболовство, потом каботажное мелкое

¹ Темнокожие расы вообще довольно выносливы по отношению к культуре белых. См. ниже, стр. 163.

плавание, факторны, колонии, возрастание богатства, развитие промышленности. Античное мореплавание не вышло из пределов южного средиземья и за Гибралтарский пролив почти совсем не попало. Римляне называли свое средиземное море «Наше море» — *Mare Nostrum*. Ранее того эллинские мореходы остановились на еще более ограниченном пространстве восточно-средиземного бассейна. Любопытность Одиссея не пошла дальше баснословных лестригонов и циклопов. Беспокойство античного духа сочеталось в мореисланиях с бесчисленными суевериями, с идеей о том, что мир — это плоская равнина или высокая гора, окруженная со всех сторон океаном.

Античные моряки, финикийские, эллинские и римские, выходили неуверенно и робко из Гибралтарского пролива, тех «Геркуловых столбов», которые когда-то раздвинул Геркулес, и отваживались исключительно на каботажное плавание. Они шли на север вдоль берега Испании по бурному Бискайскому заливу до пролива, разделяющего Галлию и Британию, и так дошли до болотистой Батавии (Голландии).

На юге они плыли, огибая скалистую и знойную Африку, вплоть до того пояса (на экваторе), где день вечно равен ночи. Финикийские моряки, судя по сообщениям древних писателей, быть может, обогнули черный материк. Эллинские не сделали и этого. Но и те и другие боялись открытого моря.

В открытое море вышли люди более северной расы, обитатели западно-европейских приморских областей, которые расположены в непосредственной близости к океану и бесчисленными островами и полуостровами врезаются прямо в него. Норвегия и Британия обращены к океану лицом, грудью. Отсюда некуда больше идти, как в открытое море. Таким образом, британские кельты и скандинавские норманны по самому географическому положению своему были мореходами. Здесь море было более суровым, чем на тропическом юге, но не настолько подавляющим, как на полярном севере. Оно не исключало купанья, плавания, физического общения.

Британские кельты держались прибрежных морей; мореходами открытого моря стали по преимуществу норманны, норвежские и датские морские витязи, морские короли, викинги, грабившие и колонизовавшие все европейские берега Атлантического океана, основавшие колонии в Англии, Шотландии, Ирландии, Северной Франции, проникшие даже в Средиземное море и завоевавшие Неаполь и Сицилию. Норманны под именем варягов принимали, как известно, участие в образовании первых русских государственных центров на Волхове и Днепре.

Они выходили далеко в океан и плавали к неведомому западу. Лейф, сын Эрика Красного, в XI веке открыл Америку и опередил Колумба на 3(Н) лет. Компаса у норманнов не было. Их корабли, с открытой палубой, — «морские драконы», — были хуже эллинских трпэр. Но их смелость была больше эллинской смелости.

Помимо скандинавских норманнов, бискайские китолоры, голландские и английские рыбаки еще не отваживались на очень далекие плавания. II средние века должны считаться упадком морской инициативы и предприимчивости.

На исходе средних веков географическое положение сделало на время мореходами открытого моря испанцев и португальцев, ибо они обитали на самом краю среднземья и вместе в океане. Португалия являлась даже как бы океанической колонией того же среднземья, ибо вся она лежит уж за пределами Гибралтарского пролива, но ее население и культура и самая природа представляет во многом подобие другого Иберийского берега восточной Испании — в Валенсии и Мурсии.

Помимо географического положения в данном случае влияли причины социальные и экономические. Объединение Испании в XV веке вызвало стремление к новым завоеваниям, к более широким и смелым предприятиям. Испанцы одновременно покорили богатейшие области и страны в Европе. Нидерланды, половину Италии, и пустились в заморские плавания. Прекращение внутренних войн в Испании, в частности прекращение войны с окончательно побежденными маврами, сделало безработным целый класс рыцарей-вониов, хищных, бесстрашных и грубых, которым пришлось искать новую арену для своего закаленного толедского меча.

Снд-Кампеадор, любимый герой испанского рыцарского эпоса, в своей исторической жизни переходил бесцеремонно от мавров к христианам и наоборот, соответственно лучшим возможностям наживы и грабежа. Фердинанд Кортес, завоеватель Мексики, является его достойным преемником и продолжателем.

Вышло так, что первые достижения нового мореплавания были сделаны иберийскими народами. Плавание Колумба и плавание Магеллана представляют два драматических момента новейшей победы над морем, созданных один птало-испанцем, быть может, даже с примесью еврейской крови, а другой — португальцем на службе у Испании. Как будто для этого подвига было необходимо смешение всех лучших народных стихий западного среднземья.

В обоих путешествиях выдвигаются выпукло одновременно дерзость и боязнь. Боязнь неизвестных пространств, безгра-

ничного моря, и дерзкое упорство для преодоления этих трудностей...

Тем не менее, несмотря на свои морские завоевания, на плавание Васко да Гамы и Колумба, Кабралю, Альбукерка, Магеллана и многих других, испанцы с португальцами все-таки не стали настоящими мореходами. Со всеми своими заморскими колониями в Африке и Америке, в Индии и на островах, они все же остались при прежней сухопутной и даже захолустной культуре. И теперь, когда их колонии частью отвоеваны другими европейскими народами, частью же стали самостоятельными государствами, поражает отсутствие морской предприимчивости, сравнительная слабость флота торгового и военного не только в Европе, но и в Америке. Аргентина с Бразилией и Чили с Мексикой, несмотря на свои обширные морские границы, мореходными народами не стали и для торговых надобностей обслуживаются чужими кораблями, в первую очередь англо-кельтскими — английскими и американскими.

Морская инициатива перешла к англо-кельтам, к этому смешанному племени, которое соединило в себе элементы кельтские, частично оплодотворенные влиянием латинской культуры, потом элементы германские (англо-саксонские и норманские) и, наконец, нормано-французские. Все эти племенные элементы с глубокой древности связаны с морем. Таким образом, английская культура является морской как бы в квадрате и в кубе. Богатство и счастье Англии существует на море.

В морской культуре современной Англии можно отметить несколько последовательных периодов или наслоений. Во-первых, первобытный подготовительный период, связанный с рыболовством, каботажным плаванием и отчасти пиратством, с деятельностью в довольно узкой сфере Северного моря, Ирландского моря, Ламанша и ближайших частей Атлантического океана. Период этот кончается шестнадцатым веком, и разделительной вехой является поражение испанского флота, так называемой «Непобедимой армады», у берегов Англии в 1588 году. С этого поражения начинается упадок испанской морской мощи и возвышение английской.

XVII и XVIII века должны считаться основным периодом развития английской морской силы. К этому периоду относятся английские морские открытия, которые постепенно оттеснили и затмили морскую удачу других европейских народов, плавание по преимуществу заморские, по всем океанам земли, усиленная колонизация в Северной Америке, в Австралии, в Южной Африке и на бесчисленных островах, разбросанных решительно повсюду, завоевания вое-

точных колоний по во главе их Индии, далее, огромное развитие торговли и торгового флота, усиленное судостроение и, наконец, развитие промышленности, которая в английской экономике создана в значительной степени развитием торговли.

В конце этого периода морские пути мира стали наполовину английскими. На морских берегах повсюду возникают английские конторы и фактории и вокруг них — население английское или англоязычное. На земные моря и океаны была как бы наброшена английская сетка. В результате получился парадокс: англичане остались, как нация, замкнуты в себе и чужды иностранным влияниям, но вместе с тем стали всемирными. Англичанин стал только всемирным, но не стал международным. Английский язык, напр., на морях совершенно господствует. Норвежские и датские, голландские и фламандские моряки решительно все двуязычны. И торговые флоты этих наций в сущности являются в роде отделов английского торгового флота. Даже русский матрос, выходя на всемирную арену, напр., на Тихом океане, как бы заражается английской стихией, английской речью и пр. Это дает возможность англичанам не обращать внимания и вовсе не признавать других языков, кроме собственного.

Девятнадцатый век и начало двадцатого вплоть до мировой войны характеризуются появлением, ростом и укреплением парового флота. Корабль механизмуется, превращается в машинную организацию, в огромный иловучный завод. Вместе с тем существенно изменяется характер мореходства. Исчезает морская романтика, дерзость и риск. Море покорено. И плавание в океане стало столь же безопасным, как сухопутная поездка. Сокращаются сроки морских переездов, и матросы, моряки проводят при частых остановках больше времени на суше, чем прежде. От морских неудобств остается лишь морская болезнь.

Мало того, исчезает морское искусство, умение крепить паруса, лазить по вантам, «морские ноги» на зыбкой палубе, морские руки на снастях. Современный большой пароход совсем не имеет снастей старого типа или сохраняет их скорее как украшение, как экстренный придаток на случай несчастья. Для морского парохода типичными являются не боцман и матрос, а механик с кочегаром. На больших пароходах иной матрос, пожалуй, не умеет и лазить по вантам.

Старые морские навыки отступили в перевозку тяжелых и громоздких не портящихся грузов, наир, леса и железа, которая до сих пор производится на парусных судах, так как ветер дешевле угля,

но и здесь паровой флот делает из десятилетия в десятилетие новые завоевания.

Машинизация парового флота сделала мореходство лишь частью мирового капитализма. Из области торговли мореплавание переходит в область промышленности. Возникает сплетение морских синдикатов и концернов с железными и угольными, морских компаний и железнодорожными.

С другой стороны, работники флота, машинисты и матросы на судах, грузчики в портах, входят в организацию профсоюзов национальных и международных. Вспыхивают, напр., раньше совершенно немыслимые стачки моряков и грузчиков, поддерживаемые международными сочувствием и содействием пролетариата.

Машинизация парового флота в конце XIX в. дала возможность и другим европейским народам приобрести морское могущество. Германия стала морской державой в военном и торговом отношениях в какую-нибудь четверть века. Правда, морское могущество Германии уничтожено Англией, но, быть может, лишь временно.

Другая новая морская держава, Соединенные штаты, является английской по языку и источникам культуры. Но ее экономическая база совершенно иная, ибо Соединенные штаты, конечно, в основе своей держава сухопутная как в земледелии, так и в промышленности. Американская промышленность связана с внутренним рынком, английская—с внешним.

Морское могущество Америки основано больше, чем где-либо, на механизации. Американский флот является частью американского капитализма.

В недавнюю военную и послевоенную эпоху романтика, дерзость и искание переходят от мореходства к авиации. Даже географические открытия последние, какие остались на земле, стали совершаться воздушным путем, с легкостью, ранее недоступной.

Массовых форм авиация до сих пор не создала, и торговое значение ее ничтожно. Однако, можно предвидеть возрастание авиации за счет мореходства. В авиации шансы всех народов и стран равны, ибо воздушный океан облекает землю равномерно. В частности, в Европе в авиации выдвинулись французы, народ сухопутный и до сих пор привязанный к родине. В экспедиции Амундсена неожиданно выступает итальянец Нобиле.¹

¹ Строки эти были написаны во время организации перелета Амундсена через Северное полярное море. Этот перелет, как известно, завершился блестящим успехом. После того, были организованы полеты через Атлантический океан, не менее трудные и столь же успешные.

С полным завоеванием и упрощением океана окончится мореходная эпоха культуры, преобладание наций приморских над сухопутными. Железнодорожное сообщение связывает страны не хуже морского, и великие железнодорожные линии северу- и южно-американские, сибирская линия, ново организуемая африканская, будущая среднеазиатская, даже в торговом отношении, соперничают морской перевозкой. Пассажирское движение, избегая морской болезни и стремясь к скорости, перемещается на сушу. Таким образом новая эпоха общения и роста мировой культуры явится смешанной, сухопутно-воздушно-морской. Значение моря не исчезнет, но только потеряет свою исключительность.

В морской культуре можно отметить особый вариант—культуру островную. Выше говорилось об изолированности архипелагов и островов Океании. Но такая же изолированность, хотя и не столь интенсивная, свойственна жителям всех островов, даже прилегающих близко к материку⁷. Море не только соединяет, но также и разъединяет. По морю плавают беспокойные мужчины, но женщины, наир., постоянно остаются дома. На мелких рыбацких островах, прилегающих с запада к Бретани, попадаются старухи, которые никогда не были на материке, не видели лошади, коровы. Жены и невесты бретанских и английских моряков и рыболовов скорее ненавидят море, которое их кормит, ибо оно постоянно забирает и уносит их близких. В редкой семье нет погибших на море.

Островная изоляция народов создалась тысячелетиями, и период новой культуры слишком краток, чтоб изгладить ее воздействие на экономику и психику. Так, вездесущий британец все-таки такой же островитянин, исключительный и замкнутый. Во многих отношениях Англия—отрезанный ломоть западной Европы. Даже во взаимной политике великих держав Англия до сих пор говорит о своей блестящей изоляции (*splendid isolation*).

Островные государства меньше боятся нападения врагов. Они сами нападают и уходят в пиратские набеги, но защищаться им приходится реже. Так, древнейшие города Крита, как обнаружено раскопками, наир., Киосс, не имели защитных стен, башен, ворог. Их самозащита состояла в том, что они отодвигались от берега на два-три десятка верст.

Так же и Англия до последнего времени своей лучшей защитой считала пенистое море. Вильгельм Завоеватель с противоположного берега Франции пришел с флотом и завоевал королевство англосаксов. Но высадки, предпринятые французским революционным правительством и потом Наполеоном, кончались довольно бесславно,

а Германия в последнюю войну не дерзнула организовать ни одной высадки.

Также и Япония на своих островах вполне безопасна. 11 культура ее остается островной, отличной и отдельной от материка.

ГЛАВА ОДИН НАДЦАТАЯ.

АНТИШОЛОГИЧЕСКИЕ РАСЫ.

Не менее важен и второй принцип распределения человечества по его основным частям, связанный с различной группировкой человеческих рас. Все человечество по цвету кожи и некоторым другим привходящим признакам можно разделить на три главные расы: белую, желтую и черную. Однако, это различие цвета кожи является более сложным и совсем не покрывается такими простыми определениями. Если представить себе скалу цветовых оттенков кожи, начиная от самого светлого с просвечивающими румянцем и путем постепенных изменений переходя к смуглым, коричневым, бронзовым, кофейным и бархатисто-черным оттенкам, и всю эту схему потом разделить на 100 отдельных определителей цвета, то на долю белой расы в различных ее вариантах пришлось бы до 40 начальных номеров (1—40 Ж\!>), на долю желтой расы — 40 средних номеров (30 — 70 №№) и на долю черной расы — 40 последних номеров (60 — 100). Таким образом у всех трех рас есть смежные, чересполосные оттенки. Темные брюнеты, причисляемые к белой расе, тождественны по цвету с более светлыми оттенками желтой расы или даже превосходят их густотой пигмента. Коричневые племена, причисляемые к желтой расе, совпадают с коричневыми оттенками (№№ 60 — 70) черной расы. Из этого явствует также, что название: белая, желтая, черная расы — довольно условно.

Различие окраски производится большей или меньшей густотой пигмента, просвечивающего снизу сквозь кожу. Помимо пигмента, цвет кожи — белый с несколько молочным оттенком от примеси желтого пигмента в самой ткани кожи.

Красящие пигменты тоже бывают различного цвета. Темный пигмент в отдельных зернышках бывает цвета сепии, в более сплошных участках — совершенно черный.

Желтый пигмент совпадает с лимонно-желтым красящим веществом, липохромом, которое находится в жире и в самой коже позвоночных и даже многих беспозвоночных. Этот желтый пигмент заметен в окраске народов желтой расы. У негров он также обилен, но затемняется резкостью и густотой черного пигмента. Зато у мно-

гих мулатов он выступает чрезвычайно явственно. Отсюда и происходит американское название для этих мулатов — «желтые негры».

Четвертый элемент окраски человеческой кожи составляет кровь кровеносных сосудов.

Оттенок окраски человеческой¹ кожи определяется тем или иным сочетанием красящих элементов. Таким образом бывают монголы и калмыки, китайцы и японцы светло-бронзового, кирпичного и коричневого цветов. При таких же оттенках встречаются американские индейцы, малайцы, индийские дравиды, даже южные индоевропейцы.

Тем не менее коричневый оттенок индейцев часто разнится от коричневого оттенка монголов. Иохельсон упоминает о различии цвета настоящих монголоидов Сибири, напр., тунгусов, от типичных американоидов коряков. Тело монголоидов светло-желто-лимонного цвета, тело американских коряков более густого красновато-коричневого цвета.¹

В его монографии о коряках помещена фотография, изображающая борьбу двух полуголых мальчишек, тунгуса и коряка. Даже на неокрашенной фотографии явственно выступает различие оттенков. Тело тунгуса кажется более бледным и вялым, чем тело коряка.

Впрочем, в цветовых определениях различных рас встречаются неточности и недоразумения еще более важные. Так, американская раса, которая оттенками цветов совершенно совпадает с указанной желтой расой и в общем составляет одну из ее подрас, — нередко называется расой краснокожей. Это название произошло оттого, что американцы, наряду с многими другими первобытными народами, любят окрашивать кожу в различные цвета для выступлений боевых и обрядовых, любовных и парадных. В этой раскраске красный цвет занимает почетное место. Навстречу европейским путешественникам, особенно в первые годы, американские туземцы выходили раскрашенные в красное. Помимо этой раскраски красного цвета кожи вообще не существует.

Для более точного определения цвета кожи различных племен, особенно во время экспедиции, применяется печатная или стеклянная таблица с определенной шкалой оттенков, которые следует сравнивать с кожей данного племени, отмечая в записях указываемый цвет

¹ В. П. Иохельсон, Этнографические проблемы Берингова моря, журнал *Natural History, New-York* 1926, № 1, p. 92 (по-английски).

просто номером таблицы. Такие таблицы для практического употребления имеют гораздо меньше оттенков, чем было указано выше. Напр., таблица проф. Лашана — 36 ЛУУ». Существуют такие же таблицы для определения цвета глаз (1—16 — №№ проф. Мартина), волос (1—30 Л*!№, таблица Фишера).

Более или менее густая пигментация кожи, глаз и волос, очевидно, находится в связи со степенью тепла и влажности климата стран, бывших первоначальной родиной или позднейшим местобиталищем данной расы. Не следует, однако, представлять себе это взаимоотношение в упрощенном виде, вроде следующего: — на юге человеческая кожа загорает и темнеет, на севере белеет. Оттого на севере блондины, на юге брюнеты, а подальше у тропика и у самого экватора — негры.

Это обобщение совершенно неверно. 11а крайнем севере обитают эскимосы, самоеды, чукчи, которые имеют черные глаза и волосы и пигментацию кожи более значительную, чем даже темноволосые европейцы. Большинство народов и племен, живущих на земле, имеют пигментацию смуглых и темных оттенков. Только северные европейцы имеют светлую пигментацию. Правда, в настоящее время народы северного европейского типа размножились и путем колонизации заняли лучшие страны. Но три тысячи лет назад их территория была узка и культура низка. В то время значение северного типа было не велико.

Что касается типов со смуглой или темной пигментацией, то их распространение не соотносительно температуре или градусу шпорты. На экваторе живут темнокожие негры (в Африке), смуглокожие малайцы (на Яве), полинезийцы и меланезийцы (на островах Океании), коричневые и бронзовые ароваки и караибы (в Южной Америке), далее многочисленные потомки испанских и португальских креолов, довольно смуглолицые, но в общем не-темнее итальянцев.

Что же касается загара европейцев под тропическим солнцем колоний, то сколько можно судить по различным наблюдениям, «загар» этот, действительно, существует. Кожа брюнетов загорает до бронзового оттенка, темнее, чем было на севере. Кожа блондинов принимает медно-красный оттенок светлого типа, грубеет, покрывается веснушками. Светлые волосы на солнце не темнеют, а скорее выгорают, как кудель. Так точно выгорают волосенки у русских деревенских ребятишек.

Такой именно краснолицый, веснучатый тип с рыжими или выгоревшими полосами часто попадает в северной тропической Австралии у потомков английских колонистов.

Белую расу также называют кавказской, желтую монгольской, а черную негритянской. Ути определения одновременно устарели и неточны. Белая раса названа кавказской потому, что кавказские черкесы, грузины, чеченцы являются будто бы ее наилучшими образцами. Однако, чеченцы, грузины и проч. кавказцы могут считаться только представителями темноволосого типа белой расы. Для светловолосого типа надо искать типичных представителей, как указано выше, среди северных германцев и северо-западных кельтов, литовцев и славян.

Желтую расу называли монгольской по монгольскому племени, которое стало знакомо европейцам еще с тринадцатого века во время нашествия полчищ Чингиз-хана, а потом в четырнадцатом веке во время походов Тамерлана. Это название прямо ведет к недоразумениям. Ибо приходится рядом говорить то о монгольской расе, то о собственно монгольском племени, обитающем в современной Монголии, наконец, о монгольской группе языков (буряты, монголы, калмыки).

Неграми вообще называют, по преимуществу, чернокожие народы Судана и народы к югу от экватора (Банту и др.). Таким образом, негров относят к Африке. Однако, помимо негритянских народов к темнокожей расе относятся меланезийцы, папуасы, австралийцы, ныне вымершие тасманийцы, также малорослые бушмены и карлики акка, обитающие в Африке, и мелкие осколки племен на азиатских побережьях океанов Индийского и Тихого, тоже большей частью малорослые, негрито и негрпльо («маленькие негры», — с испанского). Все эти группы темнокожих племен сильно отличаются по типу одна от другой.

Таким образом, в распределении рас по цвету кожи еще не установлено точной терминологии.

Другие антропологические признаки, характеризующие различия рас, могут быть определены только приблизительно.

Для белой расы: волосы на голове цвета различных оттенков от белокурого до черного. Форма волос — прямая, волнистая, вьющаяся, курчавая. Разрез волос иод микроскопом овальный, эллиптический. Волосы на лице у мужчин более или менее обильные. В идеал мужской красоты входят густые усы, а в более зрелом возрасте густая борода. Волосы на теле: иод мышками и на половых частях у мужчин и у женщин довольно обильные. Женские волосы на голове длинные, мягкие, обильные, часто шелковистые.

Глаза: с прямым разрезом, довольно большие; оттенки цветов: голубой, серый, зеленоватый, карий, черный, а также и смешанные.

Слезного века (plica — маленькое поперечное веко, прикрывающее слезную железу) не существует. Брови: ясно обозначенные, дугообразные, у брюнетов нередко косматые, сросшиеся на переносице.

Нос: хорошо обозначенный, выдающийся вперед, прямой или с горбинкой. Форма лица овальная. Умеренно выдающиеся скулы. Губы средней полноты, не вывороченные наружу.

В пределах белой расы существуют четыре варианта: белокурый (блондины), русый или каштановый (шатены), темноволосый (брюнеты) и рыжий (эритропик). Все подразделения, подгруппы и породы белой расы, как было упомянуто выше, представляют смешение четырех указанных вариантов. Однако, у северных народов (скандинавы, северные славяне, шотландцы, северные германцы) преобладают блондины — 50 — 60%. Русые составляют 30 — 25%; темноволосые 20—15%. У народов центральной Европы, сравнительно преобладают каштановые—40—45%. Блондины 30—25% и брюнеты 30 — 20%. В южной полосе Европы и в передней Азии преобладают темноволосые (брюнеты) — 60 — 70%; русые 20—15% и белокурые 20 — 15%. Рыжие разбросаны отдельными семьями и единицами среди всех племен и в общем доходят до 2—5% (см. табл. на след. стр.).

Антропологические признаки желтой расы: волосы на голове жесткие, прямые, черные, впрочем, у различных народов — темнорусых каштановых волос до 10 — 15%. Разрез волос под микроскопом круглый. Волосы на лице у мужчин скудные, поздно вырастающие и сравнительно поздно седеющие. Идеал красоты требует у мужчин выщипывания волос на лице, что производится особыми щипчиками, а также удаления волос на теле у женщин. Волосы на теле у мужчин скудные, у женщин почти отсутствуют.

Глаза: цвета карего или черного, узкие в разрезе, косо поставленные и с приподнятым наружным углом. Имеется третье веко (слезное) в виде крошечной поперечной заслонки.

Брови слабо обозначенные, тоже с приподнятым наружным углом.

Нос: широкий — расплоснутый — с седлообразным переносьем. Лицо лунообразное, сильно выдающиеся скулы.

При более резко выраженных признаках, линейка, приложенная к скулам, поднимается над переносьем. (У белой расы, напротив, линейка, приставленная к носу, совсем не прикасается к скулам).

Желтая раса представляет два антропологические варианта: монголоидный — резко выраженный и туркопидный — смягченный

Распределение /цвета полос у различных: народов.

	№ 9—20 светлый	№ 4 8 — темный		№ 1 - 3 рыжий	Наблюдатели
		темпо- русый	черный		
Датчане.					
Школьные ученики:					
М.....	83,2	14,2		2,6	Soren Nansen
Ж.....	80,3	16,9		2,8	»
Норвежцы.....	71,4	25,6		-	Arbo
Швейцарцы (кантона Шафгаузен)					
Школьные ученики .	68,9	37,1		1,0	Schwerr
Шотландцы					
Школьные ученики .	68,2	26,4		5 3	Beddoe
Англичане (графства Серрей). Школьные ученики: М.....	49,3	47,9		2,9	Frieso
Ж.....	45,8	52,5		1,8	»
Великорусы	36,1	43,6	16,3	3,2	Смирнов
Украинцы	35,2	42,4	18,9	3,2	»
Русские:					
М.	27,0	71,0		—	Вяземский
Ж.....	31,0	68,0		—	»
Греки (6 — 15 лет) . .	28,3	71,7		?	Ватев
Татары (6 — 15 лет) . .	25,0	75,0		—	>>
Болгары (6 - 25 лет). .	29,3	70,6		0,08	»
Болгары:					
М.....	17,0	82,0		—	Вяземский
Ж.....	16,0	82,0		—	»
Сербы:					
М.....	15,0	84,0		—	»
Ж.....	18,0	79,0		—	»
Украинские евреи:					
М.....	17,7	78,3		3,9	Гринцевич j
Ж.....	13,7	83,4		3,0	»
Евреи Америки (Нью- Йорк :					
М.....	14,0	83,5		2,5	Фишберг
Ж.....	16,1	80,2		3,7	»
Румыны	2,7	95,6		1,7	Pittard
Армяне	4,8	30,7	59,1	4,8	Смирнов
Цыгане.....	6,6	91,0		—	Pittard
Японцы	0,0	13,7	86,1	—	Colignon
Таранчи и Дунганы (Китайский Турке- стан;	16,0	12,0	72,0	—	Topinard

и в некоторых чертах как бы переходный к белой расе, хотя в сущности самостоятельный и очень устойчивый. К желтой расе, кроме того, отчасти примыкают две другие подрасы: малайская и американская.

Малайская раса имеет, сравнительно с желтой, несколько болсо темные оттенки кожи, и не столь выдающиеся скулы.

Американская раса имеет большие глаза прямого разреза и хорошо очерченный нос, нередко, прямой или орлиный, как у белой расы.

Между прочим следует указать, что у этих обеих подрас, точно также как и у монгольской расы, в идеал мужской красоты входит безволосое лицо. Американские индейцы, точно так же, как и китайцы и якуты, выщипывают волосы на лице особыми щипчиками: некоторые племена (в Южной Америке) выщипывают даже ресницы.

Темнокожая раса имеет несколько вариантов, довольно удаленных друг от друга. Во первых, по росту, — с одной стороны, выделяются крупные мускулистые африканские негры, напр., кафры, масаи и проч., — с другой стороны, малорослые африканские бушмены и карлики акка, в Индонезии негрнто и негрнльо.

Среди народов белой и желтой расы рост не составляет определенного расового признака. Высокорослые, среднерослые и малорослые народы встречаются в разных подгруппах, живут чересполосно или смешанно.

По форме волос темнокожая раса разделяется на две подгруппы. Первая шерстисто- или руио-волосая; волосы на голове и отчасти на теле шерстистые, курчавые, закрученные мелкими кустиками или более крупными штопорообразными завитками, при этом часто довольно длинные, встающие на голове высокой свалывшейся копной. Средне-африканские и южно-африканские негры, бушмены и карлики акка имеют такие шерстистые волосы. Разрез волоса под микроскопом сплюснутый, лентообразный. Волосы на лице довольно скудные, особенно у карликов, однако волос не выщипывают. Волосы на теле скудные. Нос расплюснутый, однако не столько, как у желтой расы. Губы толстые, вывороченные. У бушменов и у живущих по соседству готтентотов, под влиянием бушменской примеси, существуют вторичные половые признаки (женские), не имеющие себе подобных ни у какой другой расы. Это — стеатопигия — жировое разрастание зада и отчасти ляшек и живота и передник «готтентотской Венеры» — разрастание малых губ. Между прочим, признаки эти попадают на человеческих статуэтках, про-

исходящих из французского палеолита магдаленского и мас-д'азильского периодов.¹

Папуасы на Новой Гвинее и часть Меланезийцев на Тихоокеанских островах имеют такие же шерстистые волосы, но вместе с тем густые и обильные бороды и усы, обильную растительность на теле. Некоторые из этих племен, напр., фиджийцы превосходят волосатостью европейцев. Сахалинские айны, наиболее волосатый из земных народов, примыкают в этом отношении к меланезийцам.

Для утая часть меланезийцев, а также племена Австралии и вымершие тасманийцы имеют волосы на голове волнистые, вьющиеся, курчавые, однако, не шерстистые; волосы на лице и на теле обильные и в этом отношении приближаются к белой расе. Также и нос у них хорошо очерченный, прямой.

Глаза у всей темнокожей расы большие с прямым разрезом. Лицо овальное. Скулы не выдаются.

Кроме этих основных рас, существуют еще как бы промежуточные, переходные. Таковы между желтой и белой расой финские и турецкие народности, между белой и черной расой темнокожие хамиты восточной Африки. Впрочем, взаимоотношение между монгольскими и турецкими народами далеко не выяснено. Турецкий, туркоидный тип, который нам представляется как бы смягченным монгольским типом, имеет, как указано выше, самостоятельное существование. Оба типа: монгольский и турецкий попадают рядом как у монгольских, так и у турецких племен, но в различных пропорциях. Выше мы попытались представить монгольский и турецкий типы, как естественное расщепление общего типа желтой расы.

Финская группа народов, объединенная родством языка и сходством культуры, антропологически, включает в себе два совершенно несходные типа: белокурый тип белой расы и туркоидный тип желтой. Эсты и финляндцы мало похожи на вогулов, остяков, самоедов. Эти противоречия относятся к вышеуказанным противоречиям археологических, антропологических и лингвистических данных.

Рассматривая всю совокупность признаков и вариантов человеческих рас и распределяя эти расы в виде опавшей или веера, в котором середину занимает желтая раса, а края белая и черная, мы видим, что во многих отношениях именно крайние расы, белая и чер-

¹ Статуэтка такого же типа очевидно выраженными чертами негроидности была найдена в 1923 году П. П. Ефименко в селе Коетенках Воронежской губернии.

ная, имеют сходные признаки, наир., волнистые волосы на голове, волосатое лицо, широкие глаза с прямым разрезом, хорошо очерченный нос. И обе эти расы отличаются наибольшим разнообразием типа. Напротив того желтая раса, самая многочисленная из всех, является сравнительно однообразной, гомогенной.

Несмотря на различие рас и вариантов, человеческий род в общем, вероятно, является одним зоологическим видом. По крайней мере, отдаленные друг от друга человеческие группы способны к половому смешению и дают плодовитое потомство. Можно указать, напр., в Южной Африке на две группы смешанных племен, Грикасов и Бастардов, представляющих помесь голландских буров с готтентотами. Самое имя «бастарды» французского корня и означает «незаконные дети» (украинское «байстрюки»). Бастарды произошли от незаконных связей мужчин буров с готтентотскими женщинами. В Америке существуют разнообразные группы метисов (помесь индейца с белым), мулатов (помесь негра с белым), кафузо и замбо (помесь индейца с негром). В Сибири распространен карымоватый тип (помесь русского с сибирскими туземцами). Обширные и сильные народности земли, каковы англичане, северные американцы, великорусы имеют весьма смешанное происхождение.

Возможно, что физические признаки человеческих рас во всех вариантах должны считаться не столько первичными, сколько вторичными, возникшими под влиянием развития культуры. Одежда, огонь, атмосфера, жилище, изменение питания, верховая езда вместо пешего хождения, более или менее оседлая жизнь, должны были оказать глубокое действие на внешние покровы человеческого тела, на волосы и кожу, а также и на более глубокие органы, напр., на кишечник, на функции желез.

Нужно отметить, что под влиянием культуры животные, а отчасти и растения, изменяют внешние покровы и цвета, аналогично таким же изменениям у человека. Рельефнее всего расщепление основного цвета на белый и черный, так называемый «главкизм» и «меланизм».

Дикие породы имеют постоянную окраску, не допускающую вариантов. Чаще всего эта окраска однообразная, бурая, мышащая, серая, приспособленная к окружающей среде. На северной тундре большая часть видов белеет зимою, вероятно, как проявление ассимиляции, рожденной психическим влиянием (зрение), но пригнувшей материальные физические формы. С другой стороны, это—*мимикрия*, защитный цвет, дающий безопасность. В других случаях именно приспособленность вызывает пеструю окраску.

Все львы песочно-желты, тигры одинаково полосаты, леопарды пятнисты. Полосы тигра сливаются с резкими тенями ровной бамбуковой чащи, пятна леопарда сливаются с пятнами солнца межлистьев в вершинах деревьев. Ведь тигр крадется по земле, а леопард ищет добычу свою на дереве.

Во всяком случае эта пестрота — постоянного рисунка, одинаковая для всех индивидов. Культура вносит расщепление цвета, колебание, вариант. Являются белые и черные особи, белые и вороные лошади, коровы и овцы, собаки и кошки, утки и гуси, куры и голуби. Часто расщепление цвета имеет чрезвычайно резкий характер. У черного пуделя не только шерсть, но и кожа под шерстью, слизистая оболочка, даже самое мясо, все черное. Расщепление цвета касается также культурных растений; об этом свидетельствуют белые сливы и чернослив, белые и черные тутовые ягоды, белые и черные фиги. Наконец, у коконов шелковичного червя бывает волокно то совсем светлое, то довольно темное, меланистическое.

Следующее расщепление цвета дает рыжий, красный или русский оттенки. Сюда относятся красные коровы, рыжие собаки и кошки, русоволосые, серые и пепельные овцы. Бывают сочетания трех, четырех цветов. Напр., кошки с серыми, черными, белыми и красными пятнами.

Расщепление цвета рождается единственно культурой. В случае если порода дичает и возвращается к вольной жизни, расщепленные цвета сливаются в общий первоначальный цвет. Дикие кролики — серого цвета. Домашние, напротив, черные, белые, пятнистые. Во когда кроликам случается снова одичать, они через два-три поколения, теряют свои пятна и возвращаются к сплошному серому цвету. Если вернуть их в одомашненное состояние, они снова будут давать белые и черные варианты.

К расщеплению цвета примыкает изменение шерстистого покрова. Культура из короткого, густого, прямого волоса создает то длинный шелковистый, как у ангорских коз и кошек, то шерстистый, рунообразный, как у овец-мериносов, пуделей. При возвращении к природе эти варианты исчезают. Дикие породы овец не имеют руна. Одичавшие овцы через два или три поколения теряют курчавое руно и заменяют его жесткой шерстью. Вместе с тем их мясо получает привкус дичи, они приобретают особый запах, воспринимаемый если не людьми, то охотничьими собаками. За овцой или коровой, заблудившейся в лесу, охотничья собака по следу не погонит. Но при условии одичания, через поколение или два, вольный скот становится дичью, и собака берет его на дух и гонит по следу.

Наконец, у домашних овец надо отметить жировые разрастания, так называемые курдюки, иногда достигающие до пуда и больше. У диких или одичалых пород курдюков не бывает.

Расщепление и изменение внешних признаков домашних животных напоминает варианты человеческих рас.

Белые и негры, четыре варианта, белой расы, темноволосые, светловолосые, русые и рыжие, все это явные примеры расщепления цвета.

Варианты человеческих волос, длинные шелковистые волосы европейских женщин, шерстистое руно негров, соответствует шелковистому волосу ангорских и кашмирских коз и руно мериносов и шленских (силезской породы) овец. Наконец, овечьим курдюкам соответствует стеатоппгия — «жирнозadie» бушменских и готтентотских женщин.

Очевидно, действие культуры на окраску кожи, на окраску и форму волоса и на отложения жировых образований одинаково у человеческих рас и у домашних животных.

Далее, различные породы диких животных имеют меланпический и глаукпический варианты, индивидуальные и очень редкие. Таковы черные лисицы и черные зайцы, белые слоны. Те и другие рождаются от родителей нормального цвета, рядом с нормальными братьями и сестрами. Наконец, различные породы диких животных имеют альбиносский вариант, который отличается полным отсутствием всякого красящего пигмента вплоть до радужной оболочки глаза. Впрочем альбиносы попадаются и в человеческой среде, напр., меж белыми и неграми. Белые крысы-альбиносы и человеческие альбиносы, европейцы и негры, имеют одинаково белую кожу и красные глаза. Многие зоологи считают и флавизм (рыжий цвет) вариантом альбинизма. Действительно, рыжие кошки часто имеют голубые глаза, рыжие мужчины и женщины имеют чрезвычайно чистый, лишенный пигмента, цвет кожи. В связи с этим рыжие легко загорают и покрываются веснушками. Золотые рыбки также считаются флавиеским вариантом и нередко имеют голубые глаза.

Нужно, однако, кроме сходства, указать и различие. Породы животных в одомашненном виде, проявляя расщепление цвета, склонны принимать смешанную, пегую, пятнистую, черно-белую, черно-желто-белую, черно-серо-желто-белую окраску. Черная лошадь в белых чулках, серая в яблоках, черная собака в белом галстуке — таковы примеры смешанной окраски.

Напротив того, пегих человеческих рас совсем не существует. Только альбиносы у негров иногда попадаются пегие. Также из-

мнения формы волос у животных касаются ио преимуществу внешнего длинного волоса, оставляя в стороне короткий внутренний пух. Человеческий волос не имеет подпушка и, быть может, потому его варианты более четки, чем у домашних пород. Однако, курчавое руно мериносовых овец точно также почти не имеет подпушка.

Антропологи придают большое значение измерению черепного указателя и стараются делить земные народы и расы соответственно этому признаку на широкоголовых (брахицефалов), среднегодовых (мезоцефалов) и длинноголовых (долихоцефалов).

Черепной или головной указатель выражает взаимоотношение длины и ширины черепа. Длина черепа вообще всегда превосходит ширину. Если принять длину за 100, то ширина выразится числами в пределах 75 — 90.

При этом длинноголовым считается головной указатель $X = 75,9$.

среднегодовым » $\blacksquare >$ \gg 76,0 — «0,9.

широкоголовым $\bullet >$ \gg $\blacksquare >$ 81,0 — 85,4.

Выше итога головной указатель $< 55,5 — 90,0$ считается чрезвычайно широким, «гипербрахицефалическим». Отдельные случаи головного указателя в 91 иногда называются равноголовым, «изоцефалическим».

Эти указания заимствованы из Мартина.¹ Другие антропологи дают цифры, несколько отклоняющиеся, по в общем того же характера.

Так у Брока:

Длинноголовый указатель	$X = 77,00$
Переходный широкоголовый	77,01 — 79,77
Среднеголовый	79,78 — 82,00
Переходный широкоголовый	82,01 — 85,34
Широкоголовый	85,34 — X.

По головному указателю монгольские и монголоидные народы являются широкоголовыми; однако эскимосы, в общем резко монголоидные, по головному указателю весьма длинноголовы. Белая раса представляет вообще смешение длинноголовых, среднегодовых и широкоголовых в различных пропорциях. Впрочем, ряд новейших измерений живых человеческих рас, а также ископаемых черепов указывает как будто на то, что головной указатель не является постоянным признаком и изменяется из века в век, даже от поколения к поколению. Так в Северной Америке дети эмигрантов евреев (широкоголовых) и итальянцев (длинноголовых), по измерениям Боаза и Фишберга, имеют головной указатель, отличный от роди-

¹ Rudolf Marlin. Lehrbuch der Anthropologie. Jena, 1914. S. 177.

телей, причем дети евреев приобретают менее выраженную широко-го-ло-вость, дети итальянцев — менее выраженную длинноголовость, в общем те и другие приближаются к среднеголовому типу.

Однако, при классификации человеческих рас и народов, черепной указатель считается важным фактором.

Так различные антропологи, вплоть до Осборна, делят население Европы на три основные расы:

Homo sapiens europeus nordicus — северо-европейский человек.

Homo sapiens europeus alpinus — (средне)-европейский альпийский человек.

Homo sapiens europeus mediterraneus — (южно)-европейский средиземноморский человек.

Термины эти имеют, таким образом, не только антропологическое, но и географическое значение.

Северно-европейский тип характеризуется как высокий, светло-волосый, голубоглазый, длинноголовый, узколицый.

Средне-европейский альпийский тип среднего роста, темно-волосый, с серыми или карими глазами, широкоголовый, широколицый.¹

Средиземноморский тип — среднего (или малого) роста, черно-волосый, черноглазый, длинноголовый, узколицый.

Среди черноволосых, рядом со средиземноморским типом, отмечается — далее к востоку, в передней Азии, арменоидный тип с характерным носом, широким и горбатым. Тип этот встречается у армян и у различных семитических народов передней Азии, в частности у евреев, также у анатолийских туруков и т. д.

Для северного типа характерными будут скандинавы, для средне-европейского — французы, для средиземноморского — неаполитанцы.

Это разделение встречает, однако, много возражений и трудностей. Так распределение цвета глаз в Европе имеет характер более неправильный, чем распределение цвета волос, и одно далеко не всегда соответствует другому. Серые и зеленоватые глаза часто сочетаются со светлыми волосами, голубые глаза с каштановыми и темнорусыми волосами.

Население средней Европы, от западной Франции до восточной России, имеет вообще смешанный характер и не подходит ни под одно из указанных определений. Здесь распространены черепные

¹ Рядом с альпийским типом среднего роста антропологи выделяют другой высокорослый, широкоголовый тип. Он получил название динарского по Динарским Альпам Балканского полуострова. Типичными представителями этого типа являются албанцы.

указатели среднегодовые, но есть много длинноголовых и широко-головых. Светлые, каштановые и темные волосы в разных пропорциях сочетаются с голубыми, серыми, зеленоватыми, карими и черными глазами.

Антропологи отделяются от этих трудностей общими фразами, вроде, напр., следующей:

«Азиатское происхождение славян не остается без возражений. Большое количество блондинов в их среде приводится как аргумент против их азиатского происхождения, хотя его можно совсем просто объяснить последующим смешением с северно-европейскими длинноголовыми блондинами». (Лушай. Народы, расы и языки, Л. 1925, стр. 152.)

В науке надо остерегаться «совершенно простых» объяснений, ибо они неизбежно впадают в обывательский тон. И стремление отделить славян от западной Европы каким-то антропологическим барьером, конечно, является покушением с негодными средствами.

Далее это разделение совершенно отбрасывает в сторону финские народы, которые, однако, являются для северо-восточной Европы автохтонами, т. е. основными туземными обитателями.

Но антропологическим признакам финнов следует причислить к кавказской расе и даже к ее северной разновидности. Волосы 3^х финских племен каштановые или светлые, глаза серые, зеленоватые, карие, голубые. Форма глаз и носа, волосатость лица соответствуют признакам кавказской расы. Впрочем, нередко встречаются широкие скулы и косо-поставленные глаза.

По языку финны составляют одну из подгрупп обширной урало-алтайской группы языков, куда входят, кроме финской подгруппы, еще турецкая, монголо-бурятская и тунгусо-маньчжурская подгруппы.

Культура народов финской группы, как известно, уступает культуре белых народов индо-европейской группы, но в то же время очень отличается от культуры трех других урало-алтайских подгрупп.

Указанное различие, однако, остается существующим исключительно в сфере лингвистической и культурно-исторической. Тем не менее антропологи на основании этих культурных и лингвистических признаков отделяют финские народы от западно-европейских и причисляют их к азиатской прямоволосой группе и даже еще проще к желтой или монгольской расе.

Дальше этого смешение признаков антропологических и лингвистических ИТТТ не может.

Между прочим и на карте Европы, изданной в Ленинграде сравнительно недавно в государственной картографии, под редакцией проф. Ю. М. Шокальского, и включающей изменения послевоенные и революционные, внизу помещена маленькая этнографическая карта, настоящее чудо невежества. Достаточно того, что финляндцы и эстонцы, калмыки и турки одинаково причислены к монгольскому племени.

Ученый этнограф, сочинивший эту карту, очевидно, не имеет представления о том, что монгольское племя и монгольская раса вещи совершенно различные. Монгольское племя обитает в Монголии и к нему нельзя причислить не только эстонцев, но даже и китайцев.

Еще лучше термин: «романское племя», вместо термина «романские народы». Автор, очевидно, считает французов, португальцев и румын братьями по крови, рожденными от Ромула и Рема.

Далее этот же ученый авторитет изобрел еще другой термин: «древние племена», и причисляет сюда одинаково басков и шотландцев и всяких иных кельтов, албанцев и греков, кавказские народы и, невидимому, персов.

Было бы желательно, чтобы в новых советских изданиях, да еще выходящих под такой авторитетной редакцией, этнографические сведения давались в более грамотном виде.

На другой карте, помещенной в книге Н. П. Огановского: «Популярные очерки экономической географии СССР» М., 1925, обозначены нижеследующие народы СССР.

Особо—*палеазиатские народы (тунгусы, самоеды и др.)* и особо — другая неведомая группа: *чукчи, айны, гиляки*. Далее, особо— *тюрко-татары* и особо — *якуты*. На Кавказе вообще обозначены *кавказцы*. Монгольские народы: *буряты, калмыки* зачерчены вместе с *тюрко-татарами*.

Не знаю, нуждается ли эта карта в каких-либо комментариях. Тунгусы и самоеды совсем не принадлежат к палеоазиатам. Чукчи, айны и гиляки это и есть самые настоящие палеоазиаты. Якуты относятся к «тюрко-татарам», а буряты и калмыки к таковым не относятся и т. д.

Таким образом две этнографических карты Союза ССР благополучно изданы. Надо ожидать, что появится и третий вариант.

На деле население Европы антропологически следовало бы разделить на следующие группы:

1. Северная группа с преобладанием белокурых или каштановых волос, серых, голубых, зеленоватых и карих глаз, частью длинно-головая, частью среднегодовая, по признаку роста — включающая

высокорослых шотландцев (кельтов) и скандинавов (германцев), среднерослых немцев (германцев), славян и литовцев и низкорослых финнов, по географическому признаку—обитает в областях, прилегающих к Немецкому и Балтийскому морям.

2. Южная средиземноморская группа, которая включает племена темноволосые, отчасти длинноголовые, отчасти среднегодовые, но признаку роста — малорослые, среднерослые и даже великорослые. Эта группа на востоке сливается совершенно незаметно с такой же темноволосой группой белой расы, обитающей в передней Азии с тем указанием, что к востоку смуглый цвет и чернота волос становятся интенсивнее.

3 Среднеевропейская группа народов с преобладанием каштановых волос, по головному указателю — средние и широкоголовые, по росту — всех трех разновидностей. Эта группа наиболее смешанная из всех. Сюда относится часть англичан и французов, большая часть немцев, славян, также такие более мелкие народности, как бретонцы и ирландцы, швейцарские немцы и романцы, в том числе граубюнденские остатки древних ретийцев, говорящие ныне на романском наречии, далее венгры, европейские турки, казанские татары и др.

В антропологическом отношении эта группа совмещает преобладание шатенов и значительный процент темноволосых и светловолосых, при самых разнообразных оттенках глаз, при разнообразии роста и черепного указателя.

Кроме того, относительно черепного указателя надо сделать такое дополнение. Большое количество черепов из кладбищ средней Европы различных исторических эпох, но в общем за последние две тысячи лет, отличаются по головному указателю от черепов современных людей. Это объясняется, с одной стороны, постоянным изменением племенного состава и переселением народов, какие происходили в Европе за этот период, а с другой стороны, быть может, изменением условий культуры, жилища, питания, работы.

Во всяком случае мы можем только констатировать факт, что в Галлии и южной Германии несколько раз широкоголовые черепа уступали среднегодовым и наоборот.

Надо сказать несколько слов о так называемой «нордической расе» (*Homo sapiens europaeus nordicus* по указанной выше классификации).

В минувшие полвека в Европе среди англичан, скандинавов и немцев, в северных штатах Америки, в Канаде, появляется стремление объявить эту нордическую расу главным носителем культуры

на земле. Эта идея имеет вообще характер вульгарный и воинствующий: в Германии она направлена против французов, славян, в Америке против негров, итальянцев и евреев. Она находится в тесном родстве и союзе с фашизмом. К сожалению, Италия, отечество фашизма, не может похвастать обилием «нордического» элемента.

Кще ближе связана нордическая доктрина со свирепым антисемитизмом. Иные из ее представителей доходят до того, что пытаются установить нордическое происхождение самого Христа, на основании его светлых волос, о чем сообщают предания. Галилеяне объявляются блондинами и индоевропейцами, а настоящие евреи брюнетами и врагами Христа.

Оставляя в стороне христианство, нет никаких оснований считать белокурых блондинов носителями высшей культуры. Эллыны и римляне были брюнеты, немцы в большинстве имеют каштановые или темные волосы. В Англии культурным бродилом скорее являются темноволосые южные кельты.

На основании измерений, произведенных различными исследованиями, человеческим расам приписывается различная длина верхних и нижних конечностей. Так, желтая раса отличается более длинными и крепкими ногами. У многих племен индийской, полинезийской, монгольской и других рас, преимущественно на первобытных стадиях культур, кисть и стопа отличаются малым размером и изящною формой, особенно у женщин.

Человеческие кости, представляющие опору и скелет человеческого тела, в сущности имеют только механические функции и в сложном обороте живых человеческих сил не имеют особого значения. Живая протоплазма, все низшие живые организмы, вовсе костей не имеют. Напротив того выясняется, что внутренние секреты, выделение различных желез, расположенных как скромные придатки к внутренним человеческим органам, имеют огромное значение. Возможно, что различные признаки рас, как, например, цвет кожи, связаны с воздействием той или другой железы.

В новейшее время выдвинулось разделение человеческих рас по биохимическому указателю крови. Определение указателя крови связано с реакцией агглютинации крови.

Если кровяную сыворотку животного одного вида смешать с кровью животного другого вида, то красные кровяные шарики (эритроциты) склеиваются друг с другом и образуют кучки. Наступает агглютинация, т. е. склеивание. Этот факт давно был известен ученым, но в последние годы получил широкое применение в биолого-медицинской практике.

Опыты Уленгута дали возможность путем применения сыворотки кролика, которому предварительно впрыскивалась кровь человека, различать человеческую кровь от крови животных, в целях судебного следствия.¹

Беринг доказал, что кровяная сыворотка лошадей, которым постепенно было привито большое количество яда, выделенного дифтерийными бациллами, по введении ее в тело человека, больного дифтеритом, действует, как противоядие против этих дифтерийных бацилл.

Склеивание шариков при смешении крови животных различных видов называется разно-склеиванием — гетеро-агглютинацией. В дальнейшем было определено наличие агглютинации внутри одного и того же вида, в частности внутри вида «человек». Такое склеивание, получаемое внутри вида, называется равно-склеиванием — изо-агглютинацией.²

В начале изо-агглютинация наблюдалась при воздействии кровяной сыворотки больных на красные шарики здоровых. Ландштейнер определил взаимную изо-агглютинацию крови также у здоровых людей. В дальнейшем было определено четыре типа изо-агглютинации крови:

I. Кровяные шарики первой группы не склеиваются сыворотками всех других групп.

II. Кровяные шарики второй группы склеиваются сыворотками первой и третьей группы.

III. Кровяные шарики третьей группы склеиваются сыворотками первой и второй группы. Сыворотка третьей группы склеивает шарики второй группы (но не первой).

IV. Кровяные шарики четвертой групп склеиваются сыворотками трех предыдущих групп. Сыворотка четвертой группы не склеивает шариков трех остальных групп.

Агглютинация крови определяется микроскопическим исследованием капли крови, взятой у исследуемого субъекта, животного или человека, п обработанной сыворотками. Указание агглютинации отличается большим постоянством.

При этом из большого количества собранных фактов обнаружено, что народы и расы земли вообще представляют смешение всех четырех групп в различных пропорциях. Так у европейских народов, англичан, французов, итальянцев, славян и т. д.—

¹ Ф. Бриннер, Расы и народности человечества. СПб. 1914. Стр. 311 и след.

² Б. П. Вишневский, Раса и кровь. «Природа», 1927. I. Стр. 22 и след.

1-ая группа составляет 47—40", 2-ая группа составляет 43 — 31%, 3-ья группа составляет 7 — 21", 4-ая группа 3 — 6%.

В общем среди европейских народностей I* -; н группа дает 35—46%, среди азиатских народностей только 25 —35%",.

С. другой стороны, австралийцы обнаруживают «ультраевропейский» тип кроли: I—57%, II—38.5%, III—3.0%, IV—1,5%,.

Малайцы Филиппинских островов имеют большое преобладание I группы — 64,7%,. Индейцы С. Америки даже 77.7%, I группы.

На основании этого составлены таблицы био-химического указателя крови, свойственного различным народам. Эти указатели тоже обладают постоянством.

Так и Венгрии в долине Тисы живут бок-о-бок немцы, мадьяры и цыгане. Ни них немцы имеют указатель, отнюдь не сходный с соседями, венграми или цыганами, но совершенно одинаковый с указателем немцев Средней Германии (Гейдельберг), откуда вышли эмигранты в 1700 году. Цыгане выказывают сходство опять-таки не с ближайшими соседями, а с индусами. Предполагают, что цыгане вышли из Индии не позднее 1200 г. и появились в Европе около 1600 года. ¹

Чуваши, по исследованиям В. И. Вишневого, имеют указатель крови отличный от русских и близкий к указателю финских и монгольских групп.

Последними работами Ландштейнера установлено, что у вышедших обезьян (ораиг и шимпанзе) существуют различные кровяные группы, подобные человеческим. ГГ" основании опытов Ландштейнера можно думать, что кровяные группы образовались еще до расхождения стволов человека и антропоидов. Однако, делать выводы из этих наблюдений о точном различии человеческих рас было бы преждевременным.

Далее человеческие расы и народы отличаются различной восприимчивостью I* заразным болезням. Часть этих различий, вероятно, приобретена наследственным приспособлением. Так, напр., жители болотных местностей менее подвержены лихорадке и малярии и даже, заболев лихорадкой, переносят ее легче и выздоравливают скорее. В тропических местностях негры страдают от желтой лихорадки гораздо меньше белых. Напротив того, сонной болезни негры подвержены больше, чем белые. Другая часть различий заболеваемости зависит, вероятно, от более глубокого воздействия культуры, от большей привычки к влияниям культурной жизни. Таким образом, первобытные племена различ-

¹ Б. Н. Вишневский, Раса и кровь. <Природа>, 1927. I. Стр. 34.

ных рас являются совершенно беспомощными перед заразными болезнями белых людей, приходящими вместе с культурой.

Сифилис, оспа, инфлюэнца, даже невинная корь, попадая к сибирским туземцам арктической зоны, к полинезийцам, к индейцам — производят между ними ужасные опустошения. Белые креолы, рожденные в тех же местностях, страдают от заразы меньше, а немногие пришельцы из культурных стран обычно совсем не поддаются заразе.

Впрочем и здесь, кроме объяснений, связанных с приспособляемостью, существуют также и более глубокие расовые различия. Напр., чернокожая раса, даже находясь на весьма первобытной культурной стадии, поддается вредному воздействию культурных заимствований п, в частности, привозным болезням меньше, чем расы малайская, полинезийская, индейская (американская). В связи с этим американские плантаторы могли заменить быстро вымиравших индейцев упорными к жизни негритянскими рабами. Также на тихоокеанских островах полинезийцы вымирают от соприкосновения с цивилизацией, а меланезийцы поддаются гораздо меньше ее вредному влиянию. Однако, тасманийцы и австралийцы вымирали и вымирают от воздействия цивилизации не меньше, чем полинезийцы.

Помимо того, человеческие расы различаются между собою и более тонкими физиологическими признаками!, напр., запахом и также психическими свойствами. Но в сущности физиологическое изучение рас едва начинается. Оно должно включать, напр., измерение температуры, пульса, реакции внешних чувств, анализ выделений и пр.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

И ИШЕХОЖДГЛП; ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА.

Вопрос о происхождении человеческого рода от той или другой группы приматов подлежит особому рассмотрению.

Ныне существующие виды приматов, человекообразных обезьян, указанные выше, горилла, шимпанзе, оранг-утан и гиббон, являются родственниками человека и притом довольно отдаленными, но вместе с ним происходящими от одного общего корня.

Наиболее древние черепа, найденные в археологических раскопках, как, напр., знаменитый тринильский череп, найденный на Яве доктором Дюбуа в 1892 г., череп, найденный в Родезии, в Южной Африке в 1921 г., нильтдаунская челюсть, найденная в Англии, и другие черепа и остатки черепов, найденных в Крапине, Спи и

других местах Западной Европы, — свидетельствуют о том, что в раннюю эпоху, до первых начатков культуры, на земле существовала раса или расы, настолько близкие к человекообразным обезьянам, что им принято давать названия *Pithecanthropus* — обезьяно-человек. Так, тринильскую расу доктора Дюбуа называют *Pithecanthropus erectus*, «прямоходящий обезьяно-человек». Среди европейских первобытных рас надо отметить неандертальскую расу, по черепу, найденному в Германии, близ Дюссельдорфа, в Неандертале — долине Неандера, — в 1856 г. Все эти расы отличались массивными, выдающимися вперед и косозубыми челюстями при отсутствии подбородка, массивными, выдающимися вперед надбровными дугами и массивным же черепом, плоским на темени с покатым убегающим назад лбом. Сколько можно судить по остаткам костей, рост и физическая сила этих первобытных человеко-обезьяньих и человеческих рас не имели ничего исключительного и не превышали современной человеческой силы и роста. Таким образом, эта порода приматов сильно отличалась от могучих горилл и оранг-утанов. При ходьбе они держались вертикально, — даже наиболее близкий к обезьянам тринильский обезьяно-человек.

Что касается роста и силы, то в первобытных слоях найдены также остатки карликовых рас, напоминающих нынешних бушменов и акка.

В более поздних палеолитических слоях попадаются скелеты и черепа другого человеческого типа с прямозубыми челюстями, хорошо очерченным подбородком, сводчатым черепом и вертикальным лбом при слабом развитии надбровных дуг. Эту расу принято называть кроманьонской по черепу, найденному в Кроманьоне, во Франции, в 1868 г.

В последние годы многие исследователи принимают, что неандертальская и кроманьонская расы представляют две особые человеческие разновидности, из которых первая вымерла, а вторая дала происхождение современному человеческому роду.

Это разделение можно принимать только с большими ограничениями. Во-первых, в кроманьонскую эпоху и позднее, в средние века, вплоть до настоящего времени, среди самых культурных народов попадают отдельные черепа весьма первобытной «неандертальской» формы. Среди тех же культурных народов встречаются другие особи, напоминающие о древней карликовой расе. Это свидетельствует о том, что ни одна из наиболее ранних рас не вымерла совершенно. Взаимная плодовитость всех существующих ныне человеческих народов, указанная выше, повидимому, существует с незапа-

мятных времен. Действие ее было, вероятно, достаточно, чтобы с самого начала объединять и перемешивать различные человеческие группы.

Вопрос о том, возник ли человеческий род только в одном, или в нескольких географических пунктах, остается открытым. Теории моногенизма (однозарождения) и полигенизма (многозарождения) имеют своих сторонников. Из вышеизложенных фактов и соображений вытекает, что теория моногенизма является более вероятной. Человеческий род развился из рода приматов в одной географической области, и оттуда распространился в разные другие области. Тем не менее, не следует себе представлять, что человеческий род произошел от одной пары предков или от нескольких пар, или даже от одной орды, в ограниченном, узком районе. Более вероятно, что развитие человеческого рода совершилось на довольно широком пространстве, п. быть может, с самого начала одновременно шло в направлении нескольких разновидностей, нескольких человеческих рас.

Исследуя приручение и одомашнивание различных животных пород, мы постоянно наталкиваемся у самого корня этого процесса на несколько разновидностей взаимно плодовитых не только в одомашненном, но даже при случае и в диком состоянии. Многие из видов животных в диком состоянии переливаются разновидностями, почти неуловимо различными и более или менее взаимно плодовитыми. Так, совершенно невозможно разграничить различные породы пантеры, леопарда и барса, разбросанные на огромных географических пространствах, но часто чересполосные, соседящие друг с другом. Тоже можно сказать о различных породах зебр (*hippotigris Hurchclii*, *hippotigris Chajmami*, *hippotigris Greyi* и так далее), диких ослов, буйволов и пр.

Однако, по наблюдениям путешественников, в диком состоянии на воле каждая разновидность зебры держится особыми стадами и как бы избегает друг друга. Это совершенно понятно, ибо только таким путем такие весьма близкие друг другу разновидности могут продолжать отдельное самостоятельное существование. Но, поставленные в другие условия, напр., в обстановку неволи, различные породы зебры спариваются между собой и даже с лошадьми и ослами.

Природа действует как бы автоматически и подхватывает, воспроизводит, закрепляет и продолжает любой вариант, даже без отношения к условиям полезного отбора. Нельзя, разумеется, думать, что различное расположение полос у зебры ВпгсьБГя и у зебры Шарпан'а имеет какое-либо отношение к их безопасности, тем более, что обе эти породы существуют рядом и в одних и тех же условиях.

Условия неволи, воздействие человеческой культуры, влияют, напротив, синтетически, сплавляя вместе различные породы и расы и создавая из них новый гибридный вид, который, в свою очередь, распадается на разновидности, но постоянно сохраняет это синтетическое свойство, возможность и стремление ко взаимному оплодотворению различных пород.

В одомашненных породах это гибридное смешанное начало выступает совершенно ясно. Домашняя кошка, повидимому, произошла от смешения двух разновидностей: *Felis maniculata* и *Felis chaus*. Смешение самых разнообразных пород и разновидностей среди домашних собак совершенно очевидно. Эта способность взаимной плодовитости развивается тем невозбраннее, что одновременно плен и культура изменяют физические свойства и отправления данной породы животных, уменьшают быстроту, хищность и бдительность, изменяют пищу и самую длину кишечника.

Таким образом, культура создает из нескольких близких разновидностей дикого вида новую домашнюю гибридную и смешанную породу. Повидимому, такой же характер носило и возникновение человеческого рода. Порода «человек» возникла и развилась с изменением географической обстановки, физических привычек, пищи, а после появления огня—с изменением температуры окружающего воздуха. Таким образом, не имеет значения, возник ли человеческий род из одной или нескольких разновидностей приматов. Под влиянием культуры из всех этих разновидностей создался тотчас же смешанный, гибридный человеческий род, взаимно плодовитый и в то же время продолжающий в себе старые разновидности или создающий новые.

У нас нет никаких данных относительно внешнего вида и образа жизни той породы приматов, от одной или нескольких разновидностей которой произошел человеческий род. По мы можем построить о ней представление на основании различных соображений, а также на основании сравнений с современными приматами.

Человеческий примат обитал, очевидно, на деревьях в тропическом лесу. Об этом свидетельствуют его конечности, даже в их современной форме. Австралийские и южно-американские племена еще не утратили цепкости нижних конечностей и способны взбираться на деревья с ловкостью, совершенно недоступной европейским народам. С другой стороны, клоуны и фокусники наиболее культурных народов способны пробудить в своих низших конечностях ту же иолугасшую цепкость. У безруких от рождения или просто потерявших руки от несчастной случайности нижние конечности часто развивают

и особенности и свойства рук, вплоть до самых тонких и быстрых манипуляций, в роде бритья, вдевания нитки в иголку, шитья и пр. Далее-гвойственное детям стремление лазить по деревьям должно считаться атавизмом, эмбриональным прохождением древней истории человеческого рода.

С другой стороны, даже современные приматы не могут считаться вполне четверорукими. Их задние конечности отличны от передних. Тяжеловесный горилла имеет ступню, отличную от кисти и. по новейшим наблюдениям, охотнее держится на земле у подножия деревьев, чем на древесных вершинах.¹ Во всяком случае, человеческий примат держался в глубине густого тропического леса, обитал на деревьях, охотно спускаясь на землю к их подножью, питался плодами и древесными побегами. В дремучих лесах по экватору, в Африке и Америке, еще и теперь обитают человеческие племена, тесно связанные с лесом. Таковы акка в Африке, витого — в верховьях Амазонки и сриано в Боливии. Они никогда не выходят на опушку. Открытое пространство, залитое солнечным светом, пугает их и даже угрожает им солнечным ударом. Нрав их угрюмый, меланхолический, замкнутый в себе, и совершенно соответствует такому же угрюмому нраву orangов и горилл.

Между прочим, по некоторым наблюдениям, горилла, шимпанзе и orang-утан, обитая в дремучих лесах, питаются плодами, преимущественно кислыми и горькими, и держатся пассивно и угрюмо. Однако, попадая в неволю, молодые шимпанзе и гориллы быстро привыкают к пище иной, смешанной и состоящей сначала из сладких плодов и далее из мяса, хлеба, жиров, в общем подобной диете человека. Они отвыкают от своей первоначальной лесной диеты. Вместе с тем изменяется их нрав в связи с изменением пищи. Они становятся более активными и веселыми, склонными к множеству проказ и в то же время менее свирепыми.

Впрочем, по другим наблюдениям, обезьяны-приматы имеют склонность также к мясной пище. Они ловят птичек, выпивают яйца. Для шимпанзе лакомое кушанье крысы. Горилла с своей стороны охотно собирает дико растущие злаки. В общем в пище приматов по этим указаниям выступают элементы всеядности, признаки так называемой собирательной стадии хозяйства и питания, какие свойственны ранней человеческой культуре.

Однако, современные лесные племена, вероятно, не являются типичными для самой первоначальной стадии развития человеческой

¹ Таковы, напр., наблюдения американского ученого Akeley в экспедиции 1921—23 гг.

породы и культуры. Строение человеческой ступни даже у самых первобытных племен свидетельствует о том, что предок человека спустился с деревьев на землю, твердо ходил и бегал по гладкой земле и постепенно приспособился физически и психически, материально и духовно к этому роду передвижений. Это случилось, конечно, не в глубине леса. Это могло произойти только на опушке, в лесостепной области, которая и должна считаться истинным отечеством породы «человек».

Современные лесные народы, быть может, должны считаться обратными переселенцами из лесостепи в лес.

В современных тропических зонах лесостепные области и ныне являются наиболее обильными, богатыми, разнообразными по своим естественным продуктам и наиболее пригодными для жизни человечества. Лесостепные пастбища изобилуют породами жвачных, быков, антилоп, лошадей и оленей. Эти дикие стада часто превосходят по численности домашние стада соседних скотоводов. Еще и теперь, несмотря на внедрение белой культуры с магазинным ружьем и даже пулеметом, голубая антилопа в лесостепных пространствах Южной Африки во время своих переселений собирается стадами, исчисляемыми сотнями тысяч. В траве держатся множество различных грызунов, степной птицы, ящериц и ир. Рожи и лесные острова обильны сладкими плодами, напр., в Южной Америке *algarobo*, из которого индейцы Бороро готовят сладкий и хмельной напиток. Созревание *algarobo* связано с ежегодными брачными празднествами. Приречные пространства изобилуют съедобными корнями и дикими злаками. Жизнь первобытных народов в лесостепных областях тропической зоны протекает наиболее сыто, легко и счастливо.

Какая причина могла побудить человеческих приматов выйти за лесную опушку в пределы лесостепи? — Так как человеческий примат питался растительной пищей, то эта причина должна была иметь географические и вместе ботанические свойства. Вероятно, изменился самый характер первобытного тропического леса. Быть может, лесостепь выростала за счет высыхающих лесов.

Высыхание дремучих и влажных тропических лесов было, вероятно, связано с постепенным изменением климата земли. Так, напр., оно могло быть соотносительно нарастанию ледникового периода и постепенному отвердению в приполярных и умеренно-холодных областях земли значительных масс влаги. Ледниковый период, вероятно, осушал тропическую влажность земли подобно тому, как зимний мороз сушит болота и моховые топи.

Такое осушающее действие климата должно было суживать площадь тропических лесов и расширять область лесостепи. Это изменение могло побудить какие-нибудь группы человеческих приматов изменить свое местообитание, а вместе и образ жизни.

В какой географической зоне произошло это изменение привычек п жизни примата? Это могло произойти в современной экваториальной или в современной тропической, или даже в современной умеренно-теплой полосе, климат которой еще в половине третичного периода был знойным и влажным.¹ Немногие обрывки указаний, которые мы имеем по этому поводу, опять-таки не сходятся вместе. Расселение рас по земле указывает, невидимому, на древние экваториальные линии, в частности на линию Гондваны.² Трпнильский череп на Яве и Broken NH'ский в Родезии связаны с той же линией распространения. С другой стороны, черепа, находимые в Европе, свидетельствуют о том, что в этих широтах некогда обитала человеческая раса, почти столь же примитивная, как трпнильский обезьяночеловек. Мы не можем судить, была ли эта раса автохтоииа в третичной Европе, или она переселилась сюда из более южных областей.

Лесостепь, как местообитание, прежде всего должна была поддействовать на способ передвижения. В этом отношении современные приматы находятся в странном положении. С одной стороны, они как-будто уже несколько тяжелы для вполне свободного движения по вершинам деревьев. Десяти пудовый горилла, конечно, не может соперничать в этом с вертлявой мартышкой и легкой макакой. С другой стороны, руки и ноги гориллы и оранга плохо приспособлены к передвижениям по ровной земле. Походка современных приматов чрезвычайно неуклюжа, почти беспомощна, хотя и не особенно медленна. Гориллы ходят, опираясь об землю боковой стороной ладони, гиббоны шагают неуверенно, подпираясь своими длинными руками или скрещивая их на голове в виде балансира.

Спустившись на твердую землю, человеческий примат прежде всего должен был освободиться от этой неуклюжей, промежуточной и смешанной походки, выработать себе широкие, плоские ступни,

¹ В половине третичной эпохи даже на крайнем севере, например на Шпицбергене, климат был теплый и влажный. Это подтверждается многочисленными палеонтологическими находками. Между прочим на Шпицбергене, как известно, существуют богатые угольные залежи, возникшие из древних растительных отложений. Впрочем, эти отложения относятся не к третичной, а к более древней, каменноугольной эпохе.

² См. выше, стр. 103. Материк Гондваны относится, как указано, к эпохе Мела и Юры. Но в более поздние эпохи части Гондваны, ныне уцелевшие, возможно, были шире и соединялись между собой промежуточными островами.

развить вертикальные бедра, прямой позвоночник, твердо уравновешенный и опертый на них. Обезьяно-человек прежде всего стал прямоходящим.

Уже у тринильской породы взаимоотношение костей, взаимное положение черепа, позвоночника, таза и голени было, очевидно, совершенно человеческое. Получив свою современную поступь и фигуру, первобытный человек глубоко изменился психически. С одной стороны, перед ним открылся широкий горизонт лесостепи, залитый радостным солнцем и не закрываемый и не затемняемый лесной стеной. С другой стороны, новая поступь и фигура подняли его над землею, выпрямили его стан, подняли его лицо и самый взгляд и к объективной ширине лесостепного горизонта прибавили субъективное свойство человеческого взгляда естественно погружаться в эту ширину и измерять ее до крайних пределов. Именно тогда человек получил особенное свойство взгляда, действующего даже на самых свирепых хищников. Укрощение львов и пантер основано на этом воздействии человеческого взгляда.

Вероятно, и высокая прямая фигура человека стала с самого начала беспокоить и пугать четвероногих хищников и травоядных.

С открытым горизонтом лесостепи и прямою вертикальною осанкой связано, быть может, также изменение душевных настроений, замена лесной меланхолии счастливым и легким весельем.

Тон жизни современных первобытных племен—в общем жизне-радостный, веселый. Это справедливо одинаково для суданских негров, для бразильских карайбов и для гренландских эскимосов, справедливо для всех, за исключением нескольких упадочных, полу-истребленных соседями племен, опять-таки, лесных, каковы ботокуды. Свое легкокрылое веселье, рожденное взглядом в лесостепной горизонт, человеческий род донес до современности, в глубину городов, затененных небоскребами темнее, чем древесной стеной.

Вместе с открытым горизонтом, под такими же открытыми небесами, в созерцании заката и восхода, вероятно, родились поэзия, искусство, наблюдение светил, космогония.

Не менее важно изменение питания, естественно возникшее в новых условиях жизни. Выйдя из области леса, человек не мог оставаться на прежней плодоядной диете. Лесостепные животные имеют двоякую пищу. Одна половина травоядная, другая —плотоядная, питается мясом травоядных. Человек не мог стать травоядным и еще не успел развиться в плотоядного хищника. Но по необходимости, он должен был стать всеядным, собирателем всякой пищи, плодов в лесных островах, диких злаков и съедобных корней, птичьих

яиц к птенцов, мелких грызунов, ящериц, змей, насекомых, моллюсков на отменях, рыбы в озерах и реках.

Однако, постепенно лесостепной обезьяно-человек стал улучшать свою непостоянную диету мясом более крупных травоядных, питаясь от дикого скота, подобно тигру и льву, и постепенно превращаясь в хищного охотника.

Для того, чтобы сделаться охотником, обезьяно-человек, лишенный естественных орудий нападения, а главное — лишенный быстроты, должен был развить ряд приспособлений к орудиям, которые составили основу человеческой культуры.

Впрочем обитание на открытой лесостепи имело и свои невыгодные стороны: Обезьяно-человек, превращаясь постепенно в охотника, в то же время являлся лакомой добычей для хищников лесостепи. В дремучих лесах на деревьях, в гнездах-жилищах, он имел безопасный ночлег. Современные приматы строят, как известно, деревянные платформы для ночлега. Лесные племена Амазонки строят в вершинах деревьев настоящие х'незда-дома.

Лесостепные и полустепные обитатели из более первобытных племен не имеют постоянного жилища и устраивают временный ночлег каждый раз на новом месте под защитой навеса из листьев. Главную защиту от хищных животных дает им, однако, огонь.

Знакомство с огнем является истинным началом человеческой культуры. Прямоходящий обезьяно-человек стал настоящим человеком, только преодолев свой естественный стихийный страх огня, ознакомившись с его свойствами и употреблением и научившись применять его на службу своим нуждам.

Рядом с этим не менее важное значение имело сперва употребление, а потом и изготовление орудий. Вертикальная походка обезьяно-человека одним из важнейших последствий имела освобождение его передних конечностей, и таким образом создала возможность дальнейшего развития их хватательной способности и ее перехода на новую творческую фазу.

Очень многие животные, даже помимо обезьян, хватают и держат пищу передними конечностями. Обезьяны, в частности, и не только приматы, но также и более мелкие породы, способны хватать и пускать в ход также и грубейшие орудия, камни и палки. Известны рассказы о том, что многие породы обезьян защищаются от хищных зверей и также от охотников, бросая в них сучья и тяжелые орехи. В Индии существует лесной промысел собирания орехов при помощи особо дрессированных обезьян, которые взбираются на высокие

деревья и сбрасывают с них орехи хозяину. Это подтверждается, между прочим, фотографиями новейших путешественников.

Любопытные опыты, организованные немцами незадолго до мировой войны на антропоидной станции острова Тенерифа, указывают на способность современных приматов пользоваться палками, как орудиями, в довольно сложной обстановке. Шимпанзе оказались, напр., способны составлять длинные шесты из двух полых кусков бамбука, наткнутых на общую палку. Такими рычагами они доставали фрукты, положенные перед их клеткой довольно далеко от решетки.¹ Одиакo, не нужно забывать, что такие опыты производились в измененной обстановке, под непосредственным воздействием человеческой культуры и выучки.

Первое употребление орудий обезьяно-человеком, очевидно, не могло создать сколько-нибудь заметной перемены. И сами орудия, камни и древесные сучья, были для этого слишком грубы и несовершенны. Однако, их систематическое применение в растущем массовом объеме, из поколения в поколение, вызвало, путем постепенной эволюции, сперва появление, а потом нарастание творческого момента. Употребление орудий стихийно и естественно перешло и их усовершенствование, т. е. в изготовление орудий. И в этом усовершенствовании стал проявляться острее и определеннее разумный момент. Обезьяно-человек, отточивший прямую древесную ветвь, как копье, отбивший кусок кремня, чтоб создать острое, очевидно, совершал разумное действие, которое является существенным свойством культуры и отличает ее от проявления биологических инстинктов.

Нужно, однако, указать, что употребление и изготовление орудий имело, очевидно, характер медленный, растущий незаметно в долгой эволюции.

Рядом с этим возможно говорить о пороге и грани культуры, об ее более быстром и бурном развитии. Источником такого бурного развития культуры, стимулом культурного скачка, был огонь.

Применение огня было первой революцией в самом начале развития человеческой культуры. Применение огня явилось мутацией культуры, как это будет объяснено ниже.

По этому поводу Фробеннус говорит: «... Я предпосылаю положение: «Все люди знакомы с огнем». Это есть то достояние, которое отличает культуру самых низших народов от животной культуры. Есть животные, строящие себе дома; есть животные, занимающиеся

¹ Карл Нейман, Новые наблюдения над человекообразными обезьянами. Приложение к русскому переводу А. Врема — «Человекообразные обезьяны». Москва, Изд. ЗИФ, 1924, стр. 134.

скотоводством и земледелием, животные с *целым государственным строем*. — но нет таких животных, которые могли бы беречь огонь, которые умели бы постоянно им пользоваться. На лестнице нашей культуры добывание и употребление огня означает первую из трех ступеней: эпоха огня, эпоха пара, эпоха электричества . . .

«Подразделение человеческих культур основывают на употреблении железа, бронзы и камня, и таким образом отличают каменный век, бронзовый век и железный век. Наступит время, когда с большим правом будут говорить про до-огненный век, огненный век, эпоху пара, эпоху электричества и другие, пока неизвестные. Потому что использование этих природных сил имеет для культуры очень большое значение, гораздо большее, чем употребление сырых материалов, напр., камня или железа».¹

В жизни человечества, от ее первобытного начала до нашего XX века, огонь имеет многообразные применения, все более сложные, и трудно указать, какие из них были основные и какие производные. Во всяком случае, потребность защиты огнем была одной из более основных и элементарных. Даже в настоящее время европейский путешественник в Африке и в Индии защищает свой ночлег от хищных животных оградой огня. Звери боятся огня, пугаются света, шипения, яркости искр. Хищные звери охотятся ночью; огонь, как искусственное солнце, превращает ночь в день. Для современных первобытных племен огонь дает защиту не только от зверей, но также и от духов. Бесчисленными духами, жестокими, свирепыми, более хищными, чем львы или тигры, кишит темнота. Духи, кишашие в пространстве кругом человека, составляют самую сущность первобытной религии. Начало религии — ужас.

Трудно сказать, когда именно родилось у обезьяно-человека это представление о духах, о невидимых врагах, наполняющих воздух, нападающих сверху из воздуха и снизу из-под земли. В ранней стадии обезьяно-человек, вероятно, еще не был способен к идеям анимизма, к идеям религии. Он не различал микрокосма от макрокосма, окружающую природу от собственной жизни, как не различает ее цветок или дерево. Ибо жизнь его носила пассивный, полурастительный характер. Только развив в себе большую подвижность и живость телесную, а также духовную, первобытный человек научился чувствовать раздельно природу и собственную жизнь, отделять себя от видимого горизонта, от воздуха, от хищных врагов. И первым ощущением этой раздельности был ужас перед не-

¹ Лео Фробениус, *Детство человечества*, Спб., год не указан, стр. 304.

объятною природой, панический страх перед нападением врагов, зримых и незримых. Религия является, как сказано, квинтэссенцией этого страха. Возникшая культура является орудием защиты, прежде всего материальной, но также и моральной. Она порождает не только безопасность, но также и самоуверенность.

Оттого от защиты против видимых хищных зверей культура неминуемо восходит к защите от невидимых духов. С самого начала и по самой своей сущности культура всегда богоборна, враждебна религии.

Между прочим на северной лесо-тундре, лишенной зверей, способных напасть на человека (медведь никогда не нападает первый), одинокий охотник на ночлеге панически боится нападения духов. Он защищается от них огнем, заклинаниями, соседством бдительного друга-собаки и пр.

Другим основным применением огня в начале человеческой культуры является тепло. Нам, современным культурным европейцам, перевьюченным тяжелою и сложною одеждою и обувью, трудно представить себе, насколько страдает от холода голый первобытный человек, даже в экваториальном климате. Элементарное ощущение европейца от тропического климата есть нестерпимый зной: можно сгореть, обжечь свои ноги в песке, свариться в воде, истаять и истечь пятнами едкого пота. Тропический туземец, для которого солнечный зной является нормальной атмосферой, страдает от каждого понижения температуры, хотя бы незначительного, напр., от ночного охлаждения, довольно ощутительного, напр., в песчаных пустынях, под самым экватором. Ботокуды по ночам жестоко страдают от холода, нагие ребятишки сбиваются в груды и греют друг друга, как щенки. Индейцы Амазонки прячутся в хижины и спят у огня, никогда не утасяющего, как-будто в эскимосской землянке. В предрассветный час они даже просыпаются от холода и с нетерпением ожидают солнечного восхода.

Не имея огня, обезьяно-человек даже в тропическом климате должен был страдать от ночного холода. Если даже он имел часть той терпеливой выносливости, которую проявляют к холоду полярные народы, то ему приходилось тратить на это слишком большую долю своей телесной и духовной силы.

Выше было указано, как страдают от холода нагие огнеземельцы. Без огня они несомненно погибли бы.

Огонь, дав человеку тепло, уничтожил необходимость этого крайнего напряжения выносливости к холоду, огонь создал искусственную атмосферу, мягко-воздушную оболочку, и облек человека этой

оболочкой, как одеждой." Первой одеждой человека было тепло. . . .
11 первым жилищем было место у приветного костра, дающего защиту
11 домашнее удобство. Огонь был первым очагом, первою основой
человеческого дома, началом оседлости, и вместе важнейшим усло-
вием, создавшим возможность расселения по всем областям земли.
Только под знаком, под защитой огня, человек мог продвинуться
с юга на север, занять области сперва умеренного климата, а потом
и холодного вплоть до Арктического океана.

Таким образом возник один из наглядных парадоксов первобыт-
ной культуры. Голый от природы человек, совершенно беспомощный
перед каждым понижением температуры, стал обитателем льдов и сне-
гов, куда не заходят и дикие звери, защищенные от стужи густым
волосистым покровом.

С вопросом о значении тепла связан, очевидно, и другой вопрос —
о шерстистом покрове человека. Все современные человеческие
расы, и сколько мы можем судить, и все первобытные расы, были
безволосы. Волосы на голове, на лице и на теле производят впечатле-
ние как бы остатков шерстистого покрова, вылинявшего от неизвест-
ных причин. Распределение волос среди человеческих рас весьма
неравномерно. Самые культурные народы, и другие весьма перво-
бытные, напр., итальянцы и также папуасы, волосаты в одинаковой
степени. Впрочем, эта волосатость весьма относительная. Даже
фиджийцы и айны от волос, растущих на их теле, не имеют защиты
против холода и вообще не получают от них никакого удобства.

Почти все породы млекопитающих животных и, в частности,
обезьяны, включая современных приматов, покрыты сплошным воло-
сяным покровом, дающим защиту от холода. Однако, у приматов воло-
сяной покров почти не имеет подпушка и потому не столь действите-
лен. У шимпанзе грудь голая. Некоторые антропологи высказывали
предположение, что человеческий примат утратил волосяной покров
за ненужностью его в условиях культуры. Это предположение при-
ходится оставить, как ни на чем не основанное. Волосяной покров
явился бы для человека таким серьезным преимуществом даже среди
удобств современной культуры, что решительно нельзя представить
себе, почему бы он мог быть утрачен. Было также высказано пред-
положение, что волосяной покров заменен и отчасти просто вытерт
одеждой. Но первобытные народы, особенно на тропиках, ходят на-
гие и шерстью оттого не обрастают. Другие высказывали мнение,
что воздействие тепла на кожные покровы могло вредно повлиять на
волосные корни и вызвать облысение. Это, конечно, возможно.
С другой стороны, почти ни одно из домашних животных, которые

тоже подвергаются воздействию культуры и тепла, не утратило шерстистого покрова. Влияние культуры на животных сказывается только расщеплением цвета шерсти и кожи. Далее, в самых древних человеческих преданиях нет никаких воспоминаний о прежней волосатости. Напротив того, есть ряд указаний, что бог или дух создал человека голым. С другой стороны, относительно огня, который является началом культуры, есть ряд преданий до того определенных, что они являются почти историческими воспоминаниями. Легенда о Прометее, похитившем огонь с неба, зажегшим его от колесницы Гелиоса-Солнца, или от молнии Перуна-Зевса, или заимствовавшим его от кузницы Гефеста-Вулкана, спрятавшим его в пористую дудку растения шильника (*Nartex* sp.), воспроизводит ряд любопытных указаний, имеющих определенное этнографическое значение. В преданиях человечества легенда об огне есть легенда о начале культуры. Никаких воспоминаний о волосатости с ней не связано.

Даже Осборн в одной из своих последних статей, разбирая вопрос о волосатости различных рас, совершенно запутался в своих определениях.¹ Так, давая описание европейских отделов белой расы, он называет северную белокурую нордическую расу и средневропейскую альпийскую расу весьма волосатыми, имеющими густые бороды, что будто бы дает им защиту от северного холода. Я могу, однако, засвидетельствовать по личному опыту, что на крайнем севере борода от холода защиты не дает, напротив, покрывается льдом и смерзается в большую сосульку. Таким образом, безбородым тунгусам гораздо удобнее, чем бородатым русским.

Далее. Осборн средиземную расу, напротив, определяет, как безволосую и гладкую в соответствии с южным теплым климатом Средиземья.

На деле, однако, средиземные народы, — греки, итальянцы, испанцы, — гораздо волосатее белокурых северян.

Денпкер заявляет без всяких доказательств: «Позволительно предположить, что первобытный человек был весь покрыт волосами».²

Из преданий о волосатости можно упомянуть, разве, библейское предание о косматых руках охотника Исава, старшего сына патриарха Исаака. Брат Исава. Иаков, говорит: «брат мой человек косматый, а я человек гладкий». Гладкая безволосая кожа азиатских семитов

¹ Н. F. Osborn. Развитие человеческих рас, «*Xatwral History*», журнал Американского Музея Естественных Наук в Нью-Йорке, 1926 г., Лк. 1, стр. 5 (по-английски).

² Денпкер, Человеческие расы, Спб., 1902, стр. 30.

также не вполне соответствует действительности. Семиты вообще волосаты. Впрочем, легенда о волосатости Исава по времени происхождения далеко отстает от легенды о сотворении Адама. Иаков и Исав фигуры более поздние.

Пластинка оленьего рога из */.lingerie Masse* в южной Франции — палеолитического происхождения — имеет рисунок человеческой фигуры, ползущей за бизоном. Бедрa и голени этой фигуры покрыты черточками, которые одно время получали толкование, как указатель волосатости. Но потом это отпало, и эти черточки теперь принимаются за простую штриховку.

Далее, волосатость эмбриона на четвертом — седьмом месяце указывает, очевидно, на более древнюю зоологическую ступень.

Человеческий эмбрион в течение очень короткого времени имеет гладкую, совершенно безволосую кожу, напоминающую амфибий. Приблизительно с сотого дня появляются у зародыша первые волоски под глазками и вскоре затем на лбу и на верхней губе. Это — так называемый пушок (*Lanugo*), который появляется то отдельными волосками, то характерными группами и вскоре покрывает всю верхнюю поверхность тела за исключением ладоней и ступней, красного края губ и крайних частей половых органов.¹

Если бы человеческий род потерял волосатость под влиянием культуры, вероятно, следы эти являлись бы на более поздних стадиях развития. Ребенок бы рождался волосатым и терял бы волосаный покров в дальнейшем развитии. Так стремление лазить по деревьям проявляется в позднем детстве вплоть до 12 — 14 лет.

Отбросив предположение о потере волосаного покрова под влиянием культуры, следует допустить, что человеческий примат уже был безволосым. Это был особый безволосый вариант, безволосая порода приматов. Если человеческий примат на какой-то стадии своего развития, действительно, вылинял, то этот процесс мог быть только болезненным процессом.

Человеческий примат представляется довольно загадочным и в другом отношении. Между тем как горилла и оранг-утан имеют огромную силу, подобную львиной, узловатые руки и грозные клыки, первобытные народы земли не отличаются ни силою, ни статностью, ни ростом. Многие из них малорослы, худощавы, тонкоруки и далеко уступают культурным народам в борьбе и в ношении тяжестей, превосходя их ловкостью и тонкостью чувств. Высокий рост и физическая сила распределены в человечестве весьма прихотливо. Англи-

¹ Бутан. Наука о человеке, М., 1911, стр. 145.

чане и шотландцы, патагонцы и кафры-зулусы, маньчжуры, полинезийцы и туареги, вот самые крупные и сильные народы земли. Карлики акка, бушмены, ботокуды, огнеземельцы, юкагиры, тунгусы и другие первобытные туземцы являются щуплыми и слабыми, с ногами без икр, с очень маленькими женственными кистями рук и ступнями ног. Человеческий примат, таким образом, был, повидимому, не только безволосым, но также физически слабым, беспомощным. Ископаемые кости первобытных человеческих рас, как указано выше, ничуть не говорят о силе и массивности их обладателей. Мало того, эти немногие остатки первобытных представителей рода «человек» тут и там показывают странные следы и извращения болезненного свойства. Нагляднее всего об этом свидетельствует костный нарост на бедре тринильского обезьяно-человека, который имеет как бы ревматический характер.

Напрашивается мысль, что человеческий примат был подвержен каким-то физическим влиянием, невыгодным и вредным. Мало того, самая культура была для него необходимостью, единственным средством защиты не только от внешних влияний суровой природы, но также и против внутренней слабости. Культура, таким образом, является искусственным покровом человеческих приматов, чье натуральное сопротивление внешним влияниям было ослаблено каким-то болезненным процессом. В самом начале своем культура связана с каким-то вырождением. Возможно, что бедствия, рожденные культурой, все извращенные пути, по которым она неуклонно развивается на ряду с путями здоровыми, применение ее лучших достижений на разрушение и зло, связаны с этим ее первородным грехом. Черную, теневую сторону человеческой культуры можно проследить от раннего людоедства, укрепленного воздействием религии, вплоть до душливых газов современной войны, до каменной тюрьмы городского душливого капитализма.

Нормальное, ничем не стесняемое развитие культуры на земле неоднократно заводило ее в тупик извращений, противоречий и последующего вырождения. Вырождение кончалось кризисом и лечение до сих пор состояло в временном восстановлении относительной первобытности. Так, грубость «средних веков» была социологическим лечением против извращений римской культуры.

Человек на земле должен не только при помощи культуры бороться с природой; он должен бороться и с самой культурой, вечно отвлекать ее от зла и направлять ее на благо.

Это предположение о болезненном рождении культуры объясняет, напр., подмеченную связь между гением и сумасшествием,

гением и эпилепсией, а также вею истерическую, экстатическую психику, связанную с религией.

Оставляя я стороне всем известные, но несколько рискованные сближения школы Ломброзо между гениальностью и помешательством, укажу на мнение Эдпингера, специалиста по изучению головного мозга, о том, что тип лица большого числа выдающихся людей производит такое впечатление, будто они в детстве страдали гидроцефалией. Быть может, по излечении более легких форм гидроцефалии, рост мозга встречает меньше сопротивления в расширенном болезненным процессом мозговой капсуле, чем при нормальных условиях развития. Так большая мозговая коробка музыканта Рубинштейна при вскрытии показала признаки старого рахита. Кювье, обладавший очень тяжелым мозгом, в молодости был гидроцефалом. То же относится и к Гельмгольцу. (Займствовано из 13. Лехе, Человек, его происхождение и эволюционное развитие, 1913, стр. 269).

Вместе с применением огня и употреблением орудий таким же основным первоначальным признаком культуры является язык.

В отличие от двух первых элементов культуры, которые развиваются вне человеческого тела, — орудия, напр., нередко называются «внетелесными членами»,¹ — язык вырастает, напротив того, внутренним процессом и таким образом является главным внутренним орудием человеческой культуры.

Мало того, изучая развитие и формы земных языков, мы видим, что они по существу имеют какой-то особый характер. Формы языка замкнулись в сочетания, столь же определенные и четкие, как формулы химических соединений или биологические формы цветов, специальных физиологических органов и пр. Творительный падеж единственного числа женского рода — «рукою» — такая же четкая, замкнутая формула, как H_2O (ср. стр. 48).

Общая форма языка представляется как будто дедуктивной. В мозгу первобытного человека или современного неграмотного крестьянина таится подсознательное знание, — что есть существительные женского рода, имеющие единственное число и творительный падеж с окончанием на «ою». В применении этих подсознательных знаний люди вообще никогда не ошибаются. Они говорят уверенно и твердо, не думая о формах языка, так же, как дышат растения, как птицы выют гнезда, как пчелы выделяют восковые чешуйки и строят свои удивительные соты.

¹ Крофорд, Человек и его прошлое, Ленинград, 1925, стр. 14 и след.

Современное развитие новейших языков скорее идет по линии упрощения старой и сложной постройки. Языки возникают, как жаргоны из смешения различных частей, и в непрерывном, живом движении, во внутреннем трении своих составных частей, обламывают ненужные концы точно разработанных и сложных архаических форм. Наиболее ярким примером такого языка упрощенной конструкции может служить современный английский, возникший из смешанного нормано-французского, англо-саксонского и кельтского жаргона.

Тем не менее, в какую-то древнюю эпоху языки должны были развиваться индуктивно, возрастая от малого к большому, от простого к сложному. Однако эволюцию языка мы не можем представить себе в виде непрерывно восходящей наклонной плоскости. Мы можем представить себе это развитие только, как лестницу крупных ступеней, как ряд прыжков с уровня на уровень.

Даже и теперь, когда неграмотный переселенец, напр., белорусский крестьянин в Канаде, попадает надолго в среду совершенно чужого английского языка, его усвоение английской речи и замена ею собственного родного языка, происходит тоже как последовательный ряд более или менее крупных ступенчатых подъемов. В начале переселенец улавливает только разрозненные элементы языка, существительные, глаголы, потом, накопив эту первоначальную материю речи, неожиданно начинает улавливать целые фразы, «схватывает по верхам», как говорят сами белорусские переселенцы. Но говорить по-английски он еще не может. А если и говорит, то «все на выворот». Через новый промежуток времени в его подсознательной психике начинают рождаться целые готовые английские фразы; они рождаются там неожиданно и непроизвольно и борются с соответственными русскими фразами, отесняя их назад или совсем заменяя. Процесс усвоения чужого языка окончен. Неграмотный переселенец перескочил на новую лингвистическую платформу, проделав эту сложную и трудную работу в подсознательном виде.

Эти краткие соображения относительно развития и роста языков приводят нас к заключению более общему. Развитие человеческой культуры в ее первоначальной стадии имело характер внезапной перемены, мутации, прыжка, так сказать, характер революции.

Конечно, не надо себе представлять, что эта перемена произошла в определенную минуту, как результат какого-то внутреннего декрета. Нужно представить себе все-таки длительный процесс развития, бурного, сгущенного, напряженного и болезненного, ряд

вспышек возрастания, довольно неожиданных, серию творческих усилий, бессознательных и подсознательных, которые в большинстве оказались плодотворными.

Между прочим возможно, что те болезненные признаки, физические извращения, которые, как указано выше, сопровождали рождение культуры, являются не столько причиной мутации культуры, сколько ее неизбежным сопровождающим последствием. Так же точно в социальной области разруха является попутным последствием революции. В то же самое время, под действием мутационного процесса революции, именно разруха может послужить отправным пунктом для развития культуры. Так, русские металлообрабатывающие заводы с их устаревшими машинами, полуупраздненным разрухой, ныне должны возродиться в более высоких технических формах.

Так же точно и у корня человеческой культуры гипотетическая безволосость, линяние покрова, могла быть болезненным результатом самого напряжения мутации. Ракообразные и змеи линяют в процессе ежегодного роста. С другой стороны, именно эта безволосость послужила основным стимулом и отправным пунктом для применения огня и тепла, для создания одежды и дома и т. д.

Мутационный характер начала человеческой культуры, как указано выше, обуславливает его сравнительную непродолжительность. Это, быть может, объясняет тот наглядный парадокс противоречий археологии, что в древних раскопках мы находим так много следов неолита, поменьше—палеолита, очень мало эолита, и почти не находим следов и костей наиболее важного промежуточного периода перехода от обезьяны к человеку.

Недостающее звено (*missing link*) животного-человеческой цепи, которое ищут археологи, представлено, в сущности, только четырьмя обломками скелета тринильского обезьяно-человека. Можно предположить, что скудость этих остатков обуславливается тем, что мутация культуры не занимала очень большого промежутка ни в пространстве, ни во времени. Первые главы всемирной истории земного человечества закопаны в землю, и археология извлекает их оттуда страницу за страницей и параграф за параграфом, стряхивая с их полуистлевшей ткани свежий прах веков, если возможно так выразиться. Но самое начало этой книги утеряно почти безнадежно. До сих пор мы могли найти только несколько отдельных скомканных, смятых обрывков. Обычно кажется, что это начало великой «голубиной книги» человечества скомкано наваленною сверху землей тысячелетий. Но, быть может, это оптический обман, и на деле начало

этой книги было слитно и отрывисто, и первые несколько глав, которые мы ищем, были сгущены в единичную главу.

Возвращаясь к процессу мутации культуры, любопытно отметить, что в сознании человечества, в ранних до-исторических преданиях, запечатлелось отражение этого могучего порыва борьбы с препятствиями. чувство одоления, победы.

Рождение культуры представляется обычно, как эпоха героическая, как создание древних титанов, полубогов или даже богов, сошедших на землю для этого славного действия. Культура представляется, как дар, похищенный с неба, вырванный силой у злых и завистливых богов, оплаченный гибелью ее родоначальников, творцов и героев. В этом, конечно, есть воспоминание реальных событий, и не один Персей, Беллерофон и Георгий Драконоборец погибли в борьбе с чудовищами грозной природы и гибелью купили возможность победы, прежде чем благородные потомки создали восхваляющую легенду в форме наиболее благоприятной для их человеческого самолюбия. Прообраз Георгия был, вероятно, съеден Драконом, но коллектив человечества победил, уничтожил Дракона. В легенде Прометея ярко выступает наружу эта трагическая двойственность человеческой культуры. Прометей похищает у Зевса огонь — знаменье культуры — и платится не жизнью, ибо Прометей не менее бессмертен, чем Зевс; он платит за культуру вечным умиранием и новым воскресением. В этой героической легенде о победе над судьбой, оплаченной высшим страданием, указано не только человеческое прошлое, начало культуры, — в этом предсказано все ее дальнейшее развитие — грядущая судьба человечества.

Мутация культуры после бурного рождения имела, должно быть, длительный период усвоения первых достижений. Это была эпоха эолита, нерешительных, неуверенных, как бы младенческих шагов человечества, орудий недоделанных, похожих на камни, отертые водою. Орудия раннего эолита так и должны походить на обломки кремня и песчаника, окатанные речными разливами в гудах нанесенной гальки. Сам человек в то время слишком походил на обломок материи, грубо полируемый действием законов природы.

К этому длительному периоду младенчества культуры относится также и период собирания пищи — эпоха раннего палеолитического быта, о котором упоминалось выше. Однако в конце этой эпохи, по мере улучшения орудий нападения, первобытный человек стал переходить от всеядных собираний к охоте, добычею его вместо мелких грызунов и ящериц стали становиться большие травоядные. И здесь, невидимому, наступил второй подъем мутации культуры.

Среднеевропейский палеолит, начиная с ангельского периода, в мутьерском, и особенно в мадленском периоде проявляет явные следы этого нового подъема мутации. Дикий скот лесостепных пажитей убивался во множестве, давая человечеству новую обильную пищу. Изменились, очевидно, самая физиология человеческого тела и психология человеческого духа. Из несколько грузного, пассивного странника по отмелям, лугам и лесам, родился проворный охотник с телом худощавым и крепко сплетенным из сухожилий и плотных эластических мускулов. Человек приобрел быстроту и неутомимость бега и мог состязаться в быстроте с быстроногими оленями и нападающими на них волками. Конечно, первобытный охотник действовал хитростью, коллективными засадами, вероломными ловушками, метательным оружием и ядом. Но во всех этих случаях требовалось все же и волчье проворство, настойчивость и неутомимость.

Самое изменение днэты,—эта в обилии получаемая мясная пища лучшего качества, — должна была повлиять на изменение человеческого тела. Должны были измениться пищеварительные органы и ткани; сухожилия, мускулы должны были уподобиться сухожилиям и мускулам хищных животных, получающих то же питание. Также и психика человека существенно изменилась. Первобытный охотник стал агрессивным хищником, вечно напряженным к поимке живого, к убийству. Из пассивного человек стал активным, беспокойным, вечно изобретательным. Будничная жизнь из борьбы с безличным голодом превратилась в обостренную личную борьбу с живой и проворною дичью. Жизнь превратилась в ряд состязаний, поединков и вечных побед. Человек из пожирателя улиток и собирателя корней стал плотоядным хищником. Мирный неуклюжий тихход стал быстроногим охотником и, стало быть, воином. Кровожадная охота позднее родила кровопролитную войну.

Если сравнить пассивного и тощего лесного собирателя ботокуда с его лесостепным охотничьим соседом — бороро, разница выступает особенно ярко. Ботокуды легко поддавались каждому гтатиску соседей, и ныне они почти истреблены. Бороро оказали отчаянное сопротивление европейским колонистам. Статный охотник бороро, с его длинным луком и неутомимыми ногами, с его неукротимостью и гордостью, является прекрасным образцом агрессивного и беспокойного охотника и воина. Еще до появления белых, для каждого мужчины бороро считалось обязательным убить собственноручно ягуара и украсить себя диадемой из его когтей и ожерельем из его зубов.

Жизнь первобытного охотника в эпоху развитого палеолита на лесостепных лугах умеренно-теплой Европы протекала обильно и по

своему пышно. Вместе с обильной и крупной добычей человек создал себе также превосходством своего оружия безопасность от хищных зверей. В рисунках и гравюрах французского палеолита поражает это обилие стад, доступных человеку, вызов, бросаемый также хищникам, пещерным медведям, волкам и пантерам. Поражает также и подробное знание привычек всех этих звериных пород, умение изобразить их на бегу одним начертанием резца, как бы мгновенной фотографией. Наконец, отмечается многочисленность стоянок и, стало быть, умноженное население. Эпоха развитого палеолита поистине была первобытной идиллией, реализацией первых достижений культуры, счастливым и сильным периодом жизни человечества. Такой же подъем и радость жизни нашли современные этнографы у живых первобытных племен той же культурной стадии. Фои-ден-Штейнен описывает «идиллию народа Бакаири» у истоков Шпнгу на центральном бразильском плоскогорьи. Эрланд Норденшельд говорит о народе Ашлуслай в южной Боливии. Жизнь народа Ашлуслай разделяется на три периода. Первый период—от рождения до юности,—это период игры, второй период, от юности до зрелости,— это период любви, и третий период, от зрелости до старости, — это период пиров. Это такая программа, от которой не отказался бы и современный европейский человек.¹

После того влияния европейских завоевателей и носителей культуры сделали то, что эта первобытная идиллия заменилась вырождением и гибелью. Тем не менее, такая эпоха примитивного обилия и радости, действительно, существовала для человечества на девственной зеленой земле. Римские легенды о золотом веке Сатурна, еврейские предания о райских садах Эдема представляют, вероятно, стилизованный отблеск далекого палеолитического счастья. Правда, в легендах о рае подчеркивается вместо обильной охоты собирание готовых плодов и вместо вечной войны с травоядными, идиллический мир со всеми живыми животными. В этом, быть может, отражается более ранняя стадия собирания пищи и пассивного миролюбия. Народы Ашлуслай и Бакаири, действительно, являются охотниками лишь наполовину, они существуют земледелием, которое развилось очень рано вместе с первой оседлостью и общим возрастанием культуры. Однако, бесчисленные рисунки французского палеолита говорят не о собирании плодов, а о сплошной неизменной и неустойчивой

¹ Проф. Осборн также называет Центральную Азию эпохи Белуджистерия настоящим райским садом. Здесь по его предположению рядом с Велуджистерием должен был жить и предок человека. (Р. Ч. Эндриу, По следам первобытного человека, глава IX, статья проф. Г. Ф. Осборна, стр. 51. Ленинград, 1927 г.)

охоте. В преданиях об рае, быть может, произошел своего рода социологический «метатезис» (перестановка частей). На деле, вероятно, грозный и могучий охотник Канн предшествовал не только своему земледельческому брату Авелю, но и отцу своему Адаму потливому, — в поте лица съдававшему хлеб свой. Исав, косматый зверолов, был старше не только отца своего многопастырного Иакова, но также и Исаака с Авраамом, владельцев несчетного крупного и мелкого скота.

Мутация культуры первого и особенно второго подъема, обеспечив человеку победу над окружающей природой, создав для него более обильную пищу и защиту от диких зверей, содействовала естественному размножению человеческого рода, уплотнению ранее малочисленных групп и таким образом вызвала естественное распространение человечества. Огонь сделал расселение возможным. Размножение племен сделало его необходимым. Одинаково и здесь покорителем пространства является не столько пассивный собиратель, сколько проворный и быстрый охотник. Среди современных бродячих народов, собиратели и охотники одинаково движутся в известном более или менее обширном, но замкнутом кругу. Огнеземельцы не покидают определенного района своих островов. Ботокуды скитаются в пределах данной лесной области. Бороро странствуют в определенном районе лесостепей Гран-Чако. Однако размах передвижений охотника несравненно обширнее. В настоящем охотничьи районы различных племен взаимно ограничены. Леса и лесостепи поделены; нельзя заходить на чужую территорию под угрозой войны. Это соблюдение границ знают не только двуногие, но также четвероногие охотники: львы, тигры, волки. Но в северных тундрах и на полярных побережьях, населенных несравненно более скудно, среди эскимосских и чукотских охотников за морским зверем, мы можем наблюдать расселение первобытных искателей добычи в его первоначальном, ничем не сдержанном виде. В летнее и зимнее время эскимосский искатель тюленей неукротимо переезжает с места на место, уезжает за многие десятки миль, отыскивая новую добычу. Он следует за моржами и тюленями в их непрерывных переселениях, вызываемых, в свою очередь, изменением в обилии пищи. Отыскав новое место, богатое звериною добычей, эскимос останавливается на месяц или на два, а если обилие продолжается, перевозит сюда свою жену и детей и свое подвижное жилище. Через год рядом с этим пионером может возникнуть целый охотничий поселок, 5 — 10 семейств — за счет соответственного уменьшения других более ранних поселений, ныне оскудевших добычей. Еще через год, если добыча

уменьшается, новый поселок может сократиться с 10 семейств до 2. Остальные вернутся назад или, напротив, перекочают дальше. Таков именно основной, неустойчивый молекулярный процесс расселения эскимосов на полярных территориях. Именно так расселяясь, они заняли почти необозримое пространство от Чукотской земли до восточной Гренландии. Точно также, очевидно, совершалось и первое расселение человеческих племен, сперва собирательных, а потом охотничьих, по еще необитаемой земле.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

И Е Г I c Е Л Е И П Е .

Распространение человечества по поверхности земли произошло в процессе расселения. Процесс этот начался с размножения и передвижения первых человеческих групп и длится непрерывно до сих пор. Он далеко еще не кончился. На земле остается еще много незанятых пространств и несравненно больше обширных территорий, населенных очень редко.

То, что было сказано выше по этому поводу в различных главах, сводится к следующему:

Человечество по своему происхождению, вероятно, моногенно, т. е. происходит из одной общей географической области. Область эта намечается на Гондване, т. е. на экваториальной материке, который в древние геологические эпохи соединял Южную Африку, Декан и Малайский Архипелаг (см. рис. 3 на стр. 104-5). Здесь найдены остатки прямоходящего обезьяно-человека. Отсюда же ведет свое происхождение черная раса во всех вариантах и изменениях, также малайско-полинезийская раса и, быть может, еще южная половина желтой расы. Из Гондваны человечество подвигалось на север и таким образом перенесло культуру в переднюю и среднюю Азию.

Рядом с этим выдвигается несколько других географических областей, предположительно бывших колыбелью той или иной части человечества. Таковы, напр., для белокурой (нордической) расы страны, лежащие вокруг берегов Немецкого и Балтийского морей. К этой расе принадлежат германцы (немцы, скандинавы), кельты, славяне, также большая часть западных финских племен вплоть до карел и зырян.

Третий центр намечается в Европе вблизи Пиренейских гор, к северу и югу (см. рис. 4 на стр. 107). Это территория французского палеолита в его последовательных наслоениях. Племена, обитавшие здесь, были весьма разнородны, начиная от самых первобытных

обезьяноподобных пород. В разных местах западной Европы найдены черепа, могущие соперничать по первобытности с обезьяно-человеком Явы и Родезии.

Четвертый центр намечается в Туркестанской и Среднеазиатской впадине. Здесь, повидимому, была прародина части племен индоевропейских, турецких, монгольских и, может быть, финских.

Между прочим американская экспедиция Эндруза, работающая в Монголии уже в третью смену и достигшая таких поразительных успехов в области палеонтологии, но заданием Осборна поставила себе целью отыскать остатки и следы первобытного человека.

Как увязать эти четыре древнейшие племенные территории друг с другом и также с теорией моногенности, сейчас невозможно решить.

Совершенно несомненно, что современные человеческие расы, населяющие различные материки земли, связаны между собой как-нибудь древними связями. Связи эти образовались в процессе расселения.

Характер этого процесса постоянно менялся с изменением и нарастанием культуры. В основе его лежат причины экономические, материальные. Но они складываются в виде антиномии, диалектического противоположения. С одной стороны, главнейшим побуждением к расселению является недостаток средств питания. На ранней собирательной стадии человек питается готовыми продуктами, получаемыми от природы, без мысли о запасах. И даже в самом счастливом климате, в обильных условиях, он находится под вечной угрозой голода, хотя бы сезонного.

Малейшая заминка в созревании или урожае того или другого продукта заставляет его двигаться дальше, на поиски лучших условий. Такое продвижение в начале совершалось индивидуально и молекулярно. Отдельные особи или пары, или семьи, отходили друг от друга в непрерывных поисках пищи, останавливались в местах изобилия, потом снова двигались дальше. Такой процесс расселения носит характер совершенно зоологический, ибо он свойствен каждому зоологическому виду и породе наравне с человеком.

Племена, стоящие на этой стадии, вообще называются бродячими. Это определение все же включает в себе понятие периодичности. Бродячие племена движутся в границах определенного, хотя и обширного района, туда и обратно по замкнутому кругу, соответственно смене времени года и урожаев. Так австралийцы, ботокуды, бушмены имеют свои территории, хотя и не обозначенные точно, но все же известные охотникам. Племенные отделы и группы остерегаются

заходить в область других отделов того же племени, во избежание серьезных недоразумений.

Такие же периодические миграции взад и вперед в области привычных территорий свойственны и по зоологическим породам, преимущественно травоядным. Бизоны в северной Америке кочевали с востока на запад и с запада обратно на восток. Северные олени осенью уходят из тундры в лесотундру, избегая мятелей, а весной возвращаются обратно на тундру, спасаясь от насекомых.

Хищники, одиночные, как тигры и львы, и коллективные, как волки, имеют представление об охотничьей территории и не терпят конкурентов. Уличные собаки в Константинополе ревниво соблюдали право владения по городским кварталам.

С другой стороны, даже среди оленных чукоч, стоящих на стадии скотоводства, правда, очень раннего, понятия о нраве па данного участка тундры очень шатки и там постоянно происходят передвижения отдельных семей и стад на многие сотни верст.

Во всяком случае переселение нарушает периодичность и выходит за пределы территории. Племя разбредается разрозненно. Отдельные лица и семьи разрывают слабую связь первобытной ячейки и отходят врозь.

Выше было отмечено, что в северной зоне именно такими молекулярными и капельными просачиваниями расселялись и расселяются поныне эскимосы, которые заняли постепенно огромную область от Берингова моря до Гренландии. Заселение Гренландии эскимосами совершилось уже в историческое время, начиная с XII и XIII веков. Оно происходило такими медленными и тоненькими струйками. Однако, постепенно накапливаясь и сгущаясь, эскимосские струи продвинулись с севера к югу и здесь истребили и вытеснили население норманнов, которое обосновалось в южной Гренландии раньше их. Вытеснение происходило медленно и заняло несколько столетий, но к XVII веку в Гренландии норманских поселений совершенно не осталось. И когда Гренландия была вновь открыта датчанами, колонизацию пришлось начинать с начала. В сущности новой колонизации не произошло, так как Дания могла послать в Гренландию вторично только чиновников, миссионеров и торговцев, да еще китоловные суда для временной летней охоты. Настоящие переселенцы норманской расы стали отправляться в более южные широты, в Соединенные штаты и отчасти в Канаду.

С большой вероятностью можно предположить, что вообще заселение северных стран произошло в виде такого же медленного просачивания на север самых небольших человеческих групп. Это

могло случиться после последнего оледенения, когда стал смягчаться климат в зоне, расположенной на шпроте средней Европы, и из холодного превращался в умеренный. Ледники на суше и ледяные поля ка море таяли и отодвигались к северу. За ними отступала и флора, моховые и лишайные тундры, карликовые заросли лесотундры, северный жесткий кустарник, жесткие травы и нр. За флорой отодвигалась п фауна, на море тюлени и моржи и прочий морской зверь, на суше дикие олени и лоси, пеструшка и песец, морская и туидренная птица. За фауной отходил и человек, для которого эта дичь н охота за ней и связанные с нею условия существования были привычными.

Можно указать, что в Евразии это передвижение к северу происходило в начале четвертичного периода по направлению с юго-запада на северо-восток вдоль береговой линии так называемого ангарского или сибирско-китайского материка, которая проходила от отрогов Алтайского хребта к Енисею, вдоль Енисея примерно до Туруханска, а от Туруханска отходила дальше на восток к озеру Ессей и реке Хатанге.

Северные территории к западу от этой черты были в то время покрыты обсыхающим морем, озерами, непроходимыми болотами, также остатками не вполне растаявших ледников и еще не были пригодны для обитания северного зверя и преследующего его охотника. Напротив того, в области Берингова моря и в частности Берингова пролива лежала довольно широкая полоса суши, так называемый Берингов мост, пли Берннгия, поросшая густым хвойным лесом и, стало быть, обильная дичью.

Указанная выше береговая линия ангарского материка имеет до сих пор важное значение для районирования северной Евразии, напр., для распределения птичьих пород. К западу от нее породы птиц имеют вообще характер азиатско-европейский, к востоку азиатско-американский. Не менее важна эта разделительная линия в области человеческих рас и создаваемой ими культуры. К востоку от нее обитают амернканоидные палеоазиаты, к западу финские пли фннинпзированные племена, каковы самоеды.

В области культуры к востоку от этой черты существует оленеводство весьма первобытное, без пастушеской собаки, к западу оленоводство с пастушеской собакой. Зато к востоку от этой черты существует развитое собаководство. К западу от этой черты собаководства почти не существует, кроме позднейших и убогих, очевидно, заимствованных форм.

В Евразии вплоть до Чукотской земли н Берингова пролива собаководство сопряжено с рыболовством и существует рядом с выше-

указанными первобытными оленоведами. Типичными рыболовами-собаководами в древности являлись юкагиры, ныне почти совершенно вымершие.

В области Берингова моря и дальше к востоку рыболовство заменяется охотой на морского зверя. Оленеводства в Америке совсем не существует и население вообще отходит дальше к северу, к Арктическому морю. Типичными морскими охотниками-собаководами являются эскимосы.

Новейшие изыскания Расмусена и Еиркета Смита в пяти экспедициях, называемых «экспедиции Туле», по одноименному Гренландскому поселку, и мои собственные более ранние исследования в азиатской части Берингова моря приводят к заключению, что еще во времена существования Берингова моста здесь распространилось человеческое племя, жившее охотой на оленей, рыболовством, и отчасти охотой на тюленей, имевшее ездовых собак, но в общем обладавшее сравнительно низкой технической культурой. В Америке это племя уже имело эскимоидный характер. Береговые эскимосы с технической культурой, несравненно более совершенной, возникшей в процессе охоты на морского зверя и с настроением более активным, по мнению датских ученых, являются более поздним ответвлением той же расы. Наконец, оленеводы восточной Азии, чукчи, коряки, чуванцы, при всей первобытности их оленеводства, являются более поздними пришельцами на север. Их переселение относится вероятно, уже к той эпохе, когда Берингов мост чрезвычайно сузился или заменился Беринговым проливом. Оттого оленеводство не было перенесено в Америку. Наконец, продвижение северных племен, оленеводных и рыболовных, к западу от Енисея относится к более поздней эпохе, когда тундры и болота западной Евразии обсохли, обросли соответственной флорой и наполнились дичью, и стали таким образом пригодны для заселения человека. Здесь в западной Евразии еще сохранилась связь между северными и южными племенами, напр., между тундренными самоедами и камасинцами южной Сибири, родственными между собой по языку.

Такова гипотеза о заселении полярных стран, построенная на основе новейших изысканий.

Раньше этого географы обыкновенно отделялись от этого вопроса общими фразами об оттеснении северных народов более сильными южными.

Вопрос об оттеснении народов путем вооруженной борьбы будет рассмотрен ниже особо. Во всяком случае к северным областям и племенам это оттеснение совершенно не применимо. Северные тундры

и леса даже и ныне населены чрезвычайно скудно и места хватает для всех. Правда, в новейшее время отмечены частичные случаи затеснения одного племени другим, более сильным экономически. Так в первой половине XIX века на устье Колымы, после замирения чукоч и окончательного прекращения войны, чукотские олени стада подвинулись к западу и перешли Колыму, повсеместно оттесняя с пастбищ стада дикого оленя, плодившегося здесь. В результате этого юагиры, жившие на притоках Колымы несколько более к югу и существовавшие периодической охотой на дикого оленя во время его ежегодных миграций к югу, стали вымирать с голоду и ныне окончательно вымерли.

Также и в западной Евразии, на Болынеземельской, Тнманской и Канинской тундрах оленные самоеды подвергались и подвергаются затеснению от оленных зырян с их многочисленными стадами.

Но это оттеснение на севере имеет и в новейшее время частичный характер и для севера вообще не типично.

Два тысячелетия назад, в начале христианской эры, не только северная Сибирь, но и средняя Россия были заселены чрезвычайно скудно. Тысячелетие назад новгородцы на северном Урале делали разбойничьи набеги на полумифическую Югру, но еще не помышляли о колонизации. Между тем заселение северной зоны палеоазиатскими племенами относится к эпохе несравненно более ранней, вполне доисторической не только на севере но и на юге. Для этой эпохи не могло быть и речи о перенаселении, оттеснении и пр.

Во всяком случае оттеснение не может объяснить расселение эскимосов в пустынной территории полярной Америки и продвижение их крайнего форпоста в Заливе Смита (Smith Sound) до 80° северной широты.

Таким образом наиболее раннее расселение в первой собирательной стадии происходило индивидуально под прямым воздействием недостатка питания и голода.

Несколько более поздний момент расселения, диалектически противоположный, возникает под влиянием размножения, второго движущего инстинкта органической жизни. Размножение возникает при условиях благоприятного обильного питания, но умножая количество особей, скоро создает недостаток. Размножение производит не индивидуальное, а массовое действие. Таким образом переселения, связанные с размножением породы, имеют характер массовый и внезапный.

Именно такой характер имеют массовые переселения мелких грызунов, которые размножаются весьма быстро, соответственно

урожаю обычного продукта питания. Так называемые набеги белок и зайцев в северных лесах и тундрах время от времени создают в той или иной местности большое обилие или, напротив, недостаток данной добычи. Набеги сопровождаются заразными болезнями, еще мало изученными. Особенно эффективный характер имеют переселения пеструшек, собирающихся в настоящие полчища, переходы странствующих крыс. Сюда же, вероятно, относятся переселения муравьев и термитов.

Человеческие племена вступают в массовый период расселения на высшей собирательной стадии культуры, охотничьей или полужемледельческой, с укрупненной племенной ячейкой. На этой стадии племя уже приобрело большую притягательную силу. Оно цепко держится вместе, не расщепляется на отдельные живые частицы, но может проявлять большую подвижность и готовность катиться вперед, как густая текучая жидкость. Таким образом с места на место передвигается целая человеческая группа.

Так караибы, в эпоху открытия Америки Колумбом, быстро и энергично завоевывали Антильские острова, продвигаясь из южной Америки на север и истребляя антильских ароваков. Отряды воинов, не имевшие ни женщин, ни клади, высаживались на берег. Заняв аровакское селение, они избивали мужчин, а молодых женщин делали своими наложницами, т. е. в сущности женами. В результате этого стало возникать новое население караибско-аровакское. Составные элементы были настолько разнородны и несогласованны, что мужчины говорили по-караибски, а женщины продолжали говорить по-аровакски. Это различие двух языков внутри того же племени и сохранилось и потом в течение ряда поколений, напр., на острове св. Христофора (St. Kitts) в Караибском море.

В начале основания Рима, римская вольница проделала то же с сабинскими женщинами. Такой же текучий характер имели германские дружины аллеманов, морские набеги норвежских викингов, варяжские походы на восточных славян и пр.

Энергия переселения, в основе биологическая, осложняется другими привходящими моментами, исканием и жадной новизны, стремлением к завоеванию, просто свирепым желанием борьбы, свойственным зоологическому миру. Она достигает такого напряжения, что целые области пустеют и племена, ушедшие на поиски новых территорий, покидают за собой родную землю наполовину лишенной населения и неспособной к самозащите. Это подает повод к вторжению соседних племен. Таким образом происходил ряд переселений, одно за другим. Так в эпоху великого переселения пародов, мае-

соиое движение германских племен на завоевание римской империи, обнажило Германию и вызвало движение западных славян на северо-германские области. После этого германцы потратили много усилий, чтоб отвоевать у славян обратно свою территорию.

Еще большего напряжения достигает стремление к массовому переселению на скотоводческой стадии благодаря естественному возрастанию стад и связанному с ним размножению пастушеских семей.

Ветхий завет, эта перепутанная и иолуискаженная летопись пастушеских племен, полна рассказов о таком расселении стад и пастухов. Наиболее известный — это разделение Авраама и Лота, «так как земля была иеиоместптельна для них. II был спор между пастухами скота Авраамова и скота Лотова» (Бытие, —13,6).

«Раздоры пастухов» привели к боевым столкновениям.

В дальнейшем развитии скотоводства, как было указано выше, возникают даже военные скопления, созданные насильственным соединением стад и населений после победы более сильного отдела или рода. Они собираются в живые лавины и им остается катиться вперед и перебрасываться на большие расстояния. Для скота не хватает травы. «Где ступил конь Аттилы (гунского вождя), там трава не растет». Эта формула гунского переселения сохранилась в летописи, как собственное заявление Аттилы. Гунны, половцы, татары монголы, арабы, соединялись в такие человеческие массы, которые порой переплескивались через целые материки.

На расстоянии многих веков создается иллюзия, будто пастушеская степь была перенаселена, переполнена народом и послала излишек свой для завоевания соседних областей. У историков возникла странная мысль, будто Аравийская пустыня, Среднеазиатская степь, ныне населенные скудно и слабо, некогда кишели кочевниками, воинами жадными к завоеваниям.

Летопись ветхого завета испещрена лишними нулями, которые прибавлены к воображаемым цифрам пастушеских полчищ, под действием вышеописанных иллюзий.

«И было всех вошедших в исчисление сынов Израилевых, годных для войны, от 20 лет и выше — 603 550». (Числа, I, 45, 46.) Стало быть, всего населения с женами и детьми около трех миллионов.

Такая огромная масса с соответственными стадами скота будто бы сорок лет скиталась в пустыне. Я не говорю уже о том, что исчисление населения и в более позднюю эпоху рассматривалось в еврействе, как преступное. Это доказывается столкновением царя Давида с пророком Натаном по поводу цenza.

Едва ли и аравийская пустыня во время Магомета и Омара была населеннее, чем теперь. В среднеазиатской степи непрерывный процесс высыхания, конечно, должен был действовать уменьшая степное население. Выли найдены в пустыне города, брошенные, очевидно, за скудостью воды и ныне занесенные песком. Но трудно сказать, как далеко это уменьшение относится к кочевникам. Одно можно сказать с уверенностью: живая лавина людей и стад, выкатившись из степи, оставляет ее опустевшей. И должно пройти много времени, пока восстановится в степи живой человеческий баланс. С другой стороны, именно поэтому опустошительные орды кочевников, обрушившись на чужую страну, не имеют за собой пополняющей базы и часто после короткого и стремительного опустошения, слабеют; тают, даже исчезают бесследно. Так после Аттилы растаяли гунны и девались неизвестно куда. Так же исчезли авары, печенеги и половцы.

К пастушескому периоду относятся по преимуществу войны, завоевания, порабощения и истребления народов. Кочевая лавина, выкатившись из степи, попадает на территорию оседлого земледельческого народа, покоряет его и смешивается с ним. Так произошло завоевание Китая, сперва монголами, потом маньчжурами.

Конечно, не менее истребительные войны происходили и в позднейшие эпохи, между большими государствами, начиная от Ассирии, Персии и Рима и вплоть до недавней мировой войны.

Однако, историки склонны преувеличивать эффекты, сгущать краски и приписывать нули, в особенности, когда передают об истреблении побежденных о племени и замене его победителями.

Побежденные народы вообще не исчезают и цепко держатся за свое бытие. Даже малокультурные племена не всегда отступают пред более культурными. Есть, правда, примеры несомненных истреблений. На острове Тасмании английские переселенцы истребили чернокожих тасманийцев. И в соседней Австралии ныне под воздействием белой культуры исчезают австралийцы. Но уже в северной Америке индейцы, истребляемые натиском белых переселенцев, не исчезли без следа. И ныне в более глухих углах, в горах и стенных округах, отыскивается явная примесь индейской крови, остатки хозяйственных навыков и материальной культуры туземного племени. Также и финны в Великороссии не были истреблены, а скорее ослабились. Вышеупомянутые юкагиры в северо-восточной Сибири не исчезли бесследно. Часть их стала русскими, другая — тунгусами, а потом из тунгусов — якутами.

Кочевые народы, несмотря на свою текучесть, тоже в большинстве не исчезают. Половцы и печенеги отыскиваются в Венгрии,

гунны — в Болгарии. Можно полагать, что западные скифы и сарматы, создавшие в южной России довольно сложную культуру и после «пришедшие в упадок», как выражаются историки, в конце концов, отыщутся в нынешнем степном населении, преимущественно русском и славянском.

Татары оставили в России обломки своих поселений в Казани, в Крыму. Арабы, завоевавшие Сирию, Месопотамию и Египет, не истребили местных оседлых поселений. Победенные приняли религию и язык победителей, но, конечно, современные египетские земледельцы-феллахи не стали похожи на бедуинов из пустыни.

В других случаях, напротив, завоеватели-кочевники растворяются и тают в массе завоеванных ими оседлых земледельцев. Так и в Италии растаяли лангобарды и остготы, в Испании — вестготы, в Греции — славяне, в Малой Азии — кельты. Однако, в соответствующих округах отыскиваются следы растаявших племенных элементов. В типе французского нормандца проявляется северная кровь норманских завоевателей. В романских языках сохраняются обильные германские влияния. В Испании, в Италии, во Франции германские личные имена внедрились среди греко-латинских, несмотря на их церковную силу и заняли видное место. Испанский Родриго есть германский Родерих и французское имя Амори есть Амальрих, Тьерри — Дитрих, Готье — Вальтер.

Яркий пример истребления оседлых населений, есть уничтожение еврейского населения Палестины римлянами в результате непрерывных и упорных восстаний и войн. Но все-таки возможно полагать, что современные крестьяне Палестины, усвоившие сначала римское язычество, потом христианство, и, наконец, магометанство, и сменившие арамейское наречие на родственный арабский язык, имеют в себе много еврейской крови.

Таким образом, вместо истребления и замещения племен надо говорить об их взаимном внедрении, сперва чересполосном, потом переходящим в равномерное смешение, об ассимиляции, о взаимном усвоении культуры, о скрещивании племенных типов, языков и пр.

С развитием оседлой культуры рядом с лавинами катастрофических завоеваний продолжается расселение в собственном смысле. Но этот стихийный процесс заменяется последовательной организацией. Стихийная миграция заменяется колонизацией. Колонизация имеет одновременно характер государственный и характер молекулярный. И для каждого государственного и национального организма, прибегающего к ней она является здоровым и полезным управлением. Германцы, хлынувшие на завоевание римской империи,

оставили за собой опустелые области. Греческий или финикийский город, основывавший фактории, не пустел, а богател, и значение его возрастало. Колонизация таким образом не есть переселение, а именно расселение в точном смысле слова, расширение периферии вокруг того же основного центра.

Правда, в дальнейшем развитии колония откалывается от своей отдаленной метрополии и приобретает независимость экономическую и государственную. Массплья-Марсель отделилась от Фокеи, Карфаген от Тира, Сиракузы от Коринфа, испанский Сагунт от Заппифа. Также и в современную эпоху Соединенные штаты отделились от Англии, испанские колонии от Испании. Но нередко именно такое отделение расширяет еще больше богатство и влияние данного народа. В южной Италии возникло столько греческих колоний, городов, что она получила название Великой Греции, в отличие от собственно Греции, которая считалась Малой. Также и египетская Александрия, сирийская Антиохия, фракийская Византия-Константинополь впоследствии имели огромное значение для греческого мира. Они вывели эллинизм из узких пределов Балканского полуострова на мировую арену.

Соединенные штаты вместе с Англией составили огромный круг английской и англоязычной культуры. Даже испанские государства в Америке, выросшие из испанских колоний, и отпадением своим принизившие и обессилившие метрополию, все-таки составили для испанской культуры огромную базу, и ныне связь с ними имеет важнейшее значение для бывшей метрополии.

Колонии народа, попавшие в чужое окружение и не достигшие ни численного превосходства, ни государственной самостоятельности, называются часто «диаспорой» (от греческого διασπορά «рассеяние»). Слово это применялось к евреям после их полунасиленного расселения, сперва в эпоху Вавилона и Персии, а потом в особенности в эпоху эллинизма и Рима.

Еврейская диаспора является действительно чрезвычайно типичной. В Александрии, напр., евреи занимали два городских округа из пяти и, вероятно, исчислялись в сотнях тысяч. Такое же еврейское множество было в Антиохии, в Киренаике, на Кипре и после в самом Риме.

Только опираясь на эту диаспору еврейство могло удержаться на исторической поверхности и не погибнуть окончательно.

С дальнейшим течением времени средиземная диаспора еврейства заменилась средневропейской, потом восточно-европейской и в настоящем дополнилась северо- и южно-американской и стала между-

народной. Северо-американская диаспора евреев исчисляется в три миллиона и является наиболее богатой и влиятельной частью еврейства.

Еще более замечательно расселение немцев в последнее тысячелетие, которые пронизали колониями отчасти стихийно, а отчасти планомерно, все области бывшей Австрии, Польшу, Западную Россию, помимо того, перебросили целые сгустки колоний в южную Венгрию, в Эстонию и Латвию, на Волгу в Восточной России. В некоторых из этих колоний и сгустков количество немцев исчисляется многими сотнями тысяч, напр., в Трансильвании.

Помимо того, немцы внедрили в промышленность указанных стран в виде инженеров, технических руководителей и отчасти в виде собственников капиталистов, вошли в состав аристократии, служебной и поместной, успели посадить на многие троны династии немецкого происхождения и ярко-немецких симпатий. На этой густой и богатой сети расселения немцы построили попытку овладения Восточной Европой и в дальнейшем — миром. Эта попытка прорвалась преждевременно в недавней войне и потерпела огромное крушение.

Однако, нельзя сомневаться, что значение немецких расселений останется попрежнему огромным и разнообразным. Быть может, лишившись возможности действовать насилем, немецкое влияние просветлеет и усилится культурно.

Можно указать на разные другие методы государственной колонизации, в частности на колонизацию военную. В государствах варварского типа, вавилонские и ассирийские и также московские цари выводили население из завоеванных стран, по преимуществу верхние классы, поселяли их в другом месте, и замещали их колонистами из более надежных элементов. Так поступили московские цари с населением Новгорода и Пскова. Покоренные области, подвергнутые такой операции, обыкновенно разорялись и хирели. Собственно военные колонии приносили лучший результат, так как не сопровождалась выселением местных элементов. Латинские колонии, основанные Траяном и Адрианом на нижнем Дунае, положили начало романизации даков и дали в результате Румынию. Колонии ветеранов в Карфагене и соседних городах создали латинскую Африку. Казачьи остроги на линиях сибирских рек послужили опорным пунктом для крестьян поселенцев и создали русскую Сибирь.

Надо напротив подчеркнуть, что насильственное выселение, изгнание какой-нибудь части народа, религиозного исповедания,

трудового класса, разоряет страну, а изгнанную часть населения распыляет и приводит к гибели. Так изгнание мавров и евреев разорило южную Испанию, изгнание протестантов южную Францию. Испанские евреи рассыпались повсюду, начиная от Голландии и Англии и кончая Турцией. Имена голландских евреев, Спиноза, Акоста, звучат по-испански. Еврейское население Салоник на балканском полуострове говорит на испорченном испанском языке. Французские кальвинисты-гугеноты отыскиваются даже между бурами в южной Африке. Также пагубно было для черноморского берега полунаслышное выселение черкесов в 60-х и 70-х годах минувшего столетия. В результате последней войны, Греция выселила сотни тысяч мусульман, а Турция такие же сотни тысяч греческих и армянских христиан. Все эти механические действия пагубны для культуры.

Однако, в новейшее время рядом с государственной или общественной колонизацией выдвигается опять и другой элемент колонизации, индивидуальный и молекулярный. И попрежнему он состоит из передвижения отдельных единиц, движущихся как песчинки или как самостоятельные амёбы, и после срастающихся на новых местах в неожиданные и причудливые образования. По мере расширения круга культуры и вырастания безопасности внутри его пределов, молекулярный процесс колонизации тоже расширяется и вырастает. В этом отношении надо отличать два варианта — внутреннюю и внешнюю молекулярную колонизацию. Внутренняя колонизация происходит в пределах государства. Оно открывает новые пути и возможности, даёт для колонизации подготовленную рамку. Такая колонизация есть живой источник роста и богатства для государства. Наиболее яркий пример заселение Сибири и всей азиатской части СССР, которое было прервано войной, но ныне опять возрождается.

Внешняя зарубежная колонизация в её молекулярной форме составляет процесс глубоко международный. Возможно, что это первый массовый международный процесс внутри современного человечества. Такая колонизация протекает среди тяжёлых препятствий, часто во вражде с своей собственной родиной, на зло всем домашним попыткам удержать эмигрантов. Направляется она в наиболее богатые, культурные и счастливые области земли, где чужеземцу легче всего устроиться, найти первоначальный заработок, преодолеть свое незнание языка и потом пустить корни в новую почву.

Такие эмигранты в большинстве являются весьма энергичными людьми, умелыми работниками и, кроме того, несмотря на свою имущественную скромность, они перевозят на свое новое местожитель-

с-тво определенные средства, вырученные от продажи имущества на родине или накопленные к переезду. Таким образом, область иммиграции обогащается на счет других областей. Незадолго до войны ежегодное выселение в Соединенные штаты доходило до миллиона. Этот миллион переселенцев привозит с собою примерно 150 миллионов рублей. Таким образом, Соединенные штаты ежегодно вытягивали из Европы огромную трудовую и денежную силу.

В новейшее время Соединенные штаты чрезвычайно сократили и затруднили иммиграцию. Волна переселения стала переливаться в Южную Америку, в Бразилию и Аргентину, где существуют огромные излишки незанятой земли и богатство тропической природы и возможности, открываемые им, несравненно выше, чем в Северной Америке.

Осевшее на новых местах население, непривычное к международному сознанию, с трогательной поспешностью ищет для себя нового патриотизма. Евреи и сирийцы, сделавшись гражданами штатов, становятся тоже слепыми шовинистами американской всемирной гегемонии.

Все же в Америке все международные течения, в частности социализм и коммунизм, держатся на эмигрантах из Европы, ими проповедуются и распространяются.

В этих новых областях новонспеченный патриотизм принимает забавные, а порою уродливые формы.

Так в пограничных с Канадой областях Соединенных штатов часты переселения адвокатов, врачей, техников из штатов в Канаду, и обратно. Английский диалект и материальная культура Северных штатов и южной Канады очень близки. Пограничники Северных штатов отличаются патриотизмом. Они бы не прочь аннексировать Канаду и присоединить ее к штатам. Но над канадцами они смеются и называют их *каниск*. И вот, переехавши случайно в Канаду, такой патриот из Северо-американских штатов, через некоторый небольшой промежуток времени перевертывается в канадского квасного патриота и презирает Соединенные штаты. Но если ему случится вернуться в штаты опять, он снова перелицовывает свой патриотизм. И так несколько раз под-ряд.

Другой пример, тоже из Америки: европейские переселенцы, в частности евреи и греки и даже сирийцы, с готовностью воспринимают ненависть и презрение к неграм, участвуют в травле негритянской интеллигенции и даже нередко в грубейших актах Линча. Мне приходилось читать по этому поводу горькие жалобы в негритянских газетах Америки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЯЗЫК I.

ИНДО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРУППА.

Можно произвести классификацию человечества также и по группам языков.

Формы языка относятся к области духовной культуры, но происхождение его социальное. Он возник для надобностей общения людей и служит ему исключительно и ныне. Одиноким человек не имеет надобности в языке. Моряки, попадавшие после крушения на уединенный остров или оставленные там в виде наказания, через несколько лет совершенно разучивались говорить и потом, вернувшись в человеческое общество, лишь с трудом восстанавливали потерянную способность. Мало того, чтобы говорить, произносить звуки самому, нужно их слышать от других. Оттого глухой от природы человек остается обыкновенно и немым, хотя его голосовые связи совершенно нормальны и только специальное обучение по особому методу восполняет эту разорванную связь между слухом и звуком и глухой научается говорить, хотя и не слышит. Чужую речь он научается видеть в движении губ собеседника.

В различных отделах языка запечатлены его социальные свойства и потребности. Напр., местоимение, которое строится по одному и тому же плану: 1) я, 2) ты, 3) он. Я — субъект, говорящее лицо, **он** — объект, внешний мир, то о чем говорят, и **ты** посредствующее социальное звено, — лицо, к которому обращаются с разговором. В общем выходит основная тройка человеческого мышления и речи.

В множественном числе **мы** часто имеет две формы: 1) мы вместе с вами, 2) мы одни без вас. Опять социальное содержание. Первое «мы» объединяет первое лицо со вторым, второе «мы» разъединяет их.

Анализ происхождения языка встречает большие трудности. Можно построить довольно естественное предположение, что первобытный язык состоял в фонетическом отношении из односложных слов, а в отношении морфологии, создания формы и построения речи он употреблял лишь простейшие слова, существительные и глаголы конкретного ясного смысла и ставил их рядом без всяких морфологических уточнений. Первобытный человек говорил именительными (или винительными) падежами имен и неопределенными или повелительными наклонениями глаголов: «Есть мясо», «Руби дрова». Приблизительно так человек говорит на чужом малознакомом языке, особенно в начале: «Моя купить баран» (ср. выше стр. 180).

Что касается происхождения самых словесных корней, обозначающих предметы и действия, об этом не существует никаких установленных теорий.

Есть, напр., теория об изобретении языка, вытекающая из принципов философии XVIII века и родственная теории Руссо о том, что социальная организация является плодом общественного договора. Обе эти теории стараются найти в культуре элементы умышленных действий. На деле, как было указано, культура, в том числе и право и язык, представляют естественное, органически возникшее явление.

Другая теория придает языку чудесное происхождение, связывая чудо языка с чудом мироздания и с чудом сотворения человека.

Обе эти теории, хотя и достаточно устаревшие, практически еще существуют в науке об языке.

Это показывает трудность составить приемлемую, действительно научную теорию о природе языка.

Более приемлемая теория старается объяснить происхождение корней от естественных звуков, выражающих волнения и страсти человека, или просто подражающих природе.

Первое место между такими звуками занимают междометия, как остатки в речи первобытного элемента. В русском языке сюда принадлежат: *ах, ох, ух, эх, ай, эй, ой, увы!, ау!, ага, эге, ого, гм, уф, тьфу, фу.*

Далее следуют междометия, изображающие прерывистое или отрывистое движение, большей частью с звукоподражательным оттенком: *бух, хлоп, шлеп, бац, трах, тарарах, гон, тук-тук. фюить.* Сюда же относятся сочетания звуков, употребляемых при обращении к животным: *брысь!, кись-кись!, тпру!, цып-цып!, тега-тега, кось-кось!, но!, цоб, цобе!, улюлю!, кишь!*

От этих трех родов восклицаний происходит в языке целый ряд глаголов и отчасти существительных. «Ахать», «охать», «аукать», «улюлюкать», «шлепнуть», «бухнуть», «киска», «цыпочка».

Вторую категорию естественных звуков составляют звукоподражания. Сюда относятся, во-первых, подражают звериному и птичьему крику, часто обращающиеся в имена животных: «кукушка», «свиристель», латинское *furfur*, русское «горлица», чукотское *z/ng-kil* «ворон». Отсюда глаголы: «каркать», «ворковать», «клохтать», «квакать», «мяукать», украинское «гаукать» (лаять), «хрюкать», «чавкать», «кудахтать». Во-вторых, сюда принадлежит воспроизведение естественных звуков, встречающихся в природе или свойственных человеку, большей частью в форме глаголов. Таких глаголов довольно много в каждом языке: «скрежетать», «скрипеть*».

«скрести», «грохотать», «дребезжать», «хрустеть», «шептать», «шушукаться», «щебетать», «щелкать», «шикать», «верещать», «чмокать».

Третью категорию составляют так называемые звуковые картины, звуковые метафоры, попытки изобразить при помощи звуков различные ощущения или передать в звуках описание явлений, но какой-нибудь связи идей. Сюда принадлежат довольно разнообразные группы корней.

Так от звукового подражания раздиранию происходят такие глаголы, как «рвать», «кроить», «драть», «расторгать», «тереть», чешское *skrs* — «скрозь», «сквозь», «царапать», «карабкаться», «кора», «шкура», «скорлупа», «дрова», греческое *osvorov* «дерево», *o/k* «дуб».

Мягкость и ласка выражаются мягкими звуками — «ле», «лю»: «любить», «лелеять», латинское *levis* «легкий», латинское *dulris*, греческое *7XoXo'*; «сладкий», русское «гладкий».

Подражание звуками световому и вообще зрительному ощущению выражается в глаголах: «сверкать», «мелькать», «мерцать», «трепетать».

Органы получают названия по связанным с ними звукам. Например, «язык», латинское *liit/ita*, турецкое *dil*, чукотское *jil*. Также глагол «лизать», немецкое *leeken*, латинское *labium*, немецкое *lip pe* — «губы». Также естественный звук для еды: русское «гам»!, «жам», откуда глагол «жамкнуть», африканское *njam*, чукотское *ffjhn*, монгольское *am*, фиджийское *ham* (съесть). Молчание изображается звуком «му», «мум», представляющим замыкание рта: «молчать» *gnuu* (английское), *m u Ins* (латинское) «немой.» «Дуть» — губным звуком «ну» (малайское) *pupul*; (Тонга) *habit*: русское «дуть» и чукотское *Irllu* тоже родственны по звуку.

Личные местоимения: «я» — в начале глухой гортанный звук, в конце замыкание губ, — вместе получается звуковой жест, указывающий внутрь: санскритское *aliam*, греческое *γ-ῥῶν* (облает.), чукотское *hum* — я.

«Ты» — зубной звук, выражающий указание наружу. Таким образом получается поразительное сходство этих терминов в языках совершенно различных.

Русское	Санскритское	Лопарское	Корякское
«я», «мой»	<i>ma</i>	<i>mun</i>	<i>mititi</i>
«ты», «твой»	<i>iti</i>	<i>lon</i>	<i>luu</i>

«Отец» и «мать» и другие родственные имена у множества различных народов выражаются чередующимися звуками, губными «, *m*, или зубными *m*, *n*. «Папа», «мама», «тятя», «дядя», «няня».

Рус- ское	Семити- ческое	Турец- кое	Тунгус- ское	Чукот- ское	Бечуанское (Африка)	Готтен- тотское
Отец	<i>ab</i>	<i>a lo</i>	<i>ait</i>	<i>air</i>	<i>hiii (o</i>	<i>ur</i>
Мать	<i>ash</i>	<i>ana</i>	<i>cuc</i>	<i>nt ma</i>	<i>pou to</i>	<i>tot ma</i>

Это объясняется свойствами так называемого «детского языка» и его начальном периоде, когда первые звуки, наиболее легкие для произношения, губные или зубные, естественно применяются к более близким людям: *nana*, *мама*.

Однако, при всем интересе и важности этих указаний следует признать, что таким путем можно объяснить только ничтожную часть существующих словесных корней.

Точно также предположение о простейшем первобытном языке, состоящем из имен и действий, не имеет соответственных примеров. Простейших языков в настоящее время не существует. Все известные нам языки отличаются большой сложностью, хотя они построены на разных принципах. Есть языки со множеством суффиксов, флексий, есть другие с обилием частиц, разное сочетание которых образует различные формы.

Древнейшие из этих языков отличаются большею сложностью, а новейшие языки более культурных народов являются более простыми, ибо они образовались в порядке смешения различных языков и как бы обломали в процессе трения флексии и падежи, потеряли излишние времена и наклонения. Так в латинском языке существуют падежи имен, но романские языки, французский, итальянский, испанский, возникшие из говоров латинского, утратили падежи и заменили их предлогами.

Английский язык, возникший в результате более длительного и сложного смешения, стал языком организованным весьма просто, с односложными корнями, подобным китайскому.

Из латинского глагола *rolularc* — катиться (от *rota* — колесо), через французское *router*, вышло английское *roll*, почти звукоподражательное.

Можно предположить, что и китайский язык представляет в своей простоте результат таких же длительных и сложных процессов.

Нам неизвестны языки палеолитической эпохи, так как все ныне существующие первобытные народы находятся на стадии неолита. С другой стороны, языки более культурных народов исторически возводятся к временам довольно древним.

Яфетическая школа лингвистов в последние годы разработала новую теорию происхождения языка, которая заслуживает особого изложения. Корни ее сплетаются с теорией Нуаре о происхождении языка из звуков, связанных с различными процессами труда.

Язык и труд для Нуаре находятся в неразрывной связи. «Производимые работою видоизменения внешнего мира сроднились со звуками, сопровождающими деятельность п таким образом эти звуки приобрели значение. Так возникли корни языков, являющиеся элементами, из которых выросли все известные нам человеческие наречия».¹

К теории Нуаре непосредственно примыкает известная теория К. Бюхера о происхождении музыки, пения, пляски и вообще всех ритмических родов искусства из трудовых движений, имеющих чаще всего ритмический характер. •

Также и по мнению Н. Я. Марра звуки речи, так называемые фонемы, это результат коллективной работы человека над производством. Они получены в результате общественной работы по всей видимости в связи с коллективной или хоровой песней.³

«Звуки речи, — по словам Н. Я. Марра, — не имеют ничего общего с естественным животным звукоиспусканием».

Таким образом яфетическая школа отбрасывает теорию звукоподражания и упраздняет ее.

«Так называемые бессловесные песни своими припевами позволяют нам определить древние названия богов, пережитки племенных тотемов».

Н. Я. Марр приводит кавказские припевы: *Aba dolia, Grim*. Можно было бы припомнить также и русский припев: «Ой, Дид, Ладо», тоже заключающие имена богов.

По мнению Марра, основным первичным языком был ручной линейный язык, язык жестов, мимики и вообще телодвижений.

Действительно, язык жестов, как указано выше, имеет важное значение. Еще римский писатель Квинтилиан называет его: *omnium hominum communis sermo* — «всех людей общий язык». Но и в настоящее время он является языком глухонемых, католических монахов-молчальщиков, а с другой стороны употребляется, напр., у австралийских племен в условиях обязательного ритуального молчания. Одним словом он всплывает повсюду, где язык звуковой почему-либо стал невозможным.

У северо-американских индейцев он является на больших пространствах языком междуплеменным, общим и единым.

¹ Цяре, «Язык и работа») — в сборнике «Роль орудия г. развитии человека», Ленинград, 1925 г., стр. 25-26.

² К. Бюхер, Работа и ритм. Москва, 1923 г.

³ Н. Я. Марр, По этапам развития яфетической теории, Москва — Ленинград, 1926 г., стр. 270 и след.

В качестве дополнительного языка он существует у разных народов, но преимуществу па юге. напр., у неаполитанцев.

Мало того, по мнению Марра, звуковая речь не могла начаться раньше распространения искусственной обработки камня. Таким образом в древнейшую палеолитическую, так называемую шелльскую эпоху, звуковая речь еще не существовала и только в последующую ашелльскую эпоху мы имеем основание поместить ее первые зачатки.

В подкрепление теории Марра о значении языка жестов можно привести следующие соображения: язык жестов связан с картинным письмом, которое часто является изображенным жестом.

Напр., «небо» у племени *Ojibea* — это округлый жест рукой и такой же круглый знак к картинном письме.

«Дождь»: жест — у обоих рук пальцы вниз. И такой же рисунок в картинном письме (Мексика) и т. п.

В синтаксисе языка жестов отсутствуют частицы и союзы, существуют только предметы и действия. То же в картинном письме.

Жестам, как и картинному письму, свойственно преувеличение: толстый (как бочка): — округлый жест обеими руками, изображающий толстую бочку. Высокий: — на арнуш выше головы. То же и в картинном письме для большей наглядности.

Неоднократно было высказываемо мнение, что картинное письмо выросло раньше словесного языка, прямо из языка жестов. Лейбниц, напр., сказал, что китайские иероглифы как будто сочиняли немые.

Из картинного письма, в частности из египетских иероглифов, по общепринятой теории произошло звуковое письмо.

Так греческий алфавит будто бы произошел от финикийского, а финикийский, в свою очередь, от египетских иероглифов. Эту старинную теорию в настоящем приходится во многом ограничить или даже совсем отбросить. Во-первых, в разных местах, напр., в Средиземном море на острове Крите или в Тихом океане на уединенном острове Пасхи, найдены образцы алфавитов, несколько не связанных с финикийскими и египетскими письменами. Критское письмо на глиняных щитах доныне не прочитано. Во всяком случае оно древнее финикийского.

Мало того, некоторые факты заставляют допустить, что новый звуковой буквенный алфавит возник совсем не из картинного письма, и родился в более позднее время в связи с звуковым, словесным языком.

В 1926 году в Глозелле (*Gloselles*) в средней Франции были найдены образчики алфавитного письма, вырезанные на глиняных пластинках и относящиеся к раннему неолиту; знаки этого письма вмещают в себе греческие, финикийские, некоторые египетские и другие знаки. Глозельский алфавит является до сих пор предметом ожесточенного спора и даже отрицания.

Другое указание яфетической теории, что в раннем звуковом языке огромное значение имело слово «рука», означавшее также «брат», «давать», относится, очевидно, к наследству, перешедшему от языка жестов.

К такому же воздействию языка жестов на звуковую речь относится и то, что одно и то же слово в раннюю эпоху обозначает ряд родственных понятий: «гора», «небо», «голова». Это так называемые пучковые значения. Такие же переходящие слова пучкового значения относятся к животным: *caballus* (конь), *camelus* (верблюд); *soi'is* (собака) и русское слово *конь*. Я мог бы привести и другие подобные примеры. Напр., у австралийцев и огнеземельцев близко совпадают слова для кенгуру и собаки, для собаки и кугуара, для страуса, кондора и коршуна и т. д.

Реликтовые виды человеческой речи, указываемые яфетической школой в высокогорных областях Кавказа, Пиринеев и Памира, соответствуют таким же реликтовым породам горных животных и реликтовым культурам горных племен. Таковы, напр., на Алтае и Саянах древнейшие типы охотничьих и оленеводных культур.

Древняя гибридность языков, скрещенные языки и двойные языки, напр., у армян, соответствуют гибридности культур, уже в первобытную эпоху, имеющих скрещенный характер. Так, у всех арктических и субарктических племен Евразии существуют два типа культуры — оленеводческий и рыболовный или оленеводческий и морской звероловный. Оба типа существуют раздельно рядом, но также постоянно переплетаются друг с другом.

Менее разработанным представляется мне родословное дерево языков, изображенное у Н. Я. Марра, уже потому, что оно вмещает лишь языки Евразийские и даже для дальневосточных языков оставляет одну небольшую боковую ветвь. Таким образом языки американские, малайские, банту, остаются вне поля зрения. Выть может, на следующем этапе развития яфетическая теория вместит и эти языки.

Также и симметричная теория о четырех путях образования языков, соответственно племенным названиям: *Сал*, *Бер*, *Ион*, *Рош* — мне представляется не столь доказанной.

Бер — Ибер-Ибериец, Кавказский и Испанский, *Рош* — Рассен-Этруск и т. д. Смешанные гибридные имена, как Бер-Ден (то есть Бер-Ион), по-грузински грек и т. д.

Во всяком случае эти основные нити образования языков относятся опять-таки прежде всего к яфетическим и индо-европейским языкам.

Впрочем, по мнению яфетической школы, индо-европейские языки представляют лишь новую стадию развития тех же яфетических языков. Индо-европезация яфетических языков связана с переворотом в хозяйственно-экономической жизни, вызванным по всей видимости открытием и особенно широким использованием металлов в хозяйстве.

Наиболее древней формой языков представляются яфетической школе смешанные гибридные языки. До скрещения нет «никакой культуры, никакого языка».

Выше было указано и нами, что культурные породы животных, в том числе и порода «человек», в корне своем представляются гибридными.

Еще указание яфетической школы: Иверы это племя *медь*, а последующее гибридное племя Лоны-йоны это племя *железа*. Мы можем дополнительно указать, что такие же сочетания племенных имен с металлами встречаются и в других местах.

Так, у маньчжуров в начале XII века китайская династия Ляо означает *железо*, а Нюй-чжиская династия Дзинь, по-маньчжурски Айсинь, означает *золото*.¹

Не менее любопытна и попытка классового подхода к племенным именам, по которой римский *plebs* — плебеи являются побежденными представителями древнейшей яфетической народности, сходной по имени с Пеласгами, Палестиной, Филистимлянами.

Этому соответствует ссылка на французского лингвиста *Mallet*, который считает общий индо-европейский словарь аристократическим, принадлежащим господствующим группам населения, некогда покорившим индо-европейских туземцев. *Medict* при этом говорит о «социальном уровне» слов.

Яфетическая группа языков в более узком смысле будет характеризована ниже.

Индо-европейские языки возводятся учеными лингвистами старой школы к общему предполагаемому праязыку, соответствующему

¹ А. В. Гребенщиков, Маньчжуры, их язык и письменность, Владивосток, 1912 г., стр. 8.

культуре ново-каменного века, вероятно, без знания металлов. Языки этой группы, наиболее первобытные, тоже соответствуют формам культуры, довольно первобытной. Древне-индийский язык соответствовал раннему скотоводству. Литовский — раннему лесному земледелию. Таким образом, собственно, нельзя удивляться, что такие языки, как чукотский и эскимосский, кафрский, малайский, обладают аппаратом не менее сложным и развитым, чем санскритский язык. Мало того, языки более первобытных народов часто обнаруживают больше совершенства, чем языки народов культурных. Так указательные местоимения охотничьих народов отличаются расчлененностью и точностью.

Чукотский язык имеет следующую систему указательных местоимений и частиц.

	частицы	местоимения
Этот	<i>vai</i>	<i>iro'lqan</i>
Тот	<i>enqa'n</i>	<i>enqa'n</i>
тот (подальше;	<i>no'op, tu'ip</i>	<i>no'unqun, na'anqun</i>
тот (не очень далеко)	<i>nan</i>	<i>ia'nqan</i>
тот (очень далеко)	<i>kan!</i>	<i>ha'nqan!</i>
тот (ближе другого предмета	<i>vai</i>	<i>va'enqan</i>
тот (находящийся позади говорящего]	<i>rai</i>	<i>ra'enqan</i>
тот (находящийся позади слушателя)	<i>not</i>	<i>io'linqan</i>
тот (находящийся в стороне)	<i>nin</i>	<i>ini'nq in</i>

(Носовой звук *n̄* = *ny*, произносится слитно.)

В эскимосском языке существуют следующие оттенки указания, выраженные тоже в частицах и местоимениях.

Этот возле меня.

» возле тебя.

» возле него.

» сзади меня, тебя, его.

» впереди меня, тебя, его.

и направо от меня, тебя, его.

» налево от меня, тебя, его.

» надо мною, тобою, им.

>> подо мною, тобою, им.

и т. д.

Индоевропейские языки, напротив, сохранили только обломки указательных местоимений, весьма неопределенные: «этот», «тот», «сей». Причина такого сравнительного упадка состоит в том, что охотничьи племена при коллективных охотах нуждаются в очень

точном указании положения движущихся предметов (животных), между тем как в земледелии надобность эта отпадает.

Также и из категорий имен существительных индо-европейские языки сохранили только три рода, мужской, женский и средний, причем английский язык потерял даже и эти роды. Языки первобытных народов имеют десятки категорий имен, в существе подобных родам, но несравненно более затейливых.

Та?: в северо-американском языке *Ilaila* есть 36 категорий, или классов, имен существительных, обозначаемых нижеследующими суффиксами:

- 1) *tn* полные, мягкие предметы: мешки, подушки.
- 2) *lc.'is* кубические предметы: сундуки, лари.
- 3) *toi* лежащие предметы.
- 4) *Ha* гибкие предметы, скрещенные или снернутые.
- 5) *Чao* пористые, листообразные, также ложки.
- 6) *n!a* кольцеобразные: браслеты, обручи, кольца.
- 7) *sli.'a* легкие цилиндрические предметы.
- 8) *ska* круглые предметы: ягоды, яйца, плоды, бабки (костяные).
- <J> *slil* веревки, шнуры, волосы.
- 10) *sg.'a* длинные, жесткие предметы: жерди, весла.
- И) *si* предметы, лежащие в куче: дрова, галька, груды сушеной рыбы.
- 12) *gi* ткани, одеяла, циновки.
- 13) */u* широкие плоские предметы: лепешки, сковороды.
- 14) *к.'m* короткие жесткие предметы: гвозди, колышки, столбики и т. д.

(восклицательный знак означает гортанный перерыв дыхания).

Точно также не может считаться достоверным утверждение, будто языки первобытных народов не имеют отвлеченных понятий, таких, как «дерево», а только конкретные названия пород: береза, кокосовая пальма, бамбук. Вся структура человеческого языка по существу отвлеченная и представляет прекрасный аппарат для создания отвлеченных понятий. Так от чукотского глагольного корня *ga* — «быть», «жить», при помощи суффикса *irgin*, обозначающего свойство, правильно составляется слово *vairgin* — «бытие», означающие в дальнейшем, с одной стороны: «обычай», а с другой стороны: «божество».

Мало того, как указано выше, каждый язык таит в себе подсознательное утверждение грамматических форм и умение безошибочно пользоваться ими, что, разумеется, гораздо отвлеченнее, чем понятие «дерево».

Таким образом анализ языка натывается на трудности почти непосильные. Тем не менее грамматические формы и суффиксы при внимательном рассмотрении объясняются, как самостоятельные корни.

Так, напр., в различных языках глагольные окончания лиц объясняются, как местоимения личные, обращенные в суффиксы: латинское *rf/n nmo* я люблю.

Изъявительное наклонение	{	1) <i>шин</i> я люблю
Настоящее время		2) <i>пиша</i> ты любишь
		3) <i>лшш</i> он любит

Суффикс 1-го лица *о* есть сокращение су *о* я; суффикс 2-го лица *л* — есть личное местоимение 2-го лица (/«, греческое *at*,); суффикс 3-го лица */* есть основной звук указательного местоимения — члена (старо-греческое /*о*.*, *1а, 1о*, русское: тот, та, то).

Можно допустить, что язык действительно некогда стал развиваться от простейших форм, от конкретных имен и действий, существительных и глаголов, но этот первый этап остался далеко позади и мы не можем выявить его под грудой новейших наслоений.

В отличие от языка, система счисления у ныне существующих первобытных народов весьма несовершенна. У самых первобытных отсутствует даже число 3 и нумерация ведется примерно так:

У а в с т р а л и й ц е в.

1) один	<i>guna</i>
2) два	<i>barkula</i>
3) два — один	<i>barkula guna</i>
4) два -f- два	<i>barkula barkuin</i>
5) два -f- два -f- один	<i>barkula barkula guna</i>
6) два + два -f- два	<i>barkula barkula barkula</i>

Итак, тройка, как единое число, не существует. Существует только двойка. Это, впрочем, не означает, что первобытные народы, имеющие описанную систему исчисления, не умеют считать дальше 3 — 10. Им все-таки присуще представление о цифрах 30, 40. и в торговых сделках с английскими или испанскими торговцами они правильно сосчитывают число полученных предметов, напр., пачек табаку, раскладывая их кучками по две штуки в каждой. Точно также они считают и камешки, разложенными в кучки. Эти камешки играют роль счетных единиц.

Далее, усваивая несколько европейскую культуру и язык, они легко переходят к счету на сотни и тысячи. Так, иапр., ботокуды, говорящие по-испански, и австралийцы по-английски, легко научаются считать по-европейски. Точно также и в русской деревне, во время падения валюты, безграмотные бабы, раньше не умевшие считать и на сотни, быстро усвоили счет на тысячи, миллионы и миллиарды.

Простейшая система счисления, основанная на двойке, вероятно, связана с основанием раздельности мира и мышления: «Я и Оно», «Я и Мир».

На следующей стадии счисления возникает, наконец, представление и слово тройка. Психологически тройка представляет осознание нижеследующей раздельности: Я, Ты, Оно. Я — говорящее лицо, Оно представляет внешний мир, а Ты представляет другого человека — социальный элемент. Таким образом тройка сочетает восприятие естественно-научное и восприятие социальное. Это тот же процесс, что и в образовании трех лиц спряжения глагола.

Счисление ведется так:

П л е м я Т о б а в Ю ж н о й Л м е р и к »•.

1 один	nathedac
2 два	casayni, nivoca
3 три	casaynilia
4 два х два	nalota-pegat. «парные, так говорят».
5 два 4- три	nivoca-casaynilia
6 два X три	casayni — casaynilia

Такая система нумерации существует чрезвычайно долго и только потом заменяется системой пятеричной и десятиричной, основанной на принципе совершенно ином и связанной тесно и наглядно с теми самородными счетами, которые нам подарила природа в виде наших двух рук и десяти пальцев.

Одновременно с тройкой, хотя и независимо от нее, в счисление входит элемент умножения, дополняющий прежние методы простого сложения. Такова, напр., указанная выше формула для 4 и 6: дважды два — 2×2 и дважды три — 2×3 . Графически в картинном письме 2×2 изображается X или O. Очевидно, эта простейшая формула имеет геометрическое происхождение и заключает в себе элементы измерения пространства. $2 \times 2 = \square$ знаменует положение говорящего человека в пространстве с четырьмя сторонами света, лежащими впереди и сзади его, направо и налево. Эти четыре направления сиреживаются в центре человеческой фигуры.

Квадратная четверка и прямоугольная шестерка встречаются и в более совершенных системах счисления десятиричной и двадцатиричной, как древние остатки. Между прочим: : четыре и : : : шесть встречаются в числовых начертаниях мексиканского письма, хотя мексиканская система счисления строго двадцатирична.

Более совершенная система счисления ведется на пятки, десятки и двадцатки. Она «считает по пальцам». Это выражение удержалось даже в культурных языках, а в чукотском языке, напр., самое слово считать *rilhurkin* обозначает «иальчить».

Пятиричная система существует, напр., в латинском письменном пачерташш, где пять —рука изображается острым треугольником V, изображающим вытянутую ладонь, а десять двойным треугольником X.

Десятичная система считает на десятки, сотни и тысячи. Она распространена у индо-европейских народов. Двадцатиричная система существует у народов Америки.

Чукчи и эскимосы считают так:

1 один	9 предпоследний
2 два	10 двуручный (подразумевается
3 три	палец, так как счет ведется и ог-
4 дважды два	считывается по пальцам).
5 рука	15 ножной
6 одна рука	20 целочеловеческий и просто
7 два руки	«человек».
8 два раза дважды два	

Далее счет ведется на двадцатки, или, точнее говоря, на «человечинки». Следующий разряд за единицами есть 400 «человечина людей».

Фактически счет у указанных народов всегда ведется при участии пальцев рук и ног. Так чукча, для того, чтобы сказать 15, непременно растопырит пальцы рук и посмотрит вниз на правую ногу. Для того, чтобы сказать 60, —протянет руки и схватит по соседу слева и справа за волосы. 400 — «Человечина людей», называется по-чукотски также «предел познания» — *ffiyeu-fehin*. (У славян предел счета 10 000 — «тьма». В славянской Библии «тьмы-тем» означает миллионы.) У чукок наглядно предел счета обозначается тем, что говорящий хватается за собственные волосы. Этому совершенно соответствует русское выражение: «так много, как волос на голове».

Также у мексиканцев, у майя и других разряды счисления входят по двадцаткам.

У мексиканцев первый разряд, — единицы—1—20

второй разряд	20 x 20 = 400
третий разряд	400 x 20 = 8 000
четвертый разряд	8 000 x 20 = 160 000 и т. д.

Впрочем и в индо-европейском счислении есть явные следы счета по двадцаткам. Напр., французские *quatre vingt dix neuf* (99) в буквальном переводе означает: «четыре раза двадцать десять девять». Также и в английском счислении рядом с обычной сотней существует и более древняя мера *score* двадцатка. Напр., 70 — *three scores and ten* — три двадцатки и десять.

Вавилонская система счисления кладет в основу число $60 = 5 \times 12$

12. Таким образом она сочетает пятеричность с более древним элементом 2×3 . Между прочим система счисления на 5×12 тоже была широко распространена среди различных народов и в нашем обиходе заняла прочное место в астрономии и географии. В часе и в географическом градусе содержится 60 минут, в минуте 60 секунд. Также и в мерах веса: — фунт имеет 12 унций. Греческая мера денег и веса, талант имел 60 мин. Английский шиллинг имеет 12 пенсов, а крона $5 \times 12 = 60$ пенсов.

Того же происхождения наш счет на дюжины, польский денежный счет на злотые (15), малороссийский счет на копы (30). Все это кратные 60.

После этих коренных замечаний перейдем к описательной классификации человеческих языков, соединенных в группы.

Из вышесказанного ясно, что для нас все человеческие языки являются равноправными и равноценными. Такую оговорку сделать тем более необходимо, что лингвисты до сих пор исходят из разделения языков на высшие и низшие и красноречиво доказывают превосходство индоевропейских языков над всеми остальными. Немецкие филологи, впрочем, вместо «индо-европейские», говорят «индо-германские» языки. Первая составная часть «индо» есть дань уважения санскриту, а в Европе главным языком признается, разумеется, немецкий.

Таким образом сочинения лингвистов и филологов конца XIX и начала XX вв. пестрят такими утверждениями:

Штейнталь настаивает: «Тин языка, служившего средством выражения для Гомера, Софокла, Платона, для Данте, Шекспира и Гете и даже содействовавшего тому, чтоб выработать такие труды, такой тип языка, конечно, должен был происходить от самого благородного зародыша».¹

Можно подумать, что сочинения Софокла и Платона предшествовали развитию греческого языка.

С другой стороны, тот же Штейнталь отмахивается от новых форм языка, напр., от ново-персидского, «несмотря на поэта Фирдуси», почти с отвращением и ищет в современных языках остатков старого общего праязыка. Таким образом, ссылка на Данте и Гете является совершенно ни к чему не ведущей.

О семитических языках Штейнталь говорит следующее: «Религиозная возвышенность семитических народов предполагает глубо-

¹ H. Steinthal, Charakteristik Hauptsächlichsten Typen der Sprachbaues, bearbeitet von Franz Misteli, Berlin, 1893, s. 486.

кое живое чувство и выпретенную сосредоточенность. Это отражается также и в языке».

Даже в оглавлениях можно найти: «примирение гармонии слова и предложения в флектирующих языках».

Впрочем по поводу этих притязаний молодой американский лингвист Санир, уже упомянутый раньше, замечает насмешливо:

«Лингвист, который старается настаивать на том, что латинская морфология представляет поистине вершину лингвистического совершенства, подобен зоологу, который рассматривает все развитие органического мира, как сплошной заговор природы с человеком, имеющий целью создать джерсейскую породу скота или английскую скаковую лошадь».¹

Религия, впрочем, действительно, представляет мироздание, как договор бога с человеком, ведущих! к созданию различных удобств, в том числе и новых пород рогатого скота.

Относительно языков первобытных народов другой основоположник лингвистики Дельбрюк беззаботно признается: «Возможно, что мое скептическое отношение к этим языкам не вполне правильно и частью вытекает из моего незнания языков первобытных народов».

Относительно фонетики языков первобытных народов еще не особенно давно можно было вычитать такое утверждение: «Язык гуарани (южно-американское племя) полон гортанных, небных и зубных звуков. Его поют, щелкают, свистят, кашляют, харкают, давятся, выплевывают, и в особенности сопровождают каждый звук ужасными гримасами».²

Или возьмем другое указание Писек'а, более старое, но зато и более характерное: «У эстонцев, как у готтентотов (а также, вероятно, и у других финских народов) сужение твердого неба препятствует образованию шипящих согласных звуков».³

Сравнительно с этим спокойное указание Франца Боаза о том, что число звуков в каждом языке ограничено и что в нолевой работе при всей непривычности новых звуков, легко определить всю их скалу, представляет большое движение вперед.

Однако, в дальнейшем изложении соответственно этногеографическим принципам мне придется говорить по преимуществу об языках более культурных народов, так как эти народы гораздо

¹ B. Sapir, Language, p. 131.

² Ave Lalemao, цитировано по F. Schultze, Psychologie der Naturvölker, Leipzig, 1900, s. 71.

³ Hueck, De craniis Esthonum commentario anthropologica. Dorpati Livonorum, 1838, s. 9.

многочисленнее других. К тому же языки этих народов складываются в общие, большие, хорошо очерченные группы. Наконец, эти языки лучше изучены.

Языки первобытных народов остаются разрозненными. Они складываются в группы с малым составом и тесным географическим объемом и даже перечислить их все по порядку нет никакой возможности.

Я начну, как и старые лингвисты, с наиболее разработанной группы языков, — индо-европейской.

Индо-европейская группа включает ряд языков, издавна существующих в Азии, Европе, а ныне также в Америке и в Австралии. Сюда относятся в Европе, подвигаясь от запада к востоку: 1) подгруппа кельтских языков; 2) подгруппа германских языков; 3) подгруппа романских языков, происходящих от италийско-латинского языка; 4) подгруппа славянских языков. Английский язык занимает промежуточное место между германским, романским и отчасти кельтскими языками, по в общем должен быть причислен к германским языкам. Между славянской и германской подгруппами должна быть отмечена численно незначительная, но лингвистически интересная подгруппа литовских языков. Наконец, на Балканском полуострове должны быть отмечены греческий язык, относящийся вместе с латинским к греко-италийской подгруппе и албанский язык, стоящий уединенно, но, вероятно, родственный ныне исчезнувшему фракийскому и илирийскому языкам.

В Азии должны быть указаны две большие подгруппы индоевропейских языков и народов: иранская и индийская.

Обе эти группы народов вместе взятые называются арийцами. Пробовали распространить название арийцев на всю индоевропейскую группу, но это не привилось.

Из индийских языков наиболее древними являются ведический и санскритский.

Ведический язык это язык сборников вед, древнейших религиозных гимнов, относящихся к второму тысячелетию до нашей эры. Впрочем, эти гимны дошли к нам далеко не в первоначальном виде и самый язык их во время записи уже являлся традиционным, сохранившимся в жреческих кругах.

Санскритский язык даже по имени своему является искусственным *sq<krla* означает «искусственный, выработанный». Это язык жреческой литературы древней Индии в после-ведийскую эпоху.

Пракритские наречия от *ргнкПат* «естественный», являются живыми наречиями средней хронологической эпохи, так как более

древних записей живого языка у нас не сохранилось. Нобоиндийские языки являются потомками этих среднеиндийских наречий.

В иранской ветви нужно отметить 1) древнеперсидский язык, сохранившийся в клинообразных надписях на скалах Дария Гнстаспа и его преемников и 2) язык Авесты, сборника священных текстов религии персидских огнепоклонников, связанного с именем Заратуштры (по-гречески Зороастр). Этот язык часто называют зендским. Но «зенд» в сущности означает только перевод и комментарий Авесты на более позднем пехлевийском наречии.

Записи Авесты сохранились по преимуществу в Индии, куда бежали огнепоклонники, спасаясь от преследований ислама. В Индии персидские огнепоклонники называются парсами (в самой Персии — геврамн). Парсы сосредоточены вблизи Бомбея и численность их не превышает нескольких десятков тысяч (по цензу 1924 г. 108 000).

Каждая подгруппа распадается на более мелкие разделы; разделы — на одиночные языки, языки — на диалекты. Так славянская подгруппа распадается на западный, южный и восточный разделы. В западный раздел входят языки польский, словацкий и чешский и ныне почти вымершие прибалтийские языки. Южный раздел включает языки сербский с хорватским и словинским, болгарский и, ныне мертвый церковно-славянский. Восточный раздел включает русский, украинский и белорусский языки. Все языки одной и той же подгруппы настолько близки между собой, что русскому совсем не трудно научиться говорить по-польски или по-чешски. Сербские газеты можно русскому читать даже без предварительного изучения сербского языка. Но и разные подгруппы проявляют между собой очевидное, твердо установленное родство.

Родство индоевропейских языков определяется прежде всего значительным словарным материалом, общим для всех подгрупп, языков и наречий этой обширной лингвистической группы. Сюда относятся степени родства и свойства, части человеческого тела, глаголы, изображающие основные физиологические и физические действия, названия многих животных и растений, домашних и диких, глаголы, обозначающие охотничьи и земледельческие действия, светила, местоимения, числительные.

В разных языках эти слова изменяются соответственно определенным перегласовкам, которые легко установить. С другой стороны, слова эти не изменяются настолько, чтобы их нельзя было узнать в каждом новом варианте.

Приведу несколько примеров.

Стоиспмр (I доти а.

	Санскритский 1. и др.-индийск. 1 реческий : Латинский			... i Готский и 1 Древнв-сдашн- немецкнп древншномсцк. , ский		Древнкс-ип- jailACiaifi	Литовский
1. Отец.....	pñAr	पतिर	paler	vater fadar			
2. Мать.....	matAr	मातरि	inater	mutter матерь			
3. Брат.....	bhraUir	भ्रातर	frator	bruder fiparp			
4. Сестра.....	sv&sar	स्वसृर	soror	schwesler swistar			
5. Сын.....		सुत		sohn sumis			
6. Дочь.....	dnhilar	दुहितर		lochter daulitar доштер			
7. Сноха.....		श्वशुर	nuriis	schmur			
8. Свекор.....	xvasuro	स्वशुर	(FJix'jpó; socer	schwager swehur			
9. Свекровь.....	(др.-нпрср. H:t.		socrus	swaihro снєкры			
10. Деверь.....		वरि	levir	zcihhur			
И. Золовка.....		लव					
12. Вдова.....	vidava	विधवा	vidua	wittwn widuwo			

Чаотнчелон очеситоготела

1. Око.....		यु-खल/./< oc-ulus (Лсотийп.: пар.)		augo			aki
2. Нос.....	nasa		nasus	nase			nos is
3. Бровь.....	abru (перс.)			nose (англ.)			ulectis
4. Локоть.....			-<Xo.; 1 iacertus	braue			

Г л а г О л ы

1. Любит!.....			quilibet	lieben			
2. Есть.....			esse, edere	esse и			
3. Пить.....			potare	wachen			
4. Бдит.....				wecken			
5. Будит!.....							
6. [подры.]							

Ж г в о т н ы е д и к и е и д о м а ш н и е .

	Санскритский и Греческий и т.м. in-III li	.liiTiṃsīiit	Нрмрцкпи	Готски II п лрквне-по- I моцкпн	Левелсчма- MirkKuli	.Ircenn- ирлмдгкпН	.linonrKiiti
1. Волк.....	vrkah ¹ Xбхч;	lupus vulpis (лисица)	wol f	wulfs (др.-немец.)			vilkas
2. Мышь.....	mill) [j-0;	mus	maus	mus			
3. Олене.....	Itanpos, ёлХо;	alces (лоси)	elcli, elepn (лань)	elaho		el i.I	elnis
4. Скот.....	pasu	pecu		faihu			pecku
5. Бык	(to3*	bos				bo	
6. 'УР.....	1 хаурот	taurus				oi	tauris
7. Овца, овен . .	avih OK	ovis					
8. Агнец.....	a AV<>{	agnus					
<). Волна, шерсть	йгна шча	(v)lana	wolle	wulla		olann	vilnas
10. Свинья		s u s	s c h w e i n	swin ara			
11. <)рел	1 op'it; (птица)						arelis
12. Гусь.....	hams&li /rjV (лебедь)	a riser	gans			geis (лебедь)	
IS. Утка.....	ālih I	anas	ente	anut			antes
14. Выдра	iidrali , -Jopa вод. змея	lutra	oiler				и dra
15. Муха.....		musca	miicke				muse
1ii. Оса		vespa	wespe	wafsa			vapsa
17. Пчелиный мед	mad Ini j [AeXi мед. ;лгО- ! опьян. напиток.	mcl	meth (напиток)	milit (мед пчелиный)		mil	medus

Р а с т е н и я

1. Вереза.....	bhuriah		fagus	birke			bérzas
2. Вук		VI/V* (порода дуба)		buche			
3. Зерно.....			granuni	korn	kaurn		gran
4. Семя			semen	same			
5. Яблоко				•pfel	apful	aball	obulas
6. Соль 		«c	S*1	«alz	salt	salann ‘	sal sal*

1* а : i n n t.

	О.иифтгкпИ и древие- 1 мидиНгкпИ	ГречРсьпП	ЛтптягкпП	Немощи^	ГотткпП и древне- немецкий	Древне- г лакииткпП	Древпр.- ирландский ^	.In торг к нii 1
1. День.....			dies	tag	zio			
2. Мертвый. смертный (человек).	m4rtah	μῆρτῆς	mortuus inortalis					
3. Ночь.....		vō;	nox	naclU				
4. Ось.....	aksali	ἄξῳν	axis	achse				aszis
5. Секира.....			secun's navis					
6. Судно.....	nāuli	ναῶ;					пан	
7. Корма	krtinia	T:OΘ;J.VY,						
8. Жернов . . .	gravan		domus		qairnus		bro	girnós
9. Дом.....	dainah	OvU'iJ	rex	könig			rig	
10. Князь.....	raja		VÍCUS		weihs			vesze
11. Весь (с<-, 'к>)..	vis	(F)*»s (fteji.inoi dom. Гн).Imh; ;i ri Mi.n.						
12. Город.....	pūh	πῶλις						pills (крепость, ом- роженми) ты- ном)
Ч л с л п ч с л i > i м е.								
1. Один (един) .. j		εἷς, ἓν	unus	ein	ains		oen	pirnias
2. Первый	pūrviyali	~Gō)~0Z	primus					dvi
3. Два.....	d(u)va	fJUi	duo	zwei			dau	
4. Три..... I	trayah	"pet?, xp'.a	tres, tria	drei			tri	
5. Четыре..... !	catvarah	~z~.apz;	quatuor	vier			cethir	kelveri
6. Пять	pīnca	TTēVTs	quinque	fiinf	fillif			penktas
7. Десять.....)	dasa	δεκα	decem	zehn I	tai hun		deich	deszimtas
8. Сто.....	satani	ἑκατόν	centum					szimtas
9. Тысяча..... i				t>ui<nd				tukstanti*

Помимо общего словарного материала самое построение индоевропейских языков в существенных чертах одинаково. Существительные имеют три рода с более или менее одинаковыми окончаниями как в именительном-винительном, так и в косвенных падежах.

Еще более сходства в спряжении глаголов.

	Греческий	Латинский	Русский		Древне-индийский	Греческий	Латинский	Русский
1 . .	wiga	veho	везу	1 . .	e'mi	ε L; л •	eo	ид-у
2 . .	wigis	veil is	везешь	2 . .	e'-si	"	i-s 1	ид-ешь
3 . .	wigit	vehit	везет	3 ' J	e'-ti	SI-JI	i-t	ид-ет
1 . .	wigam	vehimus	везем	1 . .	i-māh	i-JJLSV	I i-mus j	ид-ем
2 . .	wigit	vehitis	везете	2 . .	i-tliā	V-TS	i-tis j	ид-ете
3 . .	wigand	vehunt	везут	M . .	y-anti	'-XZ'	e-unt	ид-ут

Такое же сходство и в вспомогательном глаголе.

Древне-индийский ^	Греческий	Русский	Латинский	Немецкий
āsmi	ε', IA!	есмь	sum	—
asti	īOXI	есть	est	ist
santi	slat- s'vn	суть	sunt	sind

Также немецкое ich bin, русское я был, английское to be, русское быть, происходят от общего корня.

Фонетика индоевропейских языков проявляет основное родство и при переходе от одного языка к другому мы находим определенные изменения одних и тех же звуков, строго соотносимые между собой.

Напр., стариндийское bh соответствует греческому <ρ, славянскому б.

Стариндийское dh соответствует греческому ft славянскому Д.

стариндийский	греческий	славянский	латинский
bharami несy	βλu	беру	Геро несy
dhumah	{bjjiot	дым	fumus

Между гласными индо-иранское i соответствует греко-латинскому

германское а
литовское i

скому [е, о*

славянскому)

Немецкое *raih* колесо, латинское *rota*, литовское *ratax*, древнеиндийское *ralhah* (телега).

Древнеиндийское *katarah*, русское *который*, греческое *τὸ ἄτρον*, литовское *ka! 2 as* и т. д.

Родство индоевропейских языков настолько велико, что неоднократно делались попытки установить соответствующую общую культуру и таким образом установить историю их расселения и найти их прародину.

Напр., на основании того, что слово «море», как и «соль», принадлежат к общему словарю, латинское *mare*, славянское *море*, немецкое *meer*, делали вывод, что родина индоевропейцев находилась в приморской местности.

Далее, так как ряд культурных растений, домашних животных, технических орудий и процессов и даже металлов обозначался словами из общего словаря, делали вывод, что индоевропейцы еще до разделения стояли на довольно высокой ступени культуры.

Славянский	Древнеиндийский	Латинский	Немецкий	Литовский
1. Рожь			roggen	
2. Ячмень . .	ꣳꣳꣳꣳ	hordeum	gersten	
3. Орать . . .	ꣳꣳꣳꣳ	arare		arya airim
4. Сеять . . .		serere	säen	
5. Ткать . . .	taksati оч пригото- вляет	'Ci/TOJV плотник	texere	
6. Молоть . . .	ꣳꣳꣳꣳ	inolare		
7. Писать . . . в значении роспись! ватт.	pimsati ин укра- шает	ꣳꣳꣳꣳ (пестры Я)		paiszas пятно
8. Золото . .			gold	zelts
9. Серебро . .	rajatam	argen- tum	silber	argat

В связи с металлами таким образом устанавливаются две группы народов: славяно-литовско-германская и греко-латинско-индийская.

Однако при более внимательном рассмотрении этих данных намечающиеся выводы теряют свою определенность. Для металлов, для знаков и проч. вероятно предположить заимствование, хотя и очень древнее, напр., от германцев к славянам и наоборот. Так плуг,

немецкое *]]/Iuц*, вероятно, перешел к славянам от немцев в более юоздшоу эпоху.

Что касается технических процессов, мы видели, что один и тот же корень обозначает в древне-индийском и греческом языке вообще: «приготавливать», по-латыни и по-славянски «ткать» и по-гречески еще «плотничать», быть может, также русское «тесать». Трудно судить, каково было первоначальное значение этого корня: (к.

Славянское «солома» соответствует немецкому *halm*, которое обозначает вообще былинку. Таким образом оно могло первоначально относиться не к одомашненному, а дикому растению.

Точно также и «весь» означает в сущности большую родовую семью, «задругу», а -oXt; огороженное • место ахро-тоАи — кремль. Русское слово «город» прямо указывает на ограду.

Однако среди индоевропейских языков действительно можно установить более тесные подгруппы: 1) германско-славянско-литовскую; 2) кельто-пталогреческую и 3) индо-иранскую.

Дальше этого анализ проникнуть не может. С большой вероятностью можно предположить, что общность индоевропейских языков, не смотря на свою многосторонность, отнюдь не предполагает общности антропологической. Если индо-европейцы были в западной Европе, действительно, пришельцами, то нельзя сомневаться, что они ассимилировали население, жившее там ранее и передали ему свой язык. Мы уже видели не раз, что антропологическое и лингвистическое сродство отнюдь не совпадали между собой. Так мы принимаем финнов, не смотря на принадлежность их языков к урало-алтайской группе, — все же как часть белой расы, и для индоевропейцев вообще мы отнюдь не принимаем расового единства.

Еще труднее решить вопрос о прародине индоевропейцев. Часть данных указывает на их передвижение с востока на запад из Азии в Европу, другая часть данных, напротив, говорит об их передвижениях с запада на восток, преимущественно в пределах самой Европы.

Азиатская теория происхождения индоевропейцев значительно поколебалась, но, с другой стороны, и противоположная теория, выводящая их из Европы в Азию представляет еще большие трудности ж даже не поддается вычерчиванию на карте.

В общем проблема расселения индоевропейцев и распространения индоевропейской группы языков напоминает другую проблему расселения белокурой расы, о которой мы говорили выше. Обе эти проблемы, вероятно, связаны друг с другом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ЗГ:шк П.

ДРУГИЕ Л НИ ГВНСТН Ч Е < КНЕ ГРУ IIII 1,1.

В пределах белой расы, кроме индоевропейской группы языков, существуют еще три другие группы: семитическая, яфетическая и хампитическая. Из них хамитическая группа включает также и темнокожие расовые элементы. Названия этих групп, разумеется, совершенно условные и соответствуют именам трех сыновей Ноя, Сима, Яфета и Хама, которые в библейском представлении являлись прародителями всего человеческого рода.

Семитическая группа языков и соответственные ей народы искони обитали почти исключительно в передней Азии. Правда, волны различных переселений вынесли финикиян, евреев и арабов из Азии в южную Европу и северную Африку, но все это произошло в последние два тысячелетия почти на глазах историков.

К семитической группе принадлежат, во-первых, жители Месопотамии, как ассирийцы, так и вавилоняне, издавна земледельческие и культурные; далее, различные сирийские и палестинские племена, в том числе финикияне, — жители прибрежных торговых городов, и нуден с израильянами; наконец, обширный арабский мир, вмещавший в себя бедуинов, кочевников внутренних пустынь, земледельцев плодородных окраин и торговое население прибрежных городов. Из аравийской пустыни одно за другим изливаются нашествия кочевников на север в Сирию и Палестину и также на запад в Египет. Завоеватели Египта Гнксы, наводнившие Палестину Хабиры (евреи), Арамеи, завоевавшие Сирию и арабские нашествия эпохи Магомета, представляют различные этапы этого непрерывного движения.

Арабско-мусульманское движение, последнее по времени, оказалось наиболее могучим. Оно затопило элементами арабской культуры и языка все азиатские и семитические области, также северную Африку от Египта до Марокко. В результате этого наследником всех семитических языков остался арабский, распространенный на огромной территории от Атлантического берега Африки до персидской границы на востоке Месопотамии. Марокко, Алжир и Египет, Сирия и Месопотамия, не говоря уже о собственной Аравии, говорят наречиями арабского языка. На верхнем Евфрате и в Сирии уцелели остатки арамейского языка, того самого, на котором говорили иудеи во время Иисуса Христа, и на котором частично написаны некоторые книги Ветхого завета.

Собственно еврейский язык, на котором написана большая часть книг Ветхого завета, является, разумеется, языком мертвым, вышедшим из употребления со времен вавилонского плена в шестом столетии до нашей эры. Все современные попытки воскресить к жизни древнееврейский язык едва ли достигают цели. По крайней мере, до сих пор не было примеров оживления мертвого языка. Даже латинский язык, давший новые живые отрасли романских языков и создавший в течение средних веков огромную литературу, не мог нигде сделаться живым языком, несмотря на постоянные попытки в этом направлении. Напр., в разноязычной Венгрии до самой революции 1848 г., прения в сейме велись на латинском языке. Но после революции венгерский язык заменил латинский.

Современные евреи собственного языка не имеют, а говорят или на языке тех народов, среди которых обитают, или на особом жаргоне, составленном из смеси какого-либо местного языка с довольно большим количеством древнееврейских слов. Так называемые сфардим или спаньолы, евреи, изгнанные некогда из Испании и живущие на мусульманском востоке в разных местах, до сих пор говорят на испанском жаргоне, в частности евреи — спаньолы в г. Салониках, составляющие большинство городского населения, не только говорят, но даже издают книги и газеты на спаньольском наречии квадратными еврейскими буквами, напр., газету *La Yerdad* «Правда».

Польские, литовские, румынские и русские евреи говорят на немецком наречии, опять-таки с значительной примесью древнееврейских слов. Это еврейско-немецкое наречие раньше именовалось попросту «жаргоном», а теперь называется ново-еврейским языком, или йидыш (jiddisch).

Помимо этих позднейших жаргонов все семитические языки, живые и мертвые, проявляют еще больше близости, чем языки индоевропейские. В частности еврейский и финикийский языки почти совпадают. Лингвисты в качестве образцов для описания берут обыкновенно арабский язык Корана и еврейский язык Библии, как наиболее известные.

Основная особенность семитических языков лежит в своеобразном сочетании фонетики с морфологией, т. е. звуков с образованием форм. В семитической фонетике гласные звуки являются беглыми, изменчивыми. Корни слов состоят из согласных, большей частью из трех согласных звуков. Формы образуются путем изменения гласных звуков. В еврейском письме гласные звуки долгое время совсем не принимались в расчет и не обозначались никакими знаками. Потом появились особые подстрочные значки для гласных

звукoв it только в последнее время некоторые буквы приняли значение гласных.

Таким образом семитическое правописание ведет к постоянным недоразумениям. В Библии до сих пор не установлено истинное произношение имени бога *jih* г. Обыкновенно приставляются гласные звуки: j-e-h-o-v-a. Но дело в том, что слово//г — запретное, защищенное особым табу, как в заповеди: «не приемли имени господа бога твоего всуе». И гласные звуки взяты от другого разрешенного имени божьего: *adonfi*. Истинное произношение имени *jliv* было *j (lire)*.

Среди согласных звуков видное место занимают гортанные звуки:

х, г, гг.

В испанском языке гортанное х осталось в наследство от арабского, напр, *((fr* — «шеф», «начальник», произносится: гхефе. Между прочим гортанный перерыв дыхания, так называемая но-арабскн *kamzn*, изображаемая знаком: ²—, считается, как особый согласный звук: *'nil* надеяться, *s' i* спрашивать. В еврейском говоре гортанное произношение тоже выделяется явственно.

Корни арабские: *V)'0* *try* *sin:* *red*
наследовать, выходить, слышать, хотеть.

Корни еврейские: *vzd* *</11*
знать, убивать.

Примеры грамматических форм.

От арабского корня *huf* бояться: - *ха/а* он боится, *ri/n* я боюсь, *хаи/un* страх.

qr' читать: — *qara'a* он читает, *qitri'jii* прочтено, *qur'an* чтение, коран.

От еврейского корня *itl* убивать: — *jiqtol* убивает арабское *jaqtulu*. *qetol* убей (арабское *iqjtul*).

От арабского корня *land* хвалить: — *Muhamined, Muhamed, Mahmud* «хваленый», равнозначущие формы имени Магомета.

От арабского корня *sit* господствовать: *sultan* властитель.

Однако, морфологически индоевропейские языки объединяются с семитическими в том, что те и другие имеют префиксы и суффиксы, приставляемые перед корнем и после корня, также инфиксы, вставляемые в середину слова, даже внутрь корня:

Семитическая группа, арабский язык:

sabdu раб, *z-M-b-ai-dun* уменьшительное,
gaicu/un мужчина г-«-g-o/-lun «человек» (уменьшительное).

Индоевропейская группа, русский язык:

От корня: *др раз-А-о-|>*, раз-д-м-р-а-ть, раз-д-е-р-м.

Те и другие языки называются флектирующими. Это означает, что формальные элементы словообразований. — флексии, сливаются с корнями в неразрывное целое.

Яфетическая группа включает ряд народов, частью весьма древних, а частью современных, обитавших и обитающих в огромном углу передней Азии к северу от семитов и к югу и востоку от индоевропейцев. Живым средоточием этих народов в настоящее время служит Кавказ.

Н. Я. Марр назвал эти народы «третьим этническим элементом в создании средиземно-морской культуры», т. е., точнее, в создании основной культуры ближнего востока.

Сюда принадлежат культурные народы, грузины и армяне и другие более мелкие бесчисленные народы Кавказа, каковы сваны, абхазы, аварцы, лезгины, чечены, ингуши и проч.

Языки этих народов ныне сведены в систему и разделены на две группы: сибилантную (шипящую) и спирантную (придыхательную).

**Тан в сибилантной группе *ml* душа, *sun* запах, *sus* лошадь,
в спирантной группе *gun* » *gun* » //мне »**

Помимо яфетидов на Кавказе обитают турецкие племена или, по крайней мере, отуреченные яфетиды. Таковы кумыки, казикумуки, карачаевцы. Осетины принадлежат к иранской группе. Наконец, азербайджанские турки являются более определенным турецким племенем.

Из древних народов, ныне вымерших, к яфетической группе принадлежат различные народы Малой Азии. Таковы, напр., лидийцы, мизийцы, карийцы, киликийцы, чьи имена дошли к нам в греческой передаче. Из клинописных памятников мы знаем и другие малоазийские народы. Таковы Арцава и Хетты, которые, по видимому, относятся к яфетической группе, — по терминологии Геродота к Алародийской расе. Последнее имя происходит от Арарат (Урарту).

Далее к яфетической группе относятся языки древнейших клиновидных надписей, халдского в Армении, шумерского в Месопотамии и древне-эламского к востоку от Месопотамии в Иране. Халдекие клиновидные надписи найдены в Армении у озера Ван и до сих пор не вполне прочитаны. Они относятся к до-армянской эпохе, но тем интереснее их яфетический характер. Собственно армянский язык имеет в себе элементы яфетические и индоевропейские.

Шумерцы (сумерийцы) и шумерский язык относятся к Вавилону и началу организованной культуры в ближневосточном кругу. Культура Вавилона и Ассирии была созданием двух народов: Шумер и Аккад. Из них Аккад считают семитами, но Шумер — более древний народ загадочного происхождения. Создателями культуры и самой письменности были шумерцы. Язык их резко отличался от

семитического языка. В клиновидных записях по множеству сохранились шумерийские основные тексты и аккадийские последующие переводы и толкования. Яфетическая школа, сближая корни различных кавказских языков с шумерским языком, доказывает его принадлежность к яфетической группе. Это согласуется с несомненными данными о том, что третий этнический элемент переднеазиатского круга принимал весьма важное и раннее участие в создании общей культуры ближнего востока. К Закавказью возводится культура виноградной лозы и древнейшие приемы виноделия, также одомашнивание и облагораживание различных фруктов. Мы увидим далее значение этого же этнического элемента в культурном кругу восточного средиземья.

Эламская клинопись представлена на так называемой Бегистунской надписи, вырубленной на скале известным персидским царем завоевателем Дарием I в Персии в провинции: Багистана (Бегистун). Надпись эта трехязычная. Верхние строки — персидские, нижние — вавилонские, средние, относящиеся к эламскому языку, еще не вполне прочтены. Эламское царство вело постоянные войны, с Вавилоном, Ассирией, Персией. Оно входило в круг Иранских влияний и было, в конце концов, завоевано и ассимилировано персами. Тем не менее яфетическая школа считает эламский язык тоже яфетическим, родственным кавказским языкам.

Ранние культурные области Эгейского моря, Микены, Крит, а Троя, тоже по всей вероятности относятся к народам яфетическим.

Мы знаем из Илиады, что Троя представляла особую народность троянцев, дарданцев, враждебную ахейцам, которые пришли из Эллады походом против Трои.

С одной стороны, для Микен и Аргоса, для царственных Атридов (Агамемнон, Менелай), руководивших ахейским нападением, тоже устанавливается принадлежность к такому же до-греческому племени. Греческий элемент пришел в Элладу уже после троянской войны вместе с нашествием дорийцев. Раскопки Шлимана в Микенах и в Трое обнаружили реальное бытие этой древней культуры, близкой по характеру к гомеровским описаниям, с обилием золота, художественных изделий, с особыми погребениями и проч.

Еще более богатую и пышную культуру нашел на Крите Эванс, сближивший ее с эпохой полубаснословного царя Миноса и назвавший ее минойской. Минойская культура, кроме рисунков и гравюр, создала настоящую письменность, которая до сих пор еще не прочитана. Это письмо древнее финикийского. Быть может, оно одновременно вавилонской клинописи и египетским иероглифам. Таким

образом предание о том, что греческое письмо заимствовано у финикийян, поколеблено критской находкой (ср. выше).

С другой стороны, греческие названия букв совпадают с еврейско-финикийскпмн.

<i>Греческий</i>	<i>Керенский</i>	
альфа	алеф	а
бета	бет	б
гамма	гиммсл	г
дельта	далет	д
ламбда	ламед	л

Бет по-еврейски значит — «дом», а *гиммел* — «верблюд».

Критская народность и культура были тоже враждебны эллинской. Это видно из преданий о войнах царя Мнносa с Афинами и о человеческой дани, наложенной Миносом на побежденные Афины.

Языки критский, микенский, троянский остаются совершенно неизвестными, так что мы не имеем реального материала для сближения их с яфетическими языками.

Н. Я. Марр относит к яфетической группе пеласгов, до-эллиньское население Греции, этрусков Апеннинского и басков Пиринейского полуостровов.

Пеласгов мы знаем только по имени. От этрусского языка остались надписи довольно скудные, а баскский язык существует и ныне. Этруски в Италии были носителями и рассадниками довольно высокой и своеобразной культуры, а баски наводят на сближение с культурой пиринейского палеолита, существовавшей в древнейшую эпоху в той же местности.

Баски и этруски несомненно представляли древний этнический элемент. Но культура и тех и других, повидимому, относится к различным стадиям. Культура этрусков естественно примыкает к культуре Эгейского моря, являясь ее наиболее западным отпрыском. Эгейская культура в свою очередь связывается с культурой малоазиатской, кавказской и месопотамской. В общем дело идет об одном из основных источников ближневосточной культуры, связанном с общей историей и с мифами указанной области. Эта культура включает развитое земледелие, знание металлов, мореплавание и воинское искусство, примерно, такое, какое описано в Илиаде и Одиссее.

Пиринейская культура, к которой, повидимому, имеют отношение баски, происхождения более древнего. Она относится к каменному веку, даже к палеолиту и стоит вне всякой определенной связи с общей культурой средиземья и передней Азии.

Однако, яфетическая школа на основании ряда лингвистических сближений старается баскский язык связать с яфетической группой, что представляется, конечно, вполне возможным. Мало того, в самых именах вышеуказанных народностей, баски, этруски, пеласги, классовое окончание *сг* представляется яфетическим и сближается с такими кавказскими племенными названиями, как абазги (абхазы и абадзег), лезги (лезгины), мосхи, также буришкп, яфетическое племя на Памире.

Наконец, с племенем пеласгов Н. Я. Марр сближает имя народа филистимлян п страны Палестины. Филистимляне, по критским раскопкам, состояли в древнейших отношениях с мнойской культурой. На Кносских рисунках и даже в письменных знаках появляются головы филистимлян с их характерной прической, знакомой нам и по другим источникам.

Хамитическая группа языков и народов включает две группы племен, обитающих в Африке, во-первых, светлокожую, представляемую древними египтянами и ливийцами, современными кабилами и берберами, обитающими в северной Африке от Триполи до Марокко; древними гуанчами, жителями Канарских островов; туарегами и тиббу в Сахаре.

Светлый цвет кожи указанных народов имеет характер весьма относительный. Они являются коричневыми, даже красноватыми. На египетских стенных рисунках человеческие фигуры и племена изображались четырьмя цветами: негры — черным, азиатские семиты (и хетты) — желтым, *тхену*, племена средиземья, нападавшие на египтян и принадлежавшие, конечно, к белой расе — белым, слегка желтоватым, и, наконец, сами египтяне — красным.

Другая группа хамитических племен включает темнокожие племена восточной части Африки, живущие к югу от Египта, — нубийцев, масаи, галласов, сомалийцев и проч. Несмотря на темный цвет кожи, эти племена нельзя причислить к неграм, ибо своими прямыми волосами, резко очерченным носом, бородатым лицом и проч. они приближаются во всем, кроме цвета, к кавказской расе.

Языки всех перечисленных народностей как светлокожей, так и темнокожей группы, отличаются общими свойствами. Сюда же примыкает и язык готтентотский, хотя готтентоты обитают далее к югу и отличаются особыми антропологическими признаками.

Хамитическая и яфетическая группы по своим основным свойствам в общем приближаются к семитической и могли бы составить вместе с ней одну более обширную группу.

В частности корни и яфетических и хамитических языков состоят из согласных, причем гласные отодвигаются на задний план.

Урало-алтайские языки в отличие от индоевропейских и семитических составляют свои формы по методу агглютинации (буквально: подклеивания). Префиксов не существует. Суффиксы прибавляются к основе один за другим, создавая все доступное языку разнообразие оттенков. Таким образом формы являются более единообразными, но вместе и более механическими. Вместо предлогов в языке существуют падежные окончания и послелоги.

sisarcn-nsa-tyko
Финляндский:----- = к его сестре.
сестра его близ
a magas haž-ban
Мадьярский:----- = в высоком доме.
высокий дом в

Для того, чтобы связать прочнее механические части словесной формы применяется так называемая гармония гласных. Все гласные каждой формы изменяются согласно определенному единообразному плану, причем исходным пунктом служит корень.

Якутский: *aga-lnr* — отцы, *ühi-lür* — медведи, *ničlog* — дети,
(*lör'd'ibr* — носовые ремни.

Финляндский: *Suomi-ltiinen* — финляндец, *Irna-lainen* — русский.

Мадьярский: *)(at))nr-ofaint* — мадьяры, *lorok-öh-ñeh* — турки.

Здесь гармония гласных выступает повсюду чрезвычайно отчетливо.

Можно отметить также ряд притяжательных форм, изменяющихся по лицам с особым притяжательным суффиксом для каждого лица.

min at-i-ra
Якутский:----- = моя лошадь
я лошадь моя
nž en lav-am » >
Мадьярский:
kis usu-gar
Якутский:----- = в конце зимы
зима конец при
a lei vei'e-n » » »
Мадьярский:

Спряжение глагола, спрягаемые формы прилагательных и существительных совершенно совпадают с притяжательными формами имен.

min bir-em
Якутский:----- в сущности «я — давание мое».
я да-м
min kafa-bin
----- = я прихожу.
и приход мой

min adaŕ-bin

я молод мой

= я молод,

ān ogo-gun

ты дитя твоё

= ты дитя.

bisiyi Blūg-BI — мы молодцы.*bistgi koiār-hit* — мы приходим.

Урало-алтайская группа языков, чрезвычайно обширная по площади своего распространения, включает языки народов монголо-маньчжурских, турецких и финских. Эти народы принадлежат частью к резко выраженному монгольскому антропологическому типу, частью к менее резкому турецкому типу, а частью также к финскому типу, близкому к белой кавказской расе. Группа эта по географическим вехам своего распространения называется урало-алтайской, но она распространяется на запад от Урала до Балтийского, моря и на восток — от Алтая до Тихого океана.

Урало-алтайская группа делится обыкновенно на пять подгрупп: 1) финно-угрскую; 2) самодскую; 3) турецкую; 4) монголо-бурятскую и 5) маньчжуро-тунгусскую.

Первую подгруппу со второю, так же как и четвертую с пятой, нередко объединяют вместе.

Внутри каждой подгруппы родство языков и по общности словарного материала я по правилам образования форм не уступает несколько индоевропейскому, но во многом превосходит его.

Османский турок с берегов Босфора может многое понять из речи якута, живущего на далекой Лене; волжские и крымские татары, попадавшие в ссылку в Якутскую область, через несколько месяцев говорили свободно но-якутски.

К агглютинирующим языкам принадлежат также языки дравидических племен, коренного темнокожего населения южной половины Индии. В сущности говоря и народные массы северной Индии того же происхождения, но они в огромном большинстве усвоили язык завоевателей — индусов, пришедших с северо-запада, и ныне говорят различными наречиями индийского языка — бенгальским, индо-останским - урду и проч.

На языках дравидического корня все же говорят до 50 миллионов человек. Пять больших языков дравидической группы имеют письменность и литературу. Наиболее обработан тамильский язык, на котором говорит население восточного берега вместе с городом Мадрасом, а также и северная часть острова Цейлона. Все дравидн-

ческие языки близки и родственны друг другу в той же мере, как, наир., языки славянские.

Дравиднческпе языки, так же как и урало-алтайские, помещают все формальные элементы слова позади корня и целые фразы построены так, что оформляющие элементы следуют в самом конце.

Примеры взяты из канарезийского языка,

a mantapavu unnata-v-agidda karana

----- = так как эта беседка (комната) была
та куша высока будучи причина высокая.

akalu kotta brahmananu

----- =брамин, давший корову.
корова данное брамин

Также точно, как в урало-алтайских языках, слова, приставляя ряд суффиксов, получают значительный объем.

ada-nnu madu-vada-kke hogu-tte-ne

----- = затем иду.
этому делать чтоб идущий есть я

Существенное отличие дравидических языков от урало-алтайских состоит в отсутствии притяжательных форм.

Поэтому вместо чрезвычайно точных урало-алтайских форм —

odotamme

финляндский: ----- = мы ожидаем,
ожидание наше

получаются формы неопределенные, где более точное указание лица и склонения определяется только по смыслу:

avanu kodu-vadu

ilia

----- = он не дает.
он дава-ть не случается

Китайский язык вместе с индокитайским, сиамским, бирманским и также с некоторыми другими, образует группу языков с неизменными корнями — словами, преимущественно односложными. И можно сказать, что эта группа языков отстоит от языковых групп белой расы настолько далеко, что ее следует поместить на другом подъеме сложной лингвистической лестницы. Быть может, здесь выражается вышеуказанный закон диалектической противоположности, и китайская группа языков также антиномична ближневосточной группе, как и дальневосточный культкруг антиномпчен ближневосточному культкругу. С этой точки зрения все четыре языковые группы ближнего востока, — индоевропейская, семитическая, яфетическая и хамитическая —могут быть соединены вместе, как круг языков флектирующих, богатых грамматическими формами и многосложными корнями.

Китайский язык, свойственный компактной массе населения в 440 миллионов, имеет, разумеется, множество диалектов. В особенности северные диалекты отличаются от южных соответственно основному разделению китайского народа и культуры на северную и южную части. Однако, различие этих языков не так велико, как утверждают европейские географы, которые не так давно пустили в ход — в виде дополнительного мифа — будто северные и южные китайцы могут объясняться друг с другом единственно на *pidgin'e*. *Pidgin* — англо-китайский торговый жаргон, самое имя которого произошло из сокращения английского слова: «бизнес» — *Business* — «дело (торговля)».

В Китае существует общий разговорный язык, употребляемый преимущественно более культурными классами *kuon-hnd*, буквально «язык чиновников» и общий литературный язык *ku-wen* — «старый стиль».

Впрочем, помимо языка, средством культурного объединения является письмо, сохранившее форму идеограмм, не связанных с произношением. Так даже и японские более старые книги, написанные китайскими иероглифами, совершенно понятны и китайцам. Их можно читать по-китайски и по-японски с одинаковым содержанием, но с совершенно различным выговариванием.

Точно также, наир., мексиканское картинное письмо можно читать и понимать независимо от выговаривания.

Египетские иероглифы, особенно древнейшей формы, тоже частично могут читаться помимо выговаривания. Но многие из них связываются с звуками египетских слов вместо идеограмм походят на ребусы.

ПРИМЕРЫ :

I.

Мексиканское письмо .

По-мексикански звуки латинского *pater noster* (Отче наш) несуты изобразили так: 1) знамя (по-мексикански *pan*), 2) камень *le* , 3) плод кактуса *jtolsvh* , 4) камень *le* . Получилось в результате звуко-сочетание: *pante notschle*, т. е. возможно близкая для мексиканцев передача латинских звуков молитвы.

Из этого видно, что мексиканское картинное письмо, кроме чтения по смыслу, имеет элементы слогового ребуса.

II.

Египетское письмо .

Изображение голубя *nr*, одновременно обозначало «большой» (тоже *irr*. ; *i* также входило, как составной слог, в слово *s-nr-i*, означающее «пить». Изображение рта (*ro*) стало обозначать слог *ro* и даже согласный звук *r*. Самый знак перешел к финикийцам и, в конце концов, дал начертание индо-европейского звука *r*.

111.

К и т а й с к о е п и с ь м о .

Число писанных знаков до 49 000; наиболее употребительных все-таки несколько тысяч. Знаков, относящихся к предметам — 608. Например, Д — человек, ☼ — солнце. Эти начертания можно возводить к изображениям. Но огромное большинство иероглифов имеет более сложное происхождение. И многие из них возводятся к отвлеченным идеям. Ни один из китайских иероглифов не имеет звуковых элементов.

Число односложных корней, напротив, невелико, всего от 300 до 400, соответственно разным наречиям. В литературном языке 460 односложных корней.

При помощи различия тонов число корней — слов увеличивается до 1200.

Первая характерная особенность корневых односложных языков относится к фонетике. При преобладании односложных неизменяемых слов обычные звуки согласные и в особенности гласные не являются достаточными, и неизбежное совпадение звуков могло бы вести к постоянным смешениям и недоразумениям.

Так, напр., китайское слово *si* имеет шестнадцать основных совершенно различных значений и больше тридцати производных, тоже достаточно различных:

1) Должность, чиновник. 5) Шелк. 8) Смерть. 10) Хлеб, пища и т. д.

Также *ma*: — «лошадь», «старуха мать» и «пьявка».

Во избежание неясностей прибавляются другие синонимичные корни: *ma-хуан*; *хуан* тоже означает пьявку.

Для того чтобы увеличить число возможных звуковых комбинаций, корневые языки прибегают к изменению тона произношения. Одна и та же гласная может произноситься высоким и низким, восходящим тоном. Число различных тонов изменяется от 4 до 6. И таким образом количество возможных корней значительно увеличивается.

В частности, в китайском языке пять видов тона или ударения. Два вида ровного ударения, одно тяжелое, одно острое и одно краткое.

Впрочем, изменение тона гласных в качестве вокального лингвистического элемента существует и в других языках помимо корневой группы. Так в группе языков Банту, япр., в языке Ашанти, *o-bo/o* при различных изменениях тона обозначает «охотник», «посол», «творец».

Дальнейшая особенность корневых языков состоит в отсутствии полном или частичном грамматических форм. Грамматическая форма слова определяется раз навсегда его местом в грамматическом предложении. В китайском языке вначале стоит подлежащее, потом сказуемое, далее прямое дополнение, и потом обстоятельство.

Также точно определение предшествует определяемому слову. *sin* — *si mi* — *luol*: — «ездить верхом — слон — царство» = царство, где ездят верхом на слонах, т. е. Индия. *Sian* дополнение к *sin*, а вместе они составляют определение к *kuok*.

Рядом поставленные два равноправные слова выражают новое понятие, большей частью отвлеченное.

Напр., *Pu-mi* — отец-мать, т. е. родители, *siao-ta* — малое — большое, т. е. величина, *cliili—hop—phiao—tu* — «есть, пить, похоть, игра» — (в общем) наслаждение.

Малайская группа языков вместе с родственными нолинезий; с ними наречиями образует опять-таки хорошо очерченную группу, не смотря на огромную ширину ее распространения. В Индонезии вместе с культурными яванцами эта группа включает первобытных даяков и баттаков.

Из языков малокультурных народов прежде всего надо отметить большую группу Бант[^] в Африке по преимуществу к югу от экватора. Группа Банту включает кафров с зулусами, также ряд племен центральной Африки, напр., Ашанти.

В фонетике группы Банту исследователи отмечают, как нечто необычное, так называемые щелкающие звуки, которые общи кафрским племенам с готтентотами и бушменами. Они произносятся не выдыханием, а втягиванием воздуха. Таких звуков в группе Банту три: щелкающий зубной и такие же передне-п задненебный.

Впрочем необычность этих звуков довольно относительна. Звуки, производимые втягиванием воздуха, встречаются в азиатском эскимосском наречии, а прищелкивающие звуки, правда выдыхательного качества, встречаются в камчадалском.

Главная морфологическая особенность группы Банту есть полное преобладание префиксов над суффиксами.

Так: — основа *vhi* человек, sing, *nm itntu*, plur. *aba-ntu*. Также «зулусы» — plur. *Aimi-Zulii*.

Наконец, в существительных надо отметить ряд категорий, или классов, подобных тем, которые указаны в предисловии. Каждый класс имеет особы: префикс в единственном и множественном.

Кафрский *Hif.ii*; имеет 10 классов: 1. Люди, мужчины, женщины. 3. Степени родства. 7. Продолговатые предметы: ребро, язык, член и пр. 9. Отвлеченные понятия: мудрость, господство, тьма. (Ср. стр. 209.1)

Примеры классовых префиксов.

Седьмой класс:

Ребро — *sing. ulu-bambii, plur. iziin-biunbo.*

Язык *sing. a-ltrimi, plur. izi-lu'inii* и т. д.

Числительные и местоимения, составляющие обыкновенно определения к существительным, образуют тождественные или подобные классы. *Sing. lom-nhi* этот человек, *plur. (ibubii-iiln* эти люди.

Далее следуют многочисленные группы языков малокультурных народностей, довольно разрозненные и исчисляемые сотнями. Каждая группа состоит из нескольких языков и таким образом языки, существующие на земле, исчисляются тысячами. Зато общее число людей, говорящих на таких разрозненных языках, составляет лишь немного миллионов. И все это количество вместе взятое образует лишь малую долю одного процента из 1800 миллионов земного человечества.

Только в одной Северной Америке, не включая Мексики, Франц Боаз насчитывает 55 лингвистических групп. Это составляет в общем 250 — 300 языков. Таким образом получается целый лингвистический мир с разнообразной фонетикой, с большими расхождениями в основах морфологии и еще большими в словаре.

Столь же велико разнообразие лингвистических групп и отдельных языков туземных народов Индии, племен индонезийских, полинезийских, меланезийских, языков австралийских и пр.

Однако, многие группы языков, существующие рядом в Америке, Австралии и Индии, имеют все же некоторые общие признаки.

Мы опишем здесь в виде образца только обширную группу так называемых инкорпорирующих или включающих языков. Сюда относятся американские языки Северной и Средней Америки, также палеоазиатские языки северо-восточной Сибири, так называемые американоидные.

С сущности говоря инкорпорирующие языки Америки и северо-восточной Азии нельзя назвать общей группой. Это скорее целая серия групп, весьма разнообразных и отличных друг от друга. Каждая группа включает несколько языков тоже нередко довольно далеко расходящихся друг от друга, но в общем несомненно родственных.

Основная особенность морфологии инкорпорирующих языков состоит в том, что они включают дополнение, определение или обстоятельство внутрь дополняемой или определяемой формы, большей частью глагольной, помещая включаемый корень непосредственно пред корнем формы, приемлющей включение.

Такие слитные формы существуют во всевозможных языках, наир., в русском: *вода-воронг*, *руко-прикладствовать*, *черно-мазый*.

Но в инкорпорирующих языках процесс этот заходит гораздо дальше. Сливаются вместе несколько корней, слитная форма включается в другую слитную форму и все обрастает суффиксами и префиксами, образуя новые сложные грамматические формы.

Примеры:

Дакота (северо-американским)

ta-t-itka'-wit

я емь грязь наполняющий

Более сложные формы. Цимши (северо-американский).

t-yuk-ligi-lo-d'er-dal-et

Чукотский (палеоазиатский.
американоидный III.

ti-vala-mna-rkin

я ноже точащий емь

-----, т. е. он попытался куда-нибудь это запрятать.
он начал где-то в низ сопать это.

Другой вариант инкорпорирующих языков представляет эскимосский язык, который в отличие от вышеуказанных групп, является не группой, а только одиночным языком, с диалектами довольно близкими и дающими возможность эскимосу с Аляски при случае легко разговаривать с гренландцем.

По своему строению эскимосский язык подобно урало-алтайским не знает префиксов и образует свои формы путем наращения суффиксов одного за другим. В этом наращении суффиксов эскимосский язык дошел до примеров совершенно поразительных.

Можно привести следующее слово из гренландского наречия:

takusar — iarlor — нша — galuar — нерр — а.

он заботится он соби- он намере- он делает думаете ли он

об этом

рается

вается

вы

Думаете ли вы, что он действительно собирается заняться этим делом.

Таким образом процесс включения в эскимосском языке вместо реальных имен перешел на суффиксы.

Впрочем и суффиксы эти некогда, повидимому, были независимыми корнями и употреблялись самостоятельно. Суффиксы других языков, наир., индоевропейских, тоже хранят очевидные следы своей самостоятельности. Напр., в немецком:

männ-Hch мужественный: суффикс *lich* образовался из прилагательного
i/lich. подобный.

dri-t-lal треть;

суффикс *tel* образовался из существительного
teil, часть.

В эскимосском языке местоимения личные и притяжательные дают настоящие включенные формы.

Азиатское наречие: *toko-th-mkin* — я убиваю тебя,

toko-ta'xpi-na — ты убиваешь меня и т. д.

Гармония гласных в эскимосских языках отсутствует, но притяжательные формы имен получили развитие еще большее, чем в урало-алтайских языках, и формы их вполне соответствуют формам глагольных спряжений.

Азиатское наречие:

<i>māntrak</i> — дом	<i>mimlmka</i> — мой дом	<i>munlraxpiit</i> — наш дом
<i>/oko</i> — убивать	<i>lokdlaku</i> — я его убиваю	<i>lokola.rpul</i> — мы его убиваем
(корень)	мое убива-	наше убива-
	ние его	ние его.

По своим основным свойствам эскимосский язык называется также полисинтетическим, или многосоставным. Нарастанием оттенков значения, выраженных в суффиксах, он достигает, как мы видели, того, что целая фраза превращается в одно нераздельное слово.

ТАБЛИЦА I.

Общая численность различных лингвистических групп
{кмиллионах.

1. ИНДО ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРУППА.

1. Индийские языки (урду, бенгальский и др).....	230
2. Иранские языки (персы, афганцы, таджики и пр). • • 21	
3. Новогреческий язык.....	6,5
4. Албанский язык.....	1,4
5. Романские языки:	
а) Французский язык:	
1) во Франции.....	37
2i в Бельгии.....	4,5
3i в Швейцарии.....	1
4) в Канаде.....	3
5i в различных колониях вместе с метисами. I	
	46,5
б) Итальянский язык.....	43
в) Испанский язык (вместе о средне-американскими и южно-американскими государств.).....	80
г) Португальский язык (вместе с Бразилией).....	37,5
д) Румынский язык (в Румынии за вычетом из общего числа населения, национальных меньшинств: ново-еврейского— 1,5 млн; украинского—0,5 млн; венгерского— 0,5 млн; сербского — 0,5 млн; немецкого — 1 млн;	12,5
е) Рето-Романский и Ладинский (в Швейцарии, в кантоне Граубюнден).....	0,1

6. Кельтские языки:

а) Бретонский (во Франции).....	1
б) Валлийский (в Англии).....	1
в) Гельский (в Шотландии).....	0,5
г) Эрзийский (и Ирландии).....	0,5

3

7. Германские языки:

а> Скандинавский раздел:

11 Датский.....	3,6
2i Норвежский.....	3
3> Шведский.....	6

12,6

б» Немецкий язык:

1) в Германии.....	60
2) в Австрии.....	6
3) в Швейцарии.....	2,5
4i в бывших австрийских владениях	6
5) в других странах.....	5

79,5

в) Ново-еврейский язык («йвдыш»):

1. в СССР.....	2,5
2i в Польше.....	3
3i в Румынии.....	1,5
4i в Америке.....	1

8

г) Голландский язык:

1) в Европе.....	7
2 в Южной Африке (буры)	1

8

Д! Фламандский язык в Бельгии и частью в Сев. Франции) 3

111,1

8. Английский язык (германо-кельто-романского происхождения):

а) в Великобритании:

ii в европейских владениях Англии, Шотландии и Ирландии (за вычетом из общего числа населения 2 млн, говорящих по-кельтски)	45,5
2i в Канаде (Сев. Америка), за вычетом из общего числа населения 3 млн, говорящих по-французски.....	5,8
3i в Австралии.....	6
''ч в Южно-африканском Союзе белых (за вычетом из общего числа населения 1 млн африканеров-буров, говорящих по-голландски) I	

5» в различных колониях вместе с метисами
разных групп..... 1,5

59,8

Л. в Соединенных штатах Америки (за вычетом из
общего числа населения 1 млн, говорящих на ново-
еврейском яз. и 1 млн, говорящих по-немецки). . . 108

(в том числе
10 млн нег-
ров и мула-
тов;

167,8

9. Летто-литовский язык:

а) Латыши..... 2
б) Литовцы..... 2,3

4,3

10. Славянские языки:

а) Восточно-славянский раздел, состоящий из трех
ветвей русского языка:

1) в пределах СССР:

а) собственно русский или велико-
русский..... ТО
3) украинский..... 30
■/) белорусский..... 5,5

105,5

2) в Польше:

а) собственно русский и.ш. велико-
русский 0,5
3) украинский (в Галиции, Холм,
щине и других отрезках бывшей
России) 5
■у) белорусский (в отрезках бывшей
России) 1

6,5

3) в Чехо-Словакии: угро-русский (ветвь
украинского языка в закарпатской Руси). . . 0,5

4) в Румынии:

а) в Буковине..... 1
л) в Бессарабии..... 0,5

1,5

114,0

б) Западно-славянский II раздел:

- 1) Польский язык (в Польше, за вычетом из общего числа населения нац. меньшинств: украинского 5 млн, белорусского 1 млн, великорусского 0,5 млн, новоеврейского 3млн, литовского 0,3млн и немецкого 0,5млн) 16,7

- 2.1 Чешский язык (в Чехии, за вычетом из общего числа населения немецкого меньшинства 2 млн)..... 7

- 3) Словацкий язык (в Словакии, за вычетом из общего числа населения меньшинства угро-русского 0,5 млн и мадярского 0,5 млн 2,5

26,2

в) Южно-славянский раздел:

- 1) Сербский язык..... 6,3
2) Хорватский язык..... 3,1
3) Словенский язык..... 1,3
4) Болгарский язык..... 5,2

15,9

Итого славянских языков..... 156,1

Итого по Индо-Европейский группе..... 920,8

II. СЕМИТИЧЕСКАЯ ГРУППА.

Арабский язык:

- а) Египет..... 13
б) Сирия..... 3
в) Месопотамия (Ираы..... 3
г) Палестина..... 0,6

д) Аравия:

- 1) область Геджаг..... 0,9
2) » Оман..... 0,5
3) » Неджд..... 0,4
4) » Йемен..... 1,0
5) >> Кувейт..... 0,5
6) » Керак (Трансиордании;..... 0,5
7) >> Азир..... 0,75
8) > Аден и Перим..... 0,15
9) ■> Джебель Шаммар..... 0,25

5

е/Триполи..... 1

ж) Тунис..... -

з) Алжир..... 6

и) Марокко..... 4

к) Сахара, Южная Африка и проч..... 1

38,6

2. Евреи..... ^3,5

(но древне-еврейский язык является мертвым, богослужб-
ным и литературным)

Итого по всей Семитической группе..... 52,1

MasuDosraii. культуры на земле.

III. ЯФЕТИЧЕСКАЯ ГРУППА.

- 1) Кавказские языки..... 4
- 2) Баскский язык..... 1

Итого по всей Яфетической группе..... 5

IV. ХАМИТСКАЯ ГРУППА.

- 1. Абиссинские языки..... 12
- 2. Берберы и кабилы..... R
- 3. Туареги, тиббу и др. сахарские языки..... I
- 4. Сомалийцы..... 1
- 5. Масаи..... 1,5
- 6. Галласы 1
- 7. Шнллуки и Динка..... 1,2
- 8. Готтентоты..... 0,7
- 9. Мелкие племена..... 1

Итого по всей Хамитской группе..... 25,4

V. УРАЛО-АЛТАПСКИЕ ЯЗЫКИ.

1. Финно-угрская подгруппа:

- а) восточно-европейских финнов 5
- б) финляндцев..... 3
- в) эстонцев..... 1
- г) мадьяр..... 10

19

2. Самоедская подгруппа..... 0,02

3. Турецкая подгруппа:

а) турецкие народы в пределах СССР:

- 1) узбеков..... 5,2
- 2) казаков (Киргиз) 4,2
- 3) азербейджанских турков..... 2,0
- 4) башкир..... 2,0
- 5) татар Поволжских..... 2,0
- 6) татар Крымских..... 0,3
- 7) чувашей..... 1,0
- 8) туркменов..... 0,8
- 9) (Кара)-Кыргызов..... 0,5
- 10) Кара-калпаков..... 0,5
- 11) якутов..... 0,3
- 12) сибирских турков..... 0,3
- 13) северо-кавказских турков..... 0,5

19,6

б) турки Турции..... 10

в) турки Персии, Китая..... 6

35,6

4. Монголо-бурятская подгруппа:

а) монголы.....	4,0
б) буряты.....	0,25
в) калмыки.....	0,2

4,5

5. Маньчжуро-тунгусская подгруппа:

из маньчжуры (окитаившиеся).....	5,0
б) тунгусы разных племен.....	0,3

5,3

Итого по всей Урало-алтайской группе 04,4

VI. Японский язык 58

VII. Корейский язык..... 17

VIII. МАЛАЙСКАЯ ГРУППА.

1) Яванцы.....	32,0
2) Другие малайские народы.....	32,0
3> Полинезийские языки.....	1,0

65

IX. ОДНОСЛОЖНЫЙ ЯЗЫКИ.

1. Китайский язык..... 440

2. Индо-китайские языки:

а) сиамский.....	10,0
б) бирманский.....	13,0
в) аннамский.....	5,0
г) тонкинский.....	7,0
д) мон-хмер ^Камбоджа ■.....	2,0
е) прочие.....	3,0

40

3. Тибетский язык..... 2,5

482,5

X. Языки Банту п Бунда..... 28

XI. Языки внутренней Африки..... 62

XII. Дравидические языки — тамильский, канарезский,
телугу и пр. (в южной Индии)..... 50

XIII. КолариСп кие языки (Мунда, там же).....	1
XIV. Индейски" языки (в Америке).....	0
XV. Прочие языки '.....	5
Итого на земле.....	1 841,2 ¹

ТАБЛИЦА II.

Статистика мировых религий ^{1 2}

имиллионах .

1. Агностики (неверующие).....	14	(0,8%,)
2. Протестанты.....	230	(12 %)
3. Католики.....	300	(16,5%)
4. Православны!!.....	150 (8,4%)
5. Евреи.....	13,8 (0,8%)
6. Мусульмане:		
а) сунниты.....	180	
б) шииты.....	70	
	250	(13,5%)
7. Брамансты.....	235	(13 %)
8. Буддисты.....	570	(30 %)
9. Шаманисты.....	88 (5 %)
В с е г о	1 850,8	(100 %)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

КУЛЬТУРНЫЕ КРУГИ.

Для этногеографа, быть может, наиболее важным является расчленение человеческих народов по признаку культуры. Культура человечества в различных своих проявлениях возникла из нескольких центров, составляющих средоточие более или менее обширных куль-

¹ Сюда должны быть включены такие группы языков как: палеоазиатская, австралийская, меланезийская и некоторые отдельно стоящие языки, например, бушменский. Все эти группы отличаются малочисленностью и состоят из немногих десятков тысяч ц даже просто тысяч человек; иные из отдельных языков исчисляются сотнями.

² Все эти подсчеты имеют, разумеется, лишь приблизительный характер и изменяются от автора к автору. Между прочим, общий итог статистики мировых религий, приведенный в следующей таблице не совпадает с итогом лингвистических групп, хотя разница составляет менее 1%. Мы все же сочли излишним искусственно подгонять один итог к другому.

³ По данным проф. А. Фпшера. Hickmann's Geographisch-Statistischer Universal-Atlas, Wien. 1924, S. 14 und Tafel 44.

гурных кругов. Возможно, что эти культурные круги могут быть возведены к общему центру в какую-нибудь древнюю эпоху. Но в своих последующих исторических и этногеографических формах культурные круги человечества существуют раздельно, и вся разнообразная жизнь человеческой расы определяется их взаимодействием и соотношением. Центральная ячейка каждого культурного круга в древнейший период своего возникновения, вероятно, представляла сплоченную общину, довольно незначительную численно и территориально. По мере развития культуры ее покоряющее, ассимилирующее воздействие распространялось во все стороны по прямым

Рис. 5. Распространение местных центров культуры в Евразии по Мечникову и в Америке.

линиям как лучи тепла, и нарастание ее происходило по концентрическим кругам. Это нарастание концентрических кругов культуры — подобно нарастанию колец древесины в древесном стволе. Оба эти процесса имеют одинаковый полу-механический и элементарно-органический характер.

Круговое разрастание культуры является одним из наиболее существенных элементов человеческой истории. Его можно проследить не только в соотношениях человеческих рас, государств, но также и в пределах одной и той же государственной организации по отношению к одной какой-нибудь отрасли культуры: человеческие верования, промышленные навыки, технические изобретения, распространяются также по радиусам из общего центра и нарастают концентрически.

Однако, этногеографическое разрастание человеческой культуры по концентрическим кругам не имеет характера процесса медленного, непрерывного и постепенного. Напротив того, оно совершается толчками, порывами, имеющими стремительное повышение и не менее стремительное понижение. Концентрические круги, как кольца, нарастают раздельно один на другом.

Обычным процессом распространения культуры, особенно на ранней стадии ее мутационного развития и роста, является завоевание. Культурно-государственная организация в разгаре мутационного периода приобретает агрессивный характер и стремится к расширению, скорее механическому, чем органическому. Однако, и такое расширение ведется по концентрическим кругам, потом закрепляется и приобретает органический характер. Самый типичный пример представляет завоевания древнего Рима, которые продолжались ряд веков и раздвинули горизонт греко-римской культуры до крайних пределов географического круга, в то время известного. В других случаях, напротив, завоевание, несмотря на все упорство завоевателей, производит только временное физическое разрушение чужой культуры, а не распространение своей собственной. Таковы все завоевания Египта при Тутмесах и при Рамзесах, Ассирии при Санхерибе и Саргоне, Персии при Кире и Камбизе и пр.

Третий вариант, наступление эллинизма на переднюю Азию при Александре Македонском, имеет одновременно характер бурной культурной мутации и стремительного завоевания.

Через одно поколение, при преемниках Александра Македонского, эллинизм истощило наступательную силу и должно было ограничиться обработкой уже захваченного ареала.

Таким образом одновременно с завоеванием идет ассимиляция, мирное усвоение культуры, проникновение ее в более широкие географические слои. Достигнув известного географического объема, накопив определенную массу богатства и знания, культура данной народной единицы, данного государства имеет тенденцию как бы замкнуться в себе, окружить себя защитною стеною от зарубежного хаоса и варварства для того, чтобы спокойно накапливать дальнейшее богатство, материальное и духовное, в пределах своей собственной ограды. Китайская великая стена, Траянов вал, греческий Асандров вал в Крыму, римская каледонская степа в южной Шотландии были такими защитительными физическими стенами.

В других случаях стены заменяются цепями крепостей, острожков. Такова была римская граница *Limes* в южной Германии, московская степная линия, сибирская линия и т. д. Такое же зна-

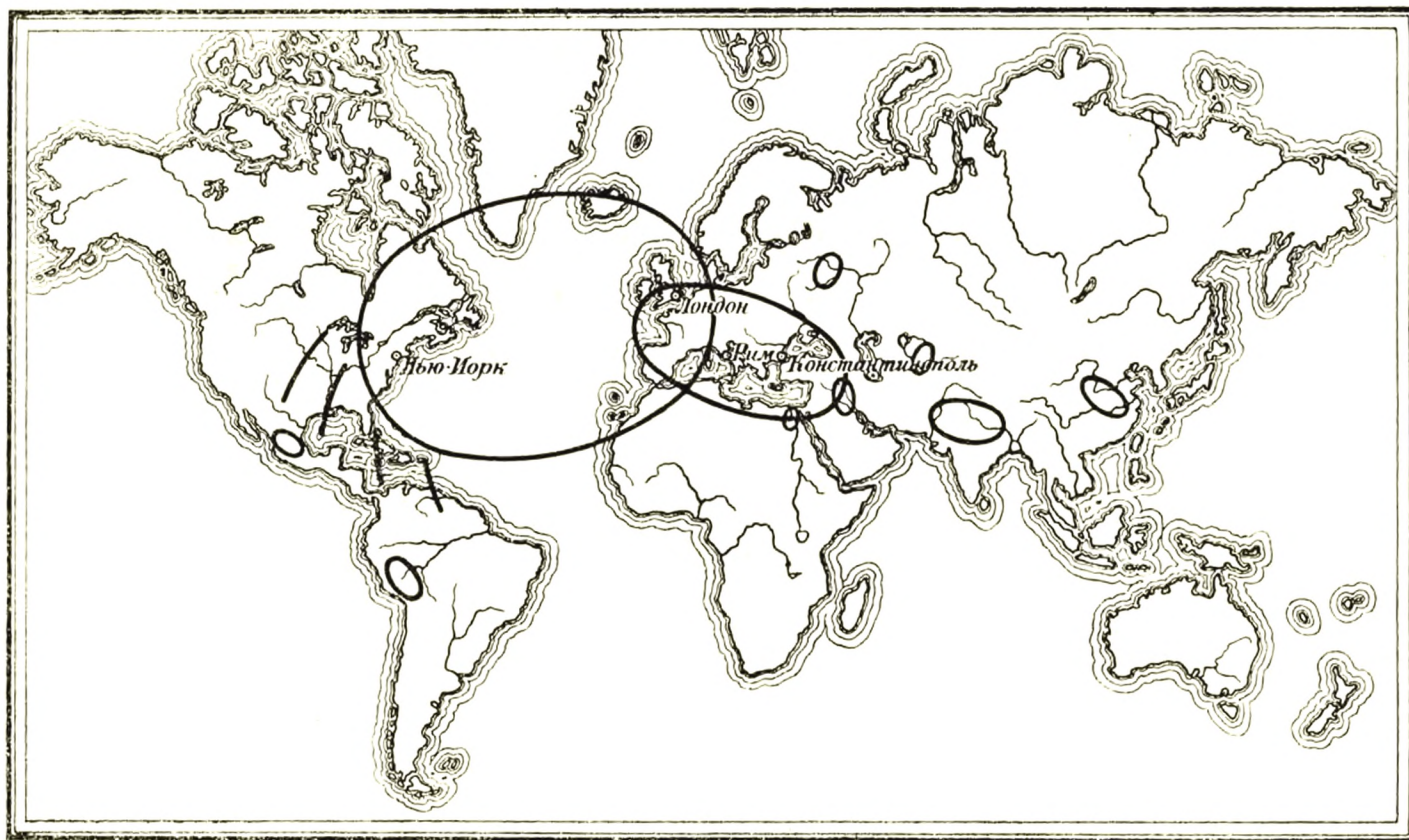
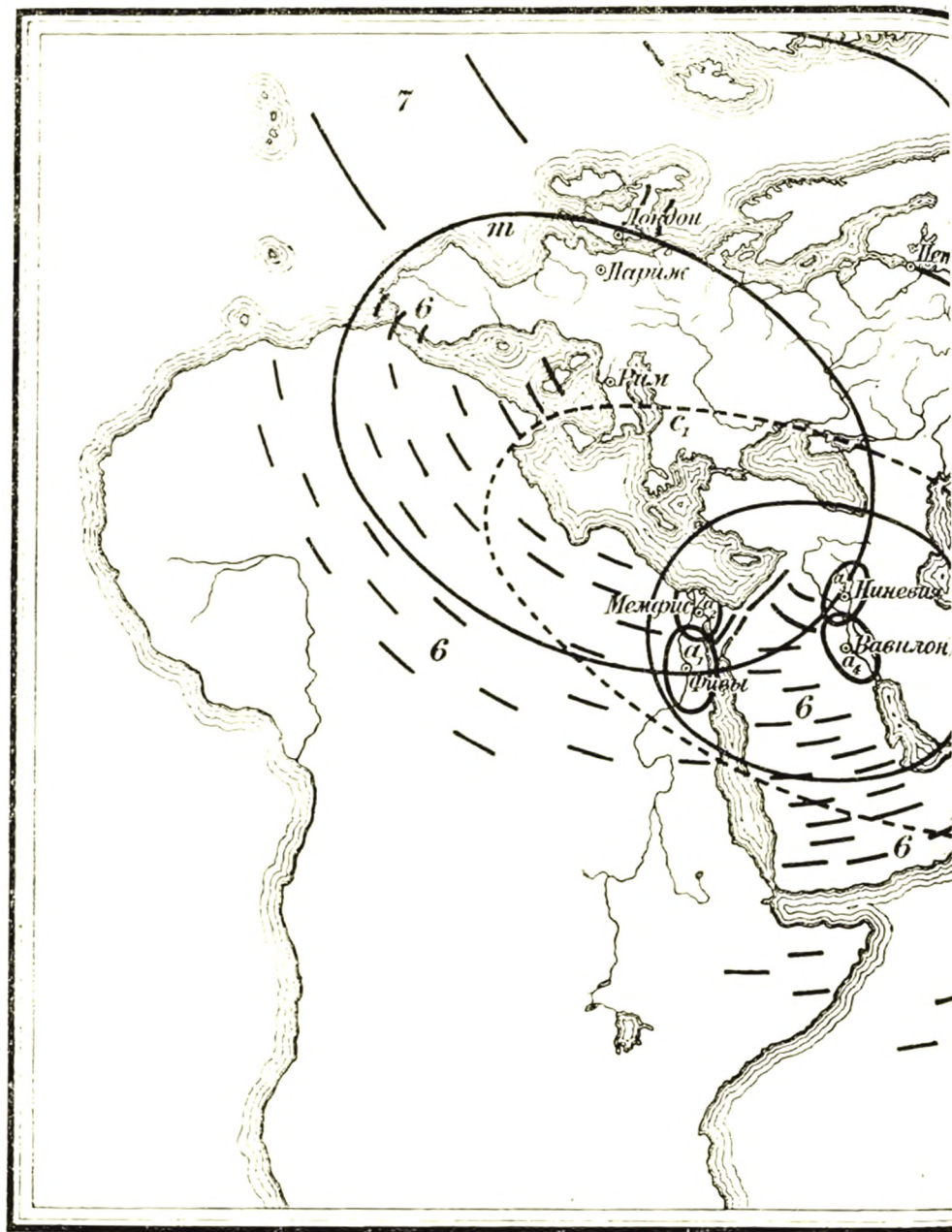

Рис. 6. Географич. распространение двуцентровых эллиптических образований в общем плане распределения культуры на земле.

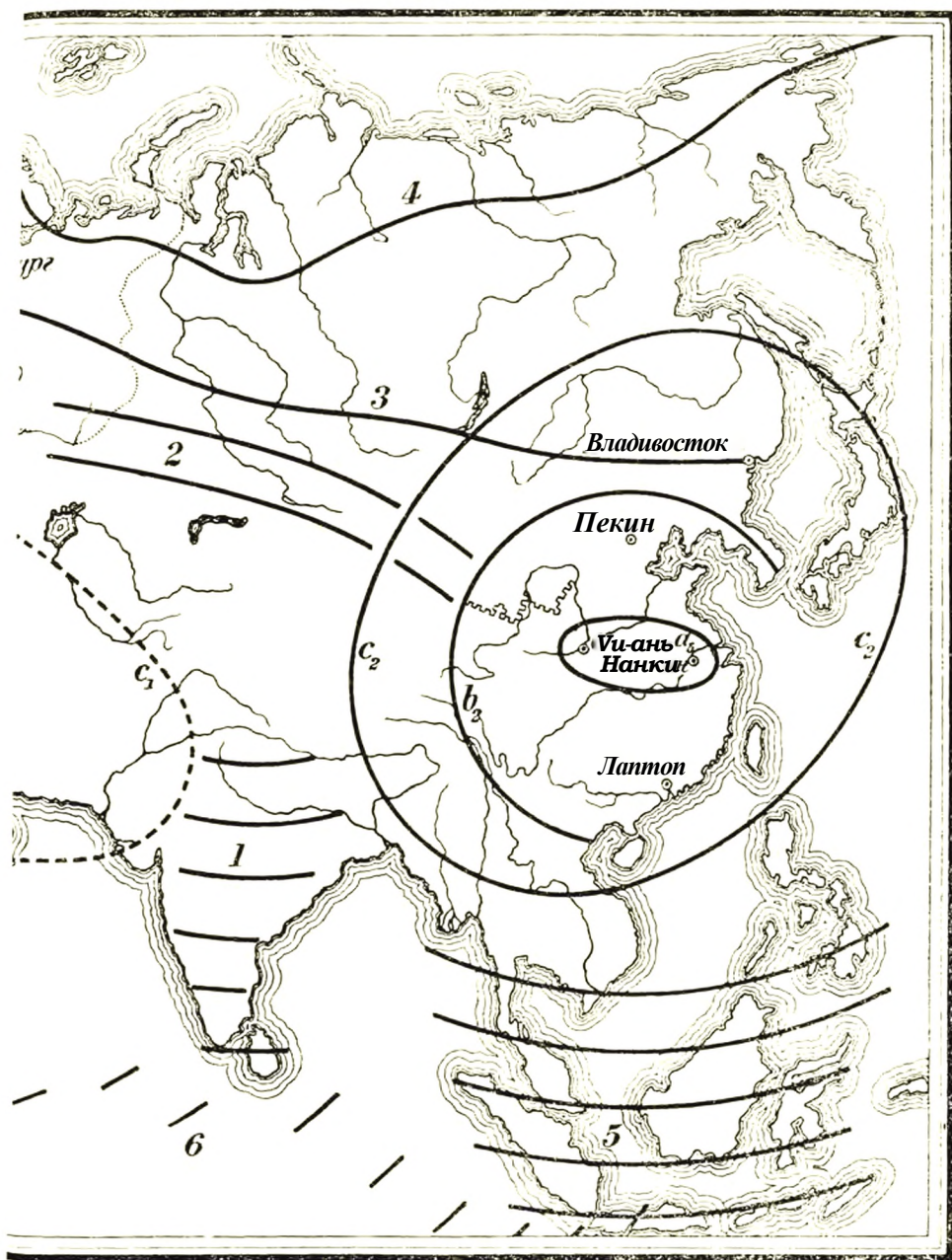
Рис. 7. КУЛЬТКРУГИ ЕВРАЗИИ С КУЛЬТУРНЫМИ Ш

Условные

а — местные центры культуры: а₁ — Верхний Египет, а₂ — Нижний Египет, а₃ — Вер:
б — концентрическое нарастание: Ъ₁ — ближневосточный древний круг, **б** — д!
с — расширенные круги: с₁ — эллинистический, с₂ — дальневосточный,
ю — Средиземноморский круг (культ-эллипс).

Культперемычки: 1 — индийская, 2 — среднеазиатская степная, 3 — северная евра!

означения:

88 Месопотамия (Ассирия), ас—Нижняя Месопотамия (Вавилония), а₃—Древний Китай, шевосточный круг.

Ichsa (СССР). 4 — арьтвчесья, 5—крлоиевийсья, 6 — араипйсья, ? — атлавчичесья.

чение имеют заставы воинов, поселки военных пограничников, русские казачьи линии, Терская, Гребенская, откуда термин: «линейные казаки», австрийская граница с ее граничарами и пр. Можно напомнить также «деревянные стены» Афин в виде ее военных кораблей, английский флот, ограждающий Англию, или такую античную формулу: «ограда государства состоит из храбрости ее воинов».

Таким образом, область накопленной культуры резко отграничивается от окружающего варварства и с ростом культуры это разделение усиливается и растет. Каждая культурная область является ареной двойного давления: от центра к периферии и от периферии к центру.

В пределах культурной ограды рождаются противоречия, классовые, производственные и бытовые. Вино культуры как бы вспенивается, бродит и разъедает вмещающую его географическую чашу. А по всей периферии возрастает напор варварских народов, уже усвоивших себе некоторые обрывки культуры, проникшие из-за стены, и ставших сильнее и организованнее, но именно оттого привлекаемых богатствами внутреннего круга и жаждущих добычи и раздела. Рано или поздно происходит прорыв. Варварство врывается внутрь, а вино культуры выливается наружу. Наступает катастрофа, истечение соков культуры и стремительное понижение ее общего уровня. Варварство победило культуру, всосало в себя ее соки и разрушило большую часть достижений культуры.

Однако, через несколько веков наступает опять перемена. Культура, просочившись и пролившись за ограду, никогда не исчезает бесследно. Она размножается, растет сперва молекулярно, а потом и более широкими участками, и, в конце концов, обозначается новый культурный круг, концентрический прежнему, но значительно более широкий. Внутри этого круга происходит опять нарастание культуры и дальше намечаются наружные пределы и ограда. А там происходит новый напор зарубежного варварства, прорыв и катастрофа. Из этого видно, между прочим, что культура стремится постоянно расширяться и выйти за пределы основной культурно-государственной организации. Это расширение происходит прорывами, толчками, а потом непрерывным молекулярным рассасыванием. Именно путем таких последовательных прорывов вавилонская культура приобщила к себе Ассирию и далее Иран; персидский культурный круг, столкнувшись с эллинизмом расширился в круг эллинистический и далее, в греко-римский, средиземный. Средиземноморская античная культура разрушенная северными варварами, после эпохи Возрождения, расширилась в культуру европейскую.

Этот процесс распространения культуры от побежденных к победителям является, очевидно, оборотной стороной указанного выше завоевательного процесса. И часто он имеет гораздо более широкое и важное значение. Все расширения римской культуры путем завоевания бледнеют пред обширностью и важностью ее распространения после нашествия варваров и формального распада римской империи.

Так из круга греко-римского вырос и расширился круг европейский. После того европейская культура заняла и приобщила американский континент и, наконец, заявила притязания всемирные.

Также концентрически росли другие культурные круги: индийский, китайский. Настоящая эпоха является временем встречи различных культурных кругов, пересекающих друг друга участками периферии. Варварство в собственном смысле исчезло или сохранилось на весьма ограниченных участках, и нашествие варваров стало невозможно. Возрастает борьба различных культурных влияний, которая должна неминуемо привести к слиянию разных культур в более широкое мировое целое.

В разрастании и распространении культуры по земле, кроме линии концентрических кругов, есть и другая линия, не менее важная, но более сложная. Разбирая основные ячейки различных культурных кругов, мы видим, что часто в самом начале своего развития они оплодотворяются разрывом своей этнической оболочки под насильственным внедрением другого этнического элемента и слиянием этих двух культурных и этнических ячеек в одно общее целое. Этот процесс как бы аналогичен процессу органического оплодотворения. Так, Рим возник из слияния двух общин: полу-разбойничьей латинской и оседлой сабинской, к которым потом присоединилась и третья община — этрусская. Мы имеем в данном случае тройное соединение, между тем как в двуполом слиянии органических клеток, — слияние только двойное. Таким образом, кроме сходства, нужно отметить и различие. Тем не менее, в развитии римской ячейки двуполое слияние выдвигается особенно четко: римская община окрепла после похищения сабинских женщин римскими мужчинами. Точно также двойной общественной клеткой явилась Двурогая корона Египта,¹ Киев времени Аскольда и Дира, еврейство эпохи судей, вмещавшее с себе элогистов и иеговистов. Иуду и Израиля.

¹ Двурогую корону Египта можно видеть на головах сфинксов на набережной Васильевского острова (ср. В. Струве, Петербургские сфинксы, «Записки Классического Отделения Русского Археологического общества», том VII .1913. стр. 40 к

В дальнейшем развитии каждой культурной ячейки в более широкое целое, рядом с концентрическим постом выступает наружу стремление создавать двойственные центры и, облекая их нарастающими кольцами вместо простого круга, расширяться в эллипс. Графически область культуры представляет как бы эллипс, нарастающий овальными слоями вокруг двух центрально расположенных и взаимно связанных фокусов.

Известная теория Каппа и Мечникова о возникновении культуры в речных областях в своем этногеографическом развитии связана с парными реками (см.рис. 5). Такими речными парами являются Тигр и Евфрат в Месопотамии, Сыр-Дарья (древний Яксарт) с Аму-Дарьей (древний Оксус) в Туркестане, Гоанго и Янцеканг в Китае, Ганг и Инд в Индии, и в более детальном рассмотрении Инд с Сетледжем (Пятиречье-Пенджаб) и Ганг с Джумной. Еще одна индийская пара: Ганг с Брахмапутрой. Европейские речные пары: Шельда и Рейн, а также Рейн с Маасом. Во Франции Сена и Луара, в Испании Дуэро и Тахо, в России междуречье Волги и Оки (см. рис. 6). Исключением является Египет, возникший вдоль одной речной артерии Нила хотя Нильская дельта все же является раздвоенной.

В России, помимо двуречья Волги и Оки, имеют важнейшее значение две основные линии водных путей, ведущих: а) из Варяг в Греки через Ладогу, Ильмень и Днепр и б) из Варяг в области Ближнего Востока через Ладогу, Волгу и Каспийское море.

Первоначальные линии русской культуры с древнейших времен возникали по линиям указанных водных путей. В дальнейшем русская культура, взятая как целое, развилась в центральном пространстве между Волховом, Днепром и Волгой и там образовала свой основной сгусток, постепенно распространившийся на север и восток.

Парные государства XIII — XVI века, Литва и Москва, две основные народности, Украинская и Великорусская, неразрывно связаны с указанными водными путями.

Вплоть до последнего времени, в развитии русской культуры, Украина и Москва все еще являются основными элементами творчества (см. рис. 8).

Мечников вплотную подходит к вопросу именно о парных речных системах. Однако, он не дал определенной формулы и не высказал решительного заключения.

«Четыре древнейших великих культуры все зародились и развились на берегах больших рек. Хоанхо и Ян-Тге-Тзян орошают местность, где возникла и выросла китайская цивилизация; индийская, или ведийская, культура не выходила за пределы бассейнов Инда

и Ганга; ассиро-вавилонская цивилизация зародилась на берегах Тигра и Евфрата — двух жизненных артерий месопотамской долины; наконец, древний Египет был, как это утверждал Геродот, «даром», или «созданием» Нила.¹

Легко видеть, что эта формулировка заключает в себе теорию парных рек, и парных центров культуры, но нигде не подчеркивает ее с полной определенностью.

Самый механизм географического наложения культуры, в области двуречья, надо представлять себе так. Первоначально вдоль каждой речной линии возникают два ряда культурных точек и смыкаются в две культурных линии. В дальнейшем, между этими линиями, возникают переменные токи культуры, аналогичные электрическим токам, притягательные и отталкивательные (мирное проникновение, война). Постепенно все пространство между двух культурных линий заполняется культурой и возникает широко-очерченное географическое культурное образование.

Отто Мауль указывает на дальнейшую увязку таких ограничивающих рек поперечными каналами. Так Навуходоносор построил четыре соединительных канала между Тигром и Евфратом. Набунаид таким же путем превратил Вавилон в остров, огражденный со всех сторон водными линиями.² В Египте каналы вели от Нила к Красному морю, усиливая и подчеркивая таким образом двулинейность нильской дельты и двух морей, Средиземного и Красного.

В государствах с менее развитой речной системой каналы заменяются сухопутными дорогами, которые увеличивают внутреннюю связь и обособленность данной области и постепенно обращаются в целую сеть артерий внутреннего обращения.³ Однако, сухопутные дороги не могут соперничать с каналами и реками. Только начиная с половины XIX века железные дороги равняются с водными путями по своей провозоспособности и таким образом соединяются с ними в одну общую сеть. Так в удлинённом эллипсе, переходящем в полосу, государства СССР, сибирская железная дорога связывает два моря — Балтийское (Атлантический океан) и Японское (Тихий океан) и две великие системы речных путей — волжскую и амурскую.

Однако, двойная симметрия внутренних центров культуры выходит далеко за пределы парных рек. Для древнего востока Египет и Месопотамия явились такими основными парными культурными

¹ Лев Мечников, *Цивилизация и великие исторические реки*. М., 1924, стр. 133.

² Otto Maull. *Politische Geographie*, Berlin, 1925, S. 491.

³ Ibidem, S. 493.

центрами. Можно даже сказать, что последующее значение Иудеи, неожиданно возросшее в такой исключительной плоскости, связано с тем, что Иудея лежит на середине, на встрече, на скрещении токов ассирийско-вавилонских с токами египетскими. Культура и самая национальность Иудеи была соткана с самого начала из двух элементов: Вавилонского (отображенного в легенде об Аврааме), и Египетского (отображенного в легенде о Моисее).

Древнееврейская культура постоянно испытывала это переменное влияние ассиро-вавилонских и египетских токов, то притягательных, то отталкивательных. Ассиро-вавилонские и египетские завоевания перемежались друг с другом так же точно, как проникновение в Иудею вавилонских влияний Кодекса Хаммураби и жреческо-египетских влияний, принесенных левитами.

Кроме указанных выше примеров, двойственность, парность внутренних центров культуры появляется и дальше. Так греко-римский, средиземноморский культурный мир даже графически представляется эллипсом, самоочертившимся вокруг двух основных культурных сгустков, греческого и латинского. Фокусами этого эллипса были в разное время Рим и Афины, Рим и Александрия, наконец, Рим и Константинополь. В новейшей культуре западно-европейской, христианской белой расы, в ее английской части, парными центрами являются Англия и восточные штаты Америки, эллипс переходит через Атлантический океан, а фокусами эллипса являются Лондон и Нью-Йорк (см. рис. 6).

Только в последнее время, с начала двадцатого века культура получает очертания всемирные. Отдельные разбросанные эллипсы, культурные круги с одним, двумя или многими центрами, сливаются вместе, стремясь сплотиться в общий круг, периферия которого, по формуле Паскаля, будет расположена везде, а центр нигде.

Из социологов о культурных токах подробнее всего говорит Тард,¹ но он выдвигает вперед, так сказать, механику процесса и забывает об его органическом синтетическом значении.

Важнее всего его замечания о рефракции культуры, о том своеобразном преломлении, какое получает каждый элемент социологического воздействия, проникая в новую среду.

Примеров этому можно привести множество. Напр., звуки латинского языка в кельтической Галлии — Франции, в иберийской Испании, в дакийской Румынии получили совершенно иную огласовку.

¹ G. Tarde, *Les lois de l'imitation*, Paris, 1900.

Христианская церковь от Сирии до Великобритании, от парагвайских индейцев, до японской национальной баптистской церкви, приобретала все новые формы. Такие же своеобразные формы приобрел и буддизм.

Мне, напротив того, представляется праздным предположение Тар да об интерференции культуры, о взаимном уничтожении двух сталкивающихся между собою культурных построений. Культуры вообще в высокой степени пластичны и склонны к слиянию. Падение культуры возможно в случае длительного столкновения с варварством, а не с другою культурой.

Историки злоупотребляют сентенциями о неизбежном вырождении культуры, об изнеженности нравов, упадке добродетели, приведшем к падению ряд государств и прочее. Эти сентенции основаны не столько на фактах, сколько на чрезмерном уважении совершенно религиозного типа к добродетелям предков, которые будто бы были сильнее «изнеженных» потомков.

В общем культура на земле не надаёт и не вырождается, а непрерывно растёт, восходит вверх по все расширяющейся, спиральной линии.

В истории развития ближневосточного культ-круга каждое разрушение данного культурного очага вело к дальнейшему расширению и нарастанию нового культурного кольца. Культуры Китая и Индии существуют, как указано, с незапамятных времен. Дальнейшее развитие их было приостановлено, но именно теперь они проявили способность и стремление к новому оплодотворению.

В Америке мы находим примеры культур, возникавших и потом погибавших от неисследованных причин. Такова была культура майев в Юкатане, которая распалась еще до прихода испанцев; культура Тнгуанако на озере Титикака в южной Америке. Развалины города Тнгуанако свидетельствуют как бы о каком-то внутреннем бессилии. Колонны ворот не были достроены, и огромные каменные головы так и остались лежать на земле. С другой стороны, культура Тнгуанако породила культуру перуанскую и имела большое влияние на окружающие племена вплоть до равнин Аргентины.

Остатки разрушенных храмов и дворцов, свидетельствующих о погибшей культуре, находятся и в Колумбии в дремучих лесах близ города Сан-Сальвадора.

Приведенные выше примеры разбитых культур, например, в Центральной и Южной Америке, объясняются, как указано, их одиночностью, также неблагоприятными географическими условиями пересеченных горных областей, препятствовавших удвоению и

раздвиженшо культурных кругои, и дальнейшему возникновению новых живых переменных токов. С другой стороны, и в Америке, в конце концов, укрепились два больших культурных очага, — Мексика, Перу, уже переходившие в эпоху Колумба в парное состояние.

В области Старого Света примеры уединенных разрушенных культур встречаются в Африке, хотя, быть может, это были только заброшенные колонии, отростки далеких культурных очагов.

В Среднеазиатской пустыне — там, где Козлов, Свен Гедин и другие находили города, засыпанные песком, — разрушение культуры связано, очевидно, с изменением климата, с дальнейшим высыханием пустынь. И развитие и упадок этих государств и культур не выпадает из общей линии развития ближневосточного культ-круга.

В предыдущем анализе я старался установить, что культура в самом начале связана с болезненными элементами развития, и что даже на ранних стадиях она имеет характер искусственного построения. Но искусственность не есть вырождение. Современная городская культура западной Европы принимает машинные, механические формы, однако она сохраняет характер агрессивный и растущий и, в общем, не смотря на свои огромные внутренние противоречия, несет в себе возможность дальнейших перерождений в порядке мутации, возникающей именно в связи с противоречиями.

Изучая культуру человечества в ее мировом распространении, можно отметить такое же парное двойное расположение обширных культурных кругов, которые в свою очередь играют роль парных культурных центров для дальнейшего культурного распространения.

Самым ярким примером этих парных культурных соотношений являются два главные культурные центра материка Евразии (см рис. 7).

В пределах Старого Света Европа сливается с Азией совершенно незаметно, и вместе они составляют обширный Евразийский материк. Западная Европа, состоящая из скопления различных островов и полуостровов, глубоко изрезанных морями, имеет обособленный характер, но равнина восточной Европы является широким продолжением равнины азиатской. Огромная Евразия является, если не местом первоначального зарождения культуры, которое, быть может, находилось южнее по экватору в области Гондваны, то во всяком случае, — дальнейшей колыбелью культуры, широким вместилищем ее различных очагов. В западной половине Евразии, в области ближнего востока, мы встречаем, как указано выше, древнейший, культурный очаг Месопотамии, Междуречья. Этот культурный очаг, путем постепенного разрастания по линиям концентри-

ческим и большей частью вокруг двух центров, превратился в большой ближневосточный и европейско-американский культурный круг.

В то же самое время на восточном конце Евразии через всю ее ширину возник другой, дальневосточный круг культуры. Структура его значительно менее сложна, ибо центральным ядром является двуречный Китай, это единственное во всем мире образование, одновременно совмещающее в себе расу, народ и государство. К Китайскому ядру примыкают Маньчжурия и Япония с Кореей с северо-востока и Индо-Китай с юга.

Эти два основных центра человеческой культуры обусловили собою все дальнейшее развитие человечества. Между ними издавна на пространстве Евразии возникали культурные токи, одновременно притягательные и отталкивательные, которые и здесь составляют, очевидно, один из основных фактов и стимулов развития культуры.

Территории воздействия этих взаимно-переменных токов настолько обширны, что по линиям их развились особые культурные образования своеобразного характера, отчасти игравшие роль перемычек между основными культурными кругами, отчасти же влиявшие на них своеобразными элементами, выросшими в этой промежуточной географической среде.

Можно отметить на континенте Евразии три главнейших географических перемычки:

а) Перемычка индийская с юга — наиболее древняя и наиболее важная. Мы даже не можем с уверенностью сказать, не является ли она третьим древнейшим культурным очагом Евразии. Мало того, быть может, индийская культура является перемычкой еще более древней между пракультурой экваториальной Гондваны и культурой туркестанской среднеазиатской впадины, которая после дала от себя два дальнейшие отростка: месопотамский и китайский. Основным этническим элементом обширной индийской области являются темнокожие дравиды, географическое прошлое которых, вероятно, примыкает к распространению темнокожей расы в экваториальном направлении.

С другой стороны, арийцы, пришедшие в Индию с севера, являются элементом, связанным с распространением индо-европейской расы по южной линии огромного излома, основным пунктом которого является указанная область, лежащая к северо-востоку от Месопотамии, в западной части Туркестанской впадины. Западная линия индоевропейского излома уводит из того же основного пункта на запад в Европу. Таким образом, индийская культура

е древнейшем своем образовании выводит нас за пределы евразийского материка.

В дальнейшем развитии, индийская культура являет много элементов, связывающих ее попеременно то с ближневосточно-европейско!*, то с дальневосточно-китайской культурой.

Так, браманпческий политеизм родствен эллинскому, отчасти германскому политеизму. Буддизм Индии имел влияние на христианскую религиозную мысль и в то же время он овладел Китаем. Философия индусов (отчасти математика к астрономия) воздействовала в значительной мере и на греческую и на китайскую мысль. Далее, между Китаем и Индией есть более частичная промежуточная область — Индокитай, самое имя которой говорит о двойном влиянии Китая и Индии. Таким образом, Индийская культура является не только перемычкой, но также и древнейшим, быть может, наиболее древним культурным очагом.

в) Севернее Гималайского хребта, резко отгораживающего Индию, расположена вторая перемычка—среднеазиатская, степная. Среднеазиатская впадина вместе с Туркестаном были, быть может, первоначальным культурным очагом обширной Евразии и огромным бассейном, откуда изливались человеческие расы последовательными волнами к востоку и западу. По мере высыхания равнины, ее этногесграфическое значение суживается, и она является уже не первоисточником, а только перемычкой окрепших культур, осевших на востоке и на западе.

Кочевые народы, составлявшие и составляющие ныне ее человеческое содержание: турки, монголы и пр., своими завоеваниями и расселениями соединяли и связывали оба культурные круга — восточный и западный. Такова, напр., была роль татар, завоевавших Русь и соединивших Китай п Монголию с Европейской Россией, вплоть до Польши и Швеции, под своей степною державой.

с) Третья перемычка, расположенная еще севернее, представляет длинную полосу лесостепей и лесов умеренно-холодной зоны и еще более холодных полярных тундр. Между прочим, вся эта перемычка входит в пределы государства России, ныне Союза ССР. Значение этой перемычки определилось позднее, так как народы, населявшие ее, были до последнего времени довольно малочисленны и пассивны. Сами не создавая крупных культурных ценностей, эти народы играли воспринимающую и передаточную роль. Однако, с продвижением культуры на север и уплотнением населения в этих областях возрастает и культурное значение этой наиболее северной евразийской перемычки. Это возрастание совпадает с возрастаньем

и усилением России — СССР. Оно не относится к прошлому. Начало его в настоящем, а продолжение в будущем.

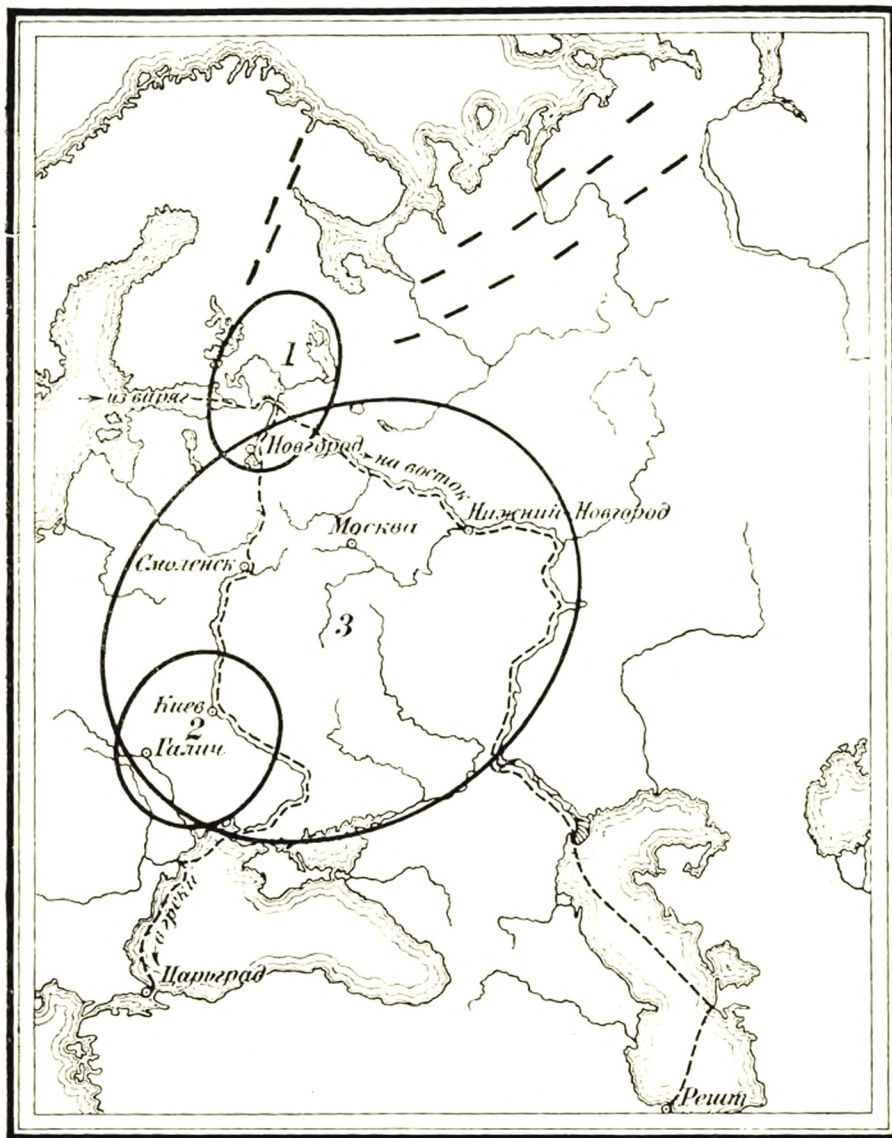
Таким образом Россия — СССР — составляет не только образование историческое и политическое, но также и особое этногеографическое целое. Россия последних веков, даже по своей геометрической форме, является как бы полосой, скрепляющей и стягивающей вместе разнохарактерную Евразию. Новейшая Россия простирается меж двух океанов, омывающих Евразию: от Финского залива и Мурмана, соединенных с Атлантикой, до Берингова и Охотского морей, входящих в Тихий океан.

Этногеографическая политика СССР является продолжением и усилением, преображенным наследством этногеографической политики предыдущего периода. В своей новейшей форме, этногеографическая политика Союза советских социалистических республик приобретает какую-то новую крепость, пластичную и вязкую, свойства каучука и стали. Автономные образования внутри советских республик представляют пластичность. Эти образования выдвигаются, как щупальцы, в довольно неожиданные стороны, наир., от Хорезма и Бухары на линию Персидского залива, от Автобурмонголии в самую толщу азиатского материка. Однако, в отличие от предыдущего периода, эти новейшие образования построены на принципе полного равноправия и государственного самоопределения туземных народностей СССР.

Вязкость новейшей России, сцепление ее отдельных членов и частей, однако, не убавляется, а заметно растет. Химический процесс объединения российских населений в эпоху революции начинает замещать механический процесс объединения дворянской и купеческой России.

К югу от Евразии, Африка, как целое, является в общем только культурной колонией ближневосточного европейского центра. Аравия является географической перемычкой между Азией и Африкой, этнографически дополнительным бассейном, изливавшим на север в область ближневосточного культ-круга волны широких этнических потоков глубоких культурных влияний.

Египет является как бы юго-западным отростком ближневосточного культ-круга, быть может, его наиболее древней колонией. Такой же колонией, но более поздней и значительно менее важной явился Карфаген. Африка в собственном смысле есть Африка негров и хамитов. Однако, возможно утверждать, что и эта дополнительная область к ближневосточному культ-кругу в древнейшую эпоху внесла свою долю в общую сокровищницу приобретений материль-

ис. 8. Карта восточно-европейского культ-круга (VIII – XII в.в. по Р.Х.).

Условные обозначения:

1—новгородский культ-эллипс; 2—культ-эллипс Днепра и Днестра; 3—общерусский культ-эллипс VIII—XII в.в. — Черточками намечены пути проникновения новгородцев. Пунктирными линиями намечены торговые пути «из Варяг в Греки» и сиз Варяг на Восток'.

ной культуры. К Африке, быть может, восходит выплавка железа в дополнение к евразийской меди и бронзе.

В общем, однако, в течение долгого времени Африка служила ареной для евразийских колоний, приходивших с севера и с востока и далее по морю с запада, и таких же грабежей, по тем же направлениям.

Население Африки попадало на другие континенты не в виде завоевателей, носителей культуры, а в виде пленных рабов, покорной рабочей скотины. Только в последнее время можно говорить о материальном и социальном возрождении Африки и об использовании ее счастливых гео-ботанических возможностей.

От дальневосточного культ-центра Евразии отходит к юго-востоку иной культурный круг — малайский и полинезийский. В основе своей он связан с дальневосточной культурой, но также сохраняет в себе многие черты первобытности. С другой стороны, он является ярко выраженным кругом культуры морской. К северу от этого круга, в Японии, на морской островной окраине Евразии сталкиваются различные элементы и воздействия культуры. Здесь монгольская и малайская народные стихи сплетаются в одно целое, оплодотворенное влиянием дальневосточной культуры, но принявшее своеобразный оттенок—рыболовный, морской, островной.

В Америке средней и южной, как сказано, возникла своеобразная культура в двух отдельных центрах, в Мексике и Перу (см. рис. 5 и 6 на стр. 248—9). Новейшие исследования американских этногеографов устанавливают ранние связи этих обеих культур. Тем не менее, их разделяло малокультурное пространство, которое начало суживаться в предколумбийскую эпоху. Уже возникали культурные прямые токи и, вероятно, намечалось парное образование американской мексиканско-перуанской культуры, но естественный органический процесс этого объединения был разрушен неожиданным нашествием испанских конкистадоров в раннюю эпоху своего развития.

Одним из основных процессов развития и роста ближневосточного культ-круга в его наиболее мощной и важной европейской половине является процесс продвижения культур на север.

Он совершился в Европе, западной и восточной, тремя отдельными волнами, последовательными во времени и параллельными в пространстве, волнами весьма напряженными и быстрыми, подобными как бы скачкам.

Культура является в общем созданием тропического климата, где она развивалась в течение тысячелетий и достигла высокого напряжения. В различных тропических странах, в Индии и в южном

Китае, культура существует преемственно от самых первобытных времен до нынешнего времени. Муравьиное упорство в труде китайского хлебопашца, возделывающего рисовое поле вручную мотыгой и по пояс в воде, терпеливая настойчивость крупнорослого египетского феллаха, выносливость индуса и яванца, воздержанность туарега и араба свидетельствуют об их наследственной способности к культуре.

Перуанская культура в Америке возникла хотя и под экватором, но зато на высоком плоскогорье в области разреженного воздуха и умеренно-холодного климата; потом она спустилась в прорывы речных долин, обильные пышной тропической растительностью и к берегу морскому в полосу знойных песков. Возвышенная Пуна, в конце концов, осталась обиталищем горных пастухов и погонщиков лам, перевозящих на их спинах вьючные товары.

Указывают далее, что в одних и тех же странах, напр., во Франции, Германии, России и др., политический и культурный перевес получила северная часть государства и народа. Во Франции — Париж, в Германии — Гамбург и Берлин, в России — Ленинград, в Италии — промышленный Милан, являются северными городами. Однако, в Англии, — Лондон является южным городом, Вена и Рим являются центральными пунктами своих государственных объединений, Чикаго, Нью-Йорк и Сан-Франциско принадлежат к средней полосе Соединенных штатов. Во Франции, в Париже, постоянно возникает вопрос «о заселении южан». Мы видим, что в одной и той же шпироте и стране со сменой эпох меняется психический характер населения. Суровый и твердый римлянин не был похож на современного итальянца, он имел ту настойчивость, способность к организации, которые считаются по указанной теории привилегией северян.

Нелепо говорить об изнеживающем действии тропического климата на тропическое человечество, которое является естественным продуктом своей почвы и климата, также как рис и верблюд, финиковая пальма, быстриногая газель и терзающий ее лев.

Напротив того, именно в полосе умеренно-холодного климата средней и северной Европы, Сибири и Канады человеческий род является как бы чужеземцем и пришельцем. Человеческий род не создан для этого климата и для того, чтобы обеспечить свое существование и возможность размножения, он должен создать здесь искусственную среду, искусственную оболочку обобщественного труда.

Северный каменный город, теплая одежда и крепкое жилище, обильная жирная пища и крепкие напитки являются основными элементами этого искусственного бытия.

Не бодрящая сила, а именно искусственность, умышленность средневропейской культуры является ее основной стихией, источником ее силы и слабости.

Культура тропических и тепло-умеренных стран — это культура земледельческая, сельская, культура натурального хозяйства.

Культура холодно-умеренных стран, — это культура городская, промышленная, культура торговли и машинного железа.

Культура холодно-умеренных стран является как бы промышленной школой и фабрикой, всемирной мастерской изобретений и новых достижений механического-химического свойства для земного человечества.

После этих беглых замечаний можно вернуться к вопросу о продвижении культуры с юга на север.

Три продвижения культуры из области европейского Средиземноморья в умеренно-холодную полосу разделены между собою приблизительно равными промежутками времени в 900 — 1000 лет. Первое продвижение относится к Галлии, к эпохе Юлия Цезаря. Римская культура в эпоху завоевания Галлии Цезарем проникла на север каким-то стремительным движением, из южной Галлии в северную, и дальше в Бельгию, из Бельгии в Британию. Этот процесс совершился настолько быстро, что уже сам Цезарь, вернувшись из Галлии в Италию, имел возможность наполнить римский Сенат галльскими сенаторами, говорившими по-латыни с особым характерным акцентом, возбуждавшим насмешки их итальянских коллег. Вместе с завоеванием на север продвинулась культура благородного вина, римская архитектура и скульптура, театральные зрелища, поэзия, риторика. Римская туника до колен над голыми ногами изгнала характерные для Галлии штаны, столь необходимые в дождливое и зимнее время. Галлы, которых римляне называли насмешливо: «gens braccata», «люди в штанах», стали в угоду латинской культуре санкулотами.

Завоевание Галлии латинской культурой было чрезвычайно прочным. Римская Галлия, позднейшая латинско-германская Франция, осталась латинской страной, старшей дочерью культуры Средиземного моря в ее латинском воплощении.

Второе продвижение культуры относится к Центральной Европе и Германии и связано с эпохой Карла Великого. Карл Великий одновременно очертил границы германского географического пространства, покорил и отбросил назад северо-западных славян, отграничил от немцев датчан, связал вместе все члены германской империи, от франков до саксов, и наполнил германскую империю

культурным содержанием. Римское право и латинский язык проникли в Германию и одновременно возникла немецкая литература. Крупно-хозяйственные «виллы», поместья Карла Великого, стали зародышем позднейших городов, и для этих городов Карл привел с юга первые кадры искусных мастеров, ювелиров, оружейников, ткачей и первые группы торговцев, между прочим, евреев.

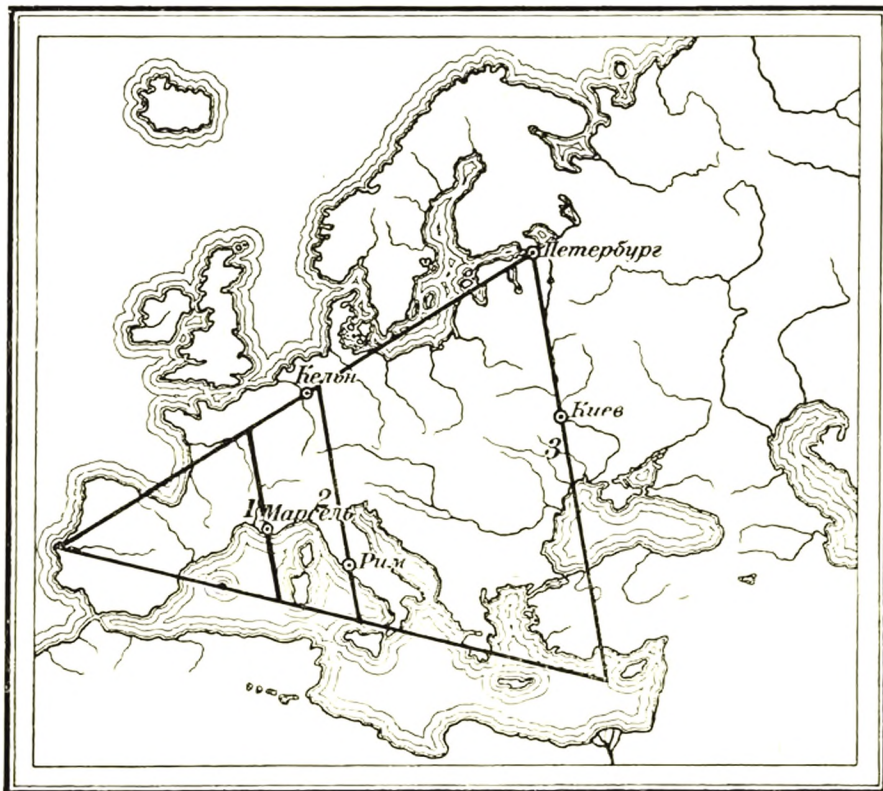

Рис. 9. Продвижение культуры на север: 1. — мутация галльской культуры; 2. — мутация германской культуры; 3. — мутация русской культуры.

В результате продвижения культуры с юга на север через несколько веков создался такой парадокс: племена, населявшие среднюю Европу, кельтические и германские, в течение 1000 лет рассматривали средиземноморской культ-круг, как лучшую желанную добычу, наполненную различными богатствами, естественными и культурными. В жадной погоне за золотом, тканями, вином и красивыми женщинами, кельты и германцы наводняли южную Европу грабительскими полчищами и волнами переселений. Это

началось от Бренна, разграбившего некогда Рим, и длилось до эпохи саксонских и франконских императоров, воевавших с Миланом и Флоренцией. Через четыре века после последних Гогенштауфенов холодный негостеприимный север стал богаче плодородного и теплого юга. Лондон и Берлин, даже Эдинбург, Копенгаген и Стокгольм, с их надоедлым туманом и холодом, стали богаче, благоустроеннее и культурнее Рима и Константинополя.

Таким образом, продвижение культуры на север является процессом стремительным, внезапным и бурным, и имеет все элементы социологической мутации (см. рис. 9).

Третье продвижение культуры на север относится к России и связано с эпохой Петра. Это продвижение, не менее бурное, чем два предыдущие, отделено от нас едва двумя веками. Его географическая амплитуда несравненно шире и задачи сложнее, и мы еще не в состоянии оценить в полной мере его этногеографическое значение. Между прочим, фигура Петра даже физически напоминает германского Карла, и притом ближе чем думают. Такое же огромное, нескладное как бы разноматное тело, соединение пышности и простоты, смирение и чванство, взрывы похотливости, жестокость и мудрость, смешение книжной латыни у Карла, а у Петра — неметчины с народным языком, бюрократическая волокита, революционная стремительность.

Бурная мутация петровского периода культуры приняла формы почти физического всплеска, и из финского болота выкинула Петербург, как будто извержением грязевого вулкана, и взметнулась в высоту тонкими шпилями Адмиралтейства и Петропавловской крепости, похожими на тонкие мачты. Россия одновременно создала армию, охранку и сенат, и московских попов завязала синодским узлом, построила флот и заводы, организовала вывоз хлеба и прочего сырья, устроила литературу, интеллигенцию, политическую ссылку. Из этого перечисления видно, насколько российская мутация была и обширнее и глубже мутации германской. Карл Великий не создал германского флота. Напротив, его внуки создали известную молитву: «Господи, спаси нас от ярости нормандских мореходов».

Можно сказать вообще, что в Европе восточной и западной, как ценный результат продвижения культуры на север, возникли культурные сгустки и огромные города в областях самого плохого климата и неплодородной почвы. Лондон, Гамбург, Петербург, — три складочных места богатств, обладают, кажется, худшим в мире климатом. И даже не связаны ни с какими пищевыми районами в виде земледельческой базы. Они привлекают сырье из самых отдаленных областей

п туда же развозят свои фабрикаты и товары. Их необычайное развитие и рост являлись каким-то неустойчивым чудом, почти неправдоподобным, и в себе вечную возможность мгновенной катастрофы. Гамбург и Петербург уже испытали ее, Лондон находится под постоянной угрозой такого же краха. Он едва не испытал его в разгаре мировой войны.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ОТ КУЛЬТ-КРУГА К МИРОВОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ.

Племенная ячейка, экономически основанная на пахотном земледелии, соединенном со скотоводством и первобытными ремеслами, быстро обрастает культурной территорией и связывается в государство. Эта государственная связь выражается прежде всего в основании города.

Город, т.е. в сущности «огород», огороженное место, укрепленное тыном и рвом, есть по существу временное военное убежище, куда племенная община может па случай враждебных нападений прятать свой скот, лучшее добро, хлебные запасы, семьи, рабов.

Основание города обозначает, что культура вырабатывает достаточно ценностей и накапливает столько, что есть что сохранять. Забота об охране увенчивает и укрепляет заботу о накоплении.

Городу предшествует временное пустое городище, какие встречаются повсюду, между прочим и у русских славян. По скоро города становятся постоянным местообитанием самых богатых и сильных семей общины. Каждый хозяин, кроме деревенского дома, имеет и другой, городской. С тех пор город становится символом и носителем культуры. Новое государство начинается с постройки города. Так Дидона, поселясь с финикийской колонией в северной Африке, начинает с разбивки и постройки города Карфагена. Ромул и Рем начинают с ограды Рима. Закладка и постройка городской ограды сопровождается различными обрядами. Надо запахать борозду, знаменующую черту ограды, вырыть ров и землю насыпать валом, все это освятить и укрепить жертвами, дорогими, человеческими.

Ромул, воздвигая ограду своего города, освятил ее кровью своего собственного брата. В дальнейшем при закладке каменных стен под все углы и башни зарывают по человеческой жертве из пленных, из рабов и даже из состава собственного племени. Эти строительные жертвы сохранились доныне, превратившись в серебряные монеты.

Таким образом племенная община, принимая государственную форму, становится городом. Она, разумеется, включает город и сельскую околицу. Племенной старшина становится князем, царем, городские богатые хозяева становятся боярами, владельцами городскими и вместе сельскими. Такие племенные города были у восточных славянских племен на разных территориях, задолго до пришествия варягов. Они перечисляются в начальной летописи о том, откуда пошла русская земля.

Повидному, они стали умножаться и расти около VIII — IX вв. По крайней мере, скандинавское имя Руси, Гардарикки, означает «Страна городов». Это, разумеется, не может обозначать преобладание городов. Даже современная Русь осталась крестьянской страной.

Типичным является лесной город древлян Коростень с таким же лесным племенным князем Малом. Мал был князь старого племенного типа. Это видно из похвалы, с какой отзываются о нем древлянские послы. Город древлян был все же укреплен хорошо и Ольга смогла взять его только хитростью.

В городе собирается богатство земли, созданное производственным процессом и также торговлей. Бояре землевладельцы становятся частично боярам-п-торговцам. Князь в подражание странствующим дружинам вооруженных торговцев заводит собственную дружину из охотчих вольных людей. Впрочем, князь с дружиной часто является в общине насильственным пришельцем, гостем и вместе хозяином. Таким насильственным гостем стал Рюрик в Новгороде, Олег в Киеве. В течение всего удельного периода русские князья из дома Рюриковичей были такими полунасильственными гостями, которых призывали на княжеский стол, по выжить которых было потом нелегко.

Опираясь на дружину, князь укрепляется в городе, собирает дань в околице, делает набеги и завоевания за чертою околицы, увеличивая свое государство. Население выкристаллизует классы, бояр землевладельцев и бояр торговцев, рабов домашних, городских и сельских-пашенных, свободных крестьян землевладельцев, городских ремесленников, торговцев простых не боярского звания, мелких и более крупных, иностранных торговых гостей. Сюда же присоединяются жрецы и знахари (класс), группа древняя, которая возникает в человечестве с началом анимизма и в сущности предшествует даже группе (классу) племенных старшин, но потом входит в общую систему правящих классов.

Сельский город, вырастая, поддается топографическому расчленению. Центральная старая крепость, обыкновенно на холме,

становится как внутреннее укрепление. Это у римлян капитолий, у греков акрополь, у русских кремль - Детинец. Имя «кремль», также кремеиец, кременчуг, каменец — все имена старинных городов, прямо указывает на каменную стройку и ограду.

Пониже кремля вырастает внутренний город, окруженный второю стеной и, наконец, снаружи, вне городской ограды, пригород. В дальнейшем из центрального города строятся другие вспомогательные города по границе государства, из которых каждый развивается отчасти по той же схеме. Потом покоряются завоеванием другие городские ячейки. Племенная община, выросшая, укрепшая и разбогатевшая, превращается окончательно в государство, более или менее сложное.

По линии жреческо-знахарской группы развивается также и первоначальная наука, которая долго не может отделиться и создать самостоятельных представителей. Жречество имеет экономическую основу, аналогичную другим правящим классам, но вырабатывает собственную технику социальную и материальную, наир., технику погребения, уборки трупов, вплоть до приготовления мумий, постройки гробниц, пирамид, насыпания курганов.

Письменность, начавшись картинным письмом, в дальнейшем развивалась на раскраске и украшении гробниц цветными рисунками странствий и мытарств, предстоящих покойнику. Рисунки превратились в иероглифы — элементы надписи. Далее письменность начинает служить царям для надписей исторических и памятных, начертанных на скалах, для записей законов на каменных досках. Появляются государственные и частные акты и, наконец, летописи. Культура из доисторического бытия окончательно вступает в исторический период.

Исторический период характеризуется непрерывным состязанием государства с культ-кругом. Ибо, с одной стороны, культура развивается шире государственных границ, заражает и ассимилирует соседние государственные образования, а с другой стороны, государство стремится включить в себя весь данный культ-круг. Это есть борьба международного равновесия и гегемонии, которая ведется и до ныне с прежним напряжением. Система равновесия обычно имеет двучленный, двуцентровой характер. Гегемония стремится нарушить равновесие и сделать двучленность одночленной. Яркий пример двучленности — Афины и Спарта, вокруг соперничества которых долгое время вращалась политика Эллады.

В случае удачного захвата гегемония переходит со ступени на ступень, все расширяя размах своего действия. Так Рим сначала

объединил Италию, подчинив своей¹¹ власти сабинов и этрусков, потом разрешил свой длительный спор с Карфагеном и в восточной части Средиземного моря превратил двучленность в свой одночленный перевес. Далее Рим сделал одновременно шаг на запад и на восток, словно раздвинув ножки циркуля. На западе он завоевал Испанию и Галлию, на востоке разрешил в свою пользу другую проблему двучленное¹², покорив эллинистическую группу государств. Таким образом Рим объединил весь античный культ-круг от Испании до р. Тигра. Тем не менее антиномии двучленности и гегемонии он отнюдь не уничтожил. Во-первых, внутри античного культ-круга двучленность романизма и эллинизма продолжала существовать и даже развиваться и, в конце концов, привела к двухполярности, к раздвоению империи на две половины с двумя определенными центрами: Рим и Константинополь.

Помимо того, в масштабе международном Рим должен был сделать еще один шаг и вступить в борьбу с парфянами за мировую гегемонию. Эта борьба длилась столетия и до конца сохранила двучленный характер. Парфянское царство находилось под явным воздействием эллинистической культуры, но тем упорнее оно сопротивлялось наступлению римлян.

Таким образом двучленность и борьба за гегемонию объединяют и связывают данный культ-круг и выводят его на арену более широкой в борьбе за мировое господство.

Первая попытка мирового объединения была сделана одновременно с двух сторон, Египтом и Ассирией и привела их к длительной двучленной борьбе Нила и Месопотамии. Месопотамия имела свою собственную двучленность: Ассирию и Вавилон, которая, так же как в Египте, разрешалась попеременным преобладанием то северного Ассирийского царства, то южного Вавилонского. Также и борьба Месопотамии и Нила протекала с переменным перевесом и не разрешилась до конца.

Все же этот период имеет характер мирового объединения. Он объединил весь культурный кругозор указанной эпохи. ¹¹ в развитии этого первого наброска передне-азиатского культ-круга уже было отмечено нами встречное действие токов отрицательных (война) и токов положительных (ассимиляция). Ярким выражением объединения культуры данного периода является архив Тель-эль-Амарны, где обнаружилось, что переписка египетских царей с их палестинскими вассалами велась клинописью на вавилонском языке.

Мы видим также постоянные торговые токи, как внутренние, так и выходящие наружу. Экспедиция царя Со юмона в Офир, еги-

иетские плавание вокруг Африки — это первые попытки мировых сношений востока и запада Евразии.

Персидское царство успело в короткое время завоевать оба соперничающих центра, Вавилонию и Египет, и прочно захватить гегемонию. Этим заканчивается первый период развития ближневосточного культ-круга.

Во втором периоде возникает новая антиномия двучленности и выступает на арену, возникшая на западе, европейская сила — эллинизм. Собственное развитие эллинизма тоже характеризуется сначала длительной двучленной борьбой Афин и Спарты, которая закончилась быстрым и прочным македонским завоеванием. Развитие двух центров, западного и восточного, эллино-македонского и персидского, проявляет явный параллелизм.

С Александра Македонского возникает мутация эллинской культуры. Мутация не имеет периодичности попеременных смен и этим отличается от типичного развития культ-круга. Ее геометрическая форма представляется не кругом или эллипсом, а скорее параболой. При большой интенсивности парабола мутации удлиняется и вытягивается вперед. Таким образом три мутации европейской культуры, галльская, германская и русская, представляются в виде трех прямых линий или полос, движущихся с юга на север (см. рис. 9 на стр. 264).

Динамика эллинизма мутации опрокинула персидское царство и создала новый эллинистический круг, который простирался от южной Италии до северо-западной Индии. При всем военном блеске походов Александра, в этой мутации культурные токи преобладали над военными. Походы истощились и закончились, армии вернулись на запад, но культурное воздействие эллинизма на Бактрию и Индию осталось.

В эллинистическом мире двучленность обнаружилась тотчас же после объединения, и антитеза Пила и Месопотамии воскресла в борьбе египетских Птолемея и азиатских Селевкидов.

В отношении торговли нужно отметить как внутреннюю циркуляцию, так и далеко выводящие наружу из культ-круга мировые пути. К этому периоду относится начало торговых сношений с Китаем и Индонезией как по сухопутному, так называемому шелковому пути, так и по морскому пути мимо Тапробаны (Цейлона) к островам пряностей.

Период эллинизма составляет второй очерк ближневосточного культ-круга, расширенный, азиатско-европейский. На западе тот-

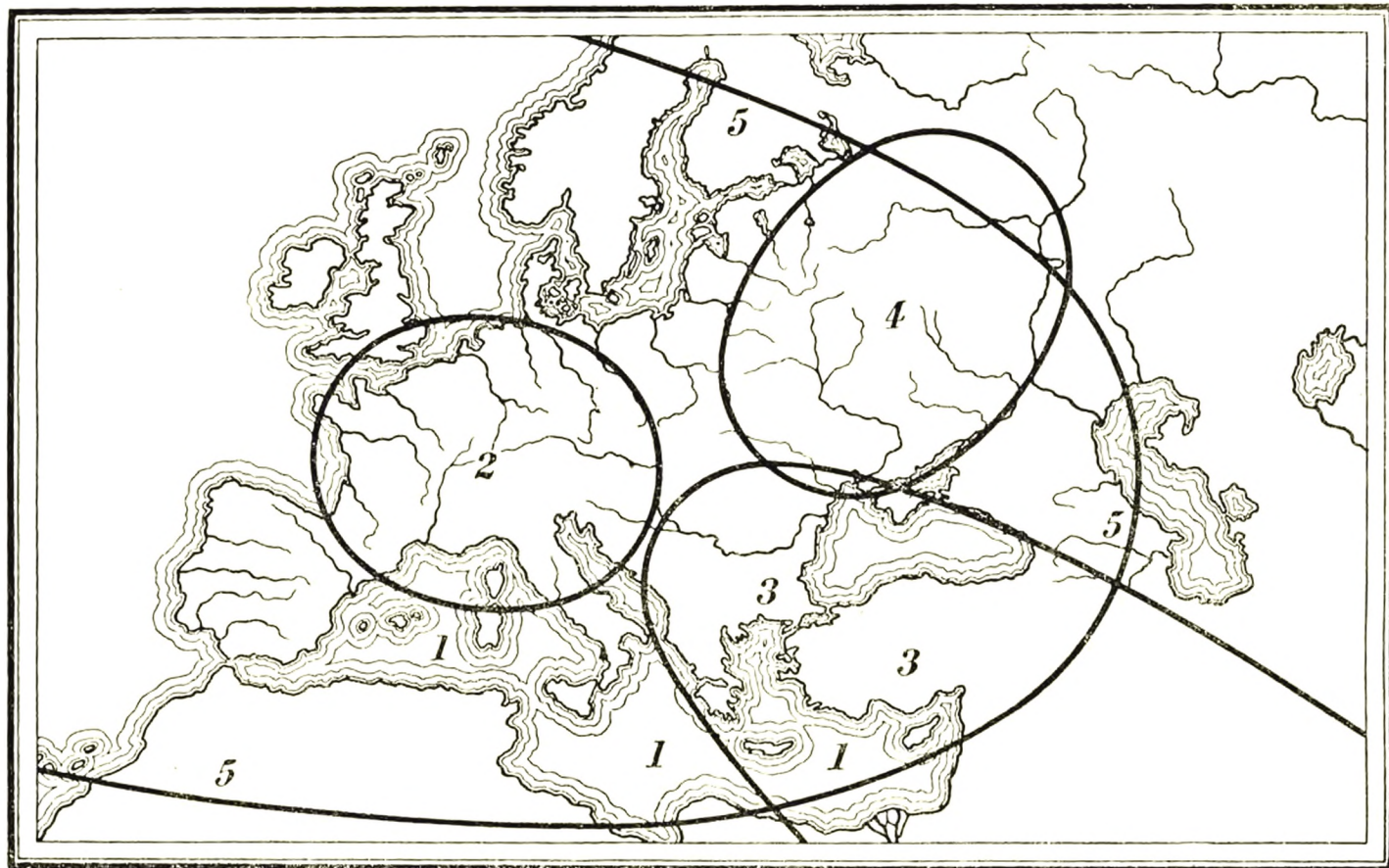

Рис. 1U Разрастание средиземноморского (греко-римского) культ-круга.

Условные обозначения:

¹ — Средиземное море; 2 Империя каролингов; 3 — культ-круг Ислама; 4—культ-круг восточно-европейский; 5 — культ-круг обще-европейский.

час же возникает другой культ-центр, на этот раз всецело европейский, даже западно-европейский, Рим. После длительного соперничества происходит объединение всего средиземья и возникает расширенный культ-круг, греко-римский, античный. Однако, восточные члены бывшего эллинистического круга отпадают, сперва политически, а потом и культурно.

В отношении торговли греко-римский период расширил и укрепил предшествующие связи. С одной стороны, в сферу торгового влияния Рима вошел Атлантический океан, к северу и к югу от Гибралтарского пролива, т. е. побережья Европы и Африки. С другой стороны, сношения с Индией, Китаем и Малайским архипелагом стали оживленнее и правильнее. К веку Антонинов, повидимому, к царствованию Марка Аврелия, относится сообщение китайского летописца о посольстве, прибывшем от государя Ан-Тунь из западных стран.

Внутри греко-римского круга расцветает антиномия латинства и эллинства. На восточной границе культ-круга возникает борьба сперва Рима с парфянами, потом Византии с Ново-персидским царством, наконец, Византии с Исламом. Арабское нашествие вводит элемент неожиданный, ведущий с востока на запад.

Несмотря на стремительность арабских завоеваний, я затруднился бы назвать наступление Ислама мутацией арабской культуры. Движение имело вначале характер военный и религиозный. Арабской культуры тогда не существовало. Создали ее впоследствии не столько арабы, сколько сирийцы и персы. Нужно, однако, признать, что Ислам создал для ближневосточного культ-круга особый вариант, отвоевав для него переднюю Азию и Африку. Европейские завоевания Ислама, напротив того, свелись к очень малому. Таким образом ближневосточный культ-круг разделяется на две половины — западную — европейскую и восточную — азиатскую (см. рис. 10). Африка и Азия возвращаются к восточному укладу. Завоевания Ислама на востоке, в Индии, в Китае, в Индонезии, еще более связали оба эти мира ближнего и дальнего востока.

Именно к этому периоду относится и самый термин «ближневосточный культ-круг». Более точно и вместе объединяюще с географической точки зрения следовало бы сказать: западно-евразийский, европейско-азиатский культ-круг.

Что бы ни говорили историки, в отношениях восточной и западной половины указанного культ-круга отталкивательные токи преобладали над притягательными. Влияние арабской культуры на христианский запад было значительным, и не менее значительным

в последние три века было влияние культуры европейской на Ближний Восток. Однако, наиболее типичными являются крестовые походы, когда ополчения запада стремились взять религиозно-военный реванш над исламом, изгнание мавров из Испании, бесконечные войны России и Польши, Австрии, Венеции, Испании против турок и, в конце концов, полузавершенное изгнание турок из Европы.

Однако, именно к этому периоду деления относится возрастание торговых сношений Дальнего Востока и Запада. Объединение стран ислама облегчило транзитную торговлю. Северная и средняя Европа вошли в западную половину культ-круга в начале средневековья, после переселения народов. Рынок для дальне-восточных продуктов, пряностей, шелка, тканой, вырос и расширился. Таким образом, средневековая торговля впервые приняла истинно мировой характер. Даже на русской равнине торговля с востоком выдвигается уже с VIII — IX вв. Правда, на русский север доставлялись лишь ближневосточные товары арабско-персидского происхождения.

В средней Европе и в особенности в Средиземье к концу средневековья вырастает ряд цветущих и могущественных городов, которые жили исключительно транзитной торговлей с востоком. Главным товаром были благовония и пряности и во главе их перец. Пища средневековой Европы отличалась однообразием. Основанием трапезы были плохо выпеченный хлеб и солонина. Пряности стали необходимы для более утонченного вкуса правящих классов, преимущественно в городах. Нейецкое *pfefferkuehen*, польское *piernik* и русское «пряник» и самое слово «пряность» указывает на перец. От той же преувеличенной оценки перца мы унаследовали «перцовку», лечение перечным настоем и проч.

Богатства неведомой Индии, Катая (Китая) и Джипангу (Япония) заключались прежде всего в пряностях, и эпоха великих географических открытий, в частности морской путь в Индию и открытие Америки, совершались под лозунгом пряностей. В конце концов, островной мир, где произрастают пряности, Моллукский и Зондский архипелаги, достались Голландии и до сих пор составляют основную часть ее колониальных владений, «Островной Индии», *Insulinda*.

Я затрудняюсь признать мутацией эпоху географических открытий, даже героическую эпоху заселения обеих Америк, — латинской и англосаксонской. Героическое принадлежало не только завоевателям, но также и тем бесчисленным переселенцам из народных глубин, которые с беспримерной удачей и настойчивостью осно-

вали огромную страну и создали к концу XX в. двухсотмиллионное население.

Американская культура создана огромными прыжками, но стремительность движения зависела не столько от внутреннего стимула, сколько от широких пространств, открывшихся пред западной культурой совершенно неожиданно.

Ряд веков ушел на усвоение этого огромного географического богатства и превращение его в ценности этнографические. И только во второй половине XIX в. земное человечество стало складываться как новое экономическое целое.

Экономика земли имеет в настоящем характер вполне международный. Правда, она организована стихийно, расточительно и даже нелепо. Но ее развитие и рост питаются противоречиями классовых интересов и выявляя их все ярче и острее, неумолимо ведут к огромным мировым столкновениям. Однако, отдельные части ее срослись гораздо ближе и теснее, чем в области политической и также духовной культуры. Земля стала всемирным рынком и всемирным производителем и ее материальная жизнь протекает под знаком взаимного обмена, во-первых, различных разрядов сырья соответственно климату, во-вторых, сырья вообще и фабрикатов, товаров фабрично-заводского происхождения. Фабрично-заводское производство возникло под воздействием торговли и выросло на узлах пересечений главнейших торговых путей.

Необходимо поэтому сделать несколько указаний относительно мирового производства и товарообмена. Цифры, приводимые ниже, относятся к последнему пятилетию пред войной и только в отдельных случаях к послевоенным годам. В общем мировая производительность ныне догоняет довоенную, за исключением некоторых стран. В отдельных отраслях, напр., в нефтепромышленности, послевоенная добыча сделала значительный скачок вперед. Другие подобные примеры будут указаны особо.

Среди разрядов сырья первое место принадлежит предметам питания. В этом отношении важнее всего зерновые хлеба, в частности три вида, — пшеница, рис, маис, приблизительно равные по объему мирового урожая: — 100 млн метрических тонн (1 000 кг — 61 пуд) каждого вида. Пшеница составляет питание белой расы, рис — желтой, монгольской и малайской, а также смешанной темнокожей (Индия). Маис идет одинаково на питание людей и скота. Из отдельных стран по объему урожая, на первом месте стоят для пшеницы: Соединенные штаты — 19% мирового урожая, Европейская Россия (без Польши) — 18%, Азиатская Россия — 5%, Бри-

танская Индия — 10%, Канада — 6%, Аргентина — 4,2%. В пятилетие 1919 — 23 годичный сбор пшеницы в РСФСР и УССР в среднем 7,8 (миллионов метрических тонн).

В ы в о з п ш е н н ы

в миллионах тонн in the millions of tons (x. M пула).

	1910 — 14	1923 ¹
Соединенные штаты . .	2	2,6
Россия и СССР	3,4	0,3 (в 1921 и 22 — 0)
Британская Индия . . .	0,8	11
Канада	2	6,6
Аргентина.....	2	3,7

Итак, по вывозу в послевоенное время впереди всех идут Канада и Аргентина, работающие на внешний рынок. Соединенные штаты и Индия работают на внутренний рынок. Россия утратила рынок, но ныне возвращает его с усилиями и перебоями.

Однако по сбору ржи положение СССР более благоприятно. 1914 г. — 20 млн тонн. 1926 г. — 19,5 млн тонн.

Не менее важное значение приобрел картофель.

С б о р к а р т о ф е л я (годовой)

в миллионах тонн.

	1910 — 1914	1926
Германия.....	45	31
Россия Европейская (без Польши).....	32	30 (Европ. часть СССР).
Россия Азиатская	0,7	0,7 (Азиат. часть СССР без ДВР)
Соединенные штаты ...	10	10

Из других продуктов растительного мира надо упомянуть хлоп, лес и каучук.

М и р о в о й с б о р х л о п к а

в тысячах тонн.

	1913 — 1914	1924 — 1925
Соединенные штаты ...	3 431,3	2 851,8
Ост-Индия.....	900,9	1 099,2
Египет	327,6	286,6
Остальные страны	656,8	836,0

И т о г о . . 5 336,6 5 073,6

¹ 1923 г. был рекордным по сбору хлебов.

Сбор хлопка (сырца) в дореволюционной России

в тысячах тонн.

	1913 г.
Закавказье	44,9
Туркестан	370,1
Хинна	21,6
Бухара	39,7
Итого	470,3

Вывоз леса

в млн КО-»»

	1912 — 13 г.	1921 г.
Швеция	7,0	5,7
Финляндия	8Л	4,0
Норвегия	1,0	0,5
Россия и СССР	13,1	0,2 (1923 г. — 1,3).

Сбор каучука

в тысячах тонн.

	1900		1923	
	плантаци.	дикий.	плантаци.	дикий.
Малакка	—	127 — во всех I	113	15 — во всех
Голландск. Индия	—	> странах, кроме	133	^ странах, кроме
Цейлон	—	Бразилии.	130	Бразилии.
Бразилия	—	26,8	3	21

Мировая добыча каучука 1900 — 53,8, 1923 — 372,0.

Таким образом в последнюю четверть века каучук, добываемый на плантациях с особо разведенных деревьев, вытеснил и затмил каучук дикий, лесной. Качество каучука плантаций выше лесного. Общая добыча каучука за четверть века усмерилась. Каучук упал в цене. И все насилия бразильских охотников за резиной над беззащитными индейцами стали излишними. Для производства автомобилей, велосипедов, аэропланов, дирижаблей и проч. каучук необходим. Столь быстрое и успешное разрешение важнейшей производственной задачи указывает на возможности, которые имеются в природе тропических стран.

В производстве фабрично-заводском надо остановиться на добыче топлива, железа, выработке чугуна и стали и производстве тканей.

Промышленное производство сосредоточено в Западной Европе, в частности в Англии, Бельгии, Германии, Франции, также в Соединенных штатах. Оно связано с обилием железа и угля в указанных странах, которое не только снабжает промышленность, но служит также предметом вывоза.

Европейские и американские географы пытаются объявить промышленное превосходство указанных стран перманентным и неразрушимым. Поэтому вместо действительной добычи железа и угля, они усиленно подчеркивают возможные запасы того и другого. Действительно, умеренная зона северного полушария имеет большие запасы железа и угля. Кроме указанных стран, огромные запасы обоих ископаемых находятся в СССР и в Китае. Но мировые запасы ископаемых вообще не обследованы. Можно предполагать, что железо и уголь в изобилии находятся во всех климатах и на всех материках. Во всяком случае нигде еще растущая промышленность не останавливалась за недостатком ископаемых. Япония и Индия, Австралия и Южная Африка снабжаются собственным железом и углем, или извлекают их из близлежащих стран.

Даже если судить по нынешним видимым запасам, угольный резерв Соединенных штатов в 20 раз больше, чем Английский, но это не мешает английской угольной промышленности идти на уровне, не особенно далеком от Соединенных штатов. Впрочем, новейший угольный кризис английской промышленности, приводящий к таким потрясающим забастовкам, отчасти обусловлен тем, что в Англии с запасов угля сняли верхушку и нужно идти в глубину при больших затратах капитала и лучшем оборудовании.

Европейская гегемония возникла с XVII — XVIII вв., ранее развитой формы капитализма и тяжелой индустрии. Открытие и заселение Америки, завоевание колоний, не имеет ничего общего с железом и углем. Колумб, Гама, Кук не знали пароходов и плавали на деревянных, парусных судах.

С другой стороны, уголь не является единственным видом топлива, пригодным для индустрии. С начала XX в. вперед выдвигается нефть и можно-предполагать, что первая половина XX в. будет эпохой железа и нефти, а не железа и угля.

В отношении нефти Западная Европа находится в положении неблагоприятном. Только в Галиции и Румынии имеются месторождения нефти, сравнительно не очень значительные. Соединенные штаты по обилию и добыче нефти занимают первое место. Но есть опасения, что нефть идет к истощению. Далее следует Мексика, СССР, Персия и Месопотамия, Тринидат (Южная Америка), Голландская Островная Индия.

Нужно принять во внимание также использование движущей силы воды, так называемого «белого угля», которое успело получить довольно серьезное значение, и использование солнечной теплоты, уже разработанное технически.

В отношении текстиля главным сырьевым материалом является хлопок, который произрастает в теплом, подтропическом, тропическом климатах (южной части С. ш. Северной Америки, Индии, Египте, Туркестане). Западная Европа работает на привозном хлопке. Однако и тропические страны издавна имеют свое собственное текстильное производство — кустарно-мануфактурного типа. В настоящее время во всех странах мира, в частности также и тропических, возрастает и укрепляется собственная текстильная промышленность фабричного типа и Европа бессильна остановить этот рост.

Мировые запасы каменного угля по данным 1913 года в (в миллионах тонн).

1. Соединенные штаты.....	3 838 657
2. Канада.....	1 235 269
3. Китай.....	996 795
4. Германия.....	423 556
5. Россия.....	233 985
6. Великобритания (с Ирландией)	189 533
7. Австралия.....	170 410
8. Индия.....	79 001
9. Южная Америка.....	56 200

В настоящее время для СССР это исчисление должно быть признано неправильным, так как одни запасы Кузнецкого бассейна принимаются в 950 миллиардов тонн.

Мировая добыча каменного угля
(в миллионах тонн).

	1913	1925
1. Соединенные штаты	517	530
2. Великобритания	292	248
3. Германия.....	277	133
4. Франция.....	41	47
5. Бельгия.....	23	23
6. Россия.....	30	18
7. Япония.....	—	20

	1913	1925
8. Китай.....	20	21
9. Ертанекая Индия.....	16	20
Ю. Канада	13	13
И. Южная Америка.....	—	12

Мировая добыча угля не увеличилась. Франция отняла от Германии большую угольную площадь, но ее добыча почти не увеличилась, германская добыча уменьшилась, но она снова растет. Благоприятное влияние на ее новый рост произвела английская угольная забастовка 1926 года. Русское производство уменьшилось в два раза, но оно воскресает. Япония, Китай, Канада, Индия, Южная Америка добывают значительное количество угля и добыча растет пз года в год.

М и р о в а я д о б ы ч а н е ф т и (в миллионах тонн).

	1900	1913	1925
1. Соединенные штаты	8,3	34,0	99,9
2. Мексика.....	—	3,8	1 20,0 < (1923 г.)
3. Россия и СССР....	10,3	9,2	7,2
4. Голландская Индия	0,2	1,5	2,9
5. Галиция.....	0,2	1,1	0,8
6. Румыния.....	0,2	1,8	1,9
7. Персия.....	—	0,2	4,6
8. Остальные страны	0,3	0,2	3,4
Р<сего добыто	19,8	53,5	140,7

Добыча нефти за двадцатилетие увеличилась в восемь раз, причем напряжение добывания наблюдается в разных местах. Мексиканская добыча выросла почти внезапно и, наир., в 1921 г. составляла 29,0, четверть мировой добычи. Такую же тенденцию к росту проявляет и персидская нефть, которая со второго года добычи занимает четвертое место в мире. Указанные цифры объясняют беш-

ную игогошо за нефтью мировых держав, в особенности Англии, которая не имеет никакой собственной нефтебазы.

Все сказанное ранее об угле в одинаковой мере применимо и к железу.

Мировые запасы железной руды (в миллиардах тонн) по послевоенным исчислениям.

	Видимые запасы	Вероятные запасы
Европа	10	15
Франция	5,3	4
Англия	1	4
Германия	0,7	3
СССР.....	0,0	1
Америка.....	21	
Соединен. штаты.	13	82
Бразилия	8	
Азия.....	0,8	
Индия.....	0,4	
Китай.....	0,4	

Данные для СССР не включают курской аномалии. Для Азии в сущности нет никаких данных. Африка и Австралия даже не введены в расчет.

Мировая добыча железной руды (в миллионах тонн).

	1900	1913	1924
1. Соединенные штаты.	14	62	55
2. Германия.....	8,5	28	4,5
3. Франция.....	2,7	21	29
4. Великобритания	9,1	16	11,2
5. Россия и СССР.....	2,9	9,2	2,2
6. 'Нью-Фаундленд'.....	1,7	1,4	1,0
7. Китай (только вывоз 1.)	0,08	0,3	0,6

М и р о в а я в ы п л а в к а ч у г у н а (в миллионах тонн).

	1900	1913	1925
1. Соединенные штаты.....	14	28	37,3
2. Германия.....	7,5	17,5	10,2
3. Великобритания.....	9,1	10,0	6,3
4. Франция	0,7	4,9	8,4
5. Россия и СССР.....	2,9	2,9	1,6

М и р о в о е п р о и з в о д с т в о с т а л и (в миллионах тонн).

	1900	1913	1926
1. Соединенные штаты.....	10,3	31,9	47,8
2. Германия.....	6,4	17,1	12,3
3. Великобритания	6,9	7,7	17,5 (11925)
4. Франция.....	1,6	4,7	8,3
5. Россия.....	0,0	4,4	2,5

Мы ограничились только главнейшими данными. Но каждый род сырья, любой фабрикат, как бы ни было скромно его значение, напр., птичий пух, марганцовая руда, железная проволока, имеет в настоящее время свое определенное место на международном рынке. И на каждому предмету приходится решать задачу о более деловом производстве, основанную на следующих данных: 1) естественное обилие сырья или условия ввоза, 2) состояние техники и рабочей силы того или иного района; 3) реальный и возможный спрос; 4) условия перевозки и доставки на место сбыта; 5) конкуренция других параллельных или подобных производств.

Таким образом цепа на меланезийскую кокосовую копру, маслянистую мякоть ореха, определяется в Англии, как раз у антиподов, на другом конце света, цена на сибирскую пшеницу зависит от Америки, цена на меха, принимаемые на факториях Госторга, где-нибудь за полярным кругом, устанавливается в Лейпциге, Лондоне и Нью-Йорке.

Если рассматривать социологически всемирные взаимоотношения производства и обмена различных государств и континентов, то можно сказать, что в общем монопольное право Западной Европы

и Северной Америки на звание всемирного завода тяжелой и легкой промышленности отнюдь не утверждено незыблемо. В этом отношении наметились две противоположные перекрещивающиеся линии.

С одной стороны, тяжелая индустрия Европы и Северной Америки продолжает развиваться и даже обуславливает дальнейшие социологические изменения структуры государств и народов.

Известный австралийский ученый, проф. Гриффит Тейлор, отмечает урбанизацию населения Англии, Германии и Соединенных штатов, которая от общего преобладания городского населения над сельским перешла к так называемой конурбации, т. е. к образованию новых огромных промышленно-заводских сцеплений, выступающих на поверхности страны, как черные угольные пятна. Он указывает в Англии «Большой Лондон», Ланкастон — Ланкастерский город вокруг Манчестера и Шеффпльда, в Шотландии Гласго-Эдинбург. Далее франко-немецкий Лилль-Эссен и бельгийский Аитверпен-Льеж. В Северной Америке «Большой Нью-Йорк», Чикаго и Питсбург. Все указанные концентрации заводов и рабочих тянутся порою на сотни миль, насчитывают население многими миллионами и только теперь стараются организовать в особое административное целое.

Рядом с этой концентрацией заводского населения промышленной Европы и Америки намечается децентрализация промышленности во всем мире, возникновение особых местных центров, обслуживающих местные рынки и независимых от главного центра. Четырехлетия мировая война, разорвавшая на время мировую коммерческую связь, сделала децентрализацию промышленности практически необходимой. В результате японская промышленность совершенно освободилась от ленной зависимости по отношению к Европе и стала из вассала опасным конкурентом. Расширилась китайская промышленность, развилась и расширилась индийская промышленность и т. д.

Впереди, как это было и раньше в Европе, идет более легкая текстильная индустрия. В Индии, напр., за 35 лет, с 1880 по 1915 г. текстильная индустрия увеличилась вчетверо и от 77 фабрик с 65 000 рабочих выросла до 303 фабрик с 279.000 рабочих. После того, в эпоху великой войны, та же промышленность выросла почти вдвое.

Восхищавший буржуазных экономистов «хлопковый круговорот» (хлопок выращивался в Индии, потом перевозился в Англию для обработки и, наконец, в виде готового ситца возвращался обратно в Индию для потребления), начинает разрываться, ибо он представляет, в сущности, бесполезную для мира затрату энергии. Индий-

екпй хлопок разумнее всего обработать в Индии и, если говорить об вывозе п ввозе, то разумнее ввозить из Индии в Англию готовый ситец, а не сырой и тяжелый хлопок.

Тяжелая железная индустрия следует за легкой текстильной. Так, в 1917 г. Индия выработала для нужд армии 300 млн аршин полотна, 20 млн аршин сукна и 20 млн аршин парусины. В то же самое время в дикой джунгле, в провинции Орисса, вырос огромный сталелитейный завод, занимающий больше 20 000 рабочих. За время войны железная индустрия Индии выросла в полтора раза.

Нужно указать и на то, что в повоенную эпоху колониальные части европейских государств и независимые страны, расположенные в тропической зоне, имеют вообще активный баланс, т. е. вывозят больше, чем ввозят. Преобладание товарного вывоза возмещается ввозом европейского и американского капитала. Напротив того, государства-метрополии имеют пассивный баланс, т. е. вывозят меньше, чем ввозят и соответственно с этим страдают от безработицы, падения валюты и проч.

П л а т е ж н ы й б а л а н с
(в миллионах золотых рублей).

Таблица I.

	1913 г.			1926 г.		
	Ввоз *	Вывоз	Баланс	Ввоз	Вывоз	Баланс
Великобритания .	7 261	5 996	— 1 265	11 756	6 164	— 5 592
Индия.....	1 735	2 283	-f 548	1 385*	2 069 ¹	-f 684 ¹
Южно - Африкан- ский Союз...	395	629	-f 234	549 ¹	619 ¹	+ 67 ¹
Канада	1 203	837	— 366	861	2 272	-f 1 411 ²
Египет.....	262	303	4- 41	389 ¹	519 ¹	+ 130 ¹
Франция	3 119	2 548	— 571	3 752	3 724	— 28
Германия	4 986	4 673	1 — 307	4 608	4 560	— 48
Голландия	3 060	2 407	— 453	1 904	1 364	— 540
Италия	1 351	930	— 421	1948	1 408	— 540
Соединен. штаты	3 485	4 828	-f 1 343	11 372	8 400	-f 2 972
Япония.....	707	913	— 94	2 064	1 772	— 292
Россия и СССР . .	1 376	1 520	-f 144	716	688	+ 28

¹ 1923 г. ² 1925 г.

Картина получается совершенно отчетливая. Все европейские страны имеют пассивный баланс, в особенности после войны. Соединенные штаты и колонии европейских государств имеют активный баланс. Только у Германии, при огромном сокращении торговли, баланс потерял свою пассивность и сводится почти к нулю. Это объясняется принудительными поставками и платежами натурой, которые страны победительницы до сих пор выжимают из Германии.

У Голландии пассивный баланс составляет почти половину всего оборота торговли.

У Англии пассивный баланс угрожающе вырастает из года в год. Этим объясняется ее нервная истерическая политика.

Превышение ввоза над вывозом обыкновенно объясняется как дань, которую страны менее культурные платят более культурным. Культурные страны вывозят знания, квалифицированный труд; колониальные страны платят за это сырьем, посылают проценты товарами на европейский капитал и т. д.

Однако, современное обострение пассивного баланса имеет характер иной. Европейские страны метрополии живут в долг. Им нечем платить за ввозимый излишек товаров.

Таблица II
(в миллионах фунтов стерлингов).

	1916 г.			1924 г.		
	Ввоз	Вывоз	Баланс	Ввоз	Вывоз	Баланс
Бразилия.....40	56	-f- 16	и 68	95		-4- 27
Боливия.....—	—	— 5		9		4
Ява.....—	—	— 104		130		+ 26
Цейлон.....13	15	-f- 2 21		26		4-5
Фиджи.....0,9 1,4		+ 0,5	1	1,5		4- ^ : 5
Филиппины	18	24	+ 6	23,5	28	7iqg=?

Мы видим таким образом, что в странах колониального типа торговля значительно выросла и вместе с тем выросла и активность баланса.

Итак, устойчивость европейской монополии на звание всемирного завода является весьма проблематичной. И столь же проблематичной является и другая претензия «белых» стран на роль всемирной

технической школы. Конечно, в настоящее время Европа, а еще более Америка, является техническими учителями полуварварских цветных народов. Но школьное обучение, как известно, имеет начало, имеет конец. Ученики завершают обучение, становятся взрослыми и, в конце концов, обгоняют своих учителей.

Если рассмотреть возможные предвидения буржуазных этногеографов, и даже наиболее чутких из них, они поражают своей запутанностью и противоречивостью.

Так, в построениях проф. Тейлора много непосредственного пессимизма и алармизма, хотя, как австралиец, он вообще беспристрастнее европейских ученых.

Надежда на общий рост и индивидуальное преобладание белой расы ничуть не окрыляет его. Он предвидит новый ряд опасностей. Во-первых, во второй половине XX в. — борьбу коалиции народов с высокой культурой и низкой рождаемостью против коалиции народов с низкой культурой и высокой рождаемостью. К первой категории, очевидно относятся, белые народы Европы, Северной Америки, Австралии, ко второй — цветные народы, белые народы Азии и, разумеется, также Россия. Но если припомнить, что упования Тейлора по поводу белых основаны прежде всего на быстроте размножения молодых заморских групп белой расы, которые доведут ее численность до численности цветных, то вышеприведенная формула поражает своей необоснованностью и, я бы сказал, легкомыслием.

Другое предвидение Тейлора относится к предстоящей мировой борьбе за хлеб, тоже во второй половине XX в., так как к этому времени Соединенные штаты и Россия, а также Канада с Аргентиной, будут потреблять весь произведенный ими хлеб, насыщая домашнюю промышленность и ее рабочих, и на долю европейских государств не останется пищи.

Не трудно видеть, что с общей экономической точки зрения такое предвидение представляет лишь позднюю отрывку теории Мальтуса. Уже и теперь совершенно очевидно, что только всемирные войны, насильственное и безумное разрушение культуры могут создать на земле недостаток сырья или готовых фабрикатов. При мирном течении событий уже капиталистический строй при всей хаотичности его быстро переходит в любой из отраслей от нормального производства к перепроизводству и товарному кризису. При отсутствии войн мировой рынок никогда не останется без хлеба. Напротив того, производство хлеба, постоянно расширяясь, будет нервно и напряженно искать себе нового рынка.

Некоторая ценность этого предвидения Тейлора лежит в том, что оно включает возможную мысль о банкротстве Европы, которой нечего будет платить за чужое сырье, в том числе и за хлеб.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

МИРОВОЕ ОБЪЕДНЕНИЕ.

Рядом с распределением промышленности и торговли не менее важен и второй принцип распределения современного человечества, связанный с различной группировкой человеческих рас.

Во избежание незоразумений нужно указать, что дело идет не только об антропологических расах, различающихся физическими признаками, цветом кожи, волос и глаз, формой черепа и т. п.

С этногеографической точки зрения раса представляет явление более сложное и не вполне совпадает с определенными физическими признаками.

В определение расы, кроме физического типа, входит тип языка, тип культуры, наконец, взаимное культурное притяжение и отталкивание.

Так белая раса, помимо своих антропологических подразделений, распадается на два культурные мира, которые хотя и родственны антропологически, проявляют огромное взаимное отталкивание. Западно-европейский христианский мир противопоставлен мусульманскому востоку почти с расовой противоположностью.

Индия тоже составляет особый огромный культ-круг, сплетенный этнографически из различных антропологических элементов, темнокожего и светлого, по в общем объединенный взаимным притяжением и отталкиванием от западной Европы.

В дальневосточном культ-круге объединяются китайцы, несомненной монгольской расы, и смешанные по происхождению японцы.

Африканская раса включает суданских негров, южно-африканских банту и восточно-африканских темнокожих хамитов.

Тип языка тоже имеет большое значение.

Мы видим, что финно-угрскую группу народов по типу языка причисляют к урало-алтайской группе языков и на этом основании отчисляют ее от белой расы и причисляют к желтой, несмотря на всю несообразность такого перечисления.

Таким образом расы в общем представляют не только антропологическое, но и социальное явление.

Также и понятия «народ», «народность», «нация», «национальность» представляют явления еще более сложные и изменчивые, ибо,

кроме признаков общего происхождения культуры и языка, сюда входят еще признаки общей истории, общей государственности, наконец, прямо общее самосознание данной народности. Термины «народ», «народность», обыкновенно указывают на древнюю антропологическую, лингвистическую и историко-культурную связь. Термины «нация», «национальность» включают понятие соединенного культурного и государственного объединения.

Впрочем, и здесь терминология весьма изменчива. О швейцарской нации никто не говорит, несмотря на взаимную государственную спайку частей Швейцарии. Также трудно говорить и о бельгийской нации и причислить к ней, напр., фламандскую народность.

Прибалтийское славянское племя кашубов, близкое к полякам по культурен языку, нопсиоведывающее протестантство, до последнего времени тянуло к Германии, к немцам. И едва ли его можно причислить к польской национальности.

В Центральной и Южной Америке сложилось полтора десятка новых государств из смеси испано-американских элементов. И правящие классы стремятся придать этим государствам отдельный национальный характер. Перуанцы и чилийцы, боливийцы и аргентинцы стремятся считать себя нациями по старо-европейским образцам.

В Европе Эльзас и Лотарингия все время колеблются между двумя государствами и двумя народами, Македония между тремя (Греция, Болгария, Сербия)¹. Такие же запутанные национальные счета существуют и в Литве и в Белоруссии. Я знал в Вильне семью из трех родных братьев, из которых один называл себя литвином, другой поляком, третий русским и все они доказывали свою правоту старыми документами.

В Швейцарии напротив при различии племенном, немцы, французы и итальянцы ощущают, как указано, особую швейцарскую спайку. Впрочем, во время недавней войны между швейцарскими немцами и французами произошел довольно глубокий раскол.

Точно также можно принадлежать одновременно к двум народностям, напр., в СССР быть евреем и также русским, в Соединенных штатах быть немцем и американцем, в Аргентине быть итальянцем и аргентинцем. Оба эти национальные сознания могут быть очень глубокими и прочными и прекрасно уживаться друг с другом.

В общем в вопросе о национальности решающим является момент самоопределения. В вопросе расовом решает момент массового отталкивания.

Дальневосточный культ-круг создан и наполнен народами желтой расы с китайским народом в центре.

В ближневосточном культ-круге существует, как указано, внутреннее отталкивание между его европейской и азиатской частями.

Впрочем, и в отношениях рас является ряд вариантов и отклонений от общего правила. Так, в Соединенных штатах Северной Америки, где имеется 10 млн негров и 100 млн белых, белые социально отталкивают негров с непримиримой решительностью. Негры, напротив, всеми способами стремятся сравняться с белыми и слиться с ними. Светлокожие мулат-квартироны, с небольшой примесью негритянской крови, получив образование, стараются уехать в какой-нибудь далекий околосок, где их не знает никто, и там выдают себя за белых южан.

Негры и мулаты в Соединенных штатах, как дети и внуки бывших рабов, принадлежат почти всецело к низшим классам, к рабочим наименее организованных и плохо оплачиваемых категорий. Таким образом социальное и классовое различие подчеркивает и усиливает различие расовое.

Однако, взаимное половое влечение белых и черных весьма распространено даже и в Соединенных штатах. Правда, законные браки белых с черными, хотя и не запрещенные законом, были всегда невозможны фактически. Но любовные связи белых хозяев с черными рабынями были до освобождения негров совершенно обычными. Об этом свидетельствует большое количество мулатов, квартиронов и проч. В настоящее время общественное мнение белых относится весьма неблагоприятно даже к таким любовным связям. И американские мулаты отброшены к неграм, число их постепенно сокращается и американские негры, как целое, темнеют.

В других странах смешение белой и черной расы происходит весьма энергично. На Антильских островах целое государство (Сан-Доминго на острове Гаити) состоит из мулатов. В Бразилии смешение белых с черными происходит и теперь. Северная Африка, Индия, Индонезия переполнены народами такого смешенного происхождения. Более обычны любовные связи белых мужчин с черными женщинами. Есть, однако, много обратных случаев, даже среди самого высокомерного белого народа — англичан. Браки белых женщин с неграми встречаются в Лондоне, Канаде и т. д.

Половое смешение белой и американской расы происходит с большою энергией в Мексике и Перу, и вообще во всей Центральной Америке и западной половине Южной Америки, и все население этих огромных областей, как было указано выше, должно считаться сме-

шанным. В России и Сибири происходило и происходит смешение русских с финнами и турками, а в восточной Сибири — с тунгусами и бурятами, народами желтой расы. При этом часть туземных племен принимает обрусение и даже без смешанных браков растворяется в общей сибирско-русской смешанной среде. Другая часть сохранила свое национальное бытие, ныне поддержанное новым советским устройством, автономией и самоопределением. В Харбине происходит довольно энергичное смешение русских с китайцами. Однако, китайцы, как народная масса, не проявляют особого влечения к половому смешению с белыми, даже в приморских городах.

В настоящее время трудно предугадать, каково будет взаимное положение рас в грядущем, при условии их полного умиротворения и равноправия. Пойдут ли они по пути полового смешения и взаимного проникновения или сохранятся, как отдельные антропологические сгустки, более или менее смешанные на периферии.

Африка, напр., несмотря на тысячелетнее смешение белой и черной расы, представляет и ныне такой центральный черный сгусток, сплывающийся по краям с белой примесью. С другой стороны, огромный рост и облегчение путешествий и всяческих передвижений, повидимому, ведут земные народы к общему смешению.

В общем надо указать, что в современном человечестве взаимное отталкивание и борьба происходят по различным направлениям. Здесь переплетаются:

1) борьба классов, причем: а) правящие классы борются друг с другом за власть, и б) рабочие классы борются с правящими классами за введение социального равенства и полное изменение социального строя.

2) Борьба государств, возникших отчасти на принципе национального объединения, а отчасти включающих несколько народностей и наций. Такая борьба ведется: а) из-за экономического и военно-политического соперничества и б) из-за стремления более сильных государств обкромть в свою пользу, поработить или даже поглотить более слабые. В особенности резко такое стремление проявляется в так называемой колониальной политике западно-европейских и американских государств.

3) Борьба различных национальностей в пределах одного и того же государства, часто в пределах двух или трех соседних государств. Такова, напр., борьба немцев с поляками, венгров с румынами, поляков с белоруссами и украинцами. И, наконец,

4) борьба различных рас в виде отдельно организованных единиц, или в пределах одного и того же государства.

В XX в. из году в год возрастает и выдвигается вперед: 1) классовая борьба в своем втором разделе — рабочие классы против правящих и 2) борьба национальностей менее культурных, с преобладанием крестьянства, против более культурных, организованных капиталистически. Такая борьба происходит с особенной энергией в области колониальной политики и империализма.

Во всяком случае, когда говорят о превосходстве европейской культуры, о господстве белой расы и тому подобных вещах, всегда подразумевают четыре или пять государств Западной Европы и средней ее полосы: Англию, Францию, Германию, Бельгию и Голландию, Скандинавские страны, а также Соединенные штаты Северной Америки, которые, как указано выше, являются этнографическим и культурным отростком той же самой европейской области.

Мало того, говоря о земном человечестве, историки и социологи часто совсем не имеют в виду желтые и черные народы и даже исключают из внутреннего круга культуры мусульманские народы и также индусов, формально причисляемых к той же белой расе. Практически, только избранная группа 5 — 6 народов считают себя человечеством первого разряда. Английские солдаты и матросы называют индусов просто «черномазыми» и во многом приравнивают их к неграм. Это, между прочим, связано с тем, что основным элементом народов Индии являются, как указано выше, темнокожие дравиды. Матросы и солдаты Британии встречаются, конечно, не с индийскими светложими верхами, а с пахарями, столярами, ткачами более темных оттенков.

Притязания западно-европейской белой расы на всемирное господство в XVIII и XIX вв. опирались на некоторое действительное превосходство физической силы и культуры. Высшим моментом этногеографического счастья белой расы является завоевание американского континента, который она заселила и насытила культурой с неслыханным напряжением и быстротой. Однако, еще со времени путешествия Колумба, уже закладывались стихийно и вместе бессознательно, почти автоматически, этногеографические предпосылки нового всемирного периода. Первою вехой и символом этого нового объединения земли было плавание Магеллана и Эль-Капо, впервые опоясавших земной шар зыбкой бороздой своего кругосветного пути. Через два с половиной века, в 1862 г., американский корабль «Great Eastern», проложивший после многих неудач первый тихоокеанский электрический кабель, заменил водную черту Магеллановой дороги реальной и твердой электрической проволокой, наконец, опоясавшей мир, как первая железная нитка.

Третьей географической вехой было открытие Панамского канала, которое заменило материальную нить телеграфа сплошной непрерывной лентой водного пути, и как бы соединило все океаны земли в один непрерывный канал по линии экватора.

Таким образом, морская океаническая торговля стала, наконец, торговлею всемирной по кратчайшему возможному пути.

Возможно, что именно в связи с этим разразилась первая мировая война. Эта война была первым широким раскрытием так называемого империалистического периода, который является в сущности периодом раздела поверхности земного шара между более многочисленными культурными и сильными народами.

Первая мировая война была попыткой совершить и закрепить этот раздел в пользу европейско-американской половины белой расы, бабьей Европы и Америки.

Однако, эта попытка наткнулась на непреодолимые препятствия и на наших глазах быстро превращается в покушение с негодными средствами.

Прежде всего оказалось, что даже во внутреннем культурном кругу белой расы слишком много кандидатов на всемирное господство.

Германия и Англия, Антанта и Срединная Европа (*Mitropa*) с самого начала не могли поделить предстоящей добычи по-добру по-здорову. Также и теперь в черте победившей Антанты вскрываются такие же неразрешимые противоречия других кандидатов на мировую гегемонию: Франция против Англии, Англия против Соединенных штатов, — различие насущных интересов является снова предпосылкой грядущей войны.

Однако, гораздо важнее и шире другое обстоятельство,—то, что Европа, как целое, столкнулась с другими континентами, белая раса встретила с другими великими расами мира.

Концентрическое расширение европейского культурного круга в XVIII веке дошло, как указано выше, до стадии всеатлантической европейско-американской. Расцвет этой стадии приходится на XIX в.

Одновременно с этим, однако, растет и расширяется значение других океанов: Индийского, Тихого, Южного, и можно сказать, что уже с половины XIX в. ясно выступает вперед начало всеокеанского периода торговли и культуры. Но только экваториальный морской путь, созданный открытием Панамского канала, выдвинул вперед это объединение океанов и материков и поставил его на историческую очередь.

И вместе с объединением морей стали выдвигаться и другие общие свойства земного шара, взятого как целое. Воочию открылось

преобладание тропических стран над умеренно-холодными, не только в отношении богатства природы, но просто и по ширине географической площади.

В общем земной шар далеко не изжил своего жаркого тропического периода. Если взять наиболее выпуклую часть земного шара, прилегающую к экватору и заключенную между 45° северной и южной шпроты, то эта двойная полоса, конечно, будет гораздо обширнее двух остальных отрезков, северного и южного, обнимающих поверхность от двух 45° параллелей северной и южной до двух соответствующих полюсов.

Вышеуказанная центральная часть земли включает области экваториального, тропического и субтропического климата, и только в самых наружных частях, в виде двойной каймы, — области климата теплого и умеренно-теплого, тина южной Франции, северной Италии, южной Австралии и южной Аргентины.

Если отбросить морские пространства и сопоставить общую сумму территорий тропических и теплых, с одной стороны, и умеренно-холодных и арктических, с другой, то окажется, что первая сумма превосходит вторую более, чем в полтора раза.

Различие это становится еще более значительным, если принять во внимание обширные северные тундры и другие полярные пространства, совершенно непригодные для человеческого заселения и действительно безлюдные.

В тропической зоне тоже имеются малонаселенные пустыни, более или менее безлюдные. Эти тропические пустыни могут быть сопоставлены с северными тундрами. Но в современных климатических условиях земли отсутствие тепла является более императивным и важным, чем отсутствие влаги. Поэтому песчаные пустыни усеяны населенными оазисами п, кроме того, в значительных частях допускают обводнение. Северные тундры необитаемы сплошь.

Еще важнее этого преобладания размеров поверхности огромное плодородие тропических стран сравнительно с умеренно-холодными, разнообразие их производительности и, стало быть, большая емкость и наполннность людским населением. Огромные тропические области изобилуют пищевыми продуктами: мясом и хлебом, жирами, сахаром и лучшими фруктами. Аргентина и Австралия снабжают мясными консервами все государства культурной Европы. Бразилия снабжает человечество кофе п какао, Индонезия и Полинезия — кокосовым маслом и пряностями.

В своих колониальных тропических мероприятиях белые народы столкнулись с так называемыми народами и расами Востока, иначе

и ближе, чем прежде. В сущности говоря, вместо востока надо скорее говорить о юге, как было указываемо выше. Тропические области и целые тропические континенты оказались уже населенными, наполненными группами народов и культур, более древних и устойчивых, чем белая культура Европы. Бесцеремонное вторжение представителей белой культуры во внутренние области этих великих желтоцветных и темноцветных рас вывело их из многовекового равновесия и заставило усвоить в видах самообороны внешнее оружие европейской техники, промышленной и военной. Новая Япония явилась счастливым, удачливым застрельщиком этого великого процесса и стала отражать нашествие Европы европейским же оружием. Русско-японская война является поворотным пунктом столкновения рас на земле.

По данным английского Ежегодника за 1922 и 1923 гг., общая сумма населения белой расы составляется из следующих слагаемых: Западная Европа—250 млн, Соединенные штаты—105 млн, Мексика — 17 млн, Центральная Америка — 6 млн, Южная Америка— 65 млн, Канада — 9 млн, Австралия—6 млн, Южно-африканский союз — 1 1/2 млн. Далее до 1 1/2 млн европейцев разбросано в разных колониях Азии и Африки. Итого 460 млн. И особо в СССР — 130-150 млн. Однако, и помимо СССР, не все указанные этнические элементы могут быть причислены к человеческому фронту белой расы. В Соединенных штатах Северной Америки придется, вероятно, исключить 10 млн негров и еще исключить 5 млн негров Вест-Индии и Южной Америки. Также и гибридные смешанные народы Мексики и Перу, Колумбии, Боливии являются белыми только по имени и на три четверти являются индейцами.

Вообще говоря, мировая гегемония уже и теперь перешла от Европы к Северной Америке. Но будущую ориентацию в борьбе рас ста миллионов людей Латинской Америки никак нельзя предугадать с точностью. Возможно, что она будет не активной, а только пассивной. Латинская Америка не имеет колоний и несколько не является наступательной.

Сумма цветного населения складывается из следующих данных: желтая раса — Китай, Япония, Тибет, Монголия, Корейя, Индо-Китай — 550—600 млн, малайцы — 60 млн, индусы — 300 млн, мусульмане ближней Азии—40 млн, мусульмане Северной Африки (семиты и берберы) — 20 млн, негры—150 — 200 млн, прочие— 20 млн. Итого 1200 —1300 млн. Таким образом, человеческий фронт цветных рас больше чем вдвое превышает человеческий фронт западно-европейской и американской христианской белой расы.

Это взаимоотношение настолько серьезно, что оно вызывает тревогу у многих ученых и государственных деятелей белой расы. И не даром еще Редиард Киплинг в качестве идеолога и борца английского джингоизма усиленно говорил о «долге белого человека», воспитателя черных и желтых в надлежащем направлении.

Проф. Гриффит Тейлор отдает себе ясный отчет в опасности положения, но он ставляет все свои надежды на возможность отсрочки столкновения и на усиленный рост белой расы в Америке и Австралии путем колонизации.

По его приблизительным исчислениям, через сто лет будет:

В Северной Америке.....	702 млн
» Европе.....	386 »
» Южной Америке.....	115 »
» Южной Африке.....	82 »
» Австралии.....	62 »

Итого 1 347 млн

Вооруженная такой численностью, белая раса сможет дать отпор натиску цветных.

Но, во-первых, нет никакого основания полагать, что столкновение рас будет отсрочено на целое столетие. Культурное вооружение Японии совершилось в полвека. И ныне огромный Китай ведет гражданскую войну за укрепление своего нового объединения. Китай— это раса — народ—государство в одном. И можно с уверенностью предсказывать, что уже через полвека мировая политика будет проходить в значительной степени под знаком Китая. Далее Гриффит Тейлор не принял во внимание возможного роста цветных рас. Правда, в былые тысячелетия этот рост был до крайности замедлен. Но именно теперь в последние десятилетия уже на начальной стадии приобщения к культуре многие цветные народы проявляют неожиданное и почти чудесное возрождение своего численного роста, и собственным приростом, без всякой иммиграции, обгоняют прирост Аргентины, Бразилии и Северо-американских соединенных штатов со всеми миллионами иностранных иммигрантов и их ближайшего потомства.

Можно привести несколько цифр для сравнения.

II											
Европа: 1. Ирландия ¹	1881	1891	1901	1911	1914	1918	1919	1920	1921	1925	
II											
(в тысячах)	1	5184	4704	4472	4390	4181	4399	4462	4486	4496	4442
II											

¹ С 1920 по 1925 г. общий итог населения Ирландии складывается из двух слагаемых, отдельных для Северной и южной Ирландии.

Эта таблица показывает, что население Ирландии продолжает уменьшаться до самого 1914 г. и только во время войны благодаря задержке эмиграции стало увеличиваться медленно и туго, — впервые с 1848 г. В 1925 г. население опять несколько уменьшилось. Приведенные цифры, между прочим, наглядно объясняют ожесточение ирландского народа против всяких английских благодеяний, не остывшее и до сих пор.

2. Франция	1911 j	1921
(в тысячах).....	39 000	39 209 — включая 1 709 тыс. Эль-заса и Лотарингии

Таким образом Франция в период войны потеряла 2 млн человек, до сих пор никем незамененных.

3. Америка	1900	1920	1925
(в тыс.) Соедин. штаты (белые) .	66 809	94 820	102 000
» » (цветн.)	8 893	10 463	11 000
Бразилия	17 318	30 635	
Аргентина.....	7 885 (1914 г.)	8 698	9 548 г! 924)
Канада	5 370	8 700	9 364

4. Австралия	1916	1920	1925
(в тысячах).....	4 465	5 436	5 929

Огромный прирост белого населения указанных американских стран опирается исключительно на рост иммиграции. Однако, и в этой таблице можно указать на рост негритянского населения Соединенных штатов, которое с начала междоусобной войны за освобождение негров, т. е. в пол века, увеличилось силой собственного размножения от 4 млн до $10\frac{1}{2}$ млн.

Если сопоставить с этим ряд новейших цифр, относящихся к цветным народам и государствам в Азии и Африке, то при более внимательном анализе получаются следующие заключения. Наиболее крупные группы цветного населения, и в первую голову Китай и Индия, в отношении прироста населения, повидимому, все еще находятся в стационарном состоянии. Для Китая мы не имеем достаточно надежной статистики. И если по европейским, весьма при

близительным, подсчетам население Китая исчисляется в 330 млн, то по последнему китайскому цензу 1921 г., тоже весьма приблизительно, население Китая исчисляется в 440 млн. При таком разноречии данных не может быть и речи об определении динамических процессов прироста или возможной убыли. Рядом с этим население Индостана, по английским переписям, достаточно точным, изменяется в общем очень мало. В 1901 г.—234 млн, в 1921 г. — 247 млн. Этот довольно незначительный прирост относится всецело на долю некоторых отдельных областей, небольших и окраинных. В общем можно допустить, что Китай и Индия пока еще находятся в состоянии стационарного устойчивого равновесия между возможным для них числом населения и суммой жизненных средств, определяемую уровнем культуры, тоже стационарной, неподвижной в течение тысячелетий. Новая культура, проникающая ныне в Китай и в толщу народов Индии, еще не оказалась в состоянии нарушить это равновесие и открыть населению новую возможность прироста и движения вперед. Под английским владычеством в Индии рядом с железными дорогами и оросительными каналами развиваются, как прежде, иголодп чума.

Вместе с тем в других, более мелких государствах цветных народов самое прикосновение новой культуры уже пробивает дорогу приросту населения, до сих пор неслыханному. Цифры, относящиеся сюда, поразительны.

Египет (в тысячах):

1800 г.....	2 500
1876 »	4470
1897 »	9 744
1922 »	13 400

Таким образом, в 120 лет население Египта увеличилось в пять раз, причем весь этот прирост возник просто из преобладания рождаемости над смертностью без всякого участия какой бы то ни было иммиграции. 1922 г. — Рождений — 558 тысяч. Смертей — 369 тысяч.

	1901 г.	1921 г.	1924 25 г.
	(п	тысяч)	(ах).
Япония с Формозой.....	47 600	56 000	61 000
Корея.....	9 670	17 000	—
Филиппины	7 600	11 000	11 234
Голландская Инсулида (колониальная империя).....	34 700	49 000	—
Сиам	6 300	9 200	11 724
Афганистан	4 500	6 400 ¹	12 000 ¹
Цейлон	3 500	4 500	—
Непал (Гиммалайское вассальное королевство Английской Индии) . .	3 000	5 000	5 600

¹ Различие цифр объясняется приблизительностью подсчетов.

Особенно поразительны данные, относящиеся к Корее и Филиппинам, где за какие-нибудь 15 — 20 лет население почти удвоилось. В обеих странах это возрастание было основано на росте материального благосостояния и сопровождалось бурным стремлением к национальной самостоятельности.

Картина прироста населения и этих государствах и странах имеет такой вид, как будто динамическая сила, дремавшая тысячелетия под прессом неподвижности культуры, вдруг освободилась и развертывается, как пружина.

Данные, относящиеся к островным племенам Океании, имеют иной характер. Между тем как на Гавайи (Сандвичевых островах), несмотря на всяческие дары цивилизации, туземное население все еще вымирает, заменяясь по преимуществу японцами, на островах Тонга такое же полинезийское население, также благодетельствованное христианством и алкоголем, уже от угасания возвратилось к стационарности. Оно не вымирает и не размножается. На островах Фиджи более энергичное меланезийское население, благодетельствованное темп же культурными дарами, вышло, наконец, из состояния оцепенелости и размножается медленно, но твердо.

В общем и здесь намечается улучшение сравнительно с предыдущим.

Следует сказать особо несколько слов о Южной Африке.

	1000 г.	1920 г.
	(1 тысяча)	
Южно-африканский союз (Капская земля, Наталь, Трансвааль, Оранская область) белых	1 100	1 522
цветных	4 059	5 399

Рост цветных, таким образом, ничуть не отстает от роста белых. И уже в настоящее время цветным принадлежит огромный перевес.

Увеличение населения цветных стран сопровождается, как указано выше, ростом материального богатства, вывоза продуктов и товаров, также возрастанием школьного обучения, появлением газет и литературы на местных наречиях и явственным стремлением к освобождению от гнета белых. На Филиппинах, напр., в 1922 г. общее число школьников равнялось 790 000, т. е. 7% всего населения, издержки на образование были 5 млн долларов. В местном университете было 3 200 студентов.

Весьма поучительно привести данные, относящиеся к негритянским областям внутренней Африки, которые в течение тысячелетий были ареной междуплеменных войн, людоедства и рабовладельческих набегов. Белое владычество к началу XX п. так или

иначе ввело «Европейский мир» (рах еурореіса), и привилегия вести войну осталась только за белыми. Пользуясь этим относительным миром, Африка стала расти. Увеличивается население, населяются области, дотоле пустынные, и уже умножаются школы, возникают туземные газеты. Одновременно с этим, однако, растет подушная подать, налагаемая белыми, и сознание у негров неравенства и гнета. Из уст африканца вырывается крик ненависти, воспроизведенный, напр., в замечательном негритянском романе «Батуала» черного писателя Рене Марана: «Мы мясо для налогов. Мы только вьючная скотина. Они медленно убивают нас».

Приведем несколько цифр:

На Танганайке (бывшая германская Восточная Африка) за 1922 г. указано 45 правительственных школ, 3 500 учеников, 71 туземный учитель, ни одного белого учителя.

По сведениям 1924 г. — 73 правительственных школы и 2 602 католических и протестантских школ, а общее число учеников 167 000.

В Уганде на 3 миллиона населения указан один миллион интеллигентных цивилизованных Баганда. Им раздают фермы в лучшей полосе на особых условиях, почти уравнительно с белыми. Число школьников 77 600, включая $\frac{x}{3}$ девочек. В 1924 г. — 119 000 мальчиков и 75 000 девочек.

В Ньясса на слишком миллион населения отмечено 2 030 школ и 117 000 учащихся, т. е. 10% населения. В 1924 г. — 2 447 школ, 150 000 учащихся.

В Баеуто за 30 лет, с 1891 по 1921 гг., население удвоилось. Число учащихся составляет 8% населения. Рядом с этим подушная подать представляет половину валового дохода страны.

Процент учащихся в Ньясса и Басуто кажется почти неправдоподобным.

На французском Мадагаскаре с 1918 г. введено всеобщее обязательное обучение. Число учащихся составляет 3% населения. В столице Антананарпво есть институты—медицинский, сельскохозяйственный, коммерческий. Рядом с этим подушная подать поднялась с 5 фр. до 10, 15, 20. В округе Антананарпво подушная подать — 30 фр. Туземец добывает эти деньги, лишь продавая за бесценок огромную массу сырья.

Смешение и сплетение различных элементов техники и материальной культуры скоро осложнилось сплетением идей и духовных воздействий. Вместе с барьбой наружной, по государственным ме-
жам, сплетается борьба классовая, внутренняя, столкновение этни-

ческих слоев перемежается столкновением слоев социальных. Выдвигается новая база борьбы, раздельность классовых интересов, материальных и моральных. Так возникают на востоке новые и сложные, этнические и социальные явления, — Молодая Турция. Новая Индия, Новый Китай. И в общем оба лица великих мировых столкновений, этническое и социальное, сливаются в общий поток. Общественные классы, бывшие до сих пор безгласным и бесправным объектом культуры, желают стать его правомочным субъектом. Нации и племена, бывшие так долго пассивными «делимыми» мировой арифметики, желают стать ее ответственными «делителями».

Крестьяне востока соединяются с рабочими запада против интернациональных нетрудовых меньшинств, капиталистов, феодалов, чиновников, военных, всякого происхождения и расы.

Но в переплете мировой борьбы может случиться и так, что высшие слои квалифицированных рабочих будут на стороне собственной буржуазии.

В мире социальной борьбы общественная пирамида с острою вершиной королевской или царской власти и узким верхушечным кольцом зажиточных правящих классов, построенная на широком основании народных трудящихся масс, рабочих и крестьянских, качается на месте в порывах землетрясений и грозит опрокинуться вверх дном, рассыпаться кусками и потом перекристаллизироваться в новую геометрическую форму, построенную более равномерно (цилиндр или шар?). В процессе борьбы расовой, очевидно, появляется тоже стремление'низвергающее и преобразующее. Цветные народы сознательно и бессознательно пытаются сбросить христианскую белую расу с вершины ее гегемонии и поставить ее на то действительное место, которое соответствует ее реальной численности, ее положению на поверхности земли. С точки зрения этно-географической борьба человеческих рас есть борьба за установление их равновесия и вместе с тем за новое объединение земного человечества. В противовес белой расе уже надвигаются другие объединения: огромная желтая раса — массивный Китай и подвижная Япония, темнокожая раса в ее двух основных частях: негритянской и индусской (дравидской, см. выше). Между этими двумя группами, желтокожей и темнокожей, должны быть помещены бесчисленные отрывки и сплетения более мелких, разрозненных групп и подгрупп, разбросанных по разным морям и континентам.

С наиболее обширной, общемировой точки зрения, белая раса в своих очертаниях складывается из четырех составных частей: Западная Европа, Америка, СССР, мусульманский восток. Западная

Европа и мусульманский восток являются старым обладанием белой расы; Америка и СССР являются новым приобретением, новой обширной опорой притязаний на часть мирового наследства. И уже в первом акте борьбы мировая гегемония выскользнула из рук западной Европы и перешла к более счастливой и юной Америке, выскользнула навеки и перешла надолго, и уже никогда не вернется обратно. Америка является чемпионом и вождем белой расы в борьбе за мировую гегемонию. Ныне наступает и очередь России, и возможно, что СССР, в отличие от Америки, явится скорее посредником в столкновениях рас, быть может, даже вождем и организатором союза цветных рас и восточных народов.

Уже из этого краткого анализа можно видеть, что мировая борьба будет иметь в дальнейшем затяжной и болезненный, часто катастрофический и почти безвыходный характер. Зато следующая творческая стадия сулит, наконец, новую всемирную координацию жизни, начало всемирного равновесия рас и группировки держав. Вместо европейских попыток одинокого владычества, вместо химерических проектов всемирной империи Французской (Наполеон), германской (Вильгельм), английской (Чемберлен?), выдвигается равновесие трехсложное, на три угла. На смену единой владычице, западно-европейской белой расе, обозначаются три великие группы: белые народы, желтые народы, темноцветные народы.

И невольно выступает вперед неожиданное сходство современных потрясений с войн с эпохой падения Рима, ибо и эта эпоха насильственного разрушения и внутреннего распада культуры античного мира тоже обуславливалась скрещением двух волн: внутренней волны, связанной вначале с христианством, восходившей вертикально от подножия к классовой вершине, и внешней волны нашествия варваров германо-славянских и турецких, наплывавшей горизонтально по концентрическим кругам на средиземно-морскую Европу. Падение античного мира было эпохой мучительной и трудной, глубоко разрушительной и не оставившей камня на камне от здания культуры, но после первого остолебенения темной эпохи раннего средневековья уже обозначился синтез в слиянии обеих волн и стало быть, в христианизации варварских народов. Не старая античная культура, а новая внутренне-варварская волна, исходившая от низших и беднейших классов населения слилась с наступавшим течением варваров извне и послужила отправным пунктом нового развития. . . И в конце средневековья к началу эпохи Возрождения обозначился новый концентрический круг расширенной культуры. На смену средиземно-морскому кругу выступил круг всевропейский.

и на смену единой эллино-римской группе народов — три группы народов, ново-латинская, германская и славянская.

Единый латинский народ заменился более обширной группой ново-латинских народов. И эти народы составили только третью часть всего европейского культурного круга.

Также и белая раса в новом кругу земного человечества не может составить более третьей части.

Среди ново-латинских народов первое место принадлежит позднешему члену, Галлии — Франции.

И ныне в общем кругу атлантической «белой» культуры гегемония перешла к позднешему члену — Соединенным штатам Америки.

Выше было указано развитие и рост новейших промышленных конурбаций.

Можно прибавить, что центральные части этих конурбаций сгущаются до невозможности.

Они не вмещают густоту вырастающей жизни и ее движения. Центральный Нью-Йорк и Париж не вмещают и черту своих улиц движение сотен тысяч автомобилей, трамвайных поездов и пешеходов. Движение уходит в «подземку», сперва пешеходную, а потом, по новейшим проектам, также и автомобильную. Одновременно жилые дома замещаются «небоскребами» в 40 этажей, вмещающих только конторы и правления банков, консорциев и трестов. Приватная жизнь населения отливает за городскую черту, заполняет окрестные деревни и поля на три английских графства, на два французских департамента. — городская культура доходит как бы до своего собственного физического самоотрицания.

Одновременно с этим на других континентах, в жарких областях, уже развивается, как сказано, автономная промышленность, и рядом вырастает гигантское производство сырья и жизненных припасов в мелких и крупных ячейках. И перед техникой является новая задача отточить и развить это новое тропическое земледелие, перевести его в состояние земледельчески-промышленное. Природа тропических, а в особенности экваториальных стран еще не вполне подвластна человеку. Гниющая растительность экваториальных болот, дремучие джунгли, бактерии болезней, песчаная блоха и муха це-це делают области эти почти недоступными даже для привычных туземцев. А между тем, как указано выше, это самые плодородные области земли, последние огромные резервы для жизни человечества. Техническое покорение этих областей явится, вероятно, настолько грандиозным, что оно определит техническое содержание целой эпохи человеческой культуры.

Современная техника, которая выростала в областях умеренного климата, создав тяжелую индустрию из электричества и нефти, железа и угля, зашла в безвыходный тупик недостаточного сбыта и направляет уродливый рост в сторону огромных вооружений, создавая техническое основание непрерывных убийственных войн. Эта железная техника, скованная и отточенная на севере, но уже не находящая там достойного применения, оживет и расцветет, перенесет свой центр в тропические и экваториальные страны. Новая промышленная эпоха, которая уж и ныне раскрывается в тропических странах, будет эпохой массового коллективного развития технического земледелия. Социальная организация этих предприятий примет неизбежно новые своеобразные формы. Формы эти будут крупно-общественными, государственными, и, быть может, междугосударственными.

Уже сейчас намечаются колоссальные планы, напр., осуществляемый ныне план ирригации восточного Судана, рассчитанный на многие миллионы акров, или другой план, выдвинутый некоторыми южно-африканскими учеными, об уничтожении государственными усилиями лежбищ и гнезд разведения мухи це-це во всю ширину Африки.

Зато в обработанном и очищенном виде экваториальные страны, вероятно, будут давать такие колоссальные сборы разнообразного сырья, о каком мы еще не имеем надлежащего представления. Таким образом, эти страны будут представлять огромную емкость заселения.

С этногеографической точки зрения амазонская область вероятно, достанется нео-тропической белой расе, Индонезия — желтой, африканские области — разным оттенкам смешанных цветных. Таким образом закончится наполнение земли человечеством. И тогда эволюция культуры и техники опять получит промышленное устремление, и начнется, наконец, уже предчувствуемая ныне дуэль между земледелием и химией, между добыванием сырья из живой природы и его воссозданием из мертвых органических остатков или прямо из минеральных элементов.

Каковы бы ни были современные успехи химии, вопрос о химическом создании к пищи и сырья будет поставлен на очередь и социологически и технически лишь тогда, когда все естественные ресурсы природы будут приведены к учету и использованы полностью. Этот период еще далеко не наступил. Может быть, первым будет решаться вопрос о физической замене истощенного топлива и механическом создании новой двигательной силы. «Белое топливо» —

сила падающей воды является только первым элементом новой механической силы. Далее следует сила солнечных лучей, переведенная в движение, и, наконец, механическая сила, извлеченная из молекулярных форм материн силы, существующих в природе.

С этим дальнейшим развитием техники будет, наконец, разрушена власть земледелия, власть земли и заодно также, вероятно, власть климата и власть пространства.

Дальнейшую эволюцию человечества можно представить себе только по линии глубокого смешения рас и по завершении процесса заселения и наполнения земли, — как создание новой человеческой эмульсии, однородной, многоцветной и живой. Тогда, действительно, земля станет общим отечеством, и человечество одним народом. После того, история земного человечества, его непрерывная борьба за свое расширение и рост, эта борьба, которая не может никогда остановиться и составляет самую сущность жизни, — примет планетные формы, но это выходит из области нашего рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В настоящей книге рассмотрены преимущественно вопросы этнической географии, и поэтому прежде всего следует указать труды по этому отделу.

На немецком языке имеется классическая работа /•. Hutzd'n. *Anthropogeographie*. 2 тома, последнее издание 1921—22. Первый том «Антропогеографии» посвящен теоретическим вопросам, связанным с приложением географических идей к изучению истории. Во втором томе автор рассматривает географическое распределение человечества.

Учение Ратцеля теоретически вытекает из учения Карла Риттера (см. его *Allgemeine vergleichende Geographic*. Берл. 1817 — 1818. — Есть русский перевод в Магазине Землеведения и Путешествий, т. II, отдел 2. М. 1853). Последний, выдвигая на первый план Географические предпосылки истории, оставил, однако, в стороне социологическую сторону развития человечества. Этот односторонний взгляд на культуру характеризует также и труд Ратцеля.

Анализ культуры в аспекте географическом и социологическом ведет начало от Александра Гумбольдта (см. его «Космос», 3 тема, перев. с нем. СПб — М., 1848 — 57), выступившего почти одновременно с Риттером. Однако, идеям последнего было суждено преобладать до настоящего времени.

Идеи Гумбольдта получили развитие в трудах известного географа Элизе Реклю. В своих многотомных трудах: «Человек и земля» (СПБ, 19081 и «Земля и люди. — Всеобщая география» (19 т.т. в 10 кн., СПб, 1898), Реклю заложил прочный фундамент, на котором строится новое научное здание этногеографии.

Несколько особо стоит Адольф Бастин (A. Bastian), известный путешественник и этнограф. Он воспринял географические идеи Гумбольдта и Риттера и выступил с собственной теорией «географических провинций» (см. его «*Der Mensch in der Gexchichte*», Лейпц., 1860, и др. соч.), оказавшей большое влияние на развитие этнографии и этногеографии.

Дальнейшее развитие этнической географии идет в двух главных направлениях: немецкой школы и французской.

Ученик Ратцеля — А. Геттнер, в своей монографии о России, употребляет термин: «этно-географический», повидимому, чувствуя неточность терминологии своего учителя. В своей новой небольшой работе: «*Peg Gang der hultnr iillir die Erde*», 1923 (Русск. пер. под ред. проф. Генкеля. Л., 1925), Геттнер сделал попытку изобразить распространение культуры на земле, на основе этногеографии. К сожалению, анализ Геттнера оказался этногеографически не вполне выдержанным, и вся его работа страдает досадной односторонностью.

К немецкой школе можно причислить и русские антропогеографические работы. Отмечу, например, книгу профессора А. Пржебра, Общее землеведение, ч. III: «Оно- и антропогеография» (М., 1922).—Далее, небольшая работа профессора Л. Д. Силицкого, Очерки землеведения (Антропогеография), вып. I, Л. — М., 1923, — замечательна тем, что автор ее считает нужным расширить границы антропогеографии. Он подчеркивает, следуя Реклю, что, «кроме

статической среды природы, есть еще вечно изменяющаяся динамическая среда самого человеческого общества, и чем больше развивается культура, тем меньше становится прямое влияние географической среды, тем больше географические условия влияют через посредство социальных и экономических факторов».

В этих словах прекрасно выражена этногеографическая точка зрения.

Большое значение в развитии этногеографии имеют работы *Kanna Kapp*. выступившего с теорией речных, морских и океанических цивилизаций (см. его «*Vergleichenle allgenieine Evdkundr*», 2 т.т., 1845). Идеями Каппа воспользовался впоследствии *Л. Л. Мечников* и развил их в своем сочинении «Цивилизация и великие исторические реки», напечатанном в 1889 году на французском языке (Новейш. русск. пер. под ред. проф. Лебедева. 1924 г.).

Французская школа ведет свое начало от *Le-Pluy* (см. его «*constitution essentielle ie Puumanie*», 1893 и др. более ранние работы. «Для понимания законов общественной жизни недостаточно, по мнению Ле-Плей, априорных выводов из природы человека и общества, а необходимы точное наблюдение и описание социальных фактов, их сравнение и классификация». Эти факты Ле-Плей отыскивает в анализе классовых элементов древнего и современного общества (см. *Lis Onrriers Europeéens*. Тур, 1877 и *Oueriers des Deux Monies*), также в широком анализе экономической структуры общественных организаций (см. главу книги «Европейские рабочие»: — «Элементы социальной дезорганизации, порожденные в Англии эксплуатацией угольных бассейнов»),

Ле-Плей и его школа временами довольно близко подходят к социал-демократическому анализу, но его освещение фактов и выводы в общем противоположны социал-демократии. Это как бы желтый, христианский и даже черносотенный социализм.

Из последователей Ле-Плей отметим *Anpi de-Турвиля* (см. его «Социальную науку», русск. пер., СПб, 1895), *de-Xiynes'n* («*La science sociale il'après les principes de Le-Play*», 1897) и *Эдмонда Дэмолна E. Demolins*, высказавшего в своем сочинении «*Les grandes routes des peuples*», 2 т.т. (Париж, 1922) оригинальный взгляд на значение переселения в создании социальных типов. Работа Дэмолена, не лишенная многих существенных недостатков (особенно в изложении и освещении экономических фактов), имеет значение для этногеографа.

Из последних французских работ нужно упомянуть книгу *prof. I. Brnnhes*, *La géographic humaine*, 2 т.т. (Париж, 1925) и особенно весьма ценную работу *P. Vidal-de-la-Blache*, *Principes de géographic humaines* (Париж, 1922).

Другая новейшая французская работа *Lucien Febvre'a*. В наших руках имеется английский перевод: «*A geographical introduction to history*». London, 1925 (обширная библиография).

Дальнейшее развитие географических идей Ратцеля (см. выше) находим в американской работе *Ellen Cli. Semple*, *Influences of Geographic Environments on the Basis of Ratzel's System of Anthro-Geography* (Нью-Йорк, 1911).

Иден Бастина между прочим отразились в России в работе *Д. А. Корончевского*. Значение «географических провинций» в этногеническом процессе. СПб, 1905.

По вопросам, затронутым в отдельных главах настоящей книги, заслуживают внимания труды, рассматривающие антропологические, археологические и историко-лингвистические предпосылки культуры

По первому вопросу имеется прекрасная работа *prof. It. Martin'a, Lehrbuch der Anlliropologie in Systematischer Darstellung* (Иена, 1914). Имеющиеся в русском переводе книги *И. Деникера, Человеческие расы* (СПБ, 1902), *Ф Биркнера, Расы и народности человечества* (СПБ, 1914) и др. в значительной степени устарели.— Новые идеи в антропологии: изменение головного указателя у детей переселенцев под влиянием окружающих условий см. *Frans Boas, Changes in bodily forms of descendants of immigrants* (Вашингтон, 1910), см. также его же *A'ultur und Basse* (Берлин, 1922); расовый анализ по составу крови, методы осадков, перекрестной иммунизации и др. рассматриваются в обстоятельной работе *Lattes und Schiff, Die Individualitat des Itluies* (Берлин, 1925).

Из новейших археологических работ можно указать на труд *M. Houle Les homines fossiles* (Париж, 1921), *L. Reinhardt'a, Der Mensch sur Eiszeit in liuropu* (Берлин — Вена, 1924), а также на английскую работы *Генри Осборна. Человек древнего каменного периода*, переведенную недавно на русский язык (под ред. и с дополн. Б. Н. Вишневого, Л., 1924).

Из лингвистических работ укажем: *II. Steintal, Charakteristik der haupt-s'dchlichsten Ty pen des sprachbaues (Aeue Bearbeitung von D-r Franz Misleli* (Берлин, 1893), *II. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte* (Галле, 1909), *Wilhelm Wundt, Xölkerpsychologie*, 2 тома: «*Sprache*» (Лейпциг, 1922), франц. работу *A. Meillet, Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков* (в моем распоряжении немецкий перевод этой книги, Berlin, 1909), *Eduard Sapir, Language* (Нью-Йорк, 1921). В русском переводе имеются сочинения проф. *О. Шрадера, Сравнительное языковедение и первобытная история* (СПБ, 1886) и *Индоевропейцы* (СПБ, 1913). Краткая характеристика не-индоевропейских языков дана проф. *А. Томсоном* в его «Общем языковедении» (Одесса, 1910). О яфетических языках см. статьи академика *Н. Марра* и др. в «Яфетических сборниках» и «Известиях Академии материальной культуры» (Ленинград). Часть этих статей собрана вместе в сборнике «По этапам развития яфетической теории». Изд. Института этнических и национальных культур народов Востока СССР (Ленинград, 1926).

По переселениям см. книгу *А. Геддона, Переселение народов* (П., 1923). В частности по арктическим переселениям см. статью проф. *Б. Г. Богораза, Древние переселения народов в северной Евразии и Америке* (Сборник МАЭ Академии Наук СССР, т. VI, 1926, стр. 37 — 62). Проблема палео-миграции животных на грани третичного и четвертичного периодов разработана в трудах академика *П. Г. Сушкина*, см., например, Зоологические области средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии, и опыт истории современной фауны Палео-арктической Азии (статья в «Бюллет. М. О. Исп. Природы», 1925 г., т. XXXIV, посвященный А. М. Мензбиру). О переселении в мире животных имеется небольшая книга проф. *Фреха, Из жизни ископаемого мира* (пер. П. Ю. Шмидта, СПБ, 1912). В этом сочинении, между прочим, заслуживает внимания карта миграции мамонта в связи с вопросом о расселении людей палеолитического периода. Из последних работ о распределении и движении человечества и человеческих рас в новейшее время отмечу работ} проф. *Гриффита Тэйлора (Grifit Tylor, The Distribution of future, white settlements* («*The Geographical Review*», Нью-Йорк, Июль, 1922).

По материальной культуре укажем классическую работу *V. Iehn'a, Aullurpflanzen und Ilaustierte* (Берлин, 1911), положившую начало научному изучению материальной культуры.

По первобытной экономике можно указать сочинение *Н. И. Зибер*, Очерки первобытной экономической культуры (СПБ, 1899; есть новое издание). Работа Зибер, хотя несколько устаревшая, все же является единственной свободной работой по этому вопросу, — по крайней мере по-русски. Можно указать также новейшую немецкую работу *П. Cunow'a*, *Allgemeine Wirtschaftsgeschichte. f. Handl. Die Vörlscliaft der Natur- und Halbkultivdlker* (Берлин, 1926). Отдельные вопросы первобытной экономики разрабатывал *Карл Бюгер*. См. его Возникновение народного хозяйства, СПБ, 1902 (т. I). Второй том этой работы издан в русском переводе впервые в 1923 году. Из новейших экономико-географических работ, имеющих значение для этногеографа, отметим сочинение *К. Заппера*, Всеобщая экономическая география (перев. с немецк., 1926), *Р. Рейнгарда*, Экономическая география современного мира (перев. с нем., 1927), небольшую книжку *Ф. Моретта*, Мировые рынки сырья (перев. с франц., 1925), и русскую работу *Л. Крубера*, Хозяйство как эксплуатация естественных богатств (Л.-М., 1925).

Обширный этнографический материал читатель найдет у *Georg' a Huscham'a*, *IllustHerte Völkerrkunde*, 3 т.т. 1924 — 25 гг. Недурной сводной работой по этнографии является сочинение *А'йг'а Weule*, *Lei!laden dir Völkerrkunde* (Лейпциг — Вена, 1912; готовится к печати русское издание этой книги). Далее, книга *М. Haberlandt'a*, *Die Völkler Fit zopas und des Orients* (Лейпциг, 1922) является единственной в своем роде этнографией и этногеографией культурных стран Европы и Ближнего Востока.

Проблемам этногеографии уделяет внимание и марксистская социология. См. новейшие работы: *П. Cwvv*, *Die Marxsche Geschiclit-, Gesellschafts-, Staatstheorie*. 1920 — 21 (Г. Кунов, Географическая обстановка, ст. в сборнике «Роль орудия в развитии человека». Порев. под ред. проф. Плотникова (Л., 1925), *Дж. Ф. Хоррабина*, Очерк историко-экономической географии мира (русс. пер., 1924), а также работу *Л. Крживицкого*, Психические расы (Опыт психологии народов), СПБ, 1903.

Для русского читателя, кроме указанных выше книг, можно рекомендовать нижеследующие.

По этногеографии, в частности, по этногеографии России (древней и новой, до конца XIX века): *Д-р А. Соколовский*, Человековедение (перев. под ред. Л. Я. Штериберга, СПБ, 1904), *А. И. Воейков*, Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека (СПБ, 1911), проф. *С. М. Серсдоин*, Историческая география (П., 1916), проф. *М. Любавский*, Древняя русская история до конца XVI в. (М., 1918), *его же*, История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков), М., 1918, проф. *Б. О. Ключевский*, Курс Русской Истории, 5 т.т. (П., 1918).

По материальной и экономической культуре: *Чарльз Дарвин*, Прирученные животные и возделанные растения (собр. соч., т. III, СПБ, 1900), *Г. И. Танфильев*, Очерк географии истории главнейших культурных растений (Одесса, 1923), *Г. Шуц*, История первобытной культуры (СПБ, 1910), *Е. П. Богданов*, Происхождение домашних животных (СПБ, 1923), проф. *К. Келлер*, Происхождение домашних животных (СПБ, 1913), проф. *А. Никольский*, Как получились и получают породы домашних животных (Харьков, 1923), проф. *И. А. Филиппенко*, Происхождение домашних животных (Л., 1924), проф. *К. Довз*,

Экономическая география мира (русск. пер., М., 1924), Г. Леви, Основы экономического могущества Соединенных штатов (перев. с нем., 1924). *Его же*, Основы мирового хозяйства (перев. с рукописи, М., 1924).

Для ознакомления с общей этнографией: Николай Х ар узин, Этнография, 4 т.т., 1900 — 05.—«Народы мира в нравах и обычаях». Сборн. статей (П., 1916). П. К. Никольский, Очерк первобытной культуры, М., 1924. Из классиков этнографии укажем: Эд. Тэйлор. Антропология^ СПб. 1882; есть новое издание), *Его же*, Первобытная культура, 2 т.т. перевод под ред. Коропчевского (СПБ, 1896), Леббок, Начало цивилизации (СПБ, 1896). О. Петель. Народоведение (СПБ, 1890), Г. Спенсер, Основания социологии, 2 т.т. (СПБ, 1898), Л. Морган, Первобытное общество (перев. под ред. проф. Кудрявского, СПб, 1900). Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства (М., 1922). — По отдельным вопросам этнографии см. статьи проф. Л. Штернберга (Л. 111 - г) в *Энциклопедическом Словаре* и *Попом Энциклопедическом Словаре*, изд. Брокгаузом и Ефроном: «Этнография» (ЭС, полутом 81), «Человечество» (ЭС, плт. 76, стр. 487 слл.), «Сравнительное изучение религии» (ЭС, плт. 61, стр. 323 слл.), «Анимизм» (НЭС, II, столб. 857 слл.), «Теротензм» (ЭС, плт. 65, стр. 35*слл.), «Тотемизм» (ЭС, плт. 66, стр. 657 слл.), «Табу» (ЭС, плт. 63, стр. 450 слл.), «Фетишизм» (ЭС, плт. 70, стр. 628 слл.), «Чародейство» (ЭС, плт. 75, стр. 394 слл.), «Фаллический культ» (ЭС, плт. 69, стр. 266 слл.), «Татуирование» (ЭС, плт. 64, стр. 677 слл.), «Теория родового быта» (ЭС, плт. 64, стр. 902 слл.), «Эндогамия и экзогамия» (ЭС, плт. 80, стр. 809 слл.) и др. — См. также статьи Л. Ш-га в *Русской Энциклопедии*: «Групповой брак» (том 6, стр. 335 сл.), «Кузенный брак» (т. 11, стр. 46), «Классификаторская система родства» (т. 10, стр. 137 сл., и др.).

У К Л З А Г Е Л Ь .¹

А.

Авары, 104.
 Авиация, 142.
 Австралийцы, ГО, 73, 78. 147. 151. 187, 194, 2'16, 210.
 Агглютинация крови, см. Расы.
 АгноАикп, 247.
 Айны, 175.
 Акка, 73, 147. 150. 167. 178.
 Алакалуф, 127.
 Албанцы, 30, 43, 156.
 А л с к а м д р (Македонский). 246, 27п.
 Алломаны, 192.
 Алфавит. 205, 228; глосельский алфавит, 206.
 Альбиносы, 154.
 А л ь б у к е р к, 1-10.
 Альфуры, 73.
 Американская раса, 150; см. Индейцы.
 Американцы, белое население Америки, главн. обр. Соеднп. штатов. 152.
 А м у н д с е н, 142.
 Ангарский материк, 108.
 Англичане, 113, 137, 140, 141. 152. 177.
 Англо-саксы, 143.
 Андаманцы, 73.
 Антиномия, 70, 71, 72.
 Антропогеография, 41.
 Антропология, 29, 111.
 Арабы, 193, 195, 223, 262, 272.
 Арктические племена, 106, 206.
 Армяне, 130, 206.
 Ароваки 146, 192.
 Ассимиляция, 72.
 Ассирийцы, 93, 223.

Атлантида (материк), 1"3.

Аргентина, 285.
 Археология, 29. 111.
 Атлуслай, 184.

В.

Баканри, 82, 184.
 Банту, 147, 234, 235.
 Баски, 113. 114, 129, 228.
 Бастарды. 152.
 Башкиры, 43.
 Бедуины, 85. 195.
 Безволосость, 175 — 181.
 Белая раса, 103, 109, 114, 129, 144. 147. 15".
 154, 155, 223. 286, 290.
 Берберы, 229.
 Б с р г, 118, 120.
 Б е р и н г, 161.
 Б л ю м е н б а х, 128.
 Б о а з, 155, 214. 236.
 Болгары, 30.
 Бороро, 168, 183, 185.
 Борьба классов, 289, 290.
 Ботокуды, 60, 62, 70, 73, 170. 174, 178. 183, 185, 187, 210.
 Браманизм, 258.
 Браманисты, 244.
 Брахикефалы, см. Широкоголовые.
 Бретонцы, 131.
 Британцы, 114.
 Бронзовый век, 60, 63, 66, 95. 121.
 Б р о к а, 155.
 Буддизм, 64. 258.
 Буддисты, 214.
 Буры, 87.

¹ Указатель не исчерпывает содержания пшгн.

Буряты, 43, 147, 289.
 Бушан, 59.
 Бушмены, 73, 113, 150, 178, 187.
 Бюхер, 204.

В.

Вавилоняне, 93, 223.
 Васко • да • Гама, 140.
 Вегенер, 102, 103.
 Ведды, 73.
 Век пара и электричества, 65.
 Великорусы, 152.
 Верхарн, 70.
 Витото, 167.
 Вильгельм завоеватель, 143.
 Вишневский, 162.
 Вогулы, 151.
 Возделывание растений, 78, 94, 95.
 Война, 72.
 Вымирание первобытных племен, 163.
 Вырождение в начале культуры, 178.

Г.

Гайда (Haida), 209.
 Галласы, 229.
 Галлы, 113.
 Гюк (Hueck), 214.
 Гельветы, 129.
 Германские языки, 195.
 Германцы, 114, 147, 186, 193, 195.
 Географические условия развития культуры, 38, 43 и др.
 Гетерогенность, 62.
 Гибридность породы «человек», 166.
 Главкизм, 152.
 Голландцы, 77, 121.
 Головной указатель, см. Черепной указатель.
 Гомер, 93, 100, 131, 138, 227.
 Гондвана (материк), 103.
 Гончарное ремесло, 76.
 Город, 266 и след.
 Горные народы, 128 - 130.
 Готтептоты, 150.
 Гош, 195.
 Греки, 30, 199.
 Грикас, 152.
 Грузины, 117, 186.

Гуарани, 214.
 Гунны, 193, 194.
 Гуркасы, 129.

Д.

Дарвин, 29, 33.
 Дельбрюк, 214.
 Деникер, 114.
 Деньги, 99.
 Диалектический метод, 27, 70, 187.
 Длинноголовые, 155.
 Доисторический период, 65.
 Долихокефалы, см. Длинноголовые.
 Дометаллическая эпоха, 62.
 Дравиды, 231.
 Дранков, 30.
 Древние торговые пути, 98.
 Дюбуа, 163, 164.

Е.

Евреи, 90, 155, 156, 196, 198, 199, 223, 224, 244.
 Египтяне, 93, 229.
 Единство человеческого рода, 152, 165, 186.
 Ефименко, 151.

Ж.

Железов, 37.
 Железный век, 60, 65, 66, 95, 121.
 Желтая раса, 109, 130, 144, 148, 150, 289, 290.
 Жилище, 75.

З.

Замбо, 152.
 Заппер, 31.
 Звуковое письмо, 205; см. Язык.
 Земледелие, 66, 71, 79 — 90.
 Зуиал, 41.
 Зыряне, 13, 186, 191.

И.

Иберийцы, 113, 129.
 Иварета, 36.
 Идеал красоты, 117, 147, и след.
 Иероглифы, 205, 233.

Империализм, 36, 291.
 Индейцы, 35, 79, ИЗ, 145, 130, 174, 194, 204.
 Индийцы (индусы), 136, 231, 262.
 Индо-европейцы, 109, 113, 115, 145.
 Инородцы, 36.
 Иохельсон, 145.
 Ислам, 67, 272.
 Испанцы, 139, 140.
 История и исторический метод, 65, 66.
 Итальянцы, 155, 175.

К.

Кабилы, 229.
 К а б р а л ь, 140.
 Каинганги, 36.
 Калмыки, 145, 147.
 Камаспяцы, 190.
 Канада, 285.
 Каннибалы, 136.
 К а н п, 252.
 Карагасы, 43.
 Караибы, 121, 146, 170, 192.
 Карелы, 186.
 К а р л в е л и к и й, 263.
 Картинное письмо, 205.
 Католики, 244.
 Кафры, 117, 150, 178.
 Кафузо, 152.
 Кашубы, 287.
 Кельты, 113, 129, 138, 147, 186, 195.
 К е п п е и, 118.
 К и п л и н г, 294.
 Киргизы, 43.
 Китайцы, 89, 110, 134, 145, 150, 289.
 К л е м м, 32.
 К о з л о в, 256.
 Колонизация, 195 — 197.
 К о л у м б, 139, 140, 290.
 Коинвергентность, 69.
 Конурбации, 282.
 К о р т е с, 139.
 Коряки, 95, 145, 190.
 Креолы, 113, 121, 146, 163,
 Крестовые походы, 273.
 Кроманьонская раса, 164.
 Культкруги, 64, 66, 244, и след.; культ-
 эллипсы, 254, 256; парные реки, 252;
 разрастание и распространение куль-
 туры, 251.

Культперемычки Евразии, 257 — 259.
 Культура, *passim*; определение культуры,
 43; элементы культуры, 45—54.
 Курды, 130.
 К у ш н е р, 33, 34.
 Кьексен-моддинги, 120.

Л.

Падины, 128.
 Ламуты, 97.
 Лангобарды, 195.
 Ландшафты, 118 и след.
 Л а я д г а т е й н е р, 161, 162.
 Ласкары, 136.
 Латвийцы, 114.
 Л е б о и, 51.
 Легенда о Прометее, см. Огонь.
 Ледниковый период, 106.
 Л е й б и н ц, 205.
 Л е й ф, 139.
 Лесные народы, 167, 168, 170.
 Л е х е, 179.
 Ливийцы, 229.
 Лингвистика, 29, 111.
 Литовцы, 114, 147.
 Л о м б р о з о, 179.
 Лопари, 70.
 Л у м г о л ь ц, 81.
 Л у ш а н, 114, 146, 157.

М.

Мавры, 139, 198, 273.
 М а г с л л а и, 120, 140, 290.
 «Магическое бегство», 63, 64.
 Магометанство, 195.
 Малайцы, 111, 121, 134, 145, 146.
 М а л и н о в с к и й (Malinowski), 34, 35.
 М а н и з е р, 36.
 Маньчжуры, 207.
 М а р а н Рене, 298.
 М а р р, 204, 205, 206, 226, 228, 229.
 М а р т и н, 146, 155.
 Масан, 150, 229.
 М а у а л ь (Maull), 32, 253.
 Мезокефалы, см. Среднеголовые.
 М е й е (Meillet), 207.
 Меланизм, 162,

Меланезийцы, 02, 137, КО, 147, 151.

Метисы, 113, 121, 152.

М с ч п к о и. Л., 245, 252.

Миграция, 187 и след.

М и к л у х а - М а к л а и. 34.

Мимикрия, 152.

Мировая война, 291.

Мировые запасы сырья, 277 и след.

Монголы, 85, 88, 111, 145, 147, П13, 258.

Монгольская раса, 11(1, 11(1, 158.

Моногенность, 02.

М о и т с с к ъ е, 38.

Мордва, 13.

Мулаты, 121, 115, 152, 288.

Мусульмане, 30, 244.

Мутация, 07, О'J, 7(1, ISO 182, 185.

М и > л л е р - Л и > р. 33.

Л.

Н а п о л е о н I, 143.

Неандертальская раса, 104.

Негрильйо, негрито, 147, 150.

Негры, 30, 111, 144, МО, 147, 103, 109, 288.

Немая торговля, 99.

Немцы, 20, 197, 287.

Неолит, СО, 00, 73, 95, 98, 120, 121, 200.

Неотроинческий период, 292 и след.

Новгородцы, 191.

Номадизм, 71, 85.

Норвежцы, 77, 121.

Н о р д е н ш е л ь д. Эрланд, 184.

Норманны, 113, 138, 139, 192, 195.

Н у а р е. 203.

Нубийцы, 229.

О.

О г а и о в с к и 11, 158.

Огнеземельцы, 33, 00, 70, 73, 77, 174, 178, 185, 200.

Огонь, 43, 74, 75, 152, 171 -176, легенда о Прометее, 182.

Одежда, 175.

Ойкумена, 122.

Оленеводство, 03, 00, 70, 71, 189, 190.

Она, 33; с.м. Огнеземельцы.

Орошение, 81.

Орудие первобытного человека, 01, 79, 89.

О с б о р н , 150, 170, 184.

Оскорбительные имена, 37.

Оетяки, 43, 151. •

Охота, 00, 73, 77, 78, 80, 208, 209; морская охота, 70, 71, 121.

Очаг, 175.

П.

Палеоазиаты, 108, 113, 189.

Палеолит, 00, 03, 00, 73, 95, 108, 151, 183, 184, 141.

Палеолитический человек, 106, 110.

Папуасы, 137, 147, 151, 175.

Парфяне, 272.

Патагонцы, 17».

Иацифида (материю, Ю2.

П е й к е >, 30.

Пеласги, 2и7, 228.

Переселение, 59; см. Миграция.

Первоначальное накопление, Iю.

Персы, 272.

П е т р I, 205.

Печенеги, 194.

Пигмент, см. Расы.

Пилага, 30.

Письменность, 55, 227, 228; см. Картинное письмо. Звуковое письмо.

Питекантроп (*Pithecanthropus erectiis*). 104, 109, 170.

Полигенность, 02.

Полинезийцы, 103, 134, 130, 137, 140, 178.

Половцы, 193, 194.

Поляки, 29, 120, 287.

Полярная зона, 122.

Поморы, 131.

Португальцы, 139.

Потлач (*potlach*), 100.

Православные, 244.

Нра-малайцы, 103.

Приматы, 103, 107, 169.

Приморские народы, 131, 132 — 144.

Приручение животных, 78, 82, 83, 84, 90 -- 94.

Продвижение культуры на север, 120, 203 и след.

Происхождение человечества, 103 — 186.

Протестантизм, 07.

Протестанты, 244.

Противоречия между данными археологии, антропологии и лингвистики, 112 и след.

Пустыни, 124.

Р.

- Рабы, ОТ, 101.,
 Разделение труда, 73.
 Расы, *rassim*: агглютинация крови, 160 — 162; пигментация 144, 146, 154; раса с этногеография, точки зрения, 286, расовые признаки, 147 и след.; расщепление цвета, 153, 154; расы Европы, 156 — 158; секретины, 160; скала цветов, 145; смещение рас, 303; физиологическое изучение рас, 163; цвет волос, 114—117, 149; цвет глаз, 114; цвет кожи, 144; см. Антропология, Белая раса, Брахицефалы, Гибридность, Главкизм, Головной указатель, Долихоцефалы, Единство человеческого рода, Желтая раса, Замбо, Кафузо, Креолы, Мезоцефалы, Меланизм, Метисы, Мулаты, Стеатопигия, Черная раса.
 Р а с м у с е п, 190.
 Р а т ц е л ь, 41, 59.
 Р е й п г а р д, 39.
 Р е к л ю, 42, 59.
 Религия, 48, 173, 174, 214.
 Ретийцы, 129.
 Р и н е (Rivet), 108.
 Римляне, 138, 195.
 Р и т т е р, 39.
 Родезийский череп, 163, 169.
 Р о л а и Роман, 51.
 Р о л л а, 92.
 Романские языки, 195.
 Романши, 128.
 Русские, 194, 289.
 Рыболовство, 66, 70, 77, 120, 121, 131, 136, 137.

С.

- Саксонцы, 113.
 Самоеды, 43, 127, 146, 151, 189, 190, 191.
 Самоубийства, 36.
 С а п и р (Sapir), 34, 214.
 Сарматы, 195.
 Свайные постройки, 120.
 С в е н - Г е д и п, 256.
 Сербы, 30.
 Сирийцы, 93, 199, 272.
 Сприно, 73, 167.
 Скандинавы, 114; см. Норманны.
 Скифы, 89, 92, 195.
 Скотоводство, 66, 71, 79 — 90, 97, 188, 193.

Распростран. культуры на земле.

- Славяне, 30, 114, 147, 186, 193, 195.
 С м и т Биркет, 190.
 Собаководство, 189.
 Собирательная стадия, 62, 73 — 77, 182.
 Соединенные штаты, 196, 199.
 Сойоты, 43.
 Сомалийцы, 229.
 Социология, 29, 41, 42.
 Средиземноморская зона, 123.
 Среднеголовые, 155.
 С п е н с е р Герберт, 39.
 СССР, 253, 258, 259, 300.
 Стеатопигия, 150 154.

Т.

- Табу, 99.
 Т а м е р л а н, 147.
 Тасманийцы, 60, 73, 147, 151, 194.
 Татары, 43, 130, 193, 195, 258.
 Тахта джи, 114.
 Т е й л о р Гриффит, 282, 285, 286, 294.
 Телеуты, 43.
 Тоба, 36, 211.
 Торговля, 95 — 101, 130, 131, 132, 135, 272; см. Немая торговля.
 Тотем, 83.
 Тотемизм, 88.
 Третичный период, 102, 103, 108.
 Тропическая зона, 125.
 Тропический период жизни человечества, 166, 169, 261.
 Трофен, 72.
 Труд, 44.
 Туареги, 85, 178 262.
 Тунгусы, 13, 86, 145, 178, 194, 289.
 Туркестанская впадина, 109.
 Турки, 30, 110, 151, 258, 273, 289.
 Туркмены, 43.

У.

- У л с п г у т, 161.
 Умеренная зона, 123.
 У р а л о - а л т а й ц ы, 108, 110, 157, 231.
 Условия развития культуры первоб. на-
 родов, 37, 38.
 У э л л с, 69.

Ф.

- Феллахи, 195, 262.
 Фиджийцы, 151, 175.

Филистимляне, 93, 207.
 Финикияне, 138, 223.
 Финляндцы, 114, 151.
 Финны, 110, 151, 157, 186, 194, 289.
 Фишберг, 155.
 Фишер, 146.
 Французы, ИЗ.
 Фриульцы, 328.
 Фробениус, 172.

Х.

Хакасы, 43.
 Хамиты, 129, 151.
 Христианство, 64, 66, 67, 195, 258.

Ц.

Цезарь, 263.

Ч.

Черемисы, 43.
 Черепной указатель, 155.
 Черкесы, 147.
 Черная раса, 144, 150, 154, 286.
 Четвертичный период, 103.
 Чеченцы, 147.
 Чингиз-Хан, 147.
 Чуванцы, 77, 190.
 Чуваша, 43.
 Чукчи, 43, 62, 70, 74, 85, 95 — 98, 117, 146, 185, 188, 190, 191, 212.

Т.

Шаманисты, 244.
 Широкоголовые, 155.
 Шлимап, 227.
 Шокальский, 158.
 Шотландцы, 77, 178.
 Шгейненфоп-ден, 82-, 184.
 Штейталь, 213*

Э.

Эванс, 227.
 Эволюция, 67, 68, 70.
 Эдигер, 179.
 Экваториальная зона, 125.
 Экономика земли, 274 и след.
 Эллинизм, 270.
 Эллипство, 270, 272.
 Эллины, 93, 137, 138.
 Эль-Кано, 290.

Эндруз, 184, 187.
 Эолит, 60, 106.
 Эрик Красный, 139.
 Эскимосы, 97, 98, 106, 108, ИЗ, 127, 132 — 134, 146, 170, 185, 188, 190, 191.
 Эсты, 114, 151.
 Этногеография, *passim*; определение науки 41, 42, 65.
 Этнография, 43, 54, 58.
 Этруски, 228.

Ю.

Югра, 191.
 Юкагиры, 43, 77, 97, 178, 190, 191.

Я.

Яванцы, 262.
 Язык, 179, 180, 200 — 244; агглютинирующие языки, 230, 231; английский язык, 203; гармония гласных, 230, 237; гибридность языков, 206, 207; дравидические языки, 243; индо-европейские языки, 207, 208, 215 и след., 238 — 241; инкорпорирующие языки, 236 и след., 244; китайский язык, 203; коларийские языки, 244; корейский язык, 243; малайские языки, 235, 243; междометия, 201; односложные языки, 232 и след., 243; отвлеченные понятия в первоб. языках, 209; палеоазиатские языки, 244; прародина индо-европейцев, 222; происхождение языка, 48, 201, 203, 204; семитические языки, 213, 223, 241; система счисления у разных племен, 210 и след., урало-алтайские языки, 230 и след., 242; флектирующие языки, 225; хамитические языки, 223, 229, 242; центры происх. индо-европ. и урало-алт. языков, 186, 187; чукотский язык, 33, 208; язык жестов, 33, 204, 205; язык первоб. человека, 35, 215; язык у животных, 33; языки банту и бунда, 234, 235; языки внутренней Африки, 243; лионский язык, 243; яфетические языки, 223, 226, 242; см. Алфавит, Звуковое письмо.
 Якуты, 43, 150, 194.
 Японцы, 134, 135, 137, 145.
 Яфетиды, 129, 226, 228, 229.
 Яфетическая теория, 206.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
34	29 сверху	малайцев	меланезийцев
41	1, снизу	, человек	, «человек»,
45	в прим.	1920	190S
49	2, сверху	зори	зари
63	22, сверху	всеболее	всс более
71	3, снизу	и т. д. «У...	и т. д.» У...
184	в прим.	Эндрью	Эндрьюс
261	18, снизу	на стр. 248-9	на стр. 245 и 247.

